

НОВЫЕ
ГЕРОИ

НОВЫЕ
ГЕРОИ

НАШ ЧЕЛОВЕК
В ПАРАЛЛЕЛЬНОМ МИРЕ

Сергей
Калашников

ЧЕТВЕРТАЯ ДОЧЬ
ИМПЕРАТОРА

СЕРГЕЙ КАЛАШНИКОВ

ЧЕТВЕРТАЯ ДОЧЬ
ИМПЕРАТОРА

НОВЫЕ ГЕРОИ

СЕРГЕЙ КАЛАШНИКОВ

ЧЕТВЕРТАЯ ДОЧЬ ИМПЕРАТОРА

**ЭКСМО
МОСКВА
2010**

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
К 17

Оформление серии *А. Матвеева*

Серия основана в 2010 г.

Иллюстрация на переплете *Е. Деко*

Калашников С.

К 17 Четвертая дочь императора / Сергей Калашников. — М. : Эксмо, 2010. — 480 с.

ISBN 978-5-699-42825-0

В городском парке студент Георгий Куксин заблудился по вполне банальной причине — с перепоею. Однако на этом банальности закончились. Потому что он очутился в Посейдонии. В параллельном мире. В котором совсем нет электричества, потому что неправильная физика. Зато там есть неправильная Империя, неправильный император (и такая же монаршая семейка), неправильный порядок, больше похожий на коммунизм, и неправильная война, в которой Куксе, как обзовут Гошку на флоте, предстоит стать неправильным героем... И кто сказал, что все это ему не понравится? С самой первой минуты и с самой первой встречи. И кажется, на всю оставшуюся жизнь...

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-42825-0

© Калашников С., 2010
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2010

ГЛАВА 1

Отродясь в этой части парка не было никакой железной дороги. А тут поблескивают в свете луны рельсы, и меж них поверх шпал вдоль пути проложена узкая дощатая дорожка. Напрасно он пошел на день рождения к Светке. И уж совсем зря столько выпил. Опять же луна какая-то неправильная. Не те пятна и цвет впрозелень. Забрел невесть куда, пьянь трамвайная! Опять же фонарик сломался. Вроде не ронял.

Гошка чувствовал себя отвратительно: все тело ломит, в глотке пустыня Сахара, в ушах звон, перед глазами мельтешит. Повернулся спиной к ночному светилу и побрел. Если он не ошибается, станция в этой стороне, и до утра уже недалеко. А там — доберется домой на автобусе.

Точно, пять минут ходьбы, и впереди показались строения. Тусклый фонарь около путей, кирпичная коробка с остеклением во весь первый этаж, дорожки, выложенные каменной плиткой. Аккуратненько все так, вроде как и не в России. За стеклами пустой зал столовой, официантка хлопочет, только электричества нет. Несколько огоньков, закрепленных на стенах, дают ровное неяркое освещение. Ужасно хочется пить. И дверь не заперта.

— Здравствуйте! Напоите бедного заблудшего.

— Привет! — Официантка молоденькая, совсем еще ребенок, смотрит на Гошку с интересом. — И напою, и накормлю. Садись вот сюда.

Указанное место расположено удобно. В уголке, лицом к залу. Снял со спины рюкзачок и устроился. Столы и лавки здесь из толстых досок, но как-то все комфортно и пропорционально. Или это кажется после ночи хмельных блужданий? А вот и кружка. Квас. Блаженство!

Девчонка принесла миску плова и два разрезанных вдоль свежих огурца. Посолил, потер половинки друг о друга, и за работу. Хорошо. И избыточная с виду порция оказалась в самый раз. Теперь чай. Смородиновый лист заварен, но крепко. Сразу почувствовал себя лучше.

— Ты посиди полчаса, умойся, только свечу с собой захвати. — Девушка подает фарфоровое блюдечко с ручкой и установленным в поясок огарком. — А тем временем пельмешки сварятся, и Филя апельсинового сока надавит.

— Полагаешь, в меня еще что-то войдет? После такой горы?

— Точно знаю.

— А почему у вас нет света? Авария?

— Электричества здесь никогда не было. А ты давай, дуй на горшок, пока до греха не дошло.

Смутившись от такой проницательности этой совсем молоденькой девчушки, Гошка отправился, куда было предписано. Оно и, правда, было нужно.

Вернувшись, обнаружил, что в столовой появились посетители. Официантки, ничего не спрашивая, расставляли перед ними тарелки с едой и разносили кружки с напитками. За окнами начинало светать, и люди быстро наполняли обеденный зал. Впрочем, задерживались они ненадолго. Съев свою порцию и запив ее кофе (запах выдал), выходили на улицу и собирались у железной дороги. Вскоре столовая снова опустела, а по рельсам подкатил вагон, запряженный лошастью. Народ загрузился и уехал в ту сторону, откуда час назад приковылял Гошка.

Переведя взгляд на потолок, он убедился, что ника-

ких признаков электроосветительных приборов здесь нет, а огоньки на стенах пристроены капитально и горят ровным бесчадным пламенем. Куда это его занесло?

Девушка подала тарелку пельменей и прямо у него на глазах обильно полила их сметаной из соусника. Протянула вилку.

— Наваливайся.

Действительно, хорошо пошло, да под апельсиновый сок. В неспешном таком ровном темпе смолотил все за милую душу. И снова самочувствие стало лучше.

— погоди, сейчас накормим формовщиков, и салатик мясной тебе принесу, а потом какао.

— А можно кофе?

— Даже не проси. Только после карантина.

— Какого такого карантина? С чего это вдруг?

— Ты ведь с Земли. А это Посейдония. Так что неделю тебе предстоит поскучать в карантинном блоке здешнего околотка. Как раз через час откроется. Мы школьников покормим, и тут дядя Пинчук придет завтракать, вот с ним и отправишься. Потом тебя фельдшер осмотрит, запишут данные — и на отсидку. Поскучаешь неделю — и свободен.

— Какая Посейдония! Какая отсидка! Мне через... — Гошка посмотрел на часы. Секундная стрелка стояла... — пару часов на занятия. Лабораторная у нас по импульсной технике.

— Ну, ты и тормоз! Не слыхал, что ли, что в городском парке вашего города пропадают люди. Обычно нетрезвые. Вот и ты пропал. Навсегда. Бесследно. И оказался ты совсем на другой планете. Наши ученые полагают, что это даже в другой Вселенной. В смысле не от вашего Большого Взрыва. Потому что у нас есть отличия в физических законах. Что, думаешь, мы свечами да масляными лампами освещаемся оттого, что электричества

боимся? Дудки, не боимся, а найти не можем. Вроде как нет его здесь.

— Так не бывает. Электрические силы задействованы в строении материи. Если электроны не будут притягиваться к атомным ядрам — миру труба. Все развалится. А пельмешки у вас нисколько не разварились. Так что не вешай мне лапшу на уши, чудное дитя. Ну, может, какие константы и имеют немного другие величины, но чтобы фундаментальное свойство материи совсем отсутствовало — это просто розыгрыш.

— Не хочешь, не верь. — Девчонка, похоже, не вполне догнала, но название «дитя» ей не понравилось. — А лапша у нас действительно неважная. Пшеничная мука не в изобилии, а из ржаной ничего путного не выходит.

Гошка посмотрел на официантку. Вот ведь какова, bestия! Он только что потерял целый мир, ему впору биться в истерике, а она заставила его думать о физических проблемах и сожалеть об отсутствии пшеничной муки. Психологически безупречно построив диалог.

— Тебя как зовут, проводница в неведомый мир?

— Ри.

— Игорь. Или Гоша, как понравится.

— Игорь лучше. Ну ладно, посиди пока, школьники уже потянулись, да и народ с керамического собирается.

Ри вместе с напарницей, тоже не старой, но уже и не девчонкой, сноровисто потчевали завтраком приходящий народ. На Гошку едоки поглядывали с интересом, но знакомиться не пытались. Он тем временем умял огромный салат, состоящий наполовину из мелко крошенного мяса. Запил какао из объемистой кружки. Да, неслабо кормят здесь, на Посейдонии. И как в него это все влезает?

Потом еще был изрядный пласт холодца с хреном под томатный сок и шоколадные пирожные в форме картошек под горячий чай. Организм среагировал адек-

ватно и неоднократно. И литровая вазочка малинового желе тоже была усвоена совершенно нормальным образом.

«Они тут, часом, не на убой ли пришельцев откармливают?» — подумалось в сытом осоловлении. Тот факт, что он действительно попал в другой мир, сомнений у него не вызывал. Масса мелких деталей указывала на то, что это не розыгрыш. Все одеты в некое подобие формы. Впечатление, что в спецодежду. Нет, не одинаковую, но часто повторяющиеся варианты. И ткань. Прочная, немнущаяся, немарких цветов. На ногах ботинки «прощай молодость» или закрытые туфли на короткой шнуровке. Удобные, практичные, долговечные.

Правда, сережки или перстеньки у женщин — в порядке вещей. И руки ухоженные, хотя длинных ногтей или цветного лака отметить не удалось. В негромком гомоне обеденного зала и среди приветственных жестов чувствуется обыкновенность, устоявшийся ритуал. Народ расплачивается, в основном, талонами. Редко — деньгами. Купюры и монетки ничем не примечательны, но и не совпадают с его российскими. Впрочем, было несколько моментов, когда клиент забыл взять с собой кошелек. Рассосалось без конфликта. За кого-то расплатился знакомый, кому-то поверили в долг. И вообще, тут все друг друга знают.

Меню на тюремное непохоже. Каши манная и овсяная. К кофе — кусочек хлеба, намазанный маслом с пластиночкой сыра. Детворе что-то из вареных яиц с соусом. Метут, аж за ушами трещит. Нескольких женщин кормят похлебкой из глубоких чаш. Запах — полмира за ложечку.

Еще трижды запряженный лошадкой вагончик увозил группы насытившихся взрослых. Детвора дошкольного возраста, оставив на столах половину несъеден-

ным, пешим ходом проследовала куда-то за угол. В столовой осталось не более десяти посетителей.

— Здравствуй, Игорь. Я Пинчук, околоточный. — При взгляде на этого мужчину сразу становилось ясно, что он именно Пинчук. И не иначе как околоточный. — Айда со мной, в карантин устраиваться. Тут вот Ри тебе с собой собрала, чтобы ты не скучал до обеда. — В его руках была неслабого размера полотняная сумочка с явно твердыми предметами внутри. Типа кастрюлек.

ГЛАВА 2

Карантинный блок оказался комнатой площадью метров двенадцати с койкой, столом, табуреткой и стеллажом с книгами. Одна дверь из него вела в приемную, где располагался стол околоточного, вторая — в совмещенный санузел, оборудованный ванной и титаном. Дровишки здесь же. Запоры на дверях отсутствуют.

Разжигая огонь в топке, Гошка поинтересовался:

— Не бойтесь, что сбегу?

— Некуда тебе бежать. Да и для здоровья опасно. У тебя сейчас весь организм в шоке. Раньше чем за неделю не оклемаешься. Пока твоя забота есть, пить и гадить. Так что действуй. — Пинчук закрыл дверцу печурки и прислушался к гудению пламени. — Мойся негорячей водой, не распаривайся. А потом сразу за еду. Молоко-то твой организм как? Усваивает?

— Вполне. Только не люблю.

— Ну, на недельку про эту нелюбовь лучше забыть. Молоко твои шансы сильно повышает. Уж поверь, ты не первый здесь такой.

— И часто тут пришельцы с Земли появляются?

— Ты восьмой на моей памяти. Это лет за пятнадцать. Правда, погиб у меня только один. Пятый по счету. Фельд-

шер считает, что у него вообще шансов не было — хронический алканавт с букетом нелеченых хворей. Все кричал, что обманывают его все и обидеть пытаются. — Пинчук замолчал на секунду. Видно, вспомнилось. — А у тебя шансы нормальные. Ри полагает, что ты до нее добрался не более чем через полчаса после того, как здесь появился. Может статься; что совсем себе здоровье вернешь.

Пока грелась вода, Гошка отдал должное супу. Овощи и картошечка в наваристом бульоне с чем-то духовитым. Потом бутылка молока прямо из горлышка. Вымылся, постирался, облачился в местную одежду. Удобная, хотя если с точки зрения высокой эстетики, пожалуй, больше похожа на робу. Потом пришел фельдшер. Слушал, щупал, заглядывал в разные места, проверял рефлексy. И тут стало ясно, что не все свои функции организм выполняет. Во всяком случае, для женщин Гошка особого интереса теперь не представляет. Ну, только если поговорить... Еще эскулап взял анализы и велел не слишком много двигаться. Только в пределах необходимого. А потом горка творога с медом и баклажка кефира. И на боковую.

* * *

Вопросник ему дал все тот же Пинчук. Бумага и ручка с чернильницей нашлись на стеллаже. Вообще прикольно писать, такая перо в баночку. Не сразу приловчился. Отвечая на вопросы, описал всю свою жизнь. Что видел и слышал. Какие на Земле государства, кто у власти. Про международные организации, про полеты в космос и загрязнение среды. О проблемах с природными ресурсами и ростом населения. Какие источники энергии для чего используют. Про двигатели, корабли, самолеты, автомобили и метро.

Прочитав «Памятку пришельцу», специально составленную для таких, как он, узнал, что расположение Посейдонии относительно Земли не определено. Известно только, что она не в Млечном Пути. Материки здесь размером с Гренландию и их полтора десятка. Много крупных островов и очень много мелких. Сплошные архипелаги и островные цепи.

Растения, животные и люди сюда попали с Земли и попадают до сих пор. Мест, где это случается, известно сотни, но переносы не подчиняются никаким закономерностям. Да и само место, где появляется пришелец или иной объект с Земли, не локализуется. Определяется район с погрешностью в десяток километров. Если построить в этой зоне искусственное сооружение — домик поставить или дорогу проложить — появление землян может и совсем прекратиться. Сходная история и на другой стороне этой непонятной транспортной системы. Только там могут прекратиться исчезновения, хотя и не обязательно. Про случаи переноса отсюда на Землю никаких сведений нет.

Кстати, немало вопросов в брошюрке касалось мест на Земле, в которых Гошка никогда не бывал. Вероятно, здешние ученые установили из опроса пришельцев районы, откуда «извлекаются» земляне, и интересуются, не началась ли там бурная хозяйственная деятельность, угрожающая работе переносящей силы. По всему выходило, что появление пришельцев здесь — событие ординарное и принимаемое в расчет.

На планете нет общего языка. Люди из одних и тех же стран попадают примерно в одни и те же местности, со своими обычаями и речью. И это происходит на памяти здешнего человечества уже не первое тысячелетие. Так что в разных местах сложились этносы разных культур и корней. И, соответственно, свои государства, языки, уклады.

Гошка прибыл на остров Ендрик, входящий в состав Русской империи, сформировавшейся преимущественно из выходцев с территории от Карпат до Урала и между Белым и Черным морями. К своим попал. С языком проблем не будет. Пушкина здесь читают. Вообще, книги и даже учебники и справочники с Земли доставлялись сюда не раз в вещах перенесенных людей.

К попадающей из колыбели человечества информации здесь относятся внимательно. Техника на Посейдопии вообще развивалась во многом вслед за достижениями материнской планеты. Копирование принципов приводило к сходным результатам. Однако на этом пути уже наметился предел. В области электричества. Здесь даже волосы к расческе не прилипают. Лепестки электрометров висят, и гальванических эффектов не обнаруживается. Местным Амперам и Вольтам не к чему приложить пытливые умы.

К слову сказать, сюда ведь попадают отнюдь не великие ученые или знаменитые изобретатели. Обычные люди, забредшие в уединенные места. Обыватели. Так что техническая информация собирается по крупицам. И любые неточности, сообщенные прибывшими, стоят здешним специалистам немалых трудов. В общем, отвечая на вопросы, Гошка честно изложил все, известное ему о принципах построения турбовинтовых и турбореактивных двигателей, двигателей внутреннего сгорания и дизелей, паровых турбин и гидравлических приводов. Нет, это не его специальность. Он учился на вычтехе. Но технические журналы уважал, как все мальчишки. Многое в памяти осталось.

Не скрыл он и своих познаний в области вооружений. Уж про всякие стрелялки читал немало. Конечно, сумеет он оживить свой надежно молчащий нетбук, где на жестком диске гигабайты информации, да горсть флэшек и дискариков в придачу, это был бы крутой инфор-

мационный прорыв. Но электрика здесь действительно не работала. Ни фонарик с динамкой, ни часы, ни компактный компьютер.

Дядя Пинчук паковал листы с его написаниями в серьезные пакеты и отправлял с конным фельдъегерем. Так за писаниной и промелькнула неделя. Учебники здешней истории и географии, а также подшивка газет за последний год тоже были увлекательны и времени потребовали немало. Это при семиразовом обильном питании и ежедневных медосмотрах.

Начиная с четвертого дня его еще и в бане парили, да поили каким-то кислым питьем. Говорили, чтобы ускорить обмен веществ. Интересно, зачем так изысканно выражаться? Он уже давно понял, что в еду ему подмешивают слабительное, а в питье — мочегонное. И так весь организм работает, как одна прямая труба. Осталось предположить, что для потливости. Похоже.

А жизнь поселка текла своим чередом. К околоточному приходили жители жаловаться на незакрывающийся кран, не уходящую в раковину воду, треснувшую форточку или слетевшую с петель дверь. Разбираться с этими вопросами отправлялись дворники, которых в подчинении у Пинчука было трое. Здесь же за столом в соседней комнате было оформлено завещание, принят на работу новый лесничий, оформлено несколько десятков заявок... жизнь текла. Приходили и уходили люди, доставлялись и забирались документы.

Наконец фельдшер сообщил, что Гошкино состояние вполне позволяет ему жить до самой смерти, а околоточный Пинчук разложил на столе целый пасьянс листовок по части будущей профорientации. Хочешь — в дворники иди, хочешь — учись на врача. Да кругом народ требуется... Пока проходил карантин, тут с десятков человек из местных жителей брали направления в разные места.

Вообще-то Гошка ожидал, что за ним прибудет конвой, или, на худой конец — сопровождающий, чтобы переправить его в место, где такие, как он, «пришельцы» живут компактно и делятся своими уникальными познаниями с представителями администрации, учеными, конструкторами. А оно вот как выходит! Иди и живи! Как все. Даже обидно слегка.

Попросился в учебку, чтобы выучиться на сигнальщика-рулевого. Империя сейчас воюет с риканами. И все больше на море. Так что военные моряки в почете. А если война закончится, с такой специальностью без работы он не останется. Труд моряка на Посейдонии востребован. Кстати, если потянет, так и на капитана можно экзамен держать. И вообще, попав в чужой мир, ему прежде всего захотелось не остаться с ним один на один, а примкнуть к некой общности, где хотя бы гарантированно напоят и накормят. В свободный полет не тянуло.

Он здесь один, свободен от любых долгов и обязанностей, ничем и никем не ограничен. Оно, конечно, в военном флоте могут и ухлопать, однако рассудил, что терять ему особо нечего, а цепляться так уж сильно за жизнь в этом примитивном мире резону особого нет. На Земле хоть интересно было. Друзья, ради форсу перед которыми нужно было денег заработать. Родители, ждущие внуков. Светка, наконец. Вертихвостка! Он только теперь сообразил, что она его нарочно дразнила, оказывая знаки внимания Димону. Хотела подтолкнуть, чтобы Гошка ее поскорее замуж позвал. А он, идиот, надрался и пропал.

Получив направление, зашел в столовую, попрощаться с Ри. Она его первая приветила, да и корм носила — пальчики оближешь. Однако не застал. Уехала девушка. Сменщица еще странно так сказала, мол, кончилось ее послушание. Ну да ладно, он со временем здесь во всем разберется. Непонятки еще не раз встретятся.

Напоследок, пока поджидал конный вагончик до станции, обошел поселение. Железная дорога делила его пополам. Восемь рядов по шесть невыразительных двухэтажных кирпичных домов, в каждом по четыре подъезда. Судя по нумерации — в каждом подъезде живет одна семья. Крыши двускатные, фронтоны — продолжение стен.

В первых этажах в сторону, обращенную к железной дороге — столовая, околоток, магазины и фельдшерский пункт. Рельсы в этом месте выглядят как трамвайные пути, поскольку все выстелено каменной плиткой. Но не только конные вагончики здесь проезжают. Два три раза в день паровоз неторопливо протаскивает грузовой состав. На окраине расположены детский сад и школа. Сразу за ними начинается лес. Впечатление скучной такой аккуратности. Все ровненько, ладненько и невыразительно. На окраине у путей указатель: Казармы Формовщиков. Воистину казармы.

ГЛАВА 3

Дядя Пинчук не напрасно его отговаривал от поступления на флот. Вступительный экзамен в учебку оказался непрост. Ну, там математику и физику — это легко. Все то же, что дома, только без электричества. А вот химию он подзабыл за четыре года после школы. Хорошо хоть, сидя в карантине, полистал местный учебник, ну так, чисто для сравнения. То, что помнил, от известной на Земле картины не отличалось. Щелочи, кислоты, соли... Справился, с грехом пополам.

Но на нормативах по физподготовке ему пришлось несладко. Неделя обжорства дала о себе знать. Выкладывался по полной, хотя ничего особенного от него не требовалось. Стометровка, отжимания, подтягивание. Да уж.

А потом казарма, учеба, телеграф флажковый, семафорный, световой. Навигационные знаки, маяки, судовождение, устройство рулевых механизмов. Гребля и маломерные парусные суда. Для студента четвертого курса технического вуза ничего сложного, но материала много. Расслабляться некогда. Хотя наставления по артиллерийскому и минному делу тоже успел прочитать. И про судовой двигатель, с огромным интересом. Это же классическая паровая машина тройного расширения. В общем, при выпуске легко мог сдать экзамены за все специальности учебки, но не стал. Нет причины. Так что через полгода получил погоны матроса и направление на номерной миноносец рулевым-сигнальщиком.

* * *

Кораблик ему не понравился. Узкий и длинный, с вертикальными бортами и штевнями, чем напоминал старинный угольный утюг. Надстройка, сплюснутая с боков вертикальная труба, создавала впечатление, что это — подводная лодка. Еще две дымовые трубы и две одноорудийные башни на носу и корме. Эти низкие, по пояс, башни перегораживали палубу полностью, краями даже почти свешиваясь за борт, форма — шестигранник с наклоном стенок на конус. Так что на бак и на ют проникнуть можно было только из-под палубы. В центральной части возле труб и рубки узкий проход огорожен хлипкими с виду леерами, так что лучше спуститься в стальную утробу миноносца, если надо пройти с носа на корму или наоборот. Практически все продольные перемещения — по проходам в чреве кораблика. Крошечная посудинка, тонн триста без малого. Или с лихвой, он в паспорт не заглядывал.

Торпедные аппараты подводные, в носу. Две штуки. Словно у подводной лодки. Зарядить их можно только в

порту, так что запасных торпед нет. А прицеливание осуществляется поворотом корпуса миноносца.

Котлы и машины, поставленные в одну линию, наполняли все внутреннее пространство, оставляя для перемещения людей узкие щели. Ни кают, ни кубриков. Койки между труб, над проходами или под трапами. Явно выделены только штурманская, расположенная под ходовой рубкой, и камбуз. Фельдшерская напоминала стенной шкаф, капитанская каюта оказалась еще тесней. Мостик — огороженная площадка на крыше надстройки. Обычно там дежурит пара сигнальщиков.

Корпус сварен из листов трехсантиметровой стали и разделен водонепроницаемыми переборками. Куда бы ни шел — сплошные герметичные двери с рычагами. Чисто, мрачно, тесно и сквозняки от прекрасно налаженной вентиляции. Главное украшение интерьера — великолепно выполненные сварные швы.

Боцман выдал сплошной комбинезон из прочной, почти брезентовой материи и с отстегивающейся задницей, шлем с ребристыми амортизаторами, налокотники, наколенники, наплечники и перчатки без пальцев, но с подушкой на тыльной стороне кисти. И тридцать комплектов нательного белья из фланелевых кальсон и рубашек с длинным рукавом. Столько же пар носков. «Как в танке», — подумал Гошка.

Фельдшер научил мыться «по-семисотовски». В тесном теплом закутке только и хватало места, чтобы раздеться, обтереться мыльным раствором и ополоснуться теплой водой. Ежедневно и очень экономно. А главное, быстро. График один для всего экипажа. И надеть свежее белье. «Как на космическом корабле», — такая вот мысль в голову пришла. Стрижка еженедельно под ноль машинкой с пневмоприводом, причем борода снимается тоже. Бритье не приветствуется. За специфический

внешний вид моряков с миноносцев семисотой серии называют ежиками.

Корабль невелик, экипаж мал. По боевому расписанию несколько сигнальщиков и кочегаров уходят на подноску снарядов, а два матроса машинной команды включаются в работу торпедистов. И в походном расписании на три вахты людей хватает по минимуму. Вопросы проведения досуга перед моряками не стоят. Тем более что в портах миноносец задерживается только для погрузки угля. Хотя нередко его принимают и прямо в море с других судов. В обоих случаях — аврал с полной занятостью для всех.

Спать приходилось не раздеваясь. Шнуровку на ботинках ослабляли да снимали шлемы, и все. Плавание в узких местах среди островов напрягало сигнальщиков неимоверно. Пеленги и дальности, обмен позывными с береговыми постами — первые месяцы службы держали Гошку в состоянии растянутой пружины. Случалось — плоховал, получал фитиля, но без воплей или мордобоя. Однако помогали ему крепко. Тут вообще народ замечательный, как в семье себя чувствуешь. Правда, смущает повальный патриотизм и влюбленность в императора. Причем не на словах. Вкалывают как папы Карло, словно для самих себя стараются. Так к Гошке, пожалуй, одни родители относились, как эти ребята к своему кораблю. По себе отметил, что начал помаленьку этим же заниматься.

А вот мысль об абсолютной монархии его коробила. Тем более — об империи, то есть государстве, собранном присоединением соседних земель. Впрочем, раз другие живут, ему-то чего переживать? Знал, конечно, что имя самодержца Игорь Алексеевич Гудков. Императрица — Ксения Михайловна. И что у них одни дочери. Причем много, штук пять. Портретов августейшего семейства ему не встречалось. Не в обычае здесь было кар-

тинки по стенам развешивать. В газетах тоже как-то не попало, а специально не интересовался.

Зато одобрительные высказывания в адрес монарха от сослуживцев слышать приходилось. Да и неодобрительные, бывало. Но без сердца, скорее с сочувствием, чем в укор. Оно и понятно, всегда при хозяине жили. И намерены продолжать. Демократические идеи упоминались, когда речь шла про границу, но при этом тоже эмоций не проявлялось. Ну, так, за что-то ругнут, за что-то похвалят. В общем, о политике никто всерьез не рассуждает, хотя и не тупят.

ГЛАВА 4

В основном миноносцы их дивизиона возили пакеты с приказами и докладами. На побегушках служили. Гошка предполагал, что такое интенсивное плавание на максимальных скоростях приведет к быстрому расходованию ресурса котлов и паровых машин. И, как следствие, к ремонту на берегу. Хоть отдохнул бы. Не тут-то было. Имперские механикусы знали толк в металлах. Легированные стали, добротные сплавы, сварка, высокая точность изготовления — и поломки механизмов становятся редкостью. Похоже, и прочнисты здесь на высоте, и конструкторы неслабые. Да и рабочие дело свое знают.

Собственно, он и на себе уже успел ощутить, что ему нравится хорошо делать свое дело. Когда нормально организовано, всего хватает и в любой момент ясно, что немедленно, а что — погода, так оно и делается с удовольствием. Без головной боли и сомнений.

Боевые тревоги случались, но обходилось без соприкосновения с противником. Обнаруженный сигнальщиками корабль оказывался своим. А в паре случа-

ев просто удрали от неприятеля. Их задача — доставить депеши. А скорость сорок пять километров в час немногие корабли способны развить. Вернее — никакие, кроме миноносцев. Хотя их семьсот второй самым быстройходным не считался. Говорят, есть несколько крейсеров, способных давать такой же ход, но, кажется, ненадолго.

Были и учения. Комендоры хорошо сработали. Длинноствольные стомиллиметровые пушки размолотили щиты и с трех, и с четырех километров. Даже с пяти было уверенное накрытие цели. Кораблик их, хоть и мал, но волна его валяет умеренно. Как-то там с остойчивостью удачно получилось, осадка приличная, надводный борт низкий, а центр тяжести размещен, где надо. И гидравлические стабилизаторы орудийного ствола довольно эффективны. Гошка когда тренировался на подмену наводчика, почувствовал, что при волне до двух баллов даже он может один раз из трех выпалить удачно. А если поднабраться опыта, да навыки наработать, так можно вообще не промахиваться до расстояний, где рассеяние снарядов превысит размер мишени. Только бы дистанцию дали верную.

А вот пуски торпед откровенно разочаровали. Дизели ни у кого на планете пока не получились, для обычных двигателей внутреннего сгорания нет электричества, чтобы свечами топливо в цилиндре запалить. А запас сжатого воздуха, которым через поршневую машину приводят в действие винты, дает запас хода всего в пару километров. Это при том, что сама торпеда — газовый баллон с моторчиком. Хотя заряд неслабый, попасть в цель почти нереально. Только в идеальных условиях. Причем пуски необходимо делать на малом ходу, иначе есть шанс догнать и «растоптать». Скорость у этих самоходных мин так себе. Даже транспорты бывают шустрее.

* * *

Очередной выход в море не сулил ничего необычного. Почта, приказы, пара фельдъегерей. Угольные бункеры полны, по расчету должно хватить в оба конца. На крейсерской скорости проскочили море Гунька, достигли островов того же имени и вошли в проливы. Путь сильно сокращается, но плавать здесь непросто. При водоизмещении свыше тысячи тонн сюда лучше вообще не соваться. И не в осадке дело, глубины большие. Фарватеры узки и извилисты. И если длина корпуса хотя бы сто метров, можно влететь в берег одновременно носом и кормой одним бортом, а миделем — другим.

Правда, проходов много. Целый лабиринт. Если летом в солнечную погоду на катере — красота неопишемая. Но весной в потемках на миноносце... Двойной комплект сигнальщиков, прожектора, подвахтенные одеты и не спят.

Гошка на своей койке, что под трапом, ведущим на палубу сразу за рубкой. Тут не бывает спокойно. С мостика и на мостик, на камбуз, в подшкиперскую кладовую. Пары минут не проходит — шаги по железу. Время суток значения не имеет, если корабль в походе. Ему это место досталось как салабону. Он здесь самый молодой.

Резкие звуки наверху, похожие на отдаленные пушечные выстрелы, хлопки, звон металла, словно горохом в ведро. И ничего. Вибрации корпуса доносят ровный звук двигателей, работающих малым ходом. Приказов нет, но впечатление, что по ним врезали то ли картечью, то ли шрапнелью. Быстро наверх! Темнота рассеяна пламенем горячего, разлившегося из прожектора и выплеснувшегося на наружную стенку рубки. Побоище. И командир, и старпом, и сигнальщики лежат без движения, рулевой повис на штурвале, заклинив его. Вокруг ничего не разглядеть.

Первая реакция — остановить движение. Обе ручки машинного телеграфа на «полный назад», и тут справа за кормой вспышка выстрела. Головой вперед за тумбу рулевого колеса. Новая порция металлических шариков хлещет по надстройкам, по плечу, по ноге и голове. Вроде не насмерть, но больно. Ударили из двух стволов, калибр — миллиметров полтора, потому заряжают не быстро. С полминуты у него, наверное, есть.

Переговорные трубы снесены, тело рулевого, принявшее основную массу назначенного Гошке металла, сброшено, штуртросы перебиты, машинный телеграф — вдребезги. И сметено пламя с рубки. Тьма крошечная. Зато чувствуется торможение. Значит, его команду машинисты выполняют. Скорее в палубный люк.

— Боевая тревога, орудия к бою, машинному и минам послать дублеров-сигнальщиков в румпельное. Прямо держать — кажется, никого не забыл и ничего не перепутал. Нет, забыл.

— Штурмана прошу пройти к третьему палубному люку — последний из офицеров корабля, возможно, оставшийся в живых.

Снова залп с кормы. Через закрытую крышку не видно, но, судя по звукам, снаряды разорвались в воздухе по носу. Лупили в темноту в расчете на то, что лишенный управления миноносец продолжит двигаться, как шел. Их не видят. И штурмана нет. Зато Каха Дацимов, второй из подвахтенных сигнальщиков, тут как тут. Прикрутить фитилек люкового фонаря и выдвинуть его за слонку. Нельзя дать противнику увидеть даже слабый проблеск.

— Каха, слушай мои команды с палубы и передавай по цепи через отсеки. — А теперь в проход. — Отдраить межотсечные двери, команды передавать голосом. — Собственно, это уже работает, но он все равно должен так распорядиться.

Выскочил наверх. Новые вспышки выстрелов и разрывы по носу. Шрапнель или бризантные, он пока не разбирается. В штурманскую. Прикрыл дверь и чиркнул зажигалкой. Еще два тела. Крови немного, стонут. Стенки их прикрыли. Достало рикошетами, дверь-то была распахнута. Зато карта на столе. Где мы? Снова залп. Это точно шрапнель. Видимо, хотят подсветить их вспышками разрывов. Но легло далековато, ни одного клевка металлом об металл.

А находимся мы вот здесь. Корабль противника, укрывшись за высоким островом, дождался, пока мы выкатимся ему под пушки. И врзал с двух километров из темноты по подсвеченной собственным прожектором цели. Теперь пытается добить. Уже вслепую. А нам пора останавливаться, пока не въехали в скалы. А почему противник не использует осветительные ракеты?

Гошка погасил огонек и выглянул. Очередные вспышки раскаленных газов из орудийных стволов обозначили линию берегового откоса справа.

Все верно. Они уже в «тени» острова. И успели разогнаться кормой вперед.

— Левая машина стоп! Правая — малый вперед! Руль на левый борт. — Где же компас? Ага, исправен. Кстати, чего это он так тормознул. Вот ведь уцелевшие переговорные трубы. Это в рубке их под корень срезало, а в штурманской даже не помяло. — Каха, на мостик!

Есть связь с отсеками, компас и пара зорких глаз, не ослепляемых пламенем зажигалки. Санитары унесли раненых, а посланные стармехом ремонтники колдуют со штурвалом. Разворот завершен, скорость нулевая, и берег они не потрогали. Темнота и тишина. В пятистах метрах за кормой два-три раза в минуту бухают снаряды. Выстрелы из-за острова слышны приглушенно, а вспышки раскаленных газов, вылетающих из орудийных стволов, совсем не просматриваются.

Стрельба стихает, и луч прожектора шарит по воде. Его бледный свет, ни за что не цепляясь, обшаривает пустынную поверхность, постепенно удаляясь. С такого расстояния здешние прожекторы разве что айсберг позволяют разглядеть.

Каха разбрасывает гайки и слушает всплески. На полсотни метров вокруг вода. Штурвал снова действует. Вперед на самом малом ходу. Есть тут пролив, как раз к месту, где стоит обстрелявший их корабль. До рассвета он с места не стронется, это еще пара часов, и демаскироваться ему не резон. И очень хочется с ним рассчитаться. Только узко здесь.

Сигнальщик докладывает об ударе гайки о берег на курсовом триста пятнадцать. Есть зацепка. Характерный выступ берега. Руль на левый борт. Вовремя. Теперь звон стали о камень доносится курсового сорок пять. Матросов с шестами на нос, и еще убавить оборотов. Вообще в этот проход соваться нельзя. Но миноносец — очень маленький корабль. А случись что, на такой скорости они покалечат корпус не фатально.

Тишина. Матросы то и дело сообщают о соприкосновении шестов со скалами. Время от времени звенят гайки, доброшенные рукой сигнальщиков до каменных стен, между которыми пробирается миноносец. Кряхтение палубной команды, упершейся в берег, скрип кранца, скрежет стали по камню. Метр за метром команда в кромешной темноте протаскивает кораблик через узкую кишку тесной расселины.

Пролезли. Проползли. Прокрались. Опять вода со всех направлений. Последние гайки звякнули о камни за кормой уже более минуты тому назад. По расчетам, до засадного судна километр с четвертью точно по курсу. И ни зги не видно. Встречный ветер доносит запах дыма, значит, ошибки Гошка не сделал. Но если ждать рассвета, то кто первым выстрелит?

Медлить нельзя. Торпедисты готовы. Малый ход. Корабль уже слушается руля. Осветительная ракета. Вот он. Четыре градуса влево.

— Правый, пли!

Торпеда ушла.

— Левый пли!

И эта торпеда ушла.

— Носовое, прямая наводка, дистанция один километр, беглый огонь! Право на борт. Кормовое, ждать цель с левого борта. Беглый огонь прямой наводкой по готовности.

Стоимиллиметровые фугасные снаряды — это для небронированного корабля очень серьезно. Пока, получив в борт две торпеды, их недавний обидчик затонул, оба орудия успели исчерпать боезапас, превратив корпус и надстройки в хлам. Живых подобрать из воды не удалось, а мертвые были какие-то нецелые.

По обломкам и всплывшему мусору опознали «Крокус» — вспомогательный крейсер рикан. Гошка помнил, что о таком их предупреждали. Было его описание в ориентировках, и силуэты сигнальщикам показывали. Инструкция для миноносцев при встрече с ним — уходить и наводить крейсера.

При свете дня осмотрели повреждения. Да уж. Трубы пострадали изрядно. Только повреждения эти касаются исключительно внешних кожухов и на выполнении основной функции не сказываются. А тридцатимиллиметровой стали корпуса и надстроек эта шрапнель ничего не сделала. Будь закрыты двери штурманской и ходовой рубок, обращенные в сторону кормы — все было бы не так страшно. Командира и сигнальщиков с мостика снесло бы, бесспорно. И все.

Пока устраняли повреждения, Гошка смотрел на восход солнца и гадал, почему их сразу не накрыли фугасом или бронебойным. Могли ведь потопить. С такой

дистанции на спокойной воде снаряд можно всадить в нужное место. Стармех объяснил, что их, семисотой серии, всего пять миноносцев построили, а потом перешли на семьсот десятую. А у тех толщина обшивки всего четыре миллиметра. Зато дальность плавания больше и экипаж размещен по-человечески. При большей скорости и равном вооружении. И тройка шрапнельных снарядов, если их удачно положить, может такой кораблик оставить без команды. А потом — высаживай призывую партию и веди добычу прямо на аукцион.

Верно. Если присмотреться к отметинам, оставленным ночным обстрелом, ясно, что мало кто остался бы невредимым, будь обшивка тоньше. Кочегары, что на вахте, да те, кто оказался бы в орудийных башнях. И по силуэту корабли этих серий неотличимы, это он еще в учебке проходил. Кстати, поскольку неразбериха улеглась, надо, по уставу, командование-то передать старшему по званию. Это старший механик.

— Господин главстаршина! Я тут спросонья, да от внезапности принялся распоряжаться. Готов понести наказание.

— Будет тебе, матрос, наказание. Как старший по званию и выслуге лет приказываю тебе принять командование. По крайней мере, до порта назначения. Остальные старшины навыком кораблевождения не обладают, а старшина Дацимов, — кивок в сторону Кахи, — не имеет опыта командования в боевой обстановке.

Командир минно-артиллерийской части, тоже главстаршина, которого иначе как Федотычем никто не называл, кивнул. А сорокалетний Каха, Гошкин наставник и пестун, опытный сигнальщик, в ответ на пронзительный взгляд ответил уверенно:

— Рулевых и сигнальщиков обеспечу в лучшем виде. С Федотычем мы ходовые вахты отстоим. Но супостата

мне встречать спокойней, если ты, Кукса, распоряжаешься.

— Да как же спокойней, если боезапас исчерпан до выгреба? Нам теперь только убегать и прятаться.

Молчат старшины, ухмыляясь в усы. Ждут распоряжений, стало быть.

— Прошу сообщить о повреждениях, — отдал Гошка команду.

— Повреждения устранены, — первым доложил старшина рулевых.

— Машины в порядке, кожуха труб залатаны жестью и проволокой. Угля — семь десятых в наличии. Пресной воды тоже. — Это стармех.

— Торпед нет. Снарядов по восемь фугасных и по четыре подкалиберных на ствол. — Обрадовал Федотыч.

— Откуда снаряды?

— В форпике шесть ящиков неприкосновенного запаса. Перенесли в башенные укладки и подготовили к стрельбе.

— А еще более неприкосновенного запаса на корабле нет?

— В румпельном четыре ящика фугасных.

— Тогда, — перевел взгляд на зашитые в парусину tela, — команде собраться на палубе.

ГЛАВА 5

До места назначения добежали только к вечеру. На середине пути при отсутствии береговых ориентиров Гошка поймал солнышко и уточнил место по обсервации. С цифирной премудростью он дружил, им в институте вычислительную математику давали очень доходчиво. Опять же свод расчетных таблиц составлен грамотно, и счетная линейка чудо как хороша. Со швартовкой тоже

справился. Ну, может, немного и не по классике, но притерся к пирсу мягко.

Доклад командиру порта, сдача пакетов и рапорта. Проследить за тем, как подводят под днище ленты, связывающие пары затопленных понтонов. Оказывается, для зарядки торпед этот миноносец надо извлекать из воды. Длительная беседа с офицером разведки. Потом, уже за полночь, забежал в госпиталь. Боцман и штурман прооперированы. Прогнозы оптимистические, но пока для общения с ними время еще не настало. Значит, пора на корабль, спать.

Отдохнуть не удалось. Федотыч, исполняющий обязанности вахтенного офицера, передал пакет на имя командира миноносца «702» матроса Игоря Кукулина с приказом немедленно следовать в Цалт — главную базу флота. Толстый портфель запечатанных конвертов — обычный для них груз, уже на борту. Кроме того, до места назначения к ним прикомандированы пятеро курсантов Морского корпуса — будущих офицеров, возвращающихся с практики. Двое уже на вахте. Боеприпасы, уголь и вода загружены. Давление пара в котлах — рабочее.

Отдали концы, пошли. Пока маневрировали между прибрежными островами, начало светать. Три часа до начала своей вахты передремал, приободрился. Заступил сытый и помывшийся. На руле — девушка. Ладненькая такая, на Ри похожа.

— Как ваше имя, рулевой?

— Курсант Саида Гушина. Третий курс Морского корпуса. Кораблевождение.

Из этого имени «Ри» никак не получается. А похожа.

— А скажите, госпожа курсант, зачем это у нас второй штурвал в ходовой рубке? — Вообще-то этот вопрос Гошку давно интересовал. Не было случая спросить, а тут вроде как он экзаменует стажера. Полезно для авторита.

— Это привод успокоителя качки. Продольный брус на днище при повороте за счет взаимодействия со встречным напором воды способен создать усилие, препятствующее поперечному наклону корпуса. На кораблях этой серии оказался неэффективен.

— И почему это он неэффективен? — Гошке нравится звук голоса девушки. Очень похож на Ри.

— Днище плоское. И само перо слишком смещено вперед. Оно работает как руль, поворачивая нос, а на крен влияет слабо. Поэтому этот штурвал фиксируют.

— Знания теоретические?

— Абсолютно. Я впервые на миноносце.

Гошка осмотрел горизонт. Открытое море. Скорость тридцать километров в час — экономичный ход. Отвинтил барашки фиксатора привода успокоителя качки и стал его осторожно поворачивать вправо. Нос покати́лся туда же. Саида немедленно заработала штурвалом и выровняла курс. Теперь, хотя компас и показывал предписанные тридцать пять градусов, реальное направление движения составляло около сорока. Скорость плавно падала. Корабль сдвигался вправо, как будто его сносило поперечным течением. И скорость этого сноса составляла около полуметра в секунду.

При ширине корпуса чуть более четырех метров за десять секунд можно уйти из прицела при продольном обстреле.

Поиграли рулями в другую сторону, попробовали разные углы. Минут через десять добились слаженности, позволявшей им уверенно сдвигать корпус на пару-тройку десятков метров так, что потеря скорости за время маневра почти не ощущалась. А тут стармех пожаловал, поинтересовался, отчего это их из стороны в сторону бросает. Ничего не сказал, но вид имел недовольный. Боевой корабль, он ведь не для забав скучающих вахтенных.

Вечер и ночь прошли спокойно. О дымах на горизонте доложили на другой день, незадолго до полудня. Курс менять не стали. До порта назначения оставалось часов пять ходу. Так что, скорее всего, свои.

Так и оказалось. Конвой из пяти транспортов под охраной двух эскортов. Так здесь называли сторожевые корабли. Они заметно длиннее миноносцев, шире, и лучше вооружены. За миноносцем им не угнаться, зато пара стотридцатимиллиметровок, укрытых противоосколочными щитами-полубашнями — отличный аргумент при встрече с любым рейдером, будь он хоть вспомогательным крейсером, то есть вооруженным торговым судном, хоть настоящим боевым легким крейсером, которые практически не бронируют в угоду скорости и автономности. Обменялись позывными, разошлись, а тут снова дым прямо по курсу.

Каха, едва из-за горизонта показались надстройки, опознал риканский легкий крейсер типа «Чиган». Разработанные специально для использования в качестве рейдеров, быстроходные, с большим запасом хода, они рысскому флоту много крови попортили. И этот сейчас собирается нагнать конвой, расправиться с кораблями охранения, а потом заняться транспортами. У него орудия дальнобойней, чем у эскортов, и калибр больше. А главное — артиллерия прикрыта противоосколочной броней. Главный калибр в двух одноорудийных башнях на баке и юте, и по бортам в казематах по три стопятидесятки.

Гошка прикидывал варианты. Если удирать, то проблем нет. И претензий к нему не будет. Он везет документы в штаб флота. Да только важного в этом портфеле наверняка немного. И конвою помочь бы надо. Ведь из главного калибра по миноносцам не стреляют, а вражеские противоминные пушки не мощнее, чем у него в башнях. Приказал снизить ход до самого малого, под-

нять в котлах давление для самого полного, и сыграть боевую тревогу. Слабый ветер в корму, баллоны дымапаратуры снаряжены, море очень спокойное. Пасмурно. Противник на встречном курсе. Лоб в лоб. Сигнальщиков с мостика, понятно, загнал в рубку, цель уже видна, а подставлять людей под осколки он не собирается. Тесно, конечно. Зато все прикрыты. Заметил ведь, что бронбойными по мелюзге стрелять не любят.

Насчет главного калибра он просчитался. Крейсер повернулся бортом и выпалил по нему километров с восемью сразу из пяти стволов. С недолетом и правее метров на пятьдесят, но довольно кучно. Второй лес всплесков ближе, и точно по носу, но ясно, что это только пристрелка. Причем — пристрелка удачная. Следующий залп пойдет на поражение.

Действительно, врезали по ним от души. Бризантные это были выстрелы или шрапнельные — Гошка не понял. Рванули еще в воздухе. Металл хлестанул по корпусу так, что только звон стоял. На триплексе правого иллюминатора рубки появились трещины. Дал самый полный и приказал встать к штурвалу курсанту Гущиной. Интенсивные поперечные маневры, выполняемые неритмично, но часто и резко, не позволяли миноносцу набрать ход более тридцати километров в час. И не влияли на точность вражеского огня, поскольку рассеяние осколков или шрапнели от взрывающихся в воздухе снарядов превышало расстояние, на которое миноносец успевал сдвинуться за время между выстрелами.

Однако трехсантиметровая обшивка выдерживала ливень металла, а дистанция до неприятеля таяла на глазах. Вот уже снаряды рвутся за кормой, бестолково вспенивая море горстями сердитого металла, наверное, время их перелета меньше, чем способны обеспечить дистанционные трубки, а прямые попадания невозможны

из-за того, что ствол орудий главного калибра не опускается ниже горизонтали.

Зато на крейсере заговорили противоминные пушечки. А вот наводчиков малокалиберных орудий маневры миноносца сбивали с толку. Их снаряды ложились то с одного борта, то с другого. А ведь еще с пяти километров заговорила носовая стомиллиметровка миноносца. Федотыч выкрикивал в переговорную трубу вводные артиллерийскому расчету, Саида, реагируя на отклонения успокоителя качки, удерживала нос направленным всегда точно на крейсер, что создавало для комендоров «шарахающегося» миноносца приемлемые условия. Попаданий на корабле противника отмечалось немало. Артиллерия рикан стреляла все реже и реже. А корпус миноносца от попаданий вражеских малокалиберных снарядов сотрясался все чаще и чаще. Только докладов о повреждениях не поступало.

На дистанции в один километр Гошка снизил скорость, выпустил торпеды, и развернулся в два руля. Получилось резко и неожиданно. Заработало кормовое, «ретирадное» орудие. Для стопятидесяток главного калибра крейсера они оказались слишком близко, чтобы можно было навести мощное орудие на активно маневрирующую цель. Да и угол возвышения их стволов, похоже, не был рассчитан на стрельбу по таким целям. Собственное дымовое облако ослепило комендоров миноносца, но его мачты оказались видны артиллеристам крейсера.

Крутясь как уж на сковородке вблизи невидимого противника, Гошка понял, что командир из него никакой, что минуты жизни вверенного ему кораблика сочтены, что только случайность и беспримерная верткость пока уберегают их от фатальных попаданий. Выскользнув из зоны задымления, он вдруг обнаружил, что крейсер успел развернуться к нему «вполоборота», так,

что задействованы орудия правого борта и носовое, и четыре стопятидесятки палят по нему с дистанции кинжального огня. К счастью — шрапнелью. Ну, или что там у них в воздухе взрывается. От торпед риканский капитан надежно уклонился и семидесятипятимиллиметровки противоминного калибра тоже палят по миноносцу. Расстояние до противника возрастает медленно.

Комендоры рикан хорошо стреляют! Гошка дал команду на развитие максимальной скорости, чтобы уйти в отрыв. И облако выпущенного дыма аппаратурой семьсот второго миноносца дыма, наконец, слепит наводчиков крейсера.

А миноносец, каждую минуту меняя курс на несколько градусов, набирает ход и пытается нарастить дистанцию. Обе торпеды не достигли цели. Пора выходить из боя. Ноги уносить, иными словами.

— Тяга в топках уменьшилась из-за повреждения труб. Паропровод второй машины травит, — докладывает машинное отделение. Понятно, часть скорости они потеряли. Хорошо, что уголь в достатке, но в любом случае запас хода крейсера больше. И малокалиберные орудия, способные вести огонь вперед, рикане наверняка введут в строй достаточно быстро.

А пока ситуация забавная. Дым ослепил комендоров рейдера как раз на время, необходимое для того, чтобы нарастить дистанцию и набрать ход. И как-то это время оказалось на удивление коротким. Снаряды главного калибра, выпущенные вдогонку, легли далеко, а пока шла пристрелка, расстояние увеличивалось. Потом пару раз получили со стороны кормы короткий металлический ливень. Затем о сталь корпуса звякали только отдельные осколки.

Ушли. Почесали домой. Бой длился два с половиной часа, если считать от первого выстрела до последнего. Гошка успел прийти в себя, и даже составить отчет. О по-

ложении крейсера, его координатах, времени встречи и курсе сообщил семафором первому же береговому посту. Старенький и тихоходный броненосец береговой обороны, идущий в сторону неприятельского корабля, он встретил через час, в пяти километрах от входа в порт. Видимо, его сообщение «досемафорили» куда надо и послали кораблик для проверки данных. Швартовался уже в сумерках.

* * *

Командир дивизиона миноносцев, в который входил и семьсот второй, оказался пожилым интендантом в звании капитан-лейтенанта, чьей основной заботой было обеспечение снабжения пяти непредсказуемо перемещающихся кораблей, пожирающих уголь и самые различные припасы. Выслушал Гошкин доклад, принял отчеты (моряки их называют «рапорты») и отправил в экипаж — береговые казармы. Команда миноносца уже сдала корабль под присмотр базовой службы и в полном составе мылась в бане.

Хорошее дело. Попытался вспомнить, когда последний раз получал это удовольствие, но сбился. Счет шел на месяцы. В общем, и попарился, и поужинал. От спиртного отказался и завалился на чистые простыни под мягкое одеяло. Это вам не в промасленном комбинезоне из чертовой кожи на койке под гулким железным трапом, по которому шастают круглосуточно все, кому не лень.

Пробуждение было приятным. Нигде не ломит и не давит, ноги не упираются. Мягко и просторно. Кран с неограниченным количеством пресной воды, омлет на завтрак. Стармех в мягких домашних шлепанцах, расхристанные заспанные матросы и старшины. Чистятся, глядятся, стирают носовые платки. Походная амуниция

сдана в прачечную, и все облачаются в форму. Она тоже выглядит скромно, но это все же не комбинезоны из почти брезента. Сорочки, кители, брюки со стрелками. Ордена почти у всех, у многих — целый иконостас.

В команде мало молодых матросов. Народ в основном за сорок лет. С экипажем ему повезло. Вот, например, его форма. Все уже поглажено, вычищено. Приятно. И неважно, порядок такой или кто-то от души сделал для командира.

Записку из штаба дивизиона ему передали, только когда доел и напился кофе. Явиться по готовности. И адрес не на территории порта, а в городе. Нашел легко. Это городская управа. У двери в нужный ему кабинет флотский лейтенант и старшина пехотинец сидят на стульях, вроде как ждут вызова. Представился. Сказал, что приглашен с неясной целью. Ухмыльнулись, предложили заходить. Они здесь по иному делу.

Кабинет обычный. За столом дядька в штатском. Спецовка на нем, вроде как госаппаратовская. Вообще народ здешний по одежке здорово друг друга определяет. Он тоже научится со временем. Представился. Мужчина отложил бумаги.

— Зовите меня Го. Я чиновник. Мне поручено кое-что у вас уточнить.

Беседа получилась интересной. Мужик не задал ни одного вопроса, ответы на которые содержались в ранее написанных Гошкой бумагах, будь то его «рапорты» или воспоминания, изложенные в карантине Казарм Формовщиков. Собеседник спросил, почему, по его мнению, крейсер, подстерегший миноносец в засаде, не пытался осветить цель ракетами?

Потом попросил указать на ошибки, которые Гошка, по его мнению, допустил за первые трое суток с момента, как принялся командовать кораблем.

Отвечать было легко. Показал на карте конфигура-

цию островов и проливов, обратил внимание собеседника на высоты скал, и стало ясно, что расположившийся в засаде крейсер прятался от рысского поста наблюдения, размещенного на острове в одиннадцати километрах от места событий. Вспышки выстрелов и луч прожектора оказывались вне его зоны видимости, а ракету могли заметить. Создавалось впечатление, что это место используется противником не впервые для того, чтобы подстеречь посыльный корабль. Если бы дело было днем, лежать бы семьсот второму миноносцу на дне или следовать в риканский порт в качестве трофея.

Про ошибки... Что-то в голову ничего не приходит. Будет думать.

По реакции собеседника угадывалось, что этот Го немалая шишка, но свою влияние старательно скрывает. Избегает производить на собеседника впечатление. Ведет себя так, что становится ясно — его интересует только информация. И он очень хочет, чтобы она не была искажена эмоциями собеседника. Не испугать, не насторожить, не заставить думать о возможных последствиях.

Страх Гошка не испытывал. С удивлением отметил, что с тех пор, как узнал о постигшей его импотенции, ни разу ничего не испугался. Вроде как жизнь уже прожита, и все хорошее осталось позади. Он просто дотягивает отпущенный ему срок, и старается не сделать при этом ничего постыдного. И при этом не прочь получить удовлетворение от содеянного. Как тогда, размолачивая из обоих корабельных орудий беспомощно тонущий вспомогательный крейсер. Да, тут он сплюховал.

— Го, есть за мной грешок. Я там, в шхерах гряды Гунька, стрельбу не прекратил, пока не исчерпал боезапас. Зря кучу снарядов израсходовал по торпедированному, уже тонущему кораблю, — раз вспомнил, отчего

же не рассказать. — Он уже давно стрелять не мог, а я его лупцевал, будто от этого что-то зависело.

Еще нет у меня уверенности, что атаку легкого крейсера я провел правильно. Мне следовало догнать конвой, сообщить о нем эскорту и встречать его втроем. Шансов на успех было бы больше.

Собеседник слушал молча, что-то помечая в своих бумагах. Потом предложил Гошке спросить у него, если ему что-то неясно. Вообще-то формулировочка совершенно неожиданная. Не в тему как-то.

— За что народ любит императора?

— Хороший вопрос, — Го не двигался, но было видно, что «репу чешет» он на полном серьезе. — С одной стороны, сам монарх лично никого ничем не раздражает. На виду не держится и глаза не мозолит. С другой стороны, население не бедствует. Жизнь, хоть и без роскоши, но у всех есть пища, кров, одежда. — Глаза мужчины оживились, и он как будто сбросил маску, надетую для беседы с Гошкой. — Тут ведь крайне непросто так учинить, чтобы люди старательно работали, имея все необходимое. Лень — фактор необыкновенно сильный. Но с другой стороны, если надо поощрять инициативу, то как избежать злоупотреблений? Как подчинить работу частных предпринимателей интересам большинства населения? Как контролировать чиновников, если сами контролеры — тоже чиновники?

Го замер, видно спохватился, что вышел из образа спокойного собеседника и вроде как начал почему-то оправдываться.

— Давай этот вопрос мы осветим в другой раз. Спроси лучше что-то поконкретней. А то насчет любви — это ведь тема неисчерпаемая.

Улыбнулись.

— А по технике можно спросить?

— Можно.

— Вот в канале пушечного ствола делают винтовые нарезки, чтобы снаряду при выстреле придать вращение вокруг продольной оси. Такой прием для стабилизации его траектории применяется и на Земле, и здесь. Но ведь можно сам снаряд снабдить стабилизаторами. — Гошка изобразил на бумажке веретенообразное тело, оснащенное оперением, не выходящим за пределы максимального диаметра корпуса. — Технология литья у нас нормальная, последующая обработка на токарном станке потребует только в зоне наибольшего сечения и по наружным кромкам оперения...

— ...и ствол можно делать гладким, — продолжил мысль «чиновник». — Износ ствола меньше, кучность лучше. Скорость снаряда выше, значит, дальность больше...

— ...но без пыжа не обойтись. Иначе газы прорвутся, — закончил мысль Гошка.

Чуть не сталкиваясь лбами, оба склонились над эскизом, уточняя детали замысла. Повертели и так, и этак, отвергая неудачные варианты и прикидывая оптимальные пропорции. Выглядело все обнадеживающе. Листочки с зарисовками Го аккуратноненько сложил в картонную папочку с тряпичными завязками и весело посмотрел на Гошку.

— Ты не стесняйся, может, еще что тебя интересует?

— Торпеды интересуют. Запас хода у них мал и скорость невелика. Потому что сжатый воздух — не самый лучший аккумулятор энергии. А почему бы в газовый баллон не засыпать пороху? И уже газами от его сгорания крутить винт. Ведь в бикфордовом шнуре горение длится многие минуты.

Го подумал, что-то пометил в своих бумагах.

Улыбнулись. Помолчали. Гошка уже догадался, что этот чиновник не просто большая шишка, а огромная. Может, не премьер-министр, но не слишком далеко.

— А ты, вообще, если когда еще чего тебя интересует, отпиши мне. Вот сюда.

Гошка спрятал в карман визитку. Кроме адреса на кусочке серого картона было написано только имя, которым назвался его собеседник. Но адрес не в столице. Ошибочно, значит, оценил он «весомость» этого господина.

— В общем, так, Игорь Николаевич Куксин, — начало фразы указывало на завершение разговора. — Вы дважды отступили от требований инструкций. Принявшись самовольно командовать кораблем, не поставив в известность старшего по званию. И, уже командуя кораблем, отвлеклись от выполнения поставленной задачи, вступив в бой с противником, имея возможность его избежать. Несмотря на благоприятный исход, я обязан вас наказать. Вот ваше послушание. — Го протянул Гошке новые погоны. «Кубарик» на каждом. Чин мичмана — это же младшее офицерское звание, минуя старшинские.

Насладившись ошеломленным видом своего собеседника, продолжил:

— Это не поощрение, а огромная головная боль. Действие неприятельских рейдеров на наших коммуникациях наносит огромный вред судоходству, от которого в нашем островном государстве зависит многое. Ловлей этих, да чего уж там, пиратов, занята большая часть нашего крейсерского флота. Вам удалось очистить воды Империи от двух таких наглецов в течение считанных суток. Самые, пожалуй, дерзкие капитаны выведены из игры.

Броненосец береговой обороны «Тейлор» отыскал твоего крестника без проблем, он остался без хода, после того, как твои артиллеристы положили четыре снаряда ему в оба машинных отделения. Команда рикан уже паруса успела приладить. Так что миноносец за номером семьсот два теперь твой. И положение об укло-

нении посыльных кораблей от встреч с неприятелем на него более не распространяется. Это строго между нами.

ГЛАВА 6

Мичманские погоны так и донес в руке до самых казарм. Посидел на скамье у входа, снял китель, поменял знаки различия. Мужики из его экипажа наблюдали молча. Облачившись, Гошка встретился с заинтересованными взглядами членов команды.

— Это мне за нарушение инструкций наказание такое назначили. Командовать вами. Так что я — в штаб дивизиона, разбираться. Может, это шутка.

Да какие тут шутки! Все уже были в курсе. Новый старпом, тоже в чине мичмана, осматривал миноносец, побрякивая при виде борозд и рытвин, оставленных на обшивке осколками. Их было так много, что портовые зубоскалы окрестили кораблик «Рябым». Кстати, были и следы от рикошетов, и от разрывов этих самых отрикошетивших снарядов буквально в нескольких сантиметрах от корпуса. Глубокие вмятины, изрытые осколками.

Гошка с удовольствием отметил вязкость легированной стали, ни в одном из таких мест не прорвавшейся насквозь. Что обидно, не выправишь и не закрасишь. Красками на этом миноносце, кажется, вообще не пользуются. Деревянных деталей нет вообще, сталь не ржавеет, а потемнения на поверхностях латунных или бронзовых деталей никого не интересуют. Кое-где наваривают для укрепления толстенные заплатки, что не улучшает внешнего вида и без того неказистого миноносца.

Назавтра с самого утра планировалось перемещение потрепанного корабля в гавань ремонтного завода. Пришла пора регламентных работ в котельных и машинных отделениях. Новый старпом успокоил, что пре-

красно справится и без командира. Немолодой уже человек с тремя орденскими планками на кителе.

Гошка пошел в город. В ближайшем околотке его направили в пансионат для молодых офицеров, где он и снял комнату. Скромно, но все есть. Пробежался по ближним магазинчикам. Носков прикупил, две пары тапочек, три чайных пары, заварки, сахару, плюшек. Пора потихоньку обзаводиться собственным хозяйством.

Под вечер, но еще не смеркалось, в окошко постучали. Каха машет рукой. Зовет прогуляться. Солнышко спряталось и стало нежарко. Еще не лето. Листья на деревьях только готовятся распусться, но молодая травка уже проклюнулась.

Каха привел его куда-то на окраину. Вдоль дороги, оставляя саму ее свободной, толпилось немало народу. Переговаривались, чего-то ждали. Наконец показалась недлинная колонна. Шаг короткий, но идут в ногу. Морская форма, погоны с двумя продольными кантами. Курсанты на вечерней прогулке. Видно, что не первогодки.

— С практики вернулись, — поясняет Каха. — Сейчас споят.

Действительно, приблизившиеся четче запечатали шаг, звонко затянули запевалы. Зазвучало на мотив «Прощания славянки» что-то хулиганское.

«Морда дышит здоровьем и бодростью,
Мимо боцман несется с ведром...»

Дальше вступили басы, и различить слова не удалось.

— Хвала Посейдону, нынче все живые вернулись, — почти всхлипнул Каха. — Иначе бы «Варяга» пели.

В первой шеренге, совсем не по росту, вышагивали практикантки, которые еще вчера были с ними в бою. Новенькие Георгиевские кресты, гордый вид. Не напрасно Гошка писал представления. Саида, Зульфия, Карина, Марина и сногшибательная блондинка Бригитта. Кста-

ти, ей ведь гайкой досталось, что отлетела от какого-то крепления при попадании снаряда в палубу. Точно, отмахивает только правой рукой. А вот еще у парня кепи на уши натянуто. Наверно, повязку прячет. Да, если приглядеться, тут не меньше четверти с разными отметинами. И награды не редкость.

Из толпы выбегали зрители с букетами. Дарили «гуляющим». Особенно нагрузили Бригитту. Парни чуть не отталкивали друг друга, наперебой вручая ей самые роскошные цветы. А Саиде достался скромный букетик подснежников. И подарила его ей девушка. В сумерках не очень-то видно, но ростом и фигурой похожая. Вроде как сестра. И спецовка на ней невнятных цветов, словно растворяется в вечерних сумерках.

Толчен, однако, не возникло. Строй не смешался. Зрители заранее распределились вдоль дороги более чем на километр и сразу помногу не наваливались. Колонна проследовала до конца улицы и свернула в ворота. Народ стал потихоньку расходиться.

— Это раз в год, когда третий курс заканчивает практику. Первокурсники летом пройдут, второгодки — зимой. А осенью уже перед выпуском — четверокурсники на прогулку выходят, — сообщил Каха. — Полвека как строевую подготовку отменили, а традиция живет. Курсанты сами по старым уставам тренируются, без офицеров. Для того чтобы вот так пройти четыре раза в жизни.

— А в учебке этого не было, — вспомнил Гошка.

— В вашей. У нас на Грелинской базе парни в мое время любили с песней прошвырнуться строем перед местными барышнями. Правда, сейчас, говорят, там это тоже заглохло. Ну да ладно, Кукса, пошли ко мне. С семьей познакомлю.

Вообще-то Каха со своей Симочкой недолго надоедали Гошке гостеприимством. Как-то вдруг их не стало за столом. Дочка Эллочка — глазастое чудонько лет десяти, и ее брат Ваня — серьезный юноша — занимали

гостя беседой, отвечая на вопросы о составе семьи (еще два брата женаты и живут неподалеку), о себе (оба школьники), о маме (швея на бельевой фабрике). Потом объяснили, что дома стряпают только когда папа не в походе, а обычно забегают в столовую на углу. Что Ваня после школы собирается учиться на ветеринара, а Эллочка еще не знает, а пока ей нравится работать с деревом.

Показала кукольную мебель. Не шедевр, но исполнено аккуратно и крепко свинчено на саморезы.

Потом детки приступили к допросу. Гошка уже понял, о том, что он пришелец из другого мира, догадываются все сразу и отпираться бесполезно. Пришлось рассказывать о компьютерах и радиосвязи.

Пробили часы, и гостя уложили в отдельной комнате.

* * *

Да уж! Знал, что ничего не знает. Но что этого так много — даже не догадывался. В оперативном отделе он прописался на неделю с перерывами на сон и прием пиццы. Начальник и две его помощницы, сменяя друг друга, ввалили в его бедную головушку столько информации, что понятия о смысле бытия приобрели новую окраску.

Теперь он мыслил категориями линейного сражения эскадренных броненосцев, скорострельностью орудий главного калибра, весом залпа. Знал схемы бронирования по типам кораблей, толщину стальных плит для разных вариантов защитных поясов. Имел представление о том, что боевые действия на море — это постоянное маневрирование этими самыми огромными кораблями, вооруженными чудовищными пушками, цель которых — встретить противника в момент, когда у него этих самых кораблей меньше, и утопить этих кораблей как можно больше.

Попутно выяснил, что противник явно сильнее. У него втрое больше броненосцев. Просто три четверти из них очень старые. Плохо плавают и медленно стреляют. А вот имперские броненосцы, хоть и не моложе, но на них уже несколько раз меняли и машины, и вооружение. И они встречались с неприятелем пока вничью. Не раз уже наcostыляли друг другу так, что потом половина кораблей по полгода стояли в ремонте.

В этой войне территориальные претензии выдвинули рикане. Им нужна островная цепь Эспандер, расположенная, кстати, ближе к ним, чем к портам Империи, но там — оловянные руды. И новейшие береговые батареи. Именно тут и встречаются линкоры каждый раз, как приходит время гнать конвой с концентратом. И, начиная от этого района, к югу простирается зона, где активничают быстроходные крейсера рикан, топя или захватывая любые суда.

Гошка долго сидел над картой. Пространство, на котором действуют неприятельские рейдеры, невозможно прочесать даже всем флотом. А и нашел, так что? Миноносец против крейсера, это один раз на дурачка получилось. Бой с «Чиганом» — вообще курьез. В риканском флоте действует инструкция, предписывающая обстреливать вражеские миноносцы снарядами осколочного действия, взрывающимися в воздухе, поскольку попадание в маломерную цель, повернутую в сторону неприятеля так, что ее сечение минимально, считается маловероятным. А самих таких снарядов разработан целый ряд. Тут и стальная шрапнель с огромной скоростью разлета твердых шариков, и бризантные снаряды, хлещущие во все стороны осколками, и сегментные, разлетающиеся вскоре после выстрела расходящимся пучком копий-ломиков. Железная картечь для стрельбы с малых дистанций... в общем — от нормального миноносца по-

сле того обстрела, которому подвергся семьсот второй, осталось бы решето с окровавленными телами моряков.

Так что успех его — от внезапности, ну и кураж случился, да без волнения на море. Эпизод с засадой — вообще случайность. Нет, задачу надо решать иначе. Кроме того, настоящие боевые корабли в качестве рейдеров противник использует весьма ограниченно. Обычно это торговое судно с хорошим ходом и большой дальностью плавания. Вроде «Крокуса», что подстерегал их в гряде Гунька. И их тщательно маскируют, меняя окраску и форму надстроек. Флаг тоже показывают невнятно, или даже чужой, пока не подойдут к цели на малое расстояние. Словом — применяют все мыслимые хитрости.

Его обманут много раз. Даже встретив рейдер, он его запросто пропустит. Или подставится под выстрел при попытке сблизиться.

ГЛАВА 7

Ремонт завершен, экипаж снова на борту и «Рябой» несется морем Фармана с целым букетом пакетов, которые должен доставить адресатам. Это уже девятый рейс, выполняемый Гошкой после получения мичманского звания. События слились в однообразную череду заурядных дел. Переход. Сдача пакетов. Погрузка угля. Получение пакетов. Переход. Встречи с транспортами, пакетботами, рыбаками. Обмен сигналами с береговыми постами. И постоянная встревоженность, вздрюченность, если хотите. Не вылететь на камни, не пропустить ориентир, не забыть потребовать в порту свежего хлеба и мяса. Никакой романтики.

Жизнь превратилась в кошмар непрерывной учебы. Ну какой, скажите, командир боевого корабля из абсолютно штатского студента? Но короля играет свита. И как

играет! У него постоянно спрашивают разрешения на те или иные действия, виновато объясняя, зачем ни с того ни с сего посреди открытого моря нужно принять несколько тонн воды в бортовые цистерны взамен сожженного угля. Или почему следует обойти мелководный район в период, когда над ним проходит прилившая волна.

Гошка чувствует себя в окружении команды нянек, научающих его не назиданиями, а наводящими вопросами или собственным примером. Он ведь уже большой мальчик и замечает мягкую настойчивость послушной и опытной команды. В этой обстановке он ни на секунду не может позволить себе расслабиться. И буквально всеми порами непрерывно впитывает и корабельный быт, и проблемы навигации и материально-технического обеспечения... Миноносец, будь он хоть четырежды неказист, сейчас — единственное, что есть у Гошки. И происходит слияние его личности и этой груды железа.

— Справа шестьдесят — обломки. — Доклад сигнальщика.

— Малый ход. Право на борт. — Отклик вахтенного офицера.

Гошка вылетает на мостик, в бинокль осматривает «находку». Несколько бочек, поверх них доски, и бесформенная груда. Возможно — человек. Взгляд на карту. Глубины подходят для якорной стоянки. Течение очень слабое с юго-запада. До плота километра три с половиной.

— Малый назад. Отдать правый носовой якорь, — вступает Гошка в командование кораблем.

Теперь анализ.

Мелей или подводных камней нет на сотни километров вокруг. И непогоды не было уже пару недель. Кораблекрушение маловероятно. Район оживленный, для рейдерства перспективный. Только членов экипажей с захва-

ченных или уничтоженных судов отпускают в шлюпках или забирают с собой. А на лодке с парусом из этого моря можно добраться до суши за пару суток — острова в любую сторону. И крейсера Рысской империи его патрулируют. Изредка.

Неправильная какая-то ситуация.

— Наблюдаемый плот стоит на якоре. — Новый доклад сигнальщика. — Мимо него пронесит неидентифицируемый дрейфующий объект.

Ну, вот теперь понятно. Минная банка, с приманкой для тех, кто попытается снять «терпящего бедствие». Поистине нет предела человеческой подлости. А ведь если бы не наблюдали безотрывно несколько минут, ни за что бы не заметили.

— Поднять якорь. Расстояние до плота докладывать с максимальной частотой.

Еще десять минут, и гипотеза о том, что приманка заякорена, блестяще подтверждена. Дрейфующий миноносец заметно смещается относительно нее.

— Начинаем траление. — Гошка смотрит на старпома. — Распорядитесь, Ингвар Карлович. На каждом галсе приближаемся к плоту на половину отлета трала. Начнем с этой дистанции, с трех километров, и, пока не зацепим якорный канат, будем продолжать.

Вот ведь незадача! Вовремя верно распорядился и проанализировал реакцию старпома. Сначала — непонимание, потом — проблеск догадки. Кажется, остальные, зная то же, что и он, рассуждали иначе. И недоумевали, почему командир прекратил маневр по снятию бедствующего с плота. Догадкой про мины он ведь ни с кем не поделился, да и может оказаться, что нет их тут. Ну, нет так нет. Никто ведь не перечит, делают, что велено, и ладно.

Работали до темноты. Вытралили шестнадцать мин, все их расстреляли. Пока занимались, обменялись сиг-

налами с проходящим мимо джаппским пароходиком — несостоявшаяся жертва риканского коварства мирно проследовала в порт назначения. А, закончив обезвреживание западни, двинулись следом за джаппом.

Как раз стемнело. Так что, соблюдая светомаскировку, топали себе потихоньку на пределе видимости ходовых огней преследуемого. И надо же, засекли крадущийся в ночи риканский рейдер. Он как раз сделал предупредительный выстрел, останавливая намеченную жертву. Потом удалось наблюдать высадку досмотровой партии. Вообще-то, по всем правилам, рикане джаппов должны отпустить. Нейтральные воды, государства не воюют. Но что-то в эту картину не укладывалось.

Ага, началось маневрирование. Ясно, крейсер неприятеля собирается принять уголь. Неважно, по сговору, или это просто ограбление, да и некогда разбираться. Положение идеально для поражения цели. Из кромешной темноты пасмурной ночи по подсвеченным целям — пример для учебника тактики скрытных торпедных атак. Главное — аккуратненько подобраться.

Две торпеды, два взрыва. Спасшихся подберут недограбленные джаппы. Тихонько уходим и быстренько возим пакеты.

* * *

Сведения о потопленном рейдере дошли до Гошки почти через неделю. Этот вспомогательный крейсер действительно намеревался разжиться углем на мирном лесовозе. После потопления корабля высадившиеся на остановленное судно риканские моряки, обманутые «покорностью» экипажа, были по одному разоружены и связаны. И переданы в руки властей в ближайшем Рыском порту. Их допрос подтвердил догадку о минной западне с приманкой.

А «Рябой» продолжал сжигать сотни тонн угля, перевозя штабные бумаги. Раненные в гряде Гунька штурман и боцман поправились и вернулись на корабль. Их места сохранялись вакантными, а обязанности были распределены между остальными членами экипажа — тоже одна из традиций, сильно удививших Гошку. Он даже специально поразмышлял, как это может корабль с неполным экипажем длительно функционировать и выполнять боевые задачи!

Оказалось — может. Компетентность большинства членов его команды выходила далеко за рамки их прямых обязанностей. Кочегар спокойно заступал вахтенным начальником, если возникала необходимость. Поэтому «узурпация» власти Гошкой в гряде Гунька никого не повергла в шок. Более того, ему явно грубо подыграли. Со временем стало ясно, что на миноносцах семисотой серии устроена «кузница кадров», где выпускников учебок «доводят до кондиции» опытные моряки, отслужившие лет по двадцать. Если старпом молод, то капитан опытен. Или наоборот. Молодой офицер, набравшись опыта, получает свой корабль, а на его место заступает выпускник училища. Аналогично у артиллеристов, машинистов, рулевых. Опытность же «постоянной» команды такова, что, лишись корабль половины экипажа, боеспособность почти не страдает.

Хотя вероятность участия этих миноносцев в сражении мала. Другие задачи. Только «Рябой» имеет «допуск» принять бой. Но нет перспективных встреч. Хотя некоторые корабли, с которыми разошелся в пути, вполне могли быть рейдерами. Он ведь не останавливает их для осмотра, как делают патрульные крейсера.

Кстати, четыре таких пиратских корабля за последние полтора месяца коллеги обезвредили. Один из них попал «на зуб» однотипному с «Рябым» семьсот пятому. Мирный сухогруз с полукилометра врезал сразу из че-

тырех стволов сегментными снарядами, когда в проливе Гриллинга его обгонял посыльный миноносец. Ни одного промаха не совершили риканские комендоры, и три залпа подряд оставались безответными. Потом проснулись стомиллиметровки посыльного кораблика. За погибших старпома и двух сигнальщиков экипаж вспомогательного крейсера заплатил сполна. Молодой мичман, командовавший кораблем второй год после выпуска из корпуса, таранил шлюпку, покидавшую тонущий пароход, и сделал еще два прохода через головы выплывших. Поэтому ему меняют правый винт.

А сейчас есть подозрение, что в архипелаге Сарпар прячется настоящий боевой риканский крейсер, пошаливающий у берегов острова Тур. Обижает рыбаков, топтит каботажников, перехватывает пакетботы. Штаб флота его приблизительно вычислил, и отряд рысских крейсеров прочесывает систему островов. А Гошка везет им почту.

— Дым на траверзе слева по борту. — Доклад сигнальщика.

— Командир приглашается в ходовую рубку. — Голос вахтенного офицера.

Гошка разглядывает обнаруженное облачко в бинокль. Да ничего особенного. Взгляд на карту. Появление в этом месте мирного парохода вполне вероятно. А если это рейдер, удирающий от эскадры рысских крейсеров? Тоже возможно. Не угадать.

— Лево на борт. Курс на дым. Полный вперед. — В конце концов, ему дано право на самостоятельные решения.

Через пару часов стало ясно, что цель удивительно быстроходна. Штурман рассчитал, что ее скорость превышает тридцать километров в час. Торговцы так не бегают. И курс проложен в открытое море. Кстати, дымы миноносца догоняемые наверняка обнаружили. Рыс-

ский патрульный крейсер обязательно повернул бы на встречу, если сам не занят преследованием. Уверенность в том, что они не попусту жгут уголь, окрепла.

Догнали только в сумерках. Не беда. Ночное светило, которое здесь тоже называют Луной, нынче в полной силе. Сигнальщики легко опознали еще один крейсер серии «Чиган», который открыл огонь задолго до того, как «Рябой» сблизился с ним на расстояние, приемлемое для его пушек. Всплески встали близко. Почти накрытие. Если на то пошло, пристрелочными болванками его скорее уконтрапупят, чем боевыми, применяемыми при обстреле миноносца, снарядами с дистанционными трубками.

Включена дымопостановка, резкий поворот, еще поворот. Спрятались. И стали удаляться. Нет, так им до рикан не добраться. И угля осталось не так много, чтобы безоглядно рваться в бой. До портов отсюда не близко. Отстали, выйдя за пределы дистанции действия артиллерии, и снизили ход, уравнив скорости. Да, при бое вдогонку у «Рябого» шансов нет. За время сближения его размолят в труху даже только из кормовых орудий. Никакие хитрые маневры не помогут. Просто за счет случайности вследствие рассеяния снарядов ему достанется на орехи. В конце концов, тот же шрапнельный, если угодит в корпус до подрыва, просто отправит их кормить рыб.

Конечно, как он убедился, именно эти, семисотые миноносцы оказались неплохо бронированы. Тридцать миллиметров вязкой легированной стали в сочетании с острыми углами, под которыми соприкасаются снаряды с обшивкой, дают неплохую защиту от так называемой противоминной артиллерии. Но сто пятьдесят миллиметров главного калибра и бортовых казематных орудий — это им не выдержать. Ведь никто не даст гарантии, что по ним не врежут пристрелочной болванкой,

нормальным осколочно-фугасным снарядом или бронебойным какой-нибудь забубенной конструкции.

Кстати, он в кораблестроении не знаток, но этот тип миноносцев так уродлив, что возникает масса вопросов. Здесь все сделано не по-человечески. Бред сумасшедшего конструктора, а не корабль. Вот, скажем, когда он приказал сделать приспособления для отстрела мачты, стармех решил задачу иным образом. Заднюю просто снял, а переднюю вставил в вертикальную трубу, зачем-то вваренную еще строителями в задней части надстройки, похожей на рубку подводной лодки. И теперь эта мачта, при необходимости, просто опускается в рубку по перекладину, закрепленную на самой верхушке. Ну, пока ничего не происходит, спрашиваем «духа».

— Старшему механику прибыть на мостик, — внятно произнес он в переговорную трубу.

Расспросив пожилого главстаршину, выяснил, что знания того в этом вопросе основаны на слухах, пересудах и презрительных замечаниях. Сложилось впечатление, что поначалу строили совсем не такой корабль. Потом проект переделали в срочном порядке. Были разговоры о строительстве подводной лодки, но вопрос с двигателями остался нерешенным. И пять готовых корпусов переоборудовали под серийные паровики.

Откуда толстый прочный корпус, практически лишенный внутреннего набора, но разделенный огромным количеством переборок — это главстаршине неизвестно. Стальной лист палубы, и дурацкое плоское днище, которое, говорят, по расчетам конструкторов должно было способствовать продольной устойчивости. Сохранились также шахты перископа и воздухозаборника. Причем именно воздухозаборник оказался просто великолепен. Прикрытый броней, вынесенный практически на верхнюю точку надстройки, он исправно работал в любой шторм и после любого обстрела. И выбор места

для успокоителя качки тоже не случаен. Четное количество кильсонов при узком корпусе и отсутствии килля просто не оставили для него иного пространства. Там ведь еще и механизмы привода надо как-то размещать. Это в зазоре между погребом носовой башни и задней оконечностью торпедных аппаратов, установленных над самым днищем.

В итоге — низкая неогражденная, заливаемая водой палуба, непроходимая продольно. Теснота, дискомфорт. Зато неплохой ход, очень плавная качка, даже легкое бронирование. В общем, как всегда, у любого плюса есть свой минус, и наоборот.

— Цель меняет курс, — сигнальщик не отрывается от окуляров. — Циркуляция вправо.

— Разворачивается, чтобы наказать наглого маломерку, — понял Гошка. И вслух. — Полный ход. Торпедные аппараты готовить, орудия к бою! Мачту опустить.

Ситуация кардинально менялась. Однажды «Рябому» уже удалось потрепать однотипный с этим корабль. И именно в условиях встречного боя, когда время сближения невелико. Правда, повезло им тогда, как.. Больше так не будет. И ветер справа. Хорошо, хоть волнение слабое. А то ведь даже при четырех баллах миноносец практически непригоден для прицельной стрельбы, слишком качает, да и вероятность того, что в ствол заплеснет воду, чересчур велика.

Сближение на встречных курсах, расстояние до цели тает на глазах. Каждая минута съедает километр. Скольжение на повороте руля и успокоителя качки позволили «пропустить» первый залп справа по борту. Хотя легло близко. Сменили направление отклонения, и на этот раз фонтаны встали слева. Гошка снова изменил ориентацию управляющих лопастей. Противник опять промахнулся. А тут заговорило носовое орудие миноносца. Да-

леко. Прوماхи идут. А где же всплески? И что за вспышка на надстройке неприятеля?

Ага. Противник разворачивается к нему бортом. Это пять стволов вместо одного по носу или по корме. И дымом не прикрыться, его снесет ветром.

Гошка бросает миноносец из стороны в сторону, то давая смещение, то резко, в два руля, поворачивая. Пушки рикан большего калибра. Они реже стреляют, и именно сейчас важно, чтобы маневры «Рябого» не позволяли их наводчикам удерживать его в прицеле. Вот осколки осыпали палубу. Следующий залп вызывает стальной дождь. Даже триплекс рубки покрывается трещинами. Шрапнелью лупят. Значит, его разглядели и приняли за миноносец семьсот десятой серии. Ну, этим его не пронять. Торпеды уже приготовлены к стрельбе. Без этого «аргумента» вся затея ни к чему не приведет. И хорошо, что главный калибр крейсера стреляет так редко.

Взрывы снарядов, удары, сотрясения корпуса, звон осколков и шрапнели — Гошка почти одурел, но первую торпеду выпустил вовремя. С предельной дальности она не имела почти никаких шансов попасть, но вся бортовая артиллерия противника перенесла огонь на нее. Заработали дымогенераторы, и, нырнув в густое облако, миноносец в два счета преодолел оставшиеся до оптимальной точки пуска полкилометра.

Выскочил, выстрелил вторую торпеду, развернулся, получив еще порцию шрапнели и осколков, и снова влетел в дымовое облако. Пару раз менял курс, улепетывая со всей возможной скоростью. Мощный взрыв за кормой указал на то, что его гостинец нашел адресата. Или был уничтожен артиллерией?

Еще взрывались вблизи посланные вдогонку снаряды, еще приходилось активно маневрировать, чтобы не получить попадание после практически выполненного

маневра ухода, а Гошка уже размышлял. Вот уже второй раз он выходит из боя с мощным, отлично вооруженным кораблем. Он, малоопытный командир, действующий вопреки всем правилам тактики морского боя. Это что? Везение? Или он так крут?

Миноносец избит и иссечен, но докладов о пробоинах, повреждениях или потерях не поступает. Репутация «счастливого командира», уже закрепленная за ним матросской молвой, станет незыблемой. Почему? В собственную исключительность или особые таланты он не верит. Нормальный парень, не более. Или он чего-то не понимает?

— Угля осталось только до острова Гелен, — выводит его из задумчивости голос старпома. — Если самым экономичным ходом.

— Следуем в Гелен. Самым экономичным ходом, — откликается Гошка и покидает рубку. — Да, отмените боевую тревогу, — добавляет он уже из люка. Сигнальщики докладывают о том, что расстояние до риканского крейсера нарастает со скоростью, равной ходу миноносца. Опять, что ли, комендоры угодили в машинное отделение неприятеля? Был момент, удачный для дюжины выстрелов.

Да. Тормознул он после боя. Не подумал об угле. Старпом тактично напомнил, о чем и когда нужно заботиться командиру. Обход отсеков. Народ взвинчен. Все работает. Уголь переносят к одному котлу, где тяга лучше. Дымовым трубам сегодня досталось.

На палубе картина ужасная. Все поверхности носят следы многократных воздействий металла. Посвежело. Даже невысокая волна захлестывает на палубу, омывая голую стальную поверхность, изредка облизывая похожую на танковую, приплюснутую башню носового орудия.

Похожую на танковую. Вот оно. Этот миноносец —

морской танк. Низкий силуэт, все поверхности находятся под острыми углами к падению снаряда. Или прикрыты забортной водой. Пусть и не самая толстая, но броня. Вот след на рубке. Явно — поросенок калибра сто пятьдесят миллиметров. Главный калибр крейсера. В них попадали, и неоднократно. Но все рикошетило. И, кажется, «Рябому» недолго носить свое имя. Перекрестят в «Драного».

Трубы, действительно, выглядят неважно. Партия ремонтников уже накладывает заплаты. Прямо поверх старых заплат. Кокетливо получается. Хорошая видимость. Рассвет. Сигнальщики обшаривают оптикой горизонт. Чисто. Атакованный крейсер час назад скрылся из виду.

Гошке не с руки торчать рядом с вражеским крейсером, ожидая, чем дело закончится. Пожжет уголь, и придется болтаться в море под наскоро состряпанным парусом. Кстати, сам-то парус им просто не из чего сделать. Нет, любоваться побежденным кораблем он не будет. Или непобежденным? Ну, постреляли друг в друга, так разбежались же. А от острова Гелен уйдут сообщения, руководствуясь которыми русские крейсера хорошенько прочешут море. Если «Чиган» поврежден, догонят и добьют.

ГЛАВА 8

В порту Гелен оказался новейший эсминец, завершивший бункеровку. Капитан порта, получив семафор с «Рябого», направил его в сторону атакованного Гошкой «Чигана». Пара стотридцатимиллиметровок — это здорово. Русская артиллерия последнего поколения чудо как хороша. Оно, конечно, эсминец против крейсера вроде как несерьезно, но если радиус поражения и скорость больше, чем у противника, то победа — дело терпения.

Семьсот второй стоит у стенки. Команда в бане. Угля в порту больше нет. Бункера ушедшего пару часов тому назад корабля удалось заполнить только на три четверти. Тут неподалеку металлургический комбинат, а за мысом — достроечный бассейн небольшой верфи. Так что топливо будет. Уже завтра. А сейчас тихий осенний вечер. И усталость такая, что вообще ничего не хочется.

Нет, хочется. Хочется стоять на мостике быстроходного красавца, унесшего в море чисто выбритых и одетых в отглаженные спецовки морских офицеров. А не выглядывать через растрескавшийся триплекс из тесной стальной утробы ходовой рубки этого иссеченного осколками... ладно, определение можно опустить.

Как ни крути, этот уродец дважды унес ноги от целого боевого крейсера, с которым, правда, сам же и сцепился. Оба раза — без повреждений, если не считать внешнего вида, в просторечии именуемого экстерьером. И обидчика своего угостил из мощных четырехдюймовых пушек.

Вообще-то миноносцы, как правило, вооружаются семидесятипятимиллиметровками, устанавливаемыми не в бронированных башнях, а прикрытых щитами с боковыми стенками и крышей. Это значительно более легкая конструкция, хотя силуэт сходный. На быстроходных кораблях, имеющих небольшое водоизмещение, разница в несколько тонн очень заметна.

Вон, миноносцы семьсот десятой серии, хотя и длиннее, но имеют практически то же водоизмещение, да еще и бегают почти на пять километров в час быстрее, потому что в воде сидят не так глубоко, и форма корпуса у них значительно совершенней. Наклонный форштевень, V-образный профиль носовой части, корма со свесом — по-людски сделанные корабли с хорошим надводным бортом. И волна через палубу при четырехбалльном волнении не перекачивается. Экипаж, опять

же, размещен нормально. Пусть и тесные, но каюты и кубрик имеются. Да и смотреть на них приятно, глаз радуется от пропорциональности форм и стремительности линий.

Вот такие мысли «гонял» Гошка в своей бестолковке, «любуюсь» пришвартованным к заводской стенке семьсот вторым, когда рядом прозвучал голос:

— Это ты, что ли, с «Чиганом» сцепился? — Средних лет мужчина в инженерской спецовке с интересом разглядывал отметины на палубе и бортах многострадального миноносца. И каким-то неведомым ему чувством Гошка вдруг сообразил, что перед ним такой же, как он, пришелец с Земли.

— Да. Вообще-то нам здорово повезло, что под бортовой залп ни разу не подставились. — И, протягивая руку, представился, — Кукса. Куксин Игорь Николаевич, но уже прилипло погоняло.

— Раз зовут по кликухе, значит, за своего держат. А я Таврухин Алексей Ильич, тоже с Земли. Только вот прозвище ко мне поначалу прилипло, а потом отлипло, когда семисотую серию на вооружение принимали.

— Твоя, что ли, задумка?

— Моя, только изувеченная по замечаниям высокой комиссии. Пойдем, покажу тебе, как это было в замысле.

Гошка думал, что его поведут показывать чертежи, но новый знакомый направился в затон, где стояли старые или сильно поврежденные миноносцы нескольких типов. Еще не кладбище, но и признаков жизни на них не наблюдалось. Ржавчины нет, однако птичий помет — сколько угодно. Перейдя по сходням с корпуса на корпус, они оказались на стальной плите, такой же, как и на семьсот втором, голой металлической палубы, также совсем немного возвышающейся над водой.

Этот кораблик был заметно короче. Трубы отсутствовали, зато длина рубки оказалась больше.

— Дымоходы под броней, — пояснил Алексей. И сама броня на несколько миллиметров толще. Видишь, палуба над водой совсем немного выступает.

Гошка сначала полез вниз. Масляные фонарики окказались на привычных местах и были заправлены. Зажигалка в кармане всегда. Люки — знакомой конструкции. Вообще, сходство с его миноносцем большое. Но торпедных аппаратов нет. Успокоитель качки отсутствует вместе со всеми механизмами привода, соответственно несколько метров длины в носовой части экономится сразу. Котлы и машины для правильного распределения массы по длине сдвигаются вперед, и кормовая часть укорачивается. Дымоходы легко выводятся через заднюю часть надстройки. Внутри тесно, конечно, но не более, чем на семьсот втором.

Рубка просторней за счет возросшей длины. Убирающийся перископ, позволяющий приподнять «точку зрения» сигнальщика на пару метров. Открытого ветру и осколкам снарядов мостика на крыше рубки нет и в помине. Отсутствие мачт. И те же самые два орудия в бронированных башнях.

— Это уже не миноносец, — закончив осмотр, Гошка привычно вытирает руки извлеченным из заднего кармана платком, — это плавающий танк. Бронекатер мореходный.

— Правильно. Так и задумывалось. — Алексей явно доволен произведенным впечатлением. А тебе в перестрелке с «Чиганом» торпеды помогли?

— Да. На них рикане перенесли огонь, когда я оказался у них под бортовым залпом.

— И зачем, скажи на милость, ты под этот самый залп подставился?

— В данном конкретном случае — чисто по собственной нерасторопности. Понимаешь, цель в бою поворачивается быстрее, чем я вокруг нее обегая, так что

стремление противника не показывать борт продиктовано прежде всего предположением, что у меня есть торпеды. А в казематах у него не меньше чем по три пятидесятимиллиметровки с каждой стороны, и кораблю такого водоизмещения, как этот, может за глаза хватить всего одного попадания. Даже пусть будет сорок миллиметров брони, а выстрел — болванкой. Если бы палили по мне не шрапнелью, а хотя бы осколочно-фугасными, да попали разок, кушали бы меня рыбки.

В общем, кораблик ты мне показал прекрасный. Ни мореходности, ни хода, ни основного вооружения. Но для чего он годится — ума не приложу. Скорость ведь те же сорок пять?

— Даже меньше. На Земле сказали бы — двадцать один узел. Это и до сорока не дотягивает. Чуть шире этот кораблик, чем твой семьсот второй.

— Значит, и использовать его будут только, чтобы пакеты возить. Скорость — как у среднего многоцелевого крейсера, а угля ест, как миноносец. Понимаешь, с четырех-пяти километров из двухсотмиллиметровки фугасным снарядом любой крейсер грузило сделает из этого изобретения, несмотря на всю его защищенность.

— Конечно, если не промахнется. Таким снарядом при удачном попадании можно и броненосцу большую беду устроить. А этому сооружению — и стомиллиметрового хватит за глаза. Ну, да ладно. Это был головной образец, который комиссия зарубила. Написали в замечаниях, что надо увеличить скорость, дополнить вооружение торпедными аппаратами и обязательно установить успокоитель качки. В общем, мне пришлось своими руками выхолащивать некоторые заложенные в него идеи.

Алексей явно увлекся и начал повествовать, не нуждаясь в знаках внимания слушателя.

— Понимаешь, снаряда стомиллиметровой пушки

достаточно, чтобы продырявить броневой пояс практически любого супердредноута. Там работают соотношения, известные кораблестроителям испокон веков. Или неприятелю придется строить настолько огромные корабли, что он просто разорится. Ну, я имею в виду, для кумулятивного боеприпаса, который пока разработать не удалось. Но это дело ближайшего будущего.

Тем не менее уже имеющихся бронбойных снарядов с избытком хватит для пробития брони подавляющего большинства остальных броненосных кораблей. Если применить подкалиберный снаряд, пущенный из длинноствольной пушки по настильной траектории. То есть — с расстояния не более пяти километров.

Теперь формулируем задачу — противостоять прямому воздействию современного снаряда ни один корабль не способен. И невозможно избежать воздействия осколков или ударной волны от близких разрывов снарядов, как это бывает при накрытии залпом, но без попаданий.

Наша цель — приблизить наименьшее из эффективных для поражения цели орудие на расстояние уверенного попадания в цель. То есть — стомиллиметровку надо подтащить на три-пять километров к неприятелю. Одна беда — пушки по воде не плавают. Ставим ее на гипотетическую платформу и... корпус плавсредства надо погружать в воду, выставляя над уровнем моря только то, без чего нельзя обойтись. А орудийную прислугу необходимо хорошенько прикрыть от воздействия всей гаммы боеприпасов шрапнельного или осколочного действия, а также сегментных снарядов, разработанных специально против миноносцев.

Действительно, описанная картина выглядела логично. Да, собственно, эта логичность уже подтверждена практикой. Гошка подождал, пока собеседник переведет дух, и приготовился слушать дальше.

— Корпус необходимо делать очень прочным, чтобы его не разрушила ударная волна близких разрывов. Собираем коробку из плит. Вернее — очень толстых листов. Ты, наверное, заметил, что весь корабль построен всего из четырех деталей. Два борта, днище и палуба. И представляешь себе, каких трудов нашим металлургам стоило это прокатать! Специально стан модернизировали, слябы отливали огромного размера. А потом бортовые листы еще требуется правильно согнуть — это же целую постройку пришлось возводить!

Ну, сварку без электричества здесь научились нормально проводить и без прищельцев. Трудоемко, конечно, но результат прекрасный. Несколько распорок, в роли которых выступают водонепроницаемые перегородки, укосины изнутри в нужных местах, стрингеры высокого профиля через всю длину днища. В общем, этим корпусом можно гвозди заколачивать. Запас прочности многократный. Больше половины массы корабля, однако. То, что получилось, охотнее тонет, чем плавает.

И сразу — проблемы низкой палубы. Первая задача — защитить от заливания двухметрового диаметра отверстия, через которые артиллерийская прислуга, находящаяся в подпалубном пространстве, приникает к прицелу и заряжает орудия. Башня — это, конечно хорошо, но нужно обеспечить ее вращение без проникновения воды во внутренние помещения. И не забывать, что в место стыка осколки попадают так же, как и во все остальное. Нельзя допустить заклинивания. Целый клубок хитростей и бессонные ночи. Ты, если когда-то что-то разрабатывал, — знаешь.

Ну ладно, с горловинами разобрались. Теперь — наведение орудий в условиях качки. Чем меньше судно — тем шибче его валяет волнами. И после выстрела поперек курса раскачка идет. Башня массивная, орудийный ствол тоже. Автоматика в нашем, земном понимании от-

существует напрочь. Вспоминаем гидроусилитель руля и ставим пару ребят с этими самыми рулями специально, чтобы смотрели на гироскоп и управляли приводами. А потом решаем задачу о том, как сделать так, чтобы хлопцы, сохраняющие положение ствола, не мешали наводчику положение этого самого ствола менять.

В голосе Алексея уже чувствуется издевка. Он перешел на тон специалиста, толкующего с дилетантом. Но Гошка только кивает и вопросительно поглядывает на собеседника. Пусть рассказывает.

— Теперь, когда наш кораблик под весом артиллерии еще немного притопился, надо обеспечить его воздухом. И для топок, и для людей. Понятно, что воздухозаборник надо поднимать над палубой метров на пять. Это крыша рубки. Там же — срезы дымовых труб. Все это бронируем одной сплюснутой с боков ужасно толстой стеной, через которую организуем вертикальный проход. При волнении свыше трех баллов с палубы смоем все, поэтому перемещения экипажа — только внутри.

Наконец, начинаем все это балансировать и уравнивать. Вспоминаем, что седьмую часть массы корабля составляет уголь, по мере расходования которого изменяется положение центра тяжести, и сам корабль, всплывая, смещает вверх центр тяжести, практически не изменяя положение точки, к которой направлена выталкивающая сила, что может привести к перевороту при ничтожном наклоне корпуса. Справедливое желание закрепить все тяжелое на днище, чтобы избежать опрокидывания, ведет к тому, что бортовая качка становится резкой настолько, что люди смогут находиться в корабле только в положении сидя, а перемещаться ползком.

Итак, проектируем угольные ямы, балластные цистерны, наполняемые водой по мере сжигания топлива, размещаем котлы, дымоходы, топки, паропроводы, уста-

навливаем двигатели и прокладываем валы винтов. И становится тесно. Получилась подводная лодка, находящаяся в состоянии «сейчас нырну».

И не забываем про воздух. И экипаж, и топки «вдыхают» через единственное отверстие. А через трубы идет «выдох». И ему надо помочь, слегка поддувая в топку, чтобы шибче горел уголек, дымило поменьше, и не забываем, что выброшенные из трубы искры демаскируют наш кораблик в ночное время.

Наконец, постройка завершена. Этот кораблик даже в одиночку может вести бой с легким крейсером, не будучи обреченным на неминуемую гибель. А четырех таких малышей этому крейсеру хватит выше крыши. Попасть в него из принятых на вооружение у рикан стопятидесяток нелегко, а снаряды семидесятипяток будут часто рикошетить. Еще у них есть калибр сто двадцать, самый неприятный в нашем случае, но они его редко применяют, как-то он не очень прижился на их кораблях.

А наш малыш, подкравшись на расстояние уверенного выстрела, может за считанные минуты наделать неприятелю кучу повреждений.

Алексей снова сделал паузу и посмотрел на своего молчаливого собеседника. Наверное — уловил сочувствие.

— И вот ни с того ни с сего появляется в приемочной комиссии какой-то никому не ведомый чиновник с погонялом «Го», которому все смотрят в рот.

«Скорость маловата, качка великовата, и без торпед как-то несерьезно, да и что это за корабль без мачт?» — всего-то и сказал. Блин горелый, кто его за язык тянул? — Алексей уже гневно сверкает глазами, видно, вспомнил все, и заново переживает. — А господа капитаны и адмиралы тут же все на карандаш и в протокол.

И пришлось мне моего малыша уродовать. Тут, когда что в бумаге появилось — считай, дело сделано. Спорить

бесполезно. И превратилась моя канонерка в миноносец.

Чтобы впихнуть торпедные аппараты, корпус пришлось удлинять. Соответственно — сталь бортов стала тоньше, поскольку ту же отливку надо раскатать до большей длины.

Чтобы увеличить скорость, корпус пришлось делать уже, разносить по длине топки и сдвигать все к корме. Машины-то и так использованы самые лучшие, специально для малых кораблей спроектированы, доводку только что завершили. Дымоходы в надстройку уже не попадают, и даже не сходятся в один канал. И появляются трубы. Кормовая башня ползет назад, надстройка — вперед. Втыкаются никому не нужные мачты, способствующие демаскировке. На крыше рубки вырастает открытый всем осколкам мостик, поскольку у перископа узкое поле зрения, и им неудобно пользоваться при качке.

Все, проект загублен. Тихоходный бронированный миноносец, вынужденный при волнении в четыре балла сбрасывать ход до среднего, посмешище всего флота. Поскольку комиссия постановила сразу закладывать пять штук, то их и построили. Дивизион спокойного моря — так их зубоскалы окрестили. Боевое применение считается невозможным, используют для доставки депеш. Ну и молодых матросов на службу натаскивают заодно.

Алексей тяжело вздохнул и примолк. Гошка не испытывал к этому упертому горе-изобретателю ни малейшего сочувствия. Поразмышлял про себя, насколько сильно бить, ведь беседа имеет доверительный характер. И соглашаться нельзя. Негодные кораблики эти семисотые, как ни крути. Наконец, подобрал нужные слова.

— На лазурной глади моря цены бы не было этим замечательным канонерочкам. А в реале при непогоде на них несладко. Ни отстреливаться нельзя, ни убежать.

— А, ты про этот неубиенный аргумент вспомнил! Сколько лет по этим морям ходишь? — Алексей криво усмехнулся.

— Около одного. — Гошка и не думает выдавать себя за опытного морского волка.

— И сколько штормов ты видел?

— Около одного. — Гошка всерьез задумывается над этой странностью.

— То-то и оно. На этой планете сильные ветры бывают нечасто. И дуют они недолго. По результатам многолетних наблюдений волнение больше четырех баллов отмечается в сумме в течение одной недели в год, не более. Для всех акваторий, по которым есть данные. Штормов больше семи баллов вообще никто не помнит, а твой миноносец в открытом море это выдержать способен. И при четырех баллах он еще вполне боеспособен. Если, конечно, захлопки стволов исправны.

— Погоди. — Гошка чувствует, что собеседник подвел его к важнейшему соображению. — Это получается, что на Посейдонии всегда хорошая погода?

— Нет, так утверждать нельзя. Погода разная, ветры в наличии, но, поскольку огромные массы суши, именуемые материками, здесь отсутствуют, то процессы в атмосфере проходят иначе. И океанические массы по-другому организованы. Островные цепи, а это вершины горных хребтов, препятствуют образованию крупных течений. Мелких течений тьма: теплых, холодных, идущих во всех направлениях.

На планете не формируется больших однородных воздушных масс, не образуется тайфунов или торнадо. И грозовых фронтов тоже нет, но это уже по другой причине. Здесь в любом море может сформироваться шторм. Недолгий, на пару-тройку часов. В любой момент может налететь шквал, минут на двадцать. Вода взбаламутится, а потом успокоится.

Самый длинный период сильного ветра, зафиксированный наблюдателями, длился пятьдесят один час. И было это двадцать семь лет тому назад.

Гошка припомнил карту, пробежался памятью по тому, что твердили им в школе на уроках географии. Пожалуй, прав Алексей. Картина с погодой здесь получается раздробленная. Все то же самое, что на Земле, но порции мельче. Даже облачные массы не занимают огромных пространств, как это не раз отмечалось в сообщениях земных синоптиков. Это там циклоны и антициклоны неделями «бродят» над пространствами огромных континентов, но тут вам не там.

Какой же вывод? А тот же самый. Если корабль перевернуло штормом, какая разница, сколько этот шторм длился? Час или сутки. Хотя убогие полузатопленные порождения воспаленного разума этого сдвинутого изобретателя не затонут, если не держать распахнутыми палубные люки. Ну, покачаются часок-другой на пляшущей воде, поддерживая минимальный ход, обеспечивающий управляемость. Конечно, если в этот момент рядом неприятель на крупном, не боящемся волнения корабле, даже уйти будет проблемой. Но вероятность такого совпадения — одна неделя в год. Около двух процентов.

А на войне случайные факторы исключить вообще невозможно. Если бортовой залп с предельной дистанции накрывает цель, то какова вероятность прямого попадания? Одиннадцать двести тридцать вторых. Вот! То есть стреляют в надежде на удачу. Пять процентов или два. В совершенно разных ситуациях. Ну, это, конечно, взгляд с другой стороны.

Гошка посидел, пораскинул умишком. Действительно, идея безумного прожектера правильная, в принципе, но необычная настолько, что... А что? Ведь построены миноносцы, которые на самом деле — канонерки. Военная казна выделила на это немалые средства, позволила

задействовать производства, несомненно, необходимые для строительства «традиционных» кораблей.

— Слушай, Тавр, а чего ради тебе вообще позволили этим проектом заняться? Это при том, что бюрократия в Империи поставлена на широкую ногу. Наверняка для любого начинания требуется куча согласований и решений.

— Это, конечно, история та еще. Хотя вроде спешить нам некуда. В общем, я судостроитель. Проектировщик, конструктор, разработчик — какое понятие тебе ближе, то и верно. Причем занимался не частностями, а всем кораблем. Специализировался на компоновочных задачах. Справлялся неплохо, карьерку небольшую сделал, а потом вот сюда попал. По местным надобностям — работник на вес золота. После карантина околоточный мне предложил на выбор десяток направлений на судостроительные и судоремонтные заводы.

Конечно, выбрал самый авторитетный, который специализируется на броненосцах и броненосных крейсерах — главной ударной силе флота. Приняли меня с распростертыми объятиями, все показали, рассказали. По моей просьбе направили на заводы-смежники, так что больше года посещал металлургов, оружейников, химические комбинаты, полигоны и экспериментальные лаборатории. В общем, дали мне возможность по полной всосать технологическую картинку и совокупность конструкторских замыслов, что в настоящий момент здесь имеют место быть.

А потом прошелся я в чертежном зале мимо кульманов и понял, что на фиг я никому не нужен. Все ребята делают правильно, и ничему особенному я их не научу. Там два парня с Земли раньше меня оказались. Один — знаток Русско-японской войны, второй из судомоделистов. Оба с техническим образованием. Начитанные, прекрасная память, фонтан идей. А местные специали-

сты тоже не лаптем щи хлебают. Развесовки да балансировки без компьютеров на счетах и логарифмических линейках просчитывают, эпюры и графики рисуют, а эскизы составляют так, что хоть сразу в работу отдавай.

В общем, новые проекты хороши, планы модернизации старых кораблей оптимальны. И все это отлично увязано с производственными возможностями Империи. Несколько частных задач я, конечно, помог решить, подсказал с десятков улучшений, пару погрешностей выловил. Рутинной работы всегда на всех хватит. Но очень мне захотелось учинить что-то важное и значительное.

Очень уж понравилась здешняя жизнь. Ты, как я понял, в Империи около года.

— Чуть больше. Но действительно, живется тут неплохо. Как оно все устроено, я еще не понял, но народ дружелюбный. Озлобленных или обиженных вроде не встречал. С нашим миром разница огромная. — Гошка с удивлением отметил, что к хорошему привыкаешь настолько быстро, что практически перестаешь замечать.

— Да, ну так вот. — Алексей вернулся к своему повествованию. — Захотелось сделать нечто значительное, как это говорят, внести существенный вклад. А ничего путного в голову не приходит. Весь извелся. Ну и как-то Агуша, это жена моя, и говорит: «У тебя настроение, как погода, меняется по семь раз на дню». А на Земле-то говорят всего про три раза!

Присмотрелся. Заглянул к синоптикам, порылся в их регистрационных журналах. И сообразил как раз то, что тебе втолковал. Дальше началось самое интересное. Прежде всего было необходимо сохранить догадку в тайне. А, сам знаешь, что знают двое, то рано или поздно станет известно противнику. Преимущество на войне имеет тот, кто располагает чем-то не известным врагу.

Поэтому составил я пояснительную записку с обос-

нованием необходимости постройки малой партии вспомогательных кораблей с низким силуэтом для патрульной противорейдерной службы в прибрежных водах, и запустил по команде. Молча, конечно, ни с кем не консультируясь. Положительная резолюция комитета по морским вооружениям была получена очень быстро. Я тогда еще не знал, а потом выяснилось, что хотя бы один раз карт-бланш каждому пришельцу дается обязательно.

Ну, а поскольку проект мною был оформлен с великим тщанием, и все важное в нем оказалось искусно замаскировано второстепенными деталями, то замысел удался. Перебрался я сюда, в Гелен. Тут как раз верфь подходящая, и, главное, постройки эллинга смыкаются с выходными роллами прокатного стана. В общем, все получалось замечательно до прибытия приемочной комиссии, которая головной образец зарубила. Не совсем, правда, а замечаниями, почти несовместимыми с реализацией моего замысла.

Поскорбел. Прикинул. Посчитал. И вышло, что можно и замечания формально устранить, и сохранить главный замысел. Не так чтобы в полной мере, но с приемлемыми потерями. Ну, и подлянка мне в голову одна пришла. Миноносцы семьсот десятой серии строят массово. Все иностранные шпионы давным-давно все про них знают. А если обеспечить сходство силуэта, то неприятель станет гасить моих малышей тем же методом, что и обычные скоростные миноносцы, облегченные до последней возможности в угоду скорости.

А по плану пора всю серию запускать. В общем, бюрократическая машина сбойнула тут в мою пользу. Опять же серийность сразу снижает затраты, так что заводское руководство заложило сразу всю партию по чертежам с устраненными замечаниями высокой комиссии.

Когда военные моряки снова приехали на приемку,

степень готовности была такова, что резать миноносцы на металл было дороже, чем доделать. Ну да, сидят низко, но не тонут же. И опрокинуться не норовят. И бегают неплохо. Тут, кстати, не только обводы идеальные, но еще и хитрость с винтами. Во-первых, они расположены по бокам, на манер того, как задние лапы у выдры. А во-вторых, сделаны из одного нового эластичного олигомера. Чуть не поседел, пока форму просчитал с учетом упругости.

Теперь при росте скорости шаг винтов увеличивается. Без этого приема бегали бы наши кораблики на скорости километров тридцать пять в час. Но в эти тонкости я комиссию посвящать не стал. Опять этот штатский Го рассвирипел. Ругал меня, костерил директора завода. Приговорил посудины эти к посыльной службе, поскольку на ходу они все же неплохи. А поскольку перископы еще не прибыли, повелел присобачить на крышу рубки мостик, дабы обзор увеличился.

Меня, понятное дело, с проекта сняли, поручили рядовую работу и забыли. А командирам, что принимали миноносцы с завода, я, разумеется, все растолковал как следует. Объяснил, почему держу свой замысел в секрете, и принялся ждать результата. А через полтора года появляется одно из моих порождений в виде, который говорит сам за себя.

— Вообще-то это у меня вторая сшибка с «Чиганом», — пояснил Гошка. — Первого потом броненосец береговой обороны отконвоировал в главную базу. В этот тоже были попадания, но настолько, чтобы можно было разобраться, что там повреждено, я с ним не сближался.

— Я знаком с этим проектом, — улыбнулся Алексей. — Рысаки. Специально конструировались для действий на дальних коммуникациях. Это скорее колони-

альный крейсер, чем боевой корабль. Если твои комендоры целили в корпус под трубы, скорее всего, ему потребуется капремонт.

ГЛАВА 9

В Цалте снова стали в ремонт. Вообще-то неисправностей у них не возникло, и сроки регламентных работ еще не подошли, но флагманский механик при виде покрытого рытвинами «Рябого» безапелляционно приказал загонять его в док. Все равно ведь торпеды надо в аппараты заряжать. Гошка набрал в гарнизонной библиотеке книг по истории военных действий на море и настроился их полистать, но вестовой принес записку с приглашением посетить известный кабинет в здании городской управы.

— Добрый день, Игорь Николаевич! — Го выглядел озабоченным. — Рад, что вы приняли близко к сердцу мою озабоченность действиями риканских рейдеров.

— Право, Го, мне они тоже сразу как-то не понравились. — Гошка принял ироничный тон собеседника. — Одна беда, уклоняются от встречи, что затрудняет выражение им моего искреннего неудовлетворения.

Улыбнулись. Потом Гошка поделился своим открытием. Насчет того, что миноносцы семисотой серии оказались способными выдерживать попадания даже весьма крупных боеприпасов. А уж насчет способности противостоять воздействию осколков, шрапнели, бризантных и сегментных снарядов, которыми рикане обстреливают рысские миноносцы... Собеседник порывлся в столе и выложил на стол погоны капитана третьего ранга.

— Носи. Весь дивизион семисотых теперь твой. Задач посыльных кораблей перед тобой ставить не будут.

Разбирайся с рейдерами, причем штаб флота будет одобрять любую твою инициативу, а сам ни о чем просить не станет. Свободная охота. Карт-бланш, кажется, так это звучит у франов.

Тот «Чиган», с которым ты давеча повздорил, плохо отреагировал на попадания в район машинного отделения. Нашим пришлось его буксировать.

Гошка кивнул, забрал погоны и попрощался. Забавно. Чиновник начал на «вы», закончил на «ты». Что-то здесь и с обращением к начальнику или подчиненному не так, как на Земле. Впечатление, что чем «закадычней», тем большее уважение проявляется. На корабле его все зовут Куксой, и только в единственном числе. Но подчиняются беспрекословно. Причем вместо приличествующего случаю «есть», все, что угодно. От кивка до «угу». Ни устава, ни инструкции, регламентирующей ответ на восприятие команды, он не встречал.

И Го, выслушав рассуждения о стойкости миноносца к артобстрелу, сменил официоз на простоту. Даже глаз резануло. Или ухо? Неважно. Налицо явная демонстрация доверия.

Про Алексея Таврова и его канонерские бронеминносцы поминать не стал. Наличие этого знания у чиновника ни на что не влияет, а Тавр, хоть вроде и обижен, но идея его реализовалась. И он об этом прекрасно знает. И знает, что Гошка теперь «в курсе». А братия бюрократическая с точки зрения нормального человека — непостижима. Не станет он «дерзить на дыбе».

* * *

Вместо «кубарика» на погоне «брусок». Кажется, на Земле такой знак различия именовался «шпалой». В сухопутных войсках — майор. Уровень командира батальона. На флоте — капитан среднего корабля, или неболь-

шого соединения малых. Слышал еще термин «корвет-капитан», кажется, у немцев использовалось. Кстати, русские здесь — рыссы, штатовские американцы — рикане, японцы — джаппы, а ведь и германской нации где-то народ живет. Местную географию Гошке еще постигать и постигать.

Он сидит на лавочке у входа в береговую казарму, где сейчас размещен личный состав его миноносца. Новые погоны держит в руке и просто греется на солнышке в защищенном от ветра месте. Хорошо. Безоблачно. Осенью такие минуты — редкость. Часа через два сюда придет тень, тогда он сменит погоны на тужурку и отправится сдавать дела на своем корабле и принимать дивизион. Позднее. Еще несколько мгновений мичманской беззаботности надо провести... как. Конечно же, в размышлениях о бренности бытия и планировании грядущего. Хех!

Тавр выдал ему уникальную информацию, касающуюся общего подхода к кораблестроению вообще, а к военному — в особенности. Действительно, никто не занимался сравнительным анализом метеорологических данных Земли и Посейдонии. Первые — только в памяти небольшого количества пришельцев, а по вторым единую картину из фактического материала, похоже, не конструировали. Конечно, погода меняется быстрее, чем идет обмен данными о метеорологических процессах. В этих условиях все прогнозы локальны, преимущественно на основе местных примет.

«Если чайка села в воду — жди хорошую погоду». — Важнейший инструмент тутошних предсказателей. Прав Тавр. И еще раз прав с концепцией малюсенькой бронированной канонерочки. Рубка — тот же шноркель. Попадать в крошечную подвижную цель с подвижной же палубы — дело непростое. Здешние системы наведения и стабилизации положения ствола требуют от комендо-

ров филигранной техники и чудесной слаженности. Такой, как в его команде.

Да, знает он, что не один, что вот-вот из-за горизонта появится однотипный с его миноносцем кораблик, совсем иначе строил бы «соприкосновение» с неприятельскими крейсерами. Если вчетвером, да с разных сторон, да одновременно! Размечтался. Связи нет, а точка, с которой неприятель осматривает горизонт, выше, и сам горизонт для большого корабля шире. Конечно, можно приподнять повыше перископ, но если объектив раскачивается, фиг ты что разглядишь. Только дрейфуя в мертвый штиль, если весь экипаж замер без движения и не дышит.

Так что затея Тавра с перископами — бред. И высокие мачты для семисотых миноносцев — тоже бред. Слишком уж он тщательно сбалансирован и малотоннажен. Опять же торчать будут из дымового облака в бою. Сделать убирающимися? Это серьезная инженерная задача, решать которую без конструктора проекта — самоубийство.

Запуск воздушного шара с палубы — такой «пузырь», что сможет поднять человека, не для крошечного миноносца, да и на ходу рискованно. Придется идти так, чтобы уравнивать скорость корабля и ветра, или дрейфовать в штиль. Лучше змея запустить. Кажется, такое даже практиковали на Земле, но не прижилось. Прижились разведывательные самолеты, так где их взять? Про авиацию ни слуху, ни духу, а начнешь расспрашивать — примут за шпиона. Если что и делается, то держится в секрете.

Однако в чем прав «безумный изобретатель» Тавр, это в том, что корабль, пассивно пережидаящий короткие периоды непогоды, можно очень даже неплохо за бронировать. И вооружить. Рысаки, мчащиеся через бури, обломаются при встрече с таким «недоразумением». Доказано практикой. И сохранять это в секрете действи-

тельно стоит тщательно. Пока в курсе только двое. Капитаны, принимавшие миноносцы с завода, вряд ли отнеслись серьезно к словам опального конструктора, особенно если обменялись мнениями.

Хотя их можно понять. Достаточно небольшой пробоины и... коммунальный стальной гроб. Оно, конечно, есть заполненные водой цистерны и сжатый воздух, но этого хватит только на затопление одного отсека, да и то не каждого. Есть мощные помпы, имеется возможность продувки каждого помещения. Да, молва про подводную лодку ходила не зря.

И не зря Гошка обо всем этом промолчал с Го. Похоже, он на местном Олимпе — свой человек. Судя по рассказу, остальные члены приемочной комиссии ему в рот смотрели, хотя, если бы ему один на один втолковать, чтобы прикрыть информацию... что-то, видать, не сработало. Или Тавр неверно оценил раскладку сил... Убеждал не того? Или не убедил? Вон, Гошка, вроде все на собственной шкуре опробовал, а все еще испытывает внутренний протест.

Конечно, торпедные аппараты, заряжаемые в сухом доке или водолазами — этого конструктору ни один моряк не простит. А, поди ж ты, сработало. Ведь применялись же одноразовые гранатометы. Ну, ладно, в технических вопросах он волочет не особо, медленно въезжает, иначе говоря. Зато в Гелене — неплохое место для базирования его дивизиона. В порту есть и казарма, и баня. Заводик за мысом кораблестроительный, и живет там человек, которому он обязательно отвезет бутылку самой роскошной выпивки, какую найдет, пусть даже стоит это ему будет всего его жалованья. Спиртное здесь недешево — виноградников нет, а гнать самогонку особо не из чего.

И про карт-бланш Тавр его верно предупредил. С пришельцами с Земли здесь явно работают «наособицу».

Аккуратно так, дают освоиться, определиться. Дожидаются собственной инициативы, а не ведут за ручку и не носятся как с писаной торбой, создавая особые условия или заповедники с повышенным комфортом. А потом... тут, похоже, с каждым по-своему. Конструктору — строить корабли по его замыслу. Моряку, пусть начинающему, — целое подразделение миноносцев.

Ну вот, тучка набежала, прохладно, однако. Пора повышаться в звании и приниматься за работу. Погода-то тут, и правда, изменчива.

* * *

Убедить командование флота в необходимости придания дивизиону корабля обеспечения оказалось несложно. Трудно было получить именно то, что ему нужно. Вместительный вооруженный рудовоз с хорошим ходом и парой стотридцатимиллиметровых пушек в легких полубашнях с противоосколочным бронированием. Роту морских пехотинцев ему тоже предоставили не сразу. Неделю пришлось подождать, а потом два дня шла погрузка этого подразделения в транспорт. Строились нары, заносились бесчисленные ящики, тюки, кофры, свертки и скатки. Эти парни устраивались, словно навсегда.

Все пять миноносцев дивизиона собрались в главной базе, прошли ревизию механизмов, доработку мачт, чтобы убирались, загрузили топливо и боезапас и вышли в крейсирование. В плане похода Гошка указал направление — северо-запад. Туда и пошел.

Едва берег скрылся из виду, миноносцы прицепились на буксир за судном обеспечения и потянулись за ним в кильватер. Транспорт потерял на этом пару километров в час скорости, зато уголь экономится. Едва засвежело, с буксировкой начались проблемы. Килевая

качка стала приводить к тому, что канаты меняли натяжение, возникали рывки. Малые корабли пошли своим ходом, и более к затее образования «поезда» никто не возвращался.

Вообще «утюжки» миноносцев семисотой серии к продольной, килевой, качке оказались слишком восприимчивы. Коротковаты, и никакого V-образного профиля в носовой части. Не режут они волну. Или всплывают, или вонзаются так, что рубка на треть уходит под воду. Об артиллерийских башнях и говорить нечего — до полного погружения доходит, если при шести баллах да на среднем ходу. В общем — плыть можно, идти нельзя. В шторм в море миноносцам приходится пережидать непогоду, танцуя на волне на самом малом ходу. Лучше, конечно, в гавани отсидеться, или укрыться в бухте.

При волнении в два-три балла эти корабли никаких проблем не испытывают. Растянулись шеренгой, которую моряки именуют строем фронта, и подобно неводу пошли прочесывать пустынные просторы моря. Гошка имел целью раскинуть этот гребешок по возможности шире. Если считать, что с мостика миноносца обзор километров двенадцать, то при дистанции в двадцать — двадцать пять километров пять боевых корабликов и судно обеспечения могут прочесать полосу шириной около ста пятидесяти километров. Проблема заключалась в связи. Разобрать сигналы более чем с пятнадцати километров просто невозможно. А ночью вообще стягивались до дистанции уверенного приема светового телеграфа.

Нарочно ходили в бесперспективном районе, отрабатывая взаимодействие в простых условиях. Только раз семьсот третий, идущий крайним слева, выпустил снаряд в сторону своего единственного соседа. Сигнал сразу пошел по цепочке, которая за счет поворотов налево

превратилась в разреженную кильватерную колонну, стягивающуюся к собственной голове.

Последним к цели подошел транспорт, на котором Гошка и держал свой флаг. Посреди бескрайней глади океана дрейфовало крупное грузопассажирское судно. Миноносцы взяли его в кольцо радиусом километров восемь. С семьсот третьего передали, что попыток уйти или враждебных действий обнаруженный корабль не предпринимал, назвался угольщиком, везущим, кроме основного груза, и некоторое количество боеприпасов в один из портов южного полушария. Остановился для ремонта машины.

Если судить по карте — все логично. Но ведь они пришли сюда для проведения тренировки. И Гошка послал для досмотра всю роту морпехов на двух паровых катерах.

* * *

Досмотровая партия вернулась не скоро. Долго работали. Однако явных признаков причастности судна к рейдерской деятельности обнаружить не удалось. Полуразобранная правая машина мотивирует длительную стоянку, оружие — пистолеты у офицеров и небольшой арсенал в капитанском сейфе — обычная практика. Груз — партия стопятидесятимиллиметровых снарядов, перевозимых, согласно документам, из франского порта Сель в одно из урмских княжеств. И уголь, следующий туда же из джаппы.

Пароход приписан к порту Дикс, это на Талонском материке, что принадлежит испам. Экипаж — полный интернационал. Но кое-что настораживает. Цистерны с пресной водой — огромны. Запасы провизии — экипажу на год. И груз уж очень подходящий для случайно наткнувшихся на это судно риканских рейдеров.

Опять же посреди моря мест, пригодных для якорной стоянки, встречается немного. Как-то уж очень удачно на этом пароходе машина сломалась. Нет, угольщик в дрейфе, якоря подняты, только произошло это недавно. Цепи еще имеют следы влаги. И еще морпехи отметили какую-то обжитость, благоустроенность, с которой размещен экипаж. И очень большой запас запчастей в хозяйстве духа, как моряки нередко зовут главного механика.

В общем, все косвенные признаки указывают на то, что тут сильно пахнет базой снабжения для рейдеров. Гошка даже слегка прибалдел от такого явственного аромата удачи. Он-то считал, что вольные охотники ни в каких базах не нуждаются, в порты не заходят и кормятся ограблением добычи, черпая на захваченных судах топливо и иные припасы. Интересно, чего он не учел?

И надо решаться на какие-то действия. Если формально, по инструкции, то никаких претензий к пароходнику предъявить нельзя. Отпускать его придется. Вернее, оставлять, поскольку в помощи он явно не нуждается. Просигналил миноносцам, чтобы подходили к транспорту грузиться углем, и распорядился делать это без спешки. Так что ночь встретили в видимости «подозреваемого», а на рассвете уже находились на позиции ожидания, нарезая круги за пределами видимости «ремонтующегося» торговца. Оцепление, конечно, получилось редким. Пять миноносцев и транспорт крутили бесконечную карусель на экономичном ходу, стараясь придерживаться заранее составленного графика. Солнышко изредка показывалось в просветах между облаками, так что с ориентацией дела обстояли более-менее сносно. Другое дело, что ни миноносцы, ни транспорт друг друга не видели. Даже насчет ракет не было уверенности, что их удастся разглядеть. А проверять боязно.

Выдавать себя не хочется. Ну, может быть, выстрелом за горизонт удастся подать сигнал в расчете на то, что звук обогнет выпуклую поверхность моря, как это произошло накануне.

Двое суток ничего не происходило, а потом в утреннем тумане справа по курсу транспорта появился силуэт, в котором, сблизившись, узнали легкий крейсер серии «Тарио». Тоже популярный у рикан тип корабля для дальних походов.

Стотридцатимиллиметровки транспорта ударили раньше. Цель оказалась доступна для обоих стволов, и эти стволы с расстояния в полкилометра наводили сразу в корпус под трубы. Расстрельная дистанция на спокойной воде, и впечатляющая по размерам мишень. В промежутках между выстрелами были слышны колокола громкого боя, потом прозвучала пара взрывов и цель, повернувшись кормой к транспорту, стала скрываться в тумане. Ретирадная пушка «Тарио» успела выпалить дважды, и тоже не промахнулась. Зашипел пар, из машинного отделения транспорта повыскакивали люди, и бурун за кормой опал.

Когда туман рассеялся, море вокруг оказалось чистым. Только с юго-запада угадывался дымок. По графику это семьсот первый экономичным ходом догоняет потерявший ход транспорт. Собственно, два из четырех котлов не повреждены, просто нужно еще некоторое время, чтобы машинная команда разобралась в своем хозяйстве. А пока стоит подождать. И на миноносец угольку отсыпать, и новости узнать.

Гошка, кажется, сообразил, зачем эта плавучая база. От риканских портов не близко, а выходить на «охоту» с исчерпавшимися за время перехода топливом и водой легким крейсерам неуютно. И в порты невоющих держав по дороге заходить не с руки — ясно же всем, куда и

зачем такой корабль направляется. Какая уж тут скрытность?

Судя по количеству угля, этот «торговец» еще никого не снабдил топливом. И припасено у него кораблей на пять или шесть. Исходя из разработанной модели, если полагать, что крейсера, выходящие на промысел, огибают с юга гряду Рейсфедер, то перехватывать их имеет смысл... точно, всего-то полсотни километров надо перекрыть. И добить бы подранка. Ясно ведь, что он бункеруется с дождавшегося его угольщика. Часа через три подтянется семьсот второй, тогда и можно будет отправить пару боевых кораблей навестить старого знакомого. А пока дать знать капитану транспорта, чтобы не торопил ремонтников. Может, они за три часа вообще все повреждения устранят, если не держать пар в магистралях под рабочим давлением.

Прошел в салон транспорта, где работает штаб дивизиона, взглянул на карту. И перевел взор на начальника оперативного отдела. Даже слова излишни. Располагая той же информацией, этот офицер сделал те же выводы. И готов предложить план, уже сложившийся в Гошкиной голове.

Улыбнулся, кивнул. И чуть не захлебнулся от восхитительного аромата кофе, что внесла на подносе морская пехотиночка Ви. Ее внешнее сходство с Ри Гошку даже не смутило. Похоже, в боевой обстановке его восприятие действует специфично. Игры подсознания, так сказать. Предчувствие большой драки.

* * *

К месту стоянки «неисправного» торговца ушли семьсот первый и семьсот второй — «Рябой». По расчету времени подойти к цели они должны были уже в темноте. А Гошка остался на транспорте, ждать сбора осталь-

ных миноносцев дивизиона, следующих по окружности в его сторону. Особенно томительно стало, когда последний в очереди, семьсот пятый, не появился в течение полутора часов после расчетного времени. Не мог же он промахнуться настолько, чтобы не попасть в поле зрения сигнальщиков транспорта! Штурман там молодой и старпом, и командир, но старшина рулевых — волчина грызенный.

Пришел, наконец. Этот кораблик, прозванный «Копатым» за изрытый остриями осколков сегментных снарядов левый борт, вернулся с израсходованными торпедами. Утренний туман тоже свел его с легким крейсером рикан. Тип определить не удалось, то ли новинка, то ли экспериментальный образец, не прошедший в серию. Разглядели они друг друга километров с пяти, и первым огонь открыл рейдер.

Командир миноносца успел согнать народ с мостика, так что потерь в экипаже не было. Зато заклинило носовую башню и, кажется, мозги свежее испеченного лейтенанта. Он полным ходом, словно раненый кабан, погнал свой корабль на крейсер, игнорируя действие неприятельской артиллерии, и тупо всадил торпеды тому в борт, выпустив их с полутора метров, работая на полную катушку задним ходом.

Торпедированный корабль просто сломался и затонул неправдоподобно быстро. Из воды выловили троих. В результате — сигнальщик, контуженный осколком триплекса, выбитого близким разрывом, изуродованная носовая башня, и погнутый вал левого винта. Причина последнего повреждения неясна. Еще был израсходован весь скипидар, обильно впрыснутый в топки из сифонов розжига для экстренного форсирования котлов.

Бой длился всего около четверти часа, но частичная потеря хода и ошибки, возникающие в связи с несколько неидеальной прямолинейностью длительного движе-

ния на одном винте при отсутствии ориентиров, сильно задержали миноносец.

Потом возвратившиеся семьсот первый и семьсот второй сообщили, что «Тарио» им обнаружить не удалось, а транспорт продолжает «ремонтиться» на старом месте. Допрос пленных ничего не прояснил. Рядовые матросы. Знают только, что шли в рейд и что угля оставалось мало. В общем — косвенные данные, подтверждающие Гошкину гипотезу.

ГЛАВА 10

С командиром «Конопатого» лейтенантом Герингом Гошка имел частную беседу. Оказалось, что тот, принимая полтора года назад корабль с завода, тоже пообщался с его конструктором. Долго плевался про себя и костерил и «безумного» изобретателя, и свою судьбинушку, обрекшую его командовать не нормальным кораблем, а плавучим недоразумением. Но после потопления внезапно обстрелявшего его замаскировавшегося мирным торговцем рейдера мнение свое изменил и после повышения звания попросил оставить его командовать этим, не по чину теперь маленьким для него корабликом.

И уверен, что именно «кабаний удар» является для этого типа кораблей оптимальным приемом. А пушки — баловство. В этом Тавр, конструктор миноносца, просчитался. Если снять башни с артиллерией и успокоитель качки, обнизить рубку так, чтобы только голова рулевого, прикрытого броней, торчала над палубой, десяток таких малюток утопят любой корабль, будь он хоть четырежды броненосец, или любое количество раз дредадут.

— Смотри, Кукса, вот вид в плане сверху. Прикинь, под какими углами падают снаряды, если нос направлен

в сторону неприятеля, — лейтенант скупыми линиями описал все поверхности миноносца. — Ни одного шанса на пробитие, инерционные взрыватели подорвут боеприпас снаружи. Критична башня и передняя сторона рубки. Да, они невелики, но малокалиберные пушки способны в них попасть и пробить броню. Если бы эти недоумки, выполняя свои инструкции, не садили по мне стальной картечью и сегментными снарядами, где бы я сейчас был? Фугасный или болванка просто сделали бы форшмак из всех.

— Не горячись, Муля. — Интересно, за что наградили человека таким прозвищем? — Ты вот двоих упокоил. Одного пушками, другого торпедами. У меня в этом плане тоже пока чистый пополам. И, работай у тебя носовое, ты мог бы поменьше огрести, ствол-другой твои комэндоры точно бы загасили.

— Ну да, заранее и не угадаешь. — Лейтенант разглядывает силуэт беспушечного корабля с обниженной надстройкой. — Да и воздух надо откуда-то брать. А тут все водой заливают. Если трубу вверх выставишь, снесут первым же залпом.

— В общем, лучше рассуждать о том, как с тем, что имеем, риканам козью морду делать. А эскизы сожги и никому про эти мысли даже не намекай. Пока про наши действия только неясные слухи ползут на уровне удивления моей везучестью. А если кто-то со знанием дела в кругу друзей порассуждает, а потом про это еще и в газетах напишут — противник быстренько придумает, как нас на ноль помножить, или сам что-то подобное соорудит.

* * *

Четыре миноносца и вооруженный транспорт надежно перекрыли направление, с которого ожидались выходящие в район разбоя риканские крейсера. Сигна-

лы ракетами на этих расстояниях различались уверенно. И добыча не заставила себя долго ждать. Мирный сухогруз, следующий под нидерским флагом, неожиданно врзал по приближающемуся для досмотра семьсот четвертому.

Три снаряда попали с острых носовых углов по настильным траекториям и отрикошетили. Четвертый пробил переднюю стенку штурманской, разнес хронометр и «вышел» через незапертую дверь, обращенную в сторону кормы, продырявив заодно кожухи обеих труб и лишив штурмана дара связной речи часа на полтора. С трехсот метров никто не промахивается. И торпеды достигли цели еще до того, как артиллеристы миноносца погасили все вражеские пушки, установленные по бортам за внезапно откинутыми маскирующими их крышками-щитами.

Торпедированный корабль тонул неспешно и обстоятельно. Правда, члены команды, занятые обслуживанием орудий, и часть кочегаров, покинуть его в шлюпках не смогли. Они погибли раньше. Зато офицеры ответили на вопросы морских пехотинцев достаточно подробно, чтобы сомнения в предназначении «ремонтующегося» сухогруза рассеялись окончательно. А потом на Гошку навалился ротный.

Такой блестящей аргументации от этого немолодого офицера, конечно, ожидать было можно. Но впечатление неизгладимое. И все планы мгновенно изменились.

Этой же ночью, пользуясь отсутствием луны, вся рота на гребных судах скрытно подошла к борту замаскированной под мирный корабль базы снабжения риканских рейдеров, и взяла ее на абордаж. А дивизион миноносцев передислоцировался на необитаемый безымянный остров в сотне километров к западу. Здесь, пользуясь отливом, по временной схеме разобрались с погнутым валом, зарядили торпедные аппараты, завершили ремонт

орудийной башни на «Конопатом», и залатали штурманскую на семьсот четвертом, который уже окрестили «Дырявым».

А потом с востока появился дым. Все пять миноносцев полным ходом пошли навстречу кораблю, в котором опознали крейсер типа «Тарио». Хорошо, что еще до открытия огня разобрали сигналы. Свои. Это морпехи взяли на abordаж подошедший для бункеровки рейдер, и теперь отгоняют его к месту временного хранения под присмотр Гошкиного дивизиона. Смирил гордыню. Никуда не помчался. Когда люди делают свое дело, лучше не вмешиваться.

* * *

Поздняя осень — тоскливое время. А уж на необжитом острове посреди необъятного морского простора, когда ветры холодны, дожди часты и горизонт чист, порой просто быть хочется. Однако каждые три-четыре дня с востока подходит взятый морпехами на abordаж бывший риканский рейдер. Тут и настоящие боевые крейсеры, и вспомогательные, оборудованные в основном из сухогрузов, угольщиков, рудовозов, что, собственно, почти одно и то же.

Работает своеобразный конвейер. И Гошка недоумевает. Как можно подвергать многочисленные почти неуловимые корабли риску захода на базу? Причем явно по графику. Уже есть данные допроса пленных, свидетельствующие о том, что сюда заглядывают не только идущие на промысел крейсеры, но те, что давненько действуют на рысских коммуникациях. Они выходят из своих операционных районов, чтобы... почта, приказы, рапорты. Радио нет. Телеграф отсутствует, а в нейтральных портах можно «засветиться». Вот оно что! Командиры должны командовать — отдавать приказы и получать

рапорты. И все это должно доставляться — отчеты начальству, распоряжения подчиненным. Замечательно! И как он раньше до этого не додумался. Значит, должен подойти связник из штаба, а потом, через пару недель, лавочку можно прикрывать. Идиотов рикане не напоминают.

Прикинул по карте, сопоставил с данными, полученными при допросах пленных. Вообще-то пленные не слишком запираются, похоже, просто немного знают. И непохоже, что допросить удалось всех. Или живыми остались немногие. И район, в котором трудами ротного и его бойцов ликвидируется угроза мирному судоходству, весьма обширен. И, если он правильно понял, перегнать в порты Империи всю эту кучу захваченных кораблей будет непросто. Рулевые справятся, но уголь в топки кидать кому-то нужно. А протоколы допросов лопатами махать не станут. Пленных он так и не видел.

Надо бы хорошенько подумать, с каким докладом отправлять миноносец в штаб флота.

ГЛАВА 11

Сведения об отлове полутора десятков рейдеров следовало скрывать как можно дольше. А особенно, о способе, каким это было проделано. Хотя, может быть, совсем наоборот? Довести до всеобщего сведения, что в водах Империи теперь можно свободно плавать? В общем, еще и эту головную боль Гошке не потянуть.

Он просто растолковал все как следует командирам кораблей, ротному и начальнику оперативного отдела своего штаба. И, кажется, сумел донести до них мысль о том, что некоторые преимущества конструкции миноносцев дает им только до тех пор, пока противнику об этом ничего неизвестно. А потом морская пехотиночка

Ви написала красивую рассказку, которую заботливые офицеры читали усталым морякам на ночь. О чудесной удаче, фатальном везении, глупых маневрах риканских командиров, чудовищных промахах неприятельских комендоров...

Зачет на знание текста проведен был со всем тщанием и всплески фантазии экзаменуемых всячески поощрялись. Рапорты составили в соответствии с разработанной сюжетной линией. Большого, для сокрытия сведений, пока сделать было невозможно.

Караван кораблей, захваченных в этом походе, еще вытягивался в обширную Цалтскую гавань, когда Гошка передал полномочия начальнику оперативного отдела штаба своего дивизиона и тем самым поручил тому отдуваться за все перед начальством. Сам же на семьсот третьем отправился в Гелен. Разговор с Алексеем Тавровым — вот что ему сейчас нужно.

Такой же, как и он, пришелец. Умница и человек существенно более опытный. Причем как на Земле, так и здесь, на Посейдонии. И после кабаньей атаки, проведенной «Конопатым» против полноценного боевого корабля, причин не доверять этому дяденьке вообще нет. Пример, опровергающий любые сомнения. Ну, и, в конце концов, в кои-то веки встретил, можно сказать, земляка.

Среди трофеев, захваченных на риканских кораблях, оказалось немало спиртного, и ротный, по Гошкиной просьбе, выбрал несколько бутылок понарядней, с мужскими напитками, репутация которых была ему известна.

* * *

Казармы Разметчиков, в которых проживал Алексей Таврухин, отличались от Казарм Формовщиков только несущественными деталями. Те же скучные двухэтажки

с аккуратными дорожками и уютными лавочками. Снег сметен и свален на газоны такими привычными для русского глаза валиками. Стандартный набор магазинчиков, столовая, околоток. Только цвет кирпича кажется другим. Или это сумерки зимнего вечера так исказили восприятие?

Женщина, открывшая Гошке, была молода и хороша собой. Квартирка в двух этажах с печным отоплением. По привычным российским стандартам совсем не тесная и очень даже комфортабельная. Каха Дацимов в Цалте в такой же живет со своей Симочкой и чадами. Что забавно, мебель однотипная и расставлена по той же схеме. Чувствуется и присутствие в доме ребенка. Вон каляка на стенке. Судя по ее расположению, малышу года два или три.

Когда глава семейства вернулся с работы, сумка с едой и напитками, оттянувшая Гошкину руку, опустела, а стол был накрыт. Агнесса к хмельному не притронулась, только подкладывала мужчинам кусочки да слушала повествования о событиях, не последнюю роль в которых сыграли кораблики, построенные по замыслу ее мужа. Потом, взглянув на то, насколько понизился уровень жидкости в бутылке, тихонько исчезла.

— Она у меня в положении. Придерживается режима, — объяснил Алексей. — Слушай, так давно не бражничал, аж язык заплетается. Это со ста грамм!

— Так и я, как попал сюда, почитай, ни разу как следует не прикладывался. И даже не тянуло. Бывало, угощали ребята. Принимал, но как-то без энтузиазма. — Гошка и раньше с хмельным обычно осторожничал, а на Посейдонии, где компания у него ни с кем не составлялась, начал уже забывать вкус.

— Сдается мне, что есть какая-то разница в воздействии алкоголя на организм здесь и на Земле. Там вкуснее было. Вообще, объективное сравнение провести слож-

но. Ни образцов, ни критериев, такое впечатление, что и в физике, и в химии, и даже в биологии есть между этими мирами миллионы крошечных, незаметных отличий. — Ага, потянуло Леху поговорить. — Например, грань между эластичной и пластичной деформацией сдвинута немного в пользу пластичной. Соотношение вязкости и хрупкости — в сторону вязкости. А точки фазовых переходов расположены ниже. Иными словами, здесь все охотнее гнется, чем ломается, и лучше сваривается и спаивается. Но и термостойкость материалов хуже.

Налили еще по маленькой. Вкусно. Леха закусил брусочком сыра и продолжил.

— На бытовом уровне это не чувствуется. Метры и килограммы тут связаны через плотность здешней воды. Градусы температуры опираются на ее же замерзание и закипание, соответственно, все коэффициенты упругости, температурного расширения и прочие табличные значения — не вполне сопоставимы с данными нашей планеты. Но, если ты многие годы проводил расчеты прочности, кое-какие моменты откладываются в памяти, как молитва.

Так вот. По чисто субъективным впечатлениям, этот мир немного... мягче, что ли. А вот про химические процессы — картина сложная. Такое ощущение, что скорость реакции здесь сильнее зависит от температуры. И насчет электричества — полная непонятка. Ни грозовых разрядов, ни огней святого Эльма. Только изредка отдаленные всполохи наблюдались. Понимаешь — всегда отдаленные. Ты что-нибудь понимаешь? Наливай.

Гошка разлил по крошечным стопочкам этот мескаль, зацепил на вилку квашеной капусты, и неверным взглядом «оценил» собеседника.

— Не-а. Рикан сперва немного приголубим, потом...

— Приголубим.

За это и выпили.

— Леш, кораблики получились на славу. Только жить в них — каторга. Это чисто боевая машина. На суше народ может выбраться из-под брони. На травке поваляться, цветочки понюхать. А в море? Ну, держал я пару экипажей для отдыха на транспорте сопровождения. Два миноносца в дозоре, один по готовности номер три. Так мы в это время в бухте стояли с постами наблюдения на высотке и на мысах. Почти, как в базе.

А ведь, если их куда-то далеко нужно отправлять? Дней десять без берега выдержать можно. Ну, сжав зубы, мужики и месяц продержатся. Ради нескольких часов боя. А ведь утомление накапливается. И более всего страдают от него те, на кого самая большая надежда — люди постарше, поопытней, поискусней.

— Ты о корабле-носителе, что ли? Так его как раз должны достраивать. Вернее, думают, что делают лихтеровоз. Как раз года полтора уже ведутся работы по моим чертежам. Только я именно в то время в опалу угодил, и сейчас совершенно не в курсе хода работ.

— На воду уже спущен твой лихтеровоз, достроен и испытан, пока ты тут пьянствуешь. — Вот это номер! Го собственной персоной в дверях кухни, причем в руках у него бутылка. Не иначе, мировую принес. Не индейцы, чай, трубкой мира обходиться. Настоящая огненная вода. Леха поставил еще одну стопочку. — Инженеры с того завода, где шла достройка, головы ломали, зачем нужны лихтеры с такой большой осадкой. Уже готовы чертежи измененного варианта для транспортировки мелкосидящих барж.

— Если запустите его в работу, то архипелаг Фитца сможем заселить. Там, слух ходил, полиметаллические руды с хорошим углем соседствуют. Редкая удача. И ни одного толкового фарватера. — Леха наливает в стопоч-

ку нового собутыльника побольше, а себе и Гошке — на донышко. — Догоняй.

— Говорят, на Земле эту пакость закусывают соленым лимоном. — Го кривится и заталкивает в рот соленый помидор. — Как вы можете это пить?

Ко вкусу мескаля Гошка уже притерпелся, а вот помидор — косорыловка.

— Слушай, Леха, а ведь супруга твоя от меня, почитай, всю историю в самом правдивом варианте выслушала. Ты уж скажи ей, что не надо подружкам это пересказывать. — До Гошки дошло, что он, кажется, сболтнул лишнего после первых рюмочек.

— Да не бойсь, Кукса! Аги знает, какие сведения для каких ушей, — успокаивает его хозяин.

Все ясно. Разговор теряет связность. Задумчиво. И у Го глаза заблестели.

— Вы ведь здесь от меня очередную тайну готовите. Так что — в добрый путь. И опала твоя, Тавруха, не завершена. Ты уж продолжай непонятого гения разыгрывать. А когда по тем листикам, что перевернул, мысли додумаешь, гони записку обычным каналом. Дадут ей ход... мне кажется.

Ага, это он почеркушки углядел, на которых мысли лейтенанта Геринга нетвердой уже рукой набрасывал Леха под Гошкину диктовку.

— Да, пока я память не потерял, держи вот. — Из нагрудного кармана гость извлек пару погон. На каждом по кружочку. Командорское звание. Это что, флотом теперь командовать? Или эскадрой?

— Го, не надо бы так частить. — Гошка пытается прекратить это непотребство. — Что это за звездопад? Мне с дивизионом еще трудиться и трудиться.

— Так трудись, наливай. Звание обмоем. Оно для меня важнее, чем для тебя. Ну, года через полтора поймешь.

ГЛАВА 12

Риканская бухта Канопус отсекается от океана островом. Получается длинный канал, отлично прикрытый от штормов. Материковый берег — непрерывная цепь причалов, складов и железнодорожных коммуникаций. Очень крупный порт. На запросы береговых постов ответили уверенно — данные об условных сигналах пленные сигнальщики еще на рейдерской базе сообщили верно. А флага при сумеречном освещении короткого вечера низких широт не разглядеть. Так что лихтеровоз прошел на рейд беспрепятственно. Застопорил ход, зажег стояночные огни, принял балласт, и миноносцы спокойно последовали в конец акватории к причалам военной гавани. В этом порту неприятеля никто не ожидает.

Начало ночи, тусклое ущербное ночное светило позволяет неплохо ориентироваться. Здесь никто не готовится к нападению, и паровые катера деловито расставляют мины точно в заранее спланированные места. Лочия и карта акватории изучены тщательно. А с идущих самым малым ходом миноносцев за борт плюхаются аквалангисты. В тропиках темно долго. Времени хватает на все. Лихтеровоз давно ушел, паровые катера четко по графику собрали людей-лягушек, и деловито проследовали на выход. А миноносцы покачиваются в тени под скалистым берегом на пологой волне прилива.

Время вышло. Малым ходом отряд втягивается в ограниченное длинными пирсами пространство военной гавани. Цели распределены заранее. Торпеды пущены. Здесь базируется отряд средних крейсеров. Вернее, базировался. А теперь он будет лежать на дне. По паре огромных пробоин, проделанных в нужных местах, достаточно, чтобы обеспечить надежное утопление. Место у

стенки, где должен был стоять крейсер, предназначенный семьсот третьему, оказалось пусто. Видимо, в дозоре или в крейсирование ушел. Зато в соседнем бассейне нашлись цели — эскорты. Каждому досталось по торпед в районе миделя.

А тут начали срабатывать часовые механизмы установленных пловцами мин. И заговорили орудия миноносцев. Безоружный, беззащитный изнутри торговый порт подвергся варварскому воздействию артиллерии. Комендоры аккуратно выцеливали и клали снаряды с неторопливой обстоятельностью. Забресживший рассвет четче проявил картину. Пожары в пакгаузах, пылающие склады, что-то взрывается, паника.

С нескольких кораблей пытались стрелять, но быстрые кораблики сразу уходили из-под огня, прячась за корпусами других судов. На рейде было оживленно. Напуганные торговцы выбирали якоря или расклепывали цепи, пытаясь выйти из тесноты и убраться подальше. Это у которых пары оказались разведены. Остальные отчаянно дымили. Столкновения и подрывы на минах добавили картине колорита. Как раз в это время не поместившиеся на лихтеровозе «Конопатый» и чисто артиллерийский семисотый имитировали атаку со стороны моря, отвлекая внимание противника выстрелами по береговой батарее, прикрывавшей главный фарватер.

Отряд Гошка вывел мелководным проходом с другой стороны острова. Максимум прилива, осадка у них невелика. Баркасы и баржи здесь часто ходят, зато с береговой артиллерией проще.

Пушки старых образцов, стреляют редко. Да и скоростные цели оказались канонирам в диковинку. Смыслись удачно, и побежали в точку randevu с кораблями обеспечения. Почин сделан.

* * *

Несколько суток, пока противник пребывал в растерянности, были для дивизиона страдным временем. Информация на всей планете распространяется со скоростью транспортного средства, а быстрее миноносца по воде никто не бежит. Ну, пусть даже не слишком быстрого миноносца. И здесь в районе активного судоходства беззащитных жертв под флагом неприятеля встречалось много. Артиллеристы фугасными снарядами дырявили корпус в районе ватерлинии. Так получалось быстрее, потому что надо было торопиться к следующей цели. Если отверстия проделаны, а команда не борется за живучесть, судно утонет. Просто надо подождать. Торпеды тоже иногда шли в ход. Шестерка кусачих малышей обслуживала обширное пространство, смещаясь вдоль побережья к юго-востоку, в места, которых вести об их бесчинствах еще не достигли.

Четыре пассажирских лайнера топить все же не стали. На них не хватало плавсредств на всех. Двоих заставили выброситься на камни, одного — на песчаную банку. Последнего, в упор расстреляв винты и руль, оставили в дрейфе.

Потом испортилась погода. Поднялось волнение баллов до трех, и подошел крейсерский отряд противника. Наблюдая в мощный бинокль кильватерную колонну четырехтрубных красавцев, Гошка подумал, что это ожидаемое и спланированное событие произошло не вовремя. Его миноносцы не видят друг друга. Корабли обеспечения не видят противника и находятся далеко от мест, где можно укрыться, и угля в бункерах меньше, чем хотелось бы. А идут на них три новейших броненосных крейсера.

А тут еще риканский миноносец выскочил со стороны, где лежали в дрейфе лихтеровоз и транспорт, и за-

семафорил на свои крейсера. Все плохо. Они обнаружены и их диспозиция противнику известна. Пора переодеваться в чистое. И действовать по плану. Гошка уже ни на что не повлияет. Кстати, вот и стайка вражеских миноносцев. Все верно, не станет крейсер за ним гоняться. Есть у рикан и побыстрее кораблики.

Удирать пришлось самым полным. И их настигали. Правда, кормовое орудие охладило пыл преследователей. На высокой скорости миноносцы качает, а имперские комендоры за последнее время приобрели изрядный опыт. И пушки семисотых оказались дальнобойней. После нескольких попаданий ближайший преследователь стал отставать. Зато остальные попытались заходить с флангов. Но что толку, если их снаряды еще не долетают до беглеца, а всплески ответных снарядов, посылаемых в них, ложатся рядом. И попадания случаются. Стали помаленьку отставать.

«Огрызнулись неслабо», — решил Гошка и стал понемногу снижать ход, чтобы дать противнику возможность снова сблизиться с ними на расстояние выстрела. Не купились. Тоже замедлились, удерживаясь на безопасной дистанции.

А справа показался семьсот пятый, отбивающийся от аналогичной погони. Слева наперерез полным ходом несется семьсот четвертый и тянет за собой дымовую завесу. И в ней кто-то прячется. Дождавшись нужного момента, второй и пятый поворачивают навстречу друг другу, включая дымаппаратуру. Преследователи ныряют в густую пелену и слепнут. Кто здесь свой, кто чужой — ничего не разберешь. Одни неясные силуэты.

Зато Гошкины бойцы знают, что делать. Он с командирами кораблей этот прием отработывал. Только один — семьсот первый — остался в зоне задымления, и лупит по любой тени. Остальные поджидают неприятеля снаружи. Пять минут — и завесу сносит ветром. Имперцы

отходят, но их никто не преследует. Все корабли противника на плаву, но выглядят неважно. И трубы не все, и пробоины в бортах. Двое парят, на одном тушат пожар. А красавцы крейсера заметно приблизились. И еще кто-то дымит правее.

Итак, малышей они из дела вывели. По-хорошему, надо бы добить, но некогда. Если крейсера еще приблизятся — им несдобровать. Полный ход. Наутек.

Стали отклоняться к западу от направления на место, где сейчас должны находиться корабли сопровождения, чтобы удлинить маршрут эскадры и дать время своим «кормильцам» укрыться в группе островов. Не сработало. Флагман четко держит курс на сближение с лихтеровозом и транспортом. Скорее всего, он их просто уже видит. На миноносцах семисотой серии надстройки невысокие. А с марсов преследующих кораблей обзор на десятки километров.

Семьсот первый имитировал выход на торпедную атаку. Остальные поддерживали, прикрыли дымом, но противник не купился. Не снизил скорость, не начал маневр уклонения. И поплатился. Торпеды все выпустили с предельной дистанции, и одна дошла-таки до цели. По чистой случайности, по закону больших чисел. Флагманский корабль замедлил ход, остальные махины тоже сбросили обороты машин, чтобы его обогнуть. Тут как раз на них нанесло дым. Замешкались. Минут десять выигрыша во времени имперцам это дало.

Когда лихтеровоз и транспорт на всех парах нырнули в шхеры, снаряды главного калибра с крейсеров до них еще не долетали. Паровой катер сразу за замыкающим пятерку семьсот вторым «закупорил» пролив полудюжиной мин и сбросил на воду несколько дымовых шашек, привязанных к пустым канистрам. И все это на глазах у вражеских сигнальщиков. Есть немного времени.

Укрывшись за островом, миноносцы, принятые лихтеровозом на палубные стеллажи, лихорадочно загружали уголь, снаряды и торпеды. Выяснилось, что на последних километрах в топках уже жгли смазочное масло вперемешку с матросским бельем, бобовые брикеты из продуктового НЗ, смоченные эфиром, припасенным для прожекторов.

Осторожно переносили на транспорт раненых. Попадания были. Разжигались газовые горелки, смешивались термитные пасты — заваривать пробойны, откручивались болты крепления крышки отсека второй машины на семьсот пятюм. Флагманский механик руководил подъемом из трюма какой-то громоздкой запчасти. И рутинный после каждого боя ремонт кожухов дымовых труб...

Отделение морских пехотинцев, вскарабкавшись на верхнюю точку береговой возвышенности, семафорило морзянкой (уже смеркается), а начальник оперативного отдела на крупномасштабной карте района передвигал разноцветные фишки.

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять — их берут в кольцо. Подтянулись эскорты, тяжелые крейсера обходят архипелажек, чтобы перекрыть основной фарватер с противоположной стороны этой группы островов. Несколько легких крейсеров тоже показали и приближаются. Есть здесь и другие проливы, мелкие и извилистые, и именно их они и перекроют. Гошка ждал чего-то подобного, но чтобы против него собрались такие силы! Не полным составом флота, конечно, но от всей души решили рикане уконтрапупить его вредоносный дивизион.

Девушка принесла ужин. «Спасибо, Виола». Та самая Ви, девчонка, похожая на Ри, ну и на Саиду, конечно. Морская пехотинка, едгрыть макратям фентрунец! Шмакодявка! И ведь хвалят ее. Да и как иначе, двенадцать абордажей. Не у всякого ветерана столько. А она здесь

на практике. Отстанет, конечно, от курса своего училища.

Давненько уже Гошка не испытывал страха. А тут вдруг словно включили. Это же он больше трех сотен людей завел в гиблое место. Надеялся выскочить в темноте, пользуясь скоростью и тем, что выходов из архипелага больше десятка.

— Корабли к бою и походу изготовлены. Раненые перевязаны, убитых нет. Четверо оставлены в лазарете. Поправятся. Убыль восполнена из экипажа лихтеровоза. Повреждения устранены. — Опять начальник оперативного отдела. Добрая весть.

О том, что его считают «счастливым» командиром, Гошка, конечно, знал. Ни одного убитого под его командованием. Особенно удивлялся после бухты Канопус. Отыскать и поднять из воды тридцать аквалангистов на отрезке в десять километров во тьме ночной. Правда, эта самая Ви объяснила тогда, что деда всегда собирает всех. И всегда возвращается.

Деда — это старшина Гудков. Командир второго парового катера. Ему за шестьдесят, крепости телесной нет — сухонький такой старикашка и язвительный — а бодрости и смекалки на семерых. Как уж он тут числится, на каких должностях-окладах, неведомо. Но ротный его ценит и бережет.

— Вернулся катер с дальнего конца основного фарватера. Минная постановка проведена, — доложили с мостика. И, словно подтверждая правдивость сообщения, докатился ослабленный расстоянием звук взрыва. Гошка скосил глаза на карту. По всему получается, один из тяжелых крейсеров попытался с противоположного конца до них добраться. Пока противник несет потери — это хорошо. Он тоже не лыком шит. Миноносцы и вооруженный транспорт поставил так, чтобы если кто попытается забраться в архипелаг малыми проливами,

то нарвется на засаду. И наблюдательные посты просматривают все направления. Докладывают, что количество риканских боевых кораблей вокруг группы островов продолжает увеличиваться.

А народу в салоне лихтеровоза прибывает. Командиры кораблей собрались. Трескают гороховый концентрат с цыплячьей тушенкой, который котелок за котелком подтаскивает Виола. Флагманские специалисты подтянулись, ротный морпехов. Поглядывают на фишки, что передвигает по карте архипелага начальник оперативного отдела. Переговариваются.

— Вот этого бы торпедой взять. Только не подойти со стороны берега. Мелко совсем.

— А сюда боевой пловец заряд поставит, и сюда тоже без проблем.

— Этого можно артиллерией накрыть через мыс, навесным огнем. Вот в это место корректировщиков нужно высадить.

— Смотри, как легкий крейсер подставился. Если бы вдоль лощинки протащить пару пушечек, да на прямую наводку выкатить...

Ясное дело, адреналин еще не рассосался. Навтыкали риканам, ноги унесли. И командир такой, что сами себе завидуют.

Гошка никак не выразил соображений, опустивших его самооценку ниже плинтуса. В мешке они сидят. И на ткань этого мешка накладываются все новые и новые слои. Осердил он супостата и напугал так, что сейчас сюда наверняка стягивается весь флот. От такой паники риканский адмирал запросто позатыкает все проливы, затопив там сухогрузы, а потом главным калибром самых могучих кораблей перепашет все подряд. Дорого, но со страху и под нажимом сверху — сойдет за великую победу. Даже понаграждают кучу народу.

Однако для этого придется подтянуть линкоры. Там

пушки самые-самые. То есть несколько дней у Гошки есть. Сейчас, если он не ошибается, в ближайшей окрестности только два ствола калибром триста миллиметров. Ведь два из трех тяжелых крейсеров явно буксируют в сторону доков. Хотя он не успел посчитать, сколько на них башен и сколько стволов в каждой. Кстати, компот уже выпит, и народ как-то поутих, глядя на его кислую мину.

Гошка вымученно улыбнулся.

— Все понять не могу, почему комендоры с этих шустрых миноносцев, что за нами увязались, такие мазилы, как на подбор. — Гошка сфокусировал взгляд на командире семьсот первого.

— Так, Кукса, ты же сам нас надоумил отодвигать корпус синхронным отклонением руля и успокоителя качки. Только борт противнику не показывай да не ленись. Кстати, если рулем дать чуть резче, нос поворачивается в сторону, противоположную сдвигу, и наводчики берут поправку не туда. Опять же наклон корпуса небольшой выходит не в сторону сдвига, а наоборот.

— Да уж, жульство у нас вышло с этими миноносцами, — вступил в разговор командир семьсот четвертого. — Когда бы не спешка, кормили бы рыб наши преследователи.

Настрой боевой. Не стоит его менять. Гошка прокашлялся.

— Господа офицеры! — Взгляд в сторону Виолы. — И курсанты! Противник стягивает сюда все, чем располагает. О лучшем невозможно и мечтать. Наша задача никого не отпустить. Нам не следует более пугать неприятеля. Работаем на уничтожение. Отсюда вопрос. Сколько человек нужно, чтобы дотащить заправленную торпеду вот в это место? Погрузить в воду, направить на этот эскорт и привести в движение.

Каким количеством мин с часовыми механизмами мы обладаем? Имею в виду для действий боевых пловцов.

Флагманского артиллериста прошу проработать вариант обстрела вот этого легкого крейсера, — тычок в карту, — навесом через северо-западную оконечность этого острова.

Предупреждаю. Разом мы всех не перетопим. Выбываем последовательно, по мере поступления. И, кстати, как бы нам пушки на высотку затащить. Так, чтобы их не враз с землей смешали. У супостата стволов, как блох у Шарика.

Еще одно замечание. Боеприпасов у нас много. Но на всю эту армаду может не хватить, если будем ими бездумно швыряться. Речь не о жесткой экономии, но лишних трат лучше избегать.

Настроение сразу сделалось конструктивным. Офицеры заговорили, общий гомон разбился на групповые дискуссии, а начальник оперативного отдела принялся вытаскивать из коробочки новые фишки. Это хорошо. А если удастся оттянуть на себя новейшие риканские дредноуты, совсем замечательно. Очередной караван с рудным концентратом от островной цепи Эспандер, который вскоре предстоит проводить имперцам, очень выиграет, если рикане отвлекутся на проблемы у своих берегов.

* * *

Ночка выдалась бурная. Матросы шлюпкой отбуксировали торпеду по северо-восточному проливу почти до выхода в открытое море. Потом руками вплавь провели ее между песчаных островков, и, дождавшись, когда крейсирующий вдоль берега эскорт пройдет в нужном месте, привели в действие винты. Если не считать

отсутствия торпедного аппарата, конфигурация была хрестоматийной. Попали. Потопили.

Самоуверенно вставший на якорь в трех километрах от берега средний крейсер изящно отправили на дно боевые пловцы. Ви набила какой-то гремучей пастой несколько пожарных рукавов и возглавила пятерку бойцов-аквалангистов, взявших их на буксир. Волнение и темнота маскировали пузырьки воздуха, отмечающие неблизкий путь группы. Результат превзошел все ожидания. Стоял корабль, и вдруг ушел под воду. Чуть вперед кормой и буквально за пару минут. Потом еще больше часа все волновались за исполнителей. Вернулись, однако.

Транспорт подстерег в северо-западном проливе пару миноносцев, пытавшихся проникнуть в архипелаг под покровом темноты. Ситуация отличалась от обстрела, под который попал Гошка на семьсот втором в гряде Гунька только тем, что тьма была некромешной и комендоры видели цели. Утопили обоих. Маленьким корабликам оказалось достаточно по полудюжине стотридцатимиллиметровых фугасных снарядов.

Миноносец с бортовым номером «семьсот три» артиллерийским огнем отогнал неопознанный корабль в соседнем проливе. Попал, и много раз. Но торпеду в тесном месте выпустить было неудобно.

Противник высадил десант на два южных острова. Это была самая плохая новость за ночь. Морпехи выставили секреты для наблюдения за ними, но достойное противодействие этой угрозе организовать было непросто. В роте меньше сотни бойцов. Если рикане подвезут серьезные армейские силы, да с артиллерией, имперцам не поздоровится.

Еще морпехи расстреляли пять разведгрупп, пытавшихся высадиться на острова. Оставалось надеяться, что обнаружили все попытки, иначе совсем нехорошо.

Обстрел одного из кораблей ближайшего окружения навесным огнем через мыс решили не проводить. Отпугнуть можно, и все. Жаль снарядов. Зато из трюма извлекли целых четыре горные пушки франского производства. Короткие тонкостенные стволы с пологими нарезами, ослабленный заряд, и снаряды только осколочные. Калибр невелик — семьдесят пять миллиметров. Зато удобно переносить. Правда, лафеты из «грязного алюминия» доверия не вызывали. Чистый алюминий в промышленных масштабах здесь получать не умеют, соответственно и сплавы с заранее известными свойствами недоступны. Зато отливки из этого металла с неизвлеченными до конца примесями часто используют в местах, где особая прочность не нужна. И с чего это франские конструкторы решили, что лафет можно делать слабым?

Ну, как бы там ни было, запасливость заместителя командира дивизиона оказалась очень кстати. Комендоры разбирались с новыми орудиями, формировались расчеты, шли тренировки по переноске и установке пушек на позиции.

Вообще этот день прошел ненапряженно. Удалось дать отдых экипажам миноносцев. И постоянно поступали доклады о перемещениях кораблей неприятеля. Все три тяжелых крейсера остались в поле зрения. И торпедированный, и подорвавшийся на mine завели пластыри, откачали воду и как-то заделали пробоины. Вероятно, их орудия действительно нужны вражескому адмиралу для массированного обстрела, которым он собирается решить проблему. И сейчас они стоят на якоре компактной группой, окруженные десятком корабликов помельче.

Еще продолжалась перевозка риканской пехоты на один из южных островов. Там сейчас скопилось не меньше полка. Они не пытались оборудовать позиции, а раз-

били лагерь и выставили охранение. У берега — целая флотилия гребных судов. Понятно, будут захватывать территорию после того, как пройдет артобстрел. Их попытки высадить наблюдателей на соседние острова удалось отбить. Гошка и не знал, какие снайперы есть в приданной роте. И насколько хороши их винтовки. Обстреляли шлюпки с предельных дистанций и заставили их вернуться восвояси.

И весь день противник тралил море вокруг островов. Видимо, оба потопленных ночью корабля он отнес на счет подрыва на минах. Действия торпедистов и боевых пловцов обнаружены не были. Хотя как мог нарваться на мину стоящий на якоре крейсер? Только если ее сорвало?

Наконец солнышко село, короткие тропические сумерки длились недолго. Ночное светило прикрыто тучами и освещение слабое. Наверняка попытка высадки разведчиков будет повторена. И теперь бороться с ними станет уже непросто. Зато горные пушки можно скрытно доставить куда нужно. Лагерь вражеских пехотинцев необходимо обработать очень тщательно.

Торпедисты спустили на воду шесть торпед. Цели для них выбраны, маршруты доставки в точку пуска подготовлены. В добрый путь. И в сторону тяжелых крейсеров идут сразу тридцать два боевых пловца. Миноносцы крадутся на выход через северный проход. Их протаскивают руками за канаты и отталкивают от скал шестами. Минимальная ширина прохода превышает ширину корпуса всего на четыре метра. И сам проход загогулиной. Отсюда их никто не ждет. На картах имперцев этот пролив совсем не отмечен. Паровые катера увозят мины. Есть тут пара интересных проливчиков. На месте вражеского командира Гошка бы обязательно попытался через них пробраться между островами и «наехать» как следует на его отряд.

Транспорт тоже не стоит на месте. У него план: выставить нос из-за мыса и швырнуть дюжину снарядов в эскорт, что дефилирует мимо этого проливчика. Потом спрятаться.

Все при деле. Гошка сидит в салоне лихтеровоза и разглядывает фишки, что передвигает начальник оперативного отдела. Тихо, пусто. Часть экипажа задействована в ночных мероприятиях, остальные на постах. Этой ночью они выкладываются полностью. Каждый делает риканам что-то очень вредное, можно сказать, гадостное. Даже часть кочегаров и сигнальщиков с ушедших в бой миноносцев занята в иных местах. И только он, командор, сидит сложа руки и ждет.

ГЛАВА 13

Ударила пушка транспорта. Захлопали горные орудия, загрохотали разрывы снарядов. Потом справа донесся треск. Что-то ярко полыхнуло за скалами, подсветив тучи. Началось. Погодя зашел штабной и снял с карты фишку. На один эскорт стало меньше. Веселье пошло. Сколько у них еще таких ночей?

Вот подойдут знаменитые пятибашенные риканские дредноуты! Это девяносто стволов, если все шесть соберутся. Впрочем, стрелять одновременно в одну сторону смогут только семьдесят два. Это легче. И откуда же они этим займутся? Снаряды им следует класть на воду, чтобы доставалось не тверди земной, а кораблям, которых за берегом не видно. Палить с предельных дистанций резону нет — разброс. Сильно близко подходить — снаряды начнут взрываться на гребнях возвышенностей. Рассчитываем оптимальную кривую, рисуем зону. Она, если судить по карте, как раз сейчас наиболее интенсив-

но тралится, хотя во многих местах глубины для минной постановки велики.

Теперь попробуем определиться с направлениями, с которых лучше всего вести обстрел. Так, чтобы не оставить мертвых зон, не крошить скалы, положения которых прекрасно указаны. А накрыть невидимую с моря поверхность проливов, пользуясь только указаниями карты, поскольку высадить корректировщиков не удастся. Вот эти места.

На кривом бублике, обозначающем коридор наилучших дистанций, появляются сектора. Вернее, сегменты. И их именно шесть. Какое совпадение! Замечательно! Теперь понятно, с каких точек рикане будут их стирать в порошок. И как же он может этому помешать? Поставить мины, так ведь их вытралят. Да и не дадут это сделать шныряющие миноносцы, эскорты, крейсера.

Накрыть из пушек? Подавят его пушки корабельной артиллерией. Да и не нанесут бронированным монстрам заметного урона даже стотридцатимиллиметровые орудия транспорта. А уж соточки миноносцев и по-давно.

Торпеды? И как их доставить в точку залпа? От берега пускать будет далеко. Не достать. Миноносец отгонят, да и любое другое плавсредство. Не боевым же пловцам, в конце концов, тащить. А почему бы и нет? Надо будет это перетереть с ротным.

Отговорили горные пушки на юге. Опять затишье. Ненадолго. Грохнуло на западе. Чуть погода штабной еще одну фишечку спрятал в коробок. А вообще что-то меняется. Крупные корабли переходят к северной стороне и выстраиваются полукругом. Это напротив минированного входа. Не иначе, готовится обстрел. И докладывают о появлении тихоходных целей с низким силуэтом там же, но значительно ближе к берегу. Что бы это могло быть?

А чего он сейчас больше всего боится? Ну, во-первых, прорыва противника через мины. Нарочно ведь демонстративно ставил это заграждение. Во-вторых — десанта. Вот и ответ! Мелкосидящие десантные корабли. Точно, есть у рикан специальные баржи. Если не перегружать, то осадка полметра. Свободно пройдут над минами. Потом проходом мимо обрывистых берегов... Да, отличное место для высадки и вся его комбинация летит в тартарары. И он не готов! Все в разгоне, один лихтеровоз с парой пистолетного калибра пушечек. Бегом на мостик.

— Господин капитан, распорядитесь поднимать пары для полного хода. И продуйте носовые балластные цистерны. Через мины с севера идут десантные баржи, будем давить.

Тягучие минуты томительного ожидания. Где-то бахнуло. Потом загрохотало и в пролив и на его берега посыпались снаряды. Рвало часто и помногу, на палубу сыпались осколки, и битый камень барабанил в борта. Лихтеровоз, прикрытый скалой, избегал прямых попаданий, но вот настало время, и он двинулся к проходу. Рвануло на корме, потом в нижней части надстройки, а вот сюда не стреляют. Ну конечно, тут десантные баржи. Скорость уже набрали, гавкнуло орудие с правого крыла, и удар. Да не такой уж сильный. Первая баржа где-то под корпусом, но вторая увернулась. Лево на борт и кормой ее об скалу.

Ай да капитан, все предусмотрел. Пожарные гидранты упругими струями смели с палубы десантников, успевших перескочить с тонущей посудыны. А вот и третья. Тоже уклонилась, верткое какое корыто без палубы! Струи воды из двух стационарных пожарных стволов прошлись прямо по десанту. Не пули, конечно, но Гошка уверен, что такая струя на таком расстоянии человека разрезает. Точно, что-то уже полетело.

Четвертую и пятую капитан накрыл поднятым носом уверенно. Приноровился. Последняя ушла. Несколько малокалиберных снарядов, пущенных вдогонку, не оказали влияния на ее проворство. А лезть на свои же мины смысла нет. На обратном пути подобрали тех, кто плавал в воде. Пленные им сейчас, конечно, обуза, а живые в своем тылу не нужны тем более. И вроде спрашивать их особо не о чем.

Обстрел уже прекратился. Не рвутся больше на островах снаряды. Странно, а пальба с севера слышна изрядная.

Остаток ночи прошел в тревожном ожидании возвращения миноносцев, торпедистов и боевых пловцов. Только через час после рассвета выяснилось, что вернулись все. В лазарете прибавилось раненых, тяжелые крейсера лежат на дне, там же — два эскорта и два легких крейсера. Ни одна из выпущенных ночью торпед не прошла мимо, но не все пораженные цели были идентифицированы и не все затонули. Сейчас, суммируя доклады моряков и сообщения наблюдательных постов, начальник оперативного отдела сводит баланс. Даже вооруженный транспорт не остался без добычи. Он снова подстерег два миноносца, только теперь в другом месте. Один потопил. Второму удалось уйти, но повреждения он получить успел. Вообще у мужиков появляется свой стиль. И хотя вражеских кораблей в окрестностях островов поубавилось, на прорыв идти бессмысленно. Догонят и съедят. От мелочи типа тральщиков, миноносцев, сторожевиков небольшого размера просто рябит в глазах, так много фишек расставлено на карте.

Через дырявую стенку салона пробиваются лучики, все командиры сосредоточенно уписывают гречневые галеты, запивая их порошковым молоком. Ви, прита-

щившая это из камбуза, присела в уголке и завяла. Остальные тоже выглядят утомленными.

Управившись со своей пайкой, Гошка обвел взглядом командный состав дивизиона.

— Господа офицеры! — Взгляд в сторону Ви. Не стоит будить ребенка. — Сегодня мы сделали небольшой шаг на пути к нашей главной цели. Выманить сюда и обезвредить риканские дредноуты.

Все встrepенулись и не сводят с него глаз. Только Ви тихонько посапывает, умастив голову в углу.

— Есть основания полагать, что они уже подтягиваются для того, чтобы подвергнуть нас обстрелу главным калибром. На этой карте помечены места, с которых они должны вести бомбардировку. Порядок подхода и занятия позиций неизвестны. Достать мы их можем только торпедами. Ожидать, что они встанут на якорь, трудно, поскольку противник наверняка приметил, что любой корабль, стоящий на месте, идет ко дну.

Где-то прозвучал взрыв. Посыльный с мостика сообщил, что миноносец противника попытался войти в один из проливов и подорвался на mine.

Потом зазвучали горные пушки. Снова доклад о попытке прорыва миноносца. Его накрыли с берега из искусно замаскированного орудия.

Снова пальба. На этот раз четко слышны выстрелы стомиллиметровки. Не иначе — семисотый наконец-то дождался своей жертвы. А вот заговорили орудия транспорта. Понятно, массивованная попытка прорыва малыми кораблями. Миноносцы, возможно тральщики с десантом. Однако обеспокоенности на лицах командиров не заметно. Этот сценарий давно предусмотрен, и в своих заместителях все уверены. Вообще-то при такой самоуверенности можно крепко огрести от неприятеля. Но своим людям надо доверять. Разговор продолжается.

* * *

Ночью миноносцы дивизиона, дождавшись потопления двух патрульных кораблей торпедами с берега, незамеченными отошли от архипелага, и зашли с севера в тыл дуте легких крейсеров, выстроившихся для обстрела проливов. Десантных барж они не заметили, и отстрелялись с минимальных дистанций, отмаргивая на запросы сигнальщиков теми сигналами, что применяли еще в бухте Канопус. По неподвижным целям да с полукилометра — промахов не было. Только семьсот третьему не досталось крейсера, и он потопил нечто поменьше, удачно оказавшееся перед ним.

А потом навалились на миноносцы. Сколько уж их потопили и как повредили — разглядывать было некогда. Спешили убраться, пользуясь заварушкой, усугубляя неразбериху дымовыми завесами. Проскочили не тем проливом, через который вышли, а мимо транспорта. Он и накрыл одного из преследователей своими снарядами. Дозорные корабли рикан из этого района уже лежали на дне заботами торпедистов-сухопутчиков.

Ротный сообщил, что пловцы до крейсеров добирались дольше, чем хотели. Оказалось, что течение в этом месте встречное. Вымотались. Поэтому с минированием возились дольше, чем планировали. Зато вернулись быстрее.

— Как только бойцы отдохнут, прошу минеров оказать нам содействие в освоении торпед, — продолжил он и свое выступление, и Гошкину мысль.

— И нашим торпедистам тоже надо акваланги освоить, — вступил флагманский минер. — Чтобы запустить эту игрушку, достаточно выполнить определенную последовательность действий. А вот для ее наведения нужно произвести в уме целую систему расчетов, а потом по наитию чуток подправить. Динамическая тригоно-

метрия, так сказать, с ворожкой и камланием. У меня, кроме командиров кораблей, всего восемь человек готовы. Это при том, что экипажи очень опытные.

— Ваши опытные торпедисты элементарно не доплывут. Их моим бойцам буксировать придется в обе стороны. Тут не только навык и знания, еще и физические кондиции должны быть на высоте.

— Понял. Помаракую. Нам ведь на каждый дредноут нужно по пять торпед. А наводчика на всю группу и одного достаточно.

— И как этот наводчик в ночном море другие торпеды найдет?

Главный торпедист с ротным углубились в дискуссию о деталях операции против дредноута, к ним присоединились остальные. Поступили доклады о попытках прорыва десантной баржи, которую так приветили шрапнелью, что она выскочила на отмель. Сообщили о еще трех миноносцах, один из которых подорвался на mine, а два других попали под огонь семьсот второго. Один затонул, второй ушел под пушки семьсот третьего, после чего потерял ход. Абордажная группа уже выходит на паровом катере. Признаков жизни на миноносце не наблюдается, кроме того, что пар интенсивно вырывается из-под палубы.

Гошка выслушивал доклады, смотрел на карту, где переставлял фигуры начальник оперативного отдела, отмечая развитие бесконечного гамбита, и понимал, что после неожиданного хода с обстрелом десанта, сделанного ночью, противник повел себя предсказуемо, нарываясь на «домашние заготовки». Значит, произошла передача командования. «Художника» сменил «ремесленник». И он обязательно подтянет дредноуты.

Ветер, между тем, усиливался. По всем признакам надвигался шторм. Миноносцам и тральщикам будет тошнехонько на прибрежной высокой волне. Интерес-

но, уйдут в море, или поищут защищенной стоянки? Есть здесь подходящие места. И как этим обстоятельством можно воспользоваться?

Вышел на шкафут. Точно, небо закондубасилось. На пожилого старшину торпедиста примеряют ласты. А за бортом уже покачивается торпеда, которую волокут сразу восемь пловцов. Не слишком быстро получается. Стало быть, приступили к тренировкам. В шлюпку грузят ящики со снарядами, наверно, для сухопутных пушкарей. На корме идут сварочные работы. Но к горелке протянуто не два шланга, а три. Интересно, зачем? Развороченную стенку надстройки зашивают досками. На миноносец загружают уголь. Кстати, вот незадача. На этих островах нет пресной воды. Ни озерка, ни ручейка. На жаре в закрытых емкостях быстро размножается микрофлора. И все серебряные монеты из корабельных касс уже в питьевых цистернах. И столовый сервиз из каюткомпаний лихтеровоза, и запонки начальника оперативного отдела, и даже георгиевские кресты, собранные со всех экипажей.

Куда он попал? Военные моряки, которые не пьют, не курят, ругаются совсем не по Станюковчу, и вытворяют такое... Он уже раз двадцать умирал от отчаяния, но кто-то что-то делал, и умирали враги. Ладно, хватит киснуть. Это с устатку, не иначе. Где бы прилечь в тени и на ветерке? Ночью опять будет не до отдыха.

ГЛАВА 14

Ночь действительно выдалась хлопотной. Шторм спутал все планы. Оставшиеся у противника восемь эскадронов и два легких крейсера фланировали не ближе трех километров от берега. Торпедой с берега не достать, пловцам их не догнать. Так что отправили вплавь с

торпедой одну группу аквалангистов, чтобы отрететировать нападение на дредноуты.

Капитан транспорта отыскал еще одну точку, с которой можно укусить патрульное судно из его дальнобойных орудий. Но волнение в этом месте оказалось слишком велико. Не решившись стрелять, он вернулся под защиту берега.

Главную пакость этой ночи учинили Ви с дедой. На паровом катере они вошли в залив одного из южных островов, где укрылись от шторма миноносцы и тральщики. Последовательно обошли всех. Подвалив к борту, Ви на чистом риканском, которым владела в совершенстве, сообщала: «Код «Морской Орел», — и к следующему. Что уж там подумали по этому поводу мудрые командиры — неизвестно. Звучные названия вообще в чести у риканских военных. И разные хищные птички: орлы, соколы, ястребы — тоже весьма популярны в эмблемах воинских подразделений и соединений кораблей.

А разве командир миноносца или тральщика признается в присутствии подчиненного, что не знает какого-то важного кодированного сигнала? Конечно, нет. Просто станет наблюдать за действиями соседей, чтобы поступить аналогично. Ведь посыльное судно обошло всех. Так что заряды, прилипшие к бортам их кораблей ниже ватерлинии, начали срабатывать за час до рассвета. За полторы минуты — разброс примитивных часовых взрывателей — риканцы лишились малотоннажной флотилии. Катер-то деревянный, а миноносцы и тральщики — стальные. Понятно, к чему прилипнет магнит, опущенный на веревочке за борт при перемещении кранца.

А пловцы-торпедисты подкараулили-таки легкий крейсер. Даже торпеду пустили на такой-то волне. И попали! Сами люди-лягушки вернулись измотанными настолько, что смотреть на них было жалко. Фельдшер хло-

потал с капельницами и требовал от кока бульона из птицы. Обе несущки с лихтеровоза пошли в суп.

Потом пришел флагманский механик и сообщил, что захваченный вчера вражеский миноносец необходимо срочно ремонтировать и гнать на главную базу. На нем установлена паровая турбина, причем отличная, а не то, что... Его резкое замолкание можно было понять так, что у имперских конструкторов подобные агрегаты получают не очень.

Больше ничего не происходило. Командиры снова собрались в салоне лихтеровоза. Предложений не было. Шторм набрал силу. Ни миноносец, ни катер в море не пошлешь. Сейчас атаковать оставшиеся семь эскортов и легкие крейсера представлялось вполне реальным, тем более что они не вместе, а нарезают круги вокруг архипелага на расстоянии во многие километры друг от друга. Если бы не волнение — миноносцы, пожалуй, справились бы.

Эта мысль на все лады была повторена каждым из взявших слово, и повисла тишина. Гошке стало как-то неуютно. Но вдруг заговорил начальник оперативного отдела.

— Выйти в море сейчас могут или транспорт, или лихтеровоз. Если лихтеровоз примет балласт, колебания его корпуса под действием непогоды замедлятся. Артиллерия значения не имеет. У эскортов этой серии резкая бортовая качка, заряжающие снарядом в казенник не попадут. А торпеды можно разместить на затопленной палубе веером, да хоть бы и перпендикулярно курсу.

Молчание было недолгим.

— Мы тут и похлеще номера выкидывали. А не испытывай, ведь и не узнаешь, может ли это получиться. — Это командир семьсот четвертого.

— Заманчиво. — Капитан лихтеровоза тоже не молчит. — Разницы в скоростях при таком волнении вроде

как нет. Эскорты вообще могут переломиться, если попробуют бежать полным ходом. И уголька в бункерах у них не в избытке. Они давненько его жгут. Угольщики наши наблюдатели не замечали, так что у них вряд ли больше чем по одному котлу под полным давлением. — Его взгляд в сторону Гошки источал мольбу.

Ну вот. Дожил. Такую чушь несут, что плакать хочется. А ведь штормы на Посейдонии не длятся долго. Нет, период безумных решений пора завершать. Жалко кураж у подчиненных обламывать, но атаковать лихтеровозом боевые корабли... ну, это право по-гусарски слишком.

— Шторм стихнет. Волнение уляжется. Перетопим всех по штатной схеме. Отстрелявшиеся сразу возвращаются на лихтеровоз для перезарядки. Транспорт стоит в засаде вот здесь, — Гошка показал на карте. Я на семисотом прикрываю артиллерийским огнем выходящие в атаку миноносцы. А пока то, да се, штормит да непогодится, надо хорошенько прочесать острова. Нам сейчас чужой глаз на суше может дорого обойтись.

Разговор сразу увял. Офицеры начали расходиться. Ротный замешкался, и Гошка «взял его за пуговицу». Сильно его заинтересовали морские пехотинцы с их техническим оснащением и универсальной подготовкой. Слово за слово, майора он разговорил.

* * *

— Представь себе, еще совсем пацаном сижу это я, рыбку ловлю. Клева нет, лодка покачивается на мелкой волне. Солнышко пригревает. В заливе — ни души. Вдруг из воды высовывается голова с глазом в пол-лица и прямиком ко мне. Ото рта усы черные за плечи идут, и прямо в горб.

У меня душа в пятки, хватаю весло, а оно берется за

транец и ко мне. Хватило, однако, у меня духу. Не прыгнул за борт и бить его не стал. Сообразил, что руки человеческие в перчатках, а остальное — типа водолазного снаряжения, только на незнакомый манер. А уж как он маску снял, и загубник изо рта достал — совсем успокоился. В общем — аквалангиста к нам с вашей Земли перебросило. Дайверами их еще называют на риканский манер. Вообще-то у бухты этой неважная репутация. Утопленников на берег не раз выносило. Причем всегда незнакомых. Однажды раненого нашли, но спасти не удалось.

В общем, погреб я домой, даже снасти порезал от спешки. Сам знаешь, как к вашему брату пришельцу у нас относятся. Он бутерброды мои умял, воду выпил, даже помочь грести предлагал. А потом околоточный с фельдшером, повариха с кулешом, нарочный в волость. А у меня — мечта на всю жизнь. В общем, как школу окончил, все хорошенько нашему Порфиричу объяснил. Он отписал куда следует, а потом через пару месяцев принес мне направление в морскую пехоту. Ну, в Империи, почитай, вся пехота морская, но несколько рот как раз для таких диверсий готовят. Про акваланги-то на Посейдонии никто не знает, не ведает.

Так что держится это все в огромном секрете. И, что обидно, без применения. Мы ведь все войны ведем исключительно оборонительные. А подводному диверсantu для работы нужен чужеземный порт. Когда ты заявку на роту морских пехотинцев сделал, слушок о твоих хужождествах уже ходил, так что я походатайствовал из расчета, что смогу применить на деле то, что больше десяти лет разучивал.

Правда, мне еще зачем-то практикантку навязали, соплячка, конечно, но борозды не испортила.

— А в бухточке той еще земляне появлялись? — поинтересовался Гошка.

— Там теперь постоянный пост на мыске. По слухам, вроде как прибыло то ли двое, то ли трое. Но эту информацию придерживают. Народ старается не болтать.

— А дайвера этого ты потом встречал?

— Конечно. Он работает наставником при наших диверсионных ротах. Все эти приемчики, что мы используем, — все от него. И приспособления тоже. Придумал он их или раньше знал — не ведаю.

— Слушай, ротный, а ведь нам совсем не следует отсюда так уж торопиться домой. Дух про турбины важные слова сказал. А тут нашими трудами в неглубоких местах этих самых турбин десятки могут лежать на дне проливов и в заливе. Правда, вне завода мы их на наших малышей поставить не сможем, но прихватить с собой хотелось бы побольше.

* * *

Экипаж семисотого набирался в главной базе по конкурсу. Его пригнали из отстойника Геленской верфи и включили в дивизион семисотых миноносцев. Хотя это и канонерка, но есть и сходная броня, и однотипные с остальными пушки. Опять же в бою командовать дивизионом сподручней с места событий, а здесь рубка на полшага длиннее и на ладонь шире. Когда прошел слух о наборе в дивизион Куксы, кандидаты на вакантные места завалили рапортами стол начальника оперативного отдела. Он и провел отбор. А сейчас Гошка сидит в тесной ходовой рубке этой канонерской лодки, задача которой — обеспечить выход в атаку следующих за ней миноносцев: семьсот первого и семьсот второго, «Рябого». Здесь же капитан, два сигнальщика, начальник корабельной артиллерии.

Ветер давно стих, волнение быстро улеглось. Два балла для миноносца — комфортные условия. Декорации

противник начал менять еще до стихания шторма. Корабли блокадной группы — эскорты и легкие крейсера — стали постепенно сменяться более солидными боевыми единицами. Так называемые бронепалубники — быстроходные, защищенные от навесного огня корабли, построенные лет пятнадцать тому назад.

Разных проектов и верфей, они не раз участвовали в сражениях и модернизировались. В частности — на них производили добронирование надводного борта, что увеличило осадку и снизило скорость. Начальник оперативного отдела, кажется, знает «в лицо» все корабли. И объясняет толково.

Если бы Гошка в свое время не хлопотал и не суетился, а спокойно поручил этому офицеру заказ боеприпасов, то сейчас имел бы в укладках более подходящие снаряды. А то набрал... Хотя, кто же мог предполагать, что столько всего навалится?

В поле зрения в семи километрах от берега два бронепалубных крейсера. Оба — бортом к нему. Передний замедляет ход, второй догоняет. Вот вспышки выстрелов, фонтаны разрывов. Большая дистанция, большое рассеяние. Пристрелку проводят снарядами, дающими отчетливый всплеск, фугасными, наверное. Попадание такого поросенка по навесной траектории — приговор для семисотого.

Густой дым тянется за кормой плотным шлейфом, прикрывая идущие следом семьсот первый и «Рябой». Остальная тройка заходит слева, из другого пролива выскочили и сразу развернулись широким фронтом. Их задача — отвлечь внимание наблюдателей, а повезет, и артиллеристов. Левее и мористее риканский эскорт сбросил ход и разворачивается. Минуты через четыре он подставит борт под орудия транспорта, который как раз в этот момент покажет нос из-за скалы. Жаль, что только передняя пушка будет в деле.

Семисотый несет на бортах две бутаторские торпеды, наспех сколоченные командой из подручных средств. Жалко будет, если их снесет первым же залпом. Гошка принимает вправо, и слева в воздухе взрываются боеприпасы с дистанционными трубками. Сталь хлещет по стали. Да, это не пушки рейдеров. Калибр — верные двести миллиметров. Теперь немного влево. И залп второго крейсера практически накрывает канонерку. Из стенки рубки возникает острое. Осколок специального снаряда пробил броню, ладно не поранил никого.

Носовое орудие канонерки послало первый снаряд. Плохо лег. С перелетом и за кормой замыкающего крейсера. Да и попали бы — разницы никакой. Эти корабли бронированы, а в укладках канонерки одни осколочно-фугасные. И два ящика подкалиберных в НЗ, что хранится в форпике. Это прописано в регламенте, составленном еще Лехой Таврухиным. Чтобы подойти в упор и продырявить котлы, пробив броню. Мечта мечтателя. Так не бывает.

Ого, а этот залп уже полновесно накрыл. Всплески кругом, и осколков не слышно. Баловство со шрапнельными и сегментными снарядами закончилось. А дымовой хвост ветром оттягивает влево. Семисотый уклоняется вправо, направляясь за корму замыкающего крейсера. Рикане, чтобы их бортовые орудия смотрели на канонерку, подруливают влево, сближаясь с полосой задымления, и два миноносца выскакивают оттуда на полном ходу. Кабаний удар. Противоминная артиллерия крейсеров уже пристрелялась по Гошке, а смена цели требует некоторого времени, а это сотни метров до цели для атакующих миноносцев.

А ведь и имперские комендоры тоже пристрелялись, и от их огня артиллерия малых калибров страдает жестоко. И тут одновременные залпы обоих крейсеров накрывают семисотый. Все вокруг взлетает, опора исчеза-

ет, мир перекашивается... и плавно выпрямляется. Из системы вентиляции вылетает струя дыма... и быстро вытягивается той же системой вентиляции.

— Пробоина в третьем отсеке заделывается. Отсек герметизирован, давление подано, носовая цистерна пресной воды продута, — докладывает дух. И рывкает носовое. Это что же, из герметизированного отсека палят? Нет, тормознул. Забыл, что не на миноносце. Из второго.

Теперь ударило кормовое. Ага, они уже в четверть оборота к переднему крейсеру, а эскорт, что слева, кокетливо подставил корму под пушку транспорта и, кажется, потерял ход. Артиллерист сыплет в переговорную трубу что-то про прицелы и целики, командир канонерки переводит рукоятки машинного телеграфа на полный назад, пытаясь отползти в дымовое облако. Лес всплесков встает перед носом, а справа из-за мыса выходит еще один риканский эскорт. Или крейсер? Виден пока только нос.

Семьсот первый прикрывает дымом «Рябого», который как-то замедлил ход. Передний крейсер немного просел на нос, а задний циркулирует влево. Все, дым, ничего не видно.

— Пробоина заделана, отсек осушен. В носовую цистерну вместо пресной воды принят балласт, — голос главмеха из переговорной трубы.

— Комендоры! Подкалиберными заряжать. Средний вперед, двенадцать градусов влево. — Голос мичмана, командира канонерки.

Дым рассеивается. Развернувшийся крейсер в трехстах метрах. Обе пушки последовательно выплевывают по восемь снарядов, действия которых отмечаются невнятным проблеском на борту неприятельского корабля. А потом там же вспухают взрывы фугасов, которыми заряжают пушки, исчерпав запас бронебойных. Но противоминная артиллерия не отвлекаясь садит по атакую-

щим миноносцам, Сигнальщик по Гошкиной команде выпускает условленные ракеты, и миноносцы, прикрываясь дымом, оттягиваются к проливу, из которого атаковали.

Никого не утопили. Да, морское сражение — это не диверсии. Когда враг противодействует, а не пребывает в неведении относительно угрожающей ему опасности, справиться с ним нелегко. Из десяти выпущенных торпед цели не достигла ни одна. Отчего оседал на нос крейсер — непонятно. Свое положение он выправил буквально за несколько минут. Эскорт, обстрелянный транспортом, ушел.

Итак, сегодня они атаковали не рейдеры, приспособленные в основном для грабежа беззащитных торговцев, а реальные боевые корабли с броней и опытными экипажами. И утерлись по полной программе. Привезли повреждения, раненых и израсходовали боезапас. Зато лихтеровоз выволок на косу потопленный риканский миноносец. Его турбинами сейчас активно занимаются работники дивизионной мастерской. Только вот все равно непонятно, как отсюда ноги уносить.

ГЛАВА 15

Вечереет. Гошка на самой высокой точке группы островов. Неприятельские корабли числом одиннадцать ведут непрерывный хоровод вокруг этого крошечного архипелага, похожего на расколотое блюдо. Извилистые трещины — проливы. Высоты скал периферийных островов больше, чем в центральной части. Для обороны позиция хороша. Но на нее никто не нападает. Более того, никто даже не приближается к суше. Бронированные крейсера, непрерывно находясь в движении, держат эти клочки земли в плотной осаде.

Нет, это не корабли линии. Ни один из них не годится для открытого сражения с броненосцами или дредноутами. Их двухсотмиллиметровки не сравнить с главным калибром линейных кораблей. И перепахивать из них острова, похоже, никто не собирается. Есть подозрение, что в их погребах только снаряды, предназначенные для борьбы с другими кораблями — крепкие корпуса с некоторым количеством взрывчатого вещества, которое при попадании взрывается внутри неприятельского судна, корежа машины, калеча людей. Те самые бронебойные, которых так не хватало им накануне.

Ими можно накрыть береговую батарею, или поразить другую цель на берегу. Но перепахивать огромные площади этими снарядами неэффективно. Взрыв при попадании по суше даст глубокую воронку, а по воде — высокий всплеск. Но площадь поражения невелика.

Следовательно, или они ждут подвоза осколочно-фугасных снарядов, или подхода кораблей, такими боеприпасами обеспеченных. Днем к ним не приблизиться. Пробовали. Ночью? Прожектора на них очень хороши. Дух говорит — ацетиленовые. Постоянно обшаривают море. Не подобраться и не убежать.

Конечно, если вытащить на высотку стотридцатимиллиметровки транспорта, можно сделать в сторону врага несколько выстрелов. Даже, если повезет, попасть разок. А потом не менее чем из шести стволов получить гарантированную гибель.

— Кукса, тикаем. — Морпех в камуфляже за штанину стягивает Гошку в лощинку. — Этот может накрыть вершинку, — машет неопределенно в сторону моря. Они стремительно скатываются к подножию высоты и мчатся к месту, куда снаряды не попадут. — Сейчас пост со Шнековой высоты наблюдает и Решетчатого островка.

Безымянные части архипелага уже обозвали. Надо же как-то объясняться в пределах локальной географии. Тут ведь одних проливов целая паутина.

* * *

Гошка сидит в салоне лихтеровоза и невидящим взглядом следит за тем, как время от времени начальник оперативного отдела перемещает фишки на карте. Одиннадцать фишек, обозначающих крейсера, идут по кругу подобно минутной стрелке. Полный оборот за три с небольшим часа. Уцелевшие после событий первых трех ночей эскорты ушли, видимо, неприятель заметил, что потери среди них слишком велики. А подставляться не надо было!

Похоже, «ремесленника» на мостике риканского флагмана сменил «профессионал». В шхеры не лезет, глаз с них не спускает, а корабли стянул самые правильные для такой задачи. Броня, огонь, скорость и маневр сочетаются в них в той самой пропорции, которая превращает эти крейсера в самого неудобного для Гошки противника. Нет, поодиночке он бы их, наверное, сделал, но они же прекрасно взаимодействуют.

Сколько он тут неприятеля накрошил, это подсчитано штабными. И более не имеет значения. Вундерваффе у него закончилось. Вернее, неприятель установил опытным путем, что к берегу приближаться нельзя, и останавливаться тоже нельзя. Это хорошо. Относительно самого факта существования боевых пловцов, способных передвигаться под водой, рикане, скорее всего, не догадываются. По крайней мере, никто не заметил, чтобы с их кораблей кидали за борт гранаты.

Значит, если имперцы отсюда выбраться не смогут, все легководолазное оборудование надо привести в со-

стояние, непригодное для технического анализа. Стоп! Эти мысли в сторону.

Итак, вундерваффе более неэффективно.

— Ротный, у тебя в ящиках не припасено ли противокорабельных ракет?

— Десяток ракет имеется. А против чего их применишь, против того и будут.

Оба-на!

— Так, может, потопим ими крейсера, да потопаем домой? — Гошка тихо млеет.

— Они летят не очень точно. Если метров с трехсот, то в крейсер, пожалуй, попадет. Только не потопит, да и надстройки повредит не фатально. Ну, может, башню снесет или каземат разворотит. Пятнадцать кило взрывчатки. Торпеды эффективнее и проще в обращении. Ракеты ведь надо с направляющих пускать, а это шестиметровая ферма с рельсом.

Тут замысел в чем. Один боец ракету тащит, двое — детали пусковой установки. Подобрались скрытно, ну, скажем, к складскому комплексу, свинтили ферму, прицелили, бабахнули километров с пяти, и ходу. Налегке, бросив железки. А для морского применения ферму можно хоть бы и на лихтеровозе поставить. Но чтобы попадать ими по подвижной малоразмерной цели — это нереально.

Понятно, размышляет Гошка. Это типа «катюши». На суше их применяют часто, а вот чтобы современные системы залпового огня использовали против кораблей, такого он не слышал. Хотя, если смонтировать пусковые фермы по бортам на канонерке, разок пугнуть крейсер, пожалуй, получится.

— А что у тебя еще интересенького припасено? — продолжает он допрашивать майора.

— Мины есть противопехотные натяжного и нажимного действия. Минометы пятидесятимиллиметровые,

но боеприпас к ним термитный, два ствола, сорок мин, километра на два можно стрельнуть. Шашек толовых, взрывателей на все вкусы, шнура огнепроводного и детонирующего, детонаторов припасено. Надувные лодки. — Майор остановился, подумал и завершил. — Для диверсий на все вкусы у нас реквизит имеется, для засад, для налетов или штурмов. Крейсера топить мы не готовились.

— Список дадите? — Зачем это ему, Гошка не знает. Но лучше полистать.

— Сейчас принесу. — Каблуки ротного уже стучат по металлическому трапу.

А Гошка копается в своей памяти, перебирает мысли и пытается связно рассуждать.

Рикане избрали лучшую тактику — блокировать острова и не предпринимать никаких действий, взять его измором или подогнать линкоры и перепахать здесь все. Это дает ему время. Пока подгонят ударную эскадру от Рейсфедера — неделя или полторы есть. И, главное, затея уже удалась. Пусть не дредноуты, но этих одиннадцати бронепалубников неприятелю сейчас наверняка крепко недостает в других местах. А у него провизии припасено немало. При планировании операции он многое учел.

Как показывает история, зачастую важные решения принимают под воздействием эмоций. Ситуация схожа с нападением на Перл-Харбор и на появление немецких подводных лодок у побережья США. Шок и паника как у гражданского населения, так и у военных. Наземных столкновений в этой войне нет или почти нет. Армия используется только как гарнизон на островах, воюют флоты. В риканских землях все тихесенько да складнесьенько. Они — агрессор, вторгшийся в чужие владения.

И вдруг боевые действия разворачиваются практически в приходе, это вообще первое нападение на их бе-

рега. Порт горит, взрываются военные склады, скорее всего огонь перекинулся на город. Большой порт и город способны гореть несколько дней. Так что, теоретически, он может все еще гореть, подстегивая военных и политиков.

Естественно, поднялась волна паники, появились дикие слухи, что город был атакован огромным имперским флотом, о высадке десанта, что враг продвигается к столице, и масса красочных подробностей. Паника разрастается, по всей стране волнения и беспорядки. Размечтался. Ну, да это не во вред.

Но власть имущие наверняка приказали всем военным кораблям выйти в море. Немедленно! Вчера! В результате на некоторые не погрузили необходимые припасы и не исправили неполадки. Неразбериха с командованием, отсутствие оперативных планов, которые никто и не готовил. Все хорошо понимают, что в результате нападения полетят головы военного руководства и политиков, с ними связанных. В такой ситуации мозги отшибает напрочь, все, о чем могут думать большие чины, — это спасение своей задницы. Флоту нужно немедленно реабилитироваться, причем сделать это быстрее собственного визга. И визга газетчиков. Прежде чем отошедшая от шока общественность начнет задавать вопросы.

В топки начальственного гнева полетят головы чинов поменьше, все в один голос будут требовать результат как можно быстрее. В подобной обстановке, конечно, возникает неразбериха и делаются все возможные ошибки. Вроде высадки пехоты из ближайшего тылового гарнизона, вместо того чтобы подождать, когда перебросят морскую пехоту.

И просто великолепно, что офицеры собравшихся здесь риканских кораблей — это не командование слаженного боевого подразделения, а сборная солянка. Ко-

мандование принял старший по званию, склонный к стремительности и импульсивности. И, следуя его командам, корабли подставились под торпеды, зашли на мины и сунулись под стволы орудий.

А затем прислали ответственного товарища, представляющего генералитет и политиков, штабного скорее всего, которому стремительно требуется убедительный результат. И очень нужно подсунуть чужие головы вместо своей. Ему кажется, что нужно сделать еще усилие, и враг дрогнет, и будет побежден. Не пытаясь изменить тактику, полагаясь на грубую силу, ведя войну на истощение, он погнал на убой все, до чего смог дотянуться.

А имперцы просто крутили рукоятку мясорубки. Пока командование не принял реальный боевой офицер. И получилось, как в старинной притче:

— Я поймал медведя.

— Тащи его сюда.

— Не могу, он меня не пускает.

Причем сейчас это работает симметрично на обе стороны. Главное, чтобы подчиненные думали, что все идет по плану. Скоро о нем будут говорить как о человеке, который съест свою шляпу, если она узнает его планы. Хех!

Итак, задачу, поставленную перед самим собой, он выполнил. Недельку можно передохнуть, наслаждаясь видом фланирующих вокруг его убежища грозных боевых кораблей. А потом нужно выбираться.

Хорошо бы, подошел какой-нибудь из имперских кораблей, отвлек охрану. Но ничего подобного в планах имперского флота не значилось. Гошка ведь место и время для своих художеств не из носа выковыривал. Специально соображал, в какой момент и за какое место укусить. И восточку подать своим он не может. Ни отвлечь, ни подать восточку. Ни отвлечь... ни восточку подать...

Ага, а вот и реестр запасов диверсионного оборудования. Пухленько. Эти морпехи — такие барахольщики.

* * *

Семьсот второй — «Рябой», семьсот пятый — «Конопатый», семьсот четвертый — «Дырявый». После наскока на бронепалубники выразительные доказательства столкновения с неслабым противником получили и остальные боевые кораблики дивизиона. Канонерочку семисотый окрестили «Топленным» за пробоину, через которую заливало второй отсек. Семьсот первый из-за снесенного ограждения мостика нарекли «Плешивым», а семьсот третий за развороченный стык ахтерштевня и палубы назвали «Куцом». Его ремонт оказался серьезной головной болью. И крепление, и привод руля созидали практически заново. И очень много хлопот с валами машин. Как-то их трянуло неладно.

Пока подчиненные хлопотали, их командор прекрасно выспался, пропустив ради этого завтрак, и вышел только к обеду. Все прекрасно. Обстановка как при стоянке в дружественном порту. Нормальная посуда, сервировка, скатерть. Господа офицеры, пусть и не выбриты, но одеты не так, как будто только что из-под обстрела. Пустяковые разговоры, мелкие темы, бессмысленный треп и беззлобное зубоскальство. Посматривают на командора...

— Да, опять я просчитался, — заговорил Гошка. — Не дождались мы дредноутов, почти все торпеды извели по мелочи. И негодники эти бронепалубные крутятся, как мухи. Командам отдыхать и мыться. Текущие работы и восстановление повреждений производить без поспешности. Планируйте дня три или четыре. Если поспевать

не будете, задержимся. Кстати, откуда столько пустых бочек взялось, что на берег выкатили?

— От светильного масла. Частью уже были пусты, а остальное — в резервуары топочных сифонов слили. И в донные цистерны миноносцев закачали немного. Теперь, если что, даже без угля на пару часов хода хватит, — отозвался флагманский механик. — У вас там, на Земле, давно с углем не канительятся, а мы без нефти сидим, и лопаты — важнейший элемент любого двигателя.

Народ ухмыляется. О том, что Гошка — пришелец — знают все. И в любом взгляде, что он ловит на себе, всегда сквозит толика любопытства. И ожидания. Чуда, что ли?

— Тогда интересно, чем здесь пытались заправлять двигатели внутреннего сгорания? Ну, когда пытались делать дизели.

— Масла, жиры, спирты, эфиры, скипидар. Все горючие жидкости в разных комбинациях и пропорциях. Я не все перечислил. На стендах-то эти, как ты назвал, двигатели внутреннего сгорания, с грехом пополам еще как-то пыхтят, но для чего-то серьезного их приспособить не удастся. Капризные, прожорливые. Уже полстолетия с ними по всей планете бьются, а без толку. Джапы раз поставили их на свои миноносцы, ходили в основном на буксире от места, до которого дотянули своим ходом и до ремонтной базы.

Опять Гошка вознагражден взглядами... Вроде он сейчас взмахнет волшебной палочкой и... Дожил. С такой репутацией он долго не протянет.

— Господа, в области дизелестроения я некомпетентен. А вот понять, почему мы топим котлы боевых кораблей не жидким, а твердым топливом, хотел бы.

— Жидкое топливо у нас идет, в основном, на освещение. На остальное его просто не хватает. Ну, растительное масло хоть в лампу, хоть на сковородку. Воска и стеарина на свечи для всех тоже не хватает, зато кое-где

навозный газ в уличные фонари подводят. Карбидные — тоже в обиходе появляются, еще ацетилен в иных местах по трубам подают или водный газ. Даже с угарным пробовали, но народ потравили. И все это разнообразие на корабле не применишь. Даже карбид, уж вроде всем хорош, а чуть намокнет — и «Команде спастись вплавь».

— А вот еще я чего не знаю. — Гошкино любопытство разгорелось всерьез. — Мины как к риканским миноносцам сами прицеплялись?

— Обыкновенно, магнитами. Наши ими всегда заряды лепят к днищам кораблей. — Это ротный. — Вроде очевидное решение.

— Да забыл как-то, что магнетизм здесь имеется, хоть и без электричества. В наших местах эти явления связаны, из одного происходит другое. Компас же работает. Все верно. К деревянному катеру магнит не прилипает, а к стальному миноносцу как репей к Шарiku. А корпуса судов в Империи делают из нержавеющей стали, чтобы вражеские диверсанты не могли мину прикрепить.

— Нержавейку применяют, чтобы не тратиться на краску, а таких диверсантов, как у нас, у врагов нет. — Это начальник оперативного отдела. — Акваланги мы засекретили, а в других странах пришельцы эту идею не озвучивали, наверное. Уже лет пятнадцать в спецродах морпеха отрабатывают подводное минирование, но до сих пор значительных случаев боевого применения не было. Мы ведь в основном отбиваемся у своих берегов или перехватываем противника на подходе, в открытом море. Какие уж тут боевые пловцы! Несколько мелких диверсий было, правда. Но все прошло гладко. Не раскрылись.

Снова выразительный взгляд в сторону Гошки. Невольно потрогал над головой. Нет, нимб не вырос. И вопросы не закончились.

— А почему наши рейдеры не слишком беспокоят рикан?

— Нормально беспокоят. На дальних морских коммуникациях. Как в уставе прописано. А не лезут в порты и в зоны оживленного судоходства...

— ... как некоторые, взявшиеся неведь откуда, — завершил Гошка фразу начальника оперативного отдела.

Смеялись счастливым смехом людей, доделавших трудную работу, и осознавших, что, как бы ни сложилось дальнейшее, этот период они будут вспоминать радостно.

— А вот не расскажет ли нам ротный, зачем такое количество презервативов требуется его подразделению в дальнем походе? — Реестр Гошка просмотрел внимательно.

— На дула винтовок и пистолетов надеваем, чтобы вода в стволы не заливалась. А ты уж не подумал ли чего, командор?

— Ну, так, немного. И еще мне очень интересно, как у нас с водородом дела обстоят.

— Есть несколько баллонов для сварки. И кислород имеется. — Флагманский механик спокоен. У него все есть.

— Тогда вечером позапускаем воздушные шарики. А то скучно тут у нас. А пока отдыхаем, наблюдаем, обслуживаем технику и посматриваем на наших телохранителей, — подвел Гошка итог. Он специально пробежался по нескольким уже известным для себя вопросам, просто чтобы беседа была общей и вроде как его просвещают. Ну и новое кое-что узнал. И настроение людям поднял. Не дураки ведь, понимают, что в ловушке.

* * *

Крошечных записок, состоящих из цифирно-буквенной абракадабры, написали много. Каждую поместили в стреляную гильзу и залили расплавленным стеари-

ном. Свечи в обиходе тоже водились. Надутый водородом презерватив с привязанным к нему импровизированным пеналом, — вот что представлял собой важнейший компонент Гошкиного плана. Первые три штуки запустили после полуночи, когда ветер явственно потянул со стороны невидимого отсюда материка.

И рикане не оплошали. При свете своих прожекторов и ясных звезд безлунного неба они обнаружили все три. Не зря Ви колдовала с флуоресцентным составом. Низколетящие сбили. Один достали из малокалиберки, а на второй не пожалели снаряда главного калибра с дистанционной трубкой. И не одного. Зато третий шарик, нарочно пущенный высоко, достать было нечем. В погоду за ним пошел крейсер. Оцепление стало реже.

Похоже, о том, что по мере остывания газа в ночном воздухе шар опустится, неприятель догадался сразу. И не ошибся. Хлопки выстрелов донесли почти через час, а вскоре отлучавшийся для перехвата депеши корабль снова занял место в хороводе. Прекрасно. Имперский «гонец» перехвачен.

А наблюдатели подтвердили предположение о том, что, выдерживая предписанные интервалы, остальные корабли оцепления ощутимо, почти на полкилометра, стянули кольцо блокады на время, пока оставались вдесятером.

Двое суток ничего не происходило. С точки зрения рикан. А имперские аквалангисты все ранее поставленные мины разыскали и сняли с боевого взвода, подняв из воды не только боевую часть, но и якорные платформы, и минрепы. Торпедисты привели их в состояние, годное для дальнейшего использования, и те же аквалангисты под водой скрытно отбуксировали их за четыре с половиной километра от берега.

Конечно, это были не обычные морские рогатые чудовища. Компактные, маломощные, разработанные спе-

циально для диверсантов, они «обслуживались одним оператором». Жаль, что было их немного. Но с другой стороны, и мест для их постановки тоже всего два. Нигде больше минреп до дна не дотягивался. Враг у нас умный, он догадался, что попытка отправить весточку своим будет повторена. Вражеские артиллеристы наверняка приспособили легкие орудия для стрельбы по воздушным целям. И прожектора теперь обшаривали не только поверхность моря, но и то, что над ним.

ГЛАВА 16

Конечно, виновник всех хлопот — лихтеровоз. Именно его ни в коем случае нельзя бросать здесь, в этом малюсеньком безымянном архипелаге, самой природой созданном для обороны.

Высокие, но короткие бак и ют, как гребнем соединенные длинной и узкой продольной перемышкой вровень с их палубами. В центре — высокая надстройка от борта до борта. В результате собственно палуба разбита на четыре изолированных «полки», именуемых шкафутами и пронумерованными. Каждая шириной пять метров и длиной пятьдесят вмещает один миноносец, располагающийся на стеллажах, чтобы не раздавить о настил брус успокоителя качки. Погрузка и выгрузка этой ноши происходит при погружении корпуса судна-носителя. Потом оно всплывает, продув огромные цистерны, и идет куда надо.

И неважно, что волна лижет шкафуты, возвышающиеся над водой всего на полметра. Что тесны трюмы из-за громоздких балластных цистерн и множества труб и насосов. Главное — экипажи четырех из шести его малышей находятся не в танковой тесноте своих ужасно боевых кораблей, а в человеческих условиях. Нормаль-

но отдыхают, вкусно питаются и могут через двери в стене надстройки загнать торпеды в трубы торпедных аппаратов, смотрящих из корпуса вперед своими концами у самого днища миноносца. Не хуже, чем в сухом доке.

Осадка у этого сооружения, конечно, впечатляющая, так что больше двадцати километров в час оно не бежит. Зато размер — совсем даже не выдающийся: сто сорок метров в длину и пятнадцать в ширину. Обводами он напоминает ванночку для купания малышей. И для того чтобы вывести из блокады его и вооруженный угольщик, трое суток пахали штабные, выверяя и высчитывая каждый шаг. И все остальные — готовят реквизит и декорации для реализации абсолютно не реализуемого по своей сложности и зависимости от почти непредсказуемых обстоятельств плана.

Особенно смущала переделка осколочно-фугасных снарядов в бронебойные. Кроме того, что «замедлили» взрыватели и выковыряли часть пастообразной взрывчатки, в каждый еще умудрились затолкать обрезок толстостенной трубы. Их в достатке нашлось на потопленных риканских миноносцах, оставалось только нарезать в мастерской. Гошку к процессу модернизации боеприпаса не подпустили. Флагманский артиллерист с выражением продекламировал параграф из уложения, о существовании которого командор даже не догадывался.

Оно, конечно, баллистика совсем другая, зато при попадании есть шанс нанести повреждение за счет того, что такой снаряд пройдет-таки бортовую броню и взорвется внутри.

Уже когда все было приготовлено, декорации расставлены, реквизит разложен и роли отрепетированы, дело пришлось отложить на сутки. Ветер дул не туда.

* * *

Полночь. Со стороны материка отчетливо тянет легкий, как перышко, бриз. Тонкий серпик луны, проглядывая через нередкие разрывы в легких облаках, волшебным серебрит почти неподвижную гладь тропического моря. Добрые командиры нежно будят своих беззаботно спящих подчиненных. Заботливо помогают им одеться, проверяют, не забыли ли те взять с собой то, что нужно, все ли застежки застегнули, и участливо спрашивают, помнят ли они, что и когда нужно сделать.

Пешком и на надувных лодочках расходятся по своим местам морские пехотинцы, аквалангисты заняли уютные лавочки в кокпитах паровых катеров, буксирующих за собой изысканно совершенные тела торпед. Мягко и изящно разбредаются по проливам миноносцы. Плавно, по-домашнему обстоятельно скользит туша транспорта к северному выходу. Ни шума, ни проблеска. Никаких сигналов, все по часам.

* * *

Гошка долго соображал, откуда ему руководить этой операцией так, чтобы иметь возможность быть «в курсе», не путаясь под ногами действующих лиц и в то же время, если понадобится — вмешаться. Арена предстоящего представления огромна, и ни из одной точки не просматривается полностью. Да и с вмешательством проблемы — связь возможна или ракетами, или световой морзянкой, но это долго, неоперативно и не во всех случаях приемлемо. Не напрасно столько времени потрачено на разучивание сценария со всеми, кто участвует в спектакле. И проведены разборки по поводу того, кто что делает при каких вариантах развития событий.

Теперь основная надежда на индивидуальные качества командиров групп, кораблей, на выучку, смекалку, инициативу и фантазию бойцов. Без частных импровизаций при общей согласованности успех не гарантирован. Тут нужна очень командная игра.

А наблюдать Кукса будет с высоты, пока не начнется реальная заваруха. Потом придется перебежать на лихтеровоз, куда стекаются сообщения от всех наблюдательных постов, кораблей и диверсионных групп.

* * *

Череда пустых бочонков неторопливо выносится слабым локальным течением на маршрут движения крейсеров уже много часов. Кокетливые бутафорские рожки не оставляют у наблюдателя сомнений в том, что это мины. Тем более что шнуры, связывающие их, удерживают макеты на равных интервалах друг от друга. Это и создает сильное ощущение неотвратимой смертельной опасности для всякого, кто посмеет пересечь зловещий пунктир, протянувшийся через водную гладь. Вообще-то бумажный шпагат не представляет ни малейшей опасности даже для винтов, и вообще, скоро размокнет и порвется при малейшем волнении, но сами бочата, те, которые артиллеристы крейсеров не успеют расстрелять, долго еще будут пугать местных мореходов.

* * *

По расчету времени уже должны сработать часовые механизмы, еще утром и днем запущенные боевыми пловцами. Пиропароны перебили шкеры и теперь к поверхности всплывают узкие длинные сети, сплетенные из канатов со стальным тросиком внутри, специально разработанные в расчете организовать из них ло-

вушки для неприятельских рейдеров в непосещаемых нормальными торговцами проливах. Дома эта идея не сработала. Проливов слишком много, а с оповещением проблемы без радиосвязи. Пара случаев с потерей винтов ни в чем не повинных мореплавателей поставила крест на этой затее. Но ротный, принимавший личное участие в испытаниях, ничтоже сумняшеся погрузил все, что оставалось на складах, в просторный трюм транспорта.

Дело в том, что неслабые заряды со специальными взрывателями и маленькой отрицательной плавучестью были размещены на этих сетях на расстоянии, обеспечивающем хорошую вероятность соприкосновения с винтом.

Так что с западной стороны островов сейчас раскинута практически непроходимая завеса, поплавки которой не отличить от мусора, которого в здешнем водном районе за последнее время образовалось немало.

* * *

Когда Гошка первый раз огласил свой замысел, присутствующие в салоне лихтеровоза офицеры внешне вообще не отреагировали. Насупились и молчали. Оно и понятно. До этого рассматривались иные варианты. Например — просидеть в осаде до морковкина заговенья. Ведь крупные силы на них оттянуты, это даже круче, чем если все эти корабли просто потопить. Жалованье и снабжение изволь обеспечить, а пользоваться этой силой не могли. Пакость для рикан неслабая. Дредноуты и корабли с десантом то ли будут, то ли нет.

Или крошечной туманной ночью всеми силами рвануть на прорыв. Кто-то ведь может уйти.

Но и этот план критиковать никто не стал. Может,

послушание воле командира у имперцев сильно развито. Или в Гошкину счастливую звезду верят до беспамятства. В общем, пару часов начальник оперативного отдела играл роль неприятельского адмирала, а остальные строили ему козни. Делалось это устно, но с применением карты, счетных линеек и ничем не сдерживаемого полета фантазии.

* * *

Для того чтобы силой четырех аквалангистов протащить под водой торпеду несколько километров, требуется немало времени. И спешить при этом очень вредно. Поэтому сделано это было заранее, при свете дня. Стальные сигары ждали своего часа в нескольких метрах под поверхностью, заякоренные. А поскольку разыскать их ночью — задача нерешаемая, путеводный канатик для людей-лягушек позаботились проложить тоже заранее. В общем, если крейсер, запутав винты, потеряет ход, то в этом районе ему приготовлены некоторые развлечения. Кстати, тут и заряды для подводного минирования с магнитами припасены. Кто знает, как все сложится? Так что даже лодка резиновая с баллончиком сжатого воздуха имеется, и фонарики хеомоллюминесцентные. Да много тут всякого... диверсионного, подвешено между далеким дном и близкой поверхностью. Человек тридцать не по одному рейсу сделали, сил не пожалели.

* * *

А вот и время подошло. Пора. Минута, вторая, третья — с западной оконечности стартует воздушный шарик и, подхваченный ветерком, устремляется на юг, стремительно набирая высоту. Малокалиберные пушки двух крейсеров почти одновременно начинают стре-

лять по нему, ну и друг по другу немножко. Попадают по шарiku и начинают переругиваться световым телеграфом. А рядом стартует следующий небольшой аэростат. И с восточной оконечности поднимаются в воздух сразу пять таких же, причем три идут над самой водой, а один взлетает почти вертикально.

Полоса дыма, ползущего из центральной части острова, явно также скрывает несколько аналогичных устройств.

Риканские комендоры продолжают свою работу, но целей много и они неудобны. Вот уже второй корабль блокирующей группы покидает свое место в кольце оцепления, поскольку не менее трех десятков воздушных почтальонов стартуют почти одновременно. Их необходимо уничтожить, чтобы сорвать планы имперцев послать весточку своим с просьбой о помощи. Кольцо вокруг островов сжимается.

* * *

Обнаружение цепочки плавающих мин рикане произвели своевременно. Успели остановиться, работая машинами на полный назад. Следующий крейсер приближался к этому месту, уже плавно сбрасывая ход, аналогично поступил и капитан третьего корабля. В конце концов, позиция неплоха для расстрела аэростатов, их как раз сюда сносит ветерком. Многие вообще одним снарядом можно поразить. А выстрел главного калибра выбрасывает мощную струю раскаленных газов, что приводит к разрушению сразу нескольких целей, оказавшихся в зоне распространения акустического удара. И взрывы снарядов в воздухе позволяют создать практически непреодолимую огневую завесу. Вот только немного мешает дым, наползающий с берега.

* * *

Снятые с миноносцев аппараты дымообразования, расположенные на берегу, включили после того, как зажгли десятки бочкообразных дымовых шашек. Облако получилось на славу. Воздушные шарики в нем оказались совершенно не видны, несмотря на пристальное внимание прожектористов. И три миноносца вышли из пролива незаметно. Почему три? А потому, что именно три бронепалубника, почти слившись для наблюдателя в сплошной длинный силуэт, барьером встали на пути воздушных «почтальонов», с максимальной скорострельностью из всех стволов пуская снаряды в дым. Кабанья атака на этот раз прошла как по нотам, причем в тройном размере.

Три залпа по две торпеды с интервалом двадцать секунд, попавшие почти в одно и то же место сразу трех крейсеров — это более чем достаточно, для того чтобы кроме спасения личного состава уже больше ничем не заниматься. Пальба утихла, словно выключили.

* * *

Торпедисты-сухопутчики тоже заняли позиции. Паровые катера подтащили торпеды по проливам и, не показываясь на глаза неприятеля, вернулись. Вероятность того, что им сегодня найдется применение, невелика, но по одному из проработанных сценариев шанс на это имелся. Ну а нет, так и ладно. Посидят ребята в теплой водичке, не растворятся. Однако непохоже на то, что принятие ванны слишком затянется. Обмен световыми сигналами на кораблях неприятеля интенсифицировался, и один из крейсеров, вывалившись из карусели, заложил циркуляцию, одновременно увеличивая ход. А радиус этого маневра у него на такой скорости изрядный.

Опытный старшина минер сразу оценил перспективность складывающейся ситуации. Баллончик со сжатым воздухом подключили к магистрали, навели нос торпеды в нужное место, раскрутили гироскоп. Подождали, пока бронепалубник достигнет расчетной точки, и рывком извлекли стержень стопора клапана. Винты закрутились, и цилиндр торпеды пошел навстречу с бортом или днищем огромного корабля.

Попали. И не удивительно. Позиция оказалась удобной, а расчет — искусным. Они это уже проделывали. И еще разок попробуют, поскольку в устье пролива у бережка качается на волнах еще один экземпляр смерти с моторчиком. Скорее всего, его придется затащить обратно в глубь архипелага и вывести другим проливом, поскольку торпедированный корабль, продолжая движение, ушел из зоны поражения, а добить его крайне желательно. Как бы он не утонул, пока они тут валандаются с этой торпедой, — тревожится сердце старшины, — а то ведь можно и не успеть.

А что это за пальба? Транспорт, разглядев начавший крениться бронепалубник, с полутора километров кладет снаряды в его на глазах опускающийся борт, отчего тот еще быстрее уходит в воду. Наверное, спрятаться хочет. Да, не успевает их команда на мероприятия по случаю встречи бронепалубного крейсера с морским владыкой. Ну да ладно, вторую торпеду они левее отведут, тут удобные камушки из воды торчат, за ними спокойней, и обзор нормальный. Только чует старшинское сердце, никто его здесь сегодня больше не проведает.

* * *

С берега неожиданно фиксируется залп береговой батареи. Судя по вспышкам — пушки серьезные. Коварные имперцы умудрились на виду у риканских сигналь-

щиков затащить их на высотку. Все стволы главного калибра начинают срочно перепахивать это место. Неподалеку разгорается пожар, наверное, шальной снаряд угодил в какой-то склад, устроенный на островах осажденными.

Один крейсер подорвался на mine и потихоньку опускает нос. И еще два застопорили машины, причем у одного из них был отмечен взрыв в районе винтов. Оба-на! Как быстро меняются декорации! Только что просто стреляли по шарикам, а уже на многих кораблях серьезные проблемы. И снова подавленная было береговая батарея дает залп из трех стволов.

* * *

Рикане вдохновенно «давили» главным калибром береговую батарею, организованную морпехами из стреляных снарядных гильз, на четверть наполненных порохом и от души запыжованных ветошью. Их просто оставляли на видном месте, запалив отрезок огнепроводного шнура, и сломя голову неслись в укрытие. Вспышки получались достаточно выразительными, чтобы рефлекс любого военного моряка на береговую батарею сработал безусловно.

Потом следовало дожидаться, пока стихнет обстрел. После чего зажигались шнуры следующего «залпа» и производился стремительный забег. Сто метров туда, столько же обратно, и в щель, прикрытую стальным пайолом.

* * *

Есть. Остановился. Конечно, если на винты что-то намотались, какой же капитан не застопорит ход! Жаль, что не сработали подрывные заряды.

Четверка аквалангистов освобождает от привязи

торпеду и начинает приближаться в ту точку, куда по инерции катится крейсер. Слева вовсю идет пальба, охота на шарики в самом разгаре. А здесь все тихо. Вот поморгали мателоту о возможности влететь в сети, и тот отвернул мористой. Жаль. Следующей партии дальше тащить торпеду. Силки тут раскинуты широко, попадетсЯ, никуда не денетсЯ. Ну вот, первый окончательно остановился. И расстояние подходящее. Получить по мозгам от взрыва собственной торпеды не слишком приятно. Начинаем процедуру прицеливания.

* * *

Гошка сидит с недовольным видом и косится на то, как двигаются фишки на карте. Начальник оперативного отдела спрятал в коробочку уже четыре штуки. Осталось девять. Две далеко на юге перехватывают проскочивших почтальонов. Две на западе не двигаются уже несколько минут. Наверное, на винты что-то намотали. Еще одна прошла минное поле. Подрыв засекали, но поведение крейсера не изменилось. Видимо, слабо ему досталось. Молотит главным калибром по вершине высоты, где имитирует бурную деятельность береговая батареЯ, и шарит по всем сторонам прожекторами. Напрасно он это. Собственных сигнальщиков слепит. Они и не видят ни темного силуэта выходящего в атаку «Дырявого», ни пенного буруна у его форштевня.

Впрочем, может быть, дело в «пожаре», что разожгли на самой высокой точке острова матросы с лихтеровоза. Несколько полыхающих вовсю ацетиленовых горелок и подкидываемый в огонь понемногу драгоценный магний немного режут глаза вблизи, и снижают чувствительность зрения для отдаленных наблюдателей. Ага, кто-то дал комбинацию из зеленой и красной ракет. Сейчас «пожар» немного затихнет.

Пара минут, и отметка миноносца перемещается ближе к островам. Отстрелялся. Подождем. Ага, фишка этого крейсера тоже перекладывается в коробочку. И еще одна, из числа запутавшихся.

Так, дела-то наши совсем плохи. И плохи они тем, что на самом деле хочется от радости выпрыгнуть из штанов и, восторженно вереща, носиться кругами. Что несовместимо с образом сурового флотоводца. Из пяти оставшихся на поверхности крейсеров два челноками фланируют с северной стороны, где ничего не происходит, и главным калибром время от времени расковыривают место, откуда упрямо стреляет «береговая батарея». Пара продолжает охоту на шарики. И одним запутавшимся занимаются аквалангисты. Этот тоже, кстати, по батарею стрелять не забывает.

* * *

Следующий акт. «Дырявый» подбирается к северным крейсерам из темной части горизонта, если смотреть в сторону материка — справа. А слева крадется «Топленный», оба без торпед. А сами бронепалубники сейчас следуют навстречу друг другу, то есть имперцы подбираются к ним с кормы. Ага, есть контакт. Пальба пошла с больших дистанций, и «пожар» на берегу опять разгорелся. И четыре миноносца, несущихся полным ходом от берега, пока не в фокусе внимания риканских сигнальщиков.

А запутавшийся крейсер все еще на плаву. Ну что же, торопиться ему теперь некуда. Доложили, что под его кормой был четко отмечен взрыв. Так что вряд ли он доберется куда-нибудь своим ходом. Течением его должно относить на юго-запад. Ну и пусть себе плывет.

А крейсера, атакуемые сразу четырьмя миноносцами, молотят главным калибром по ожившей очередной

раз «береговой батарее», а противоминным — по крутящимся в отдалении «Дырявому» и «Топленому». Свет от пожара на берегу, похоже, совсем лишил сигнальщиков зрения. Это что, наши будут стрелять как на стрельбище? Похоже.

Несколько минут, и начальник оперативного отдела снимает с карты сразу три фишки, обе северных и «запутавшуюся». Темнота тропической ночи теряет плотность.

* * *

Погас «пожар» на шнековом острове, перестала бабахать «береговая батарея». Притопал транспорт, сбежались к лихтеровозу миноносцы и канонерка. Последним подошел второй паровой катер с боевыми пловцами. Деда, как всегда, привез всех. Атакованные сегодня риканские крейсера затонули, как это вообще частенько у них водилось. То ли борьба за живучесть среди моряков этой нации культивируется слабо, то ли просто инстинкт самосохранения так силен, что они покидают затопляемые отсеки, не соображая, что пробойну можно еще заделать. Если сохранить мужество.

— Кукса, можно медиков послать на южные берега? Там выплывшие рикане. Много раненых. — Это заместитель командира дивизиона спрашивает.

— Как своих обработают, посылайте, — неохотно отзывается Гошка.

— А нету у нас раненых, — отзывается пожилой капитан третьего ранга. — Ливенец на батарее коленку рассадил, так каптер ему сразу выдал новые штаны, а заодно ссадину серебрухой смазал.

— Каптер?

— Да, сержант Краббе.

— Ну, тогда, конечно, медиков можно посылать.

Гошка забирается на горочку. С юга видны дымы. Это охотники за шариками возвращаются с отчетом о проделанной работе. Досталось им нынче. Ротный, как узнал, что запустили все полторы тысячи, даже в лице изменился. А в море шлюпки и плотики, всякие обломки и головы выплывших моряков.

— Кукса, давай в укрытие. Их сигнальщики уже могут нас видеть. — Матрос с лихтеровоза, что наблюдает в бинокль, спрятавшись в воронке.

— Раз видят, просигналь, чтобы пушки зачехлили.

* * *

Крейсера подбирали людей, спустив на воду все гребные суда. Шлюпки курсировали между кораблями и берегом, увозя моряков, выплывших с затонувших кораблей. Гошка сидел в салоне лихтеровоза с постной миной и недовольно разглядывал перечень оставшихся боеприпасов. Напряженно. Взрывчатки и взрывателей для диверсантов — нормально. Снарядов меньше трех боекомплектов, торпед — полтора. Провизия — сухари и консервы на месяц. Уголек тоже повычерпали. Не так чтобы совсем плохо, но простора для творчества немного.

— Крейсера уходят. Семафор дали: «До встречи».

— Ага, вежливые какие. — Знает он этот гадский язык. Если перевести дословно — «увиджу тебя позднее». Вроде учтивое прощание. А на самом деле — угроза.

— Ответьте! Добро пожаловать. Оно ведь по-ихнему одно слово. Вроде как «хорошо, приходите».

ГЛАВА 17

Противник так и не появился, даже дозорного судна не обнаружили. Семьсот второй и семьсот третий пошли в поиск к материку, а семьсот первый повез раз-

ведгруппу в район порта Сайклинг. Пока ждали результатов, флагманский механик отказался модернизировать надстройку лихтеровоза, предложенную начальником оперативного отдела, поскольку газовые баллоны сварочных аппаратов почти пусты. Только если на что неотложное. Инициатор усовершенствований ужасно огорчился, и Гошка долго с ним говорил, успокаивал.

Вообще нервозность чувствуется. Команды утомлены, боевых действий, что всех встряхивают, нет уже скоро полсуток. Адреналиновый отходняк во всей красе. Элементы апатии и раздражительности. Опять же по дому соскучились. Но как же хорошо, что все живы!

Вернулась разведка. Картинка сложилась ясная. Рикане все суда собирают в караваны и конвоируют военными кораблями.

Можно, конечно, наскочить, потрепать, но есть кусочек пожирнее. В порту Сайклинг собралось много груженых судов. Охрана порта — береговая батарея и пара некрупных вооруженных корабликов неизвестного типа. Похоже на сейнеры с пушками. Судя по тому, как заходят в фиорд, минных полей или боновых заграждений нет.

С момента наскока на Канопус прошло уже больше недели, почти две. Это что же получается? Рикане еще не успели как следует защитить свои порты? Или уже успокоились и потеряли бдительность? Неважно. В обоих случаях порт доступен с моря. Сигналы, которыми обмениваются проходящие суда, корабли охранения и береговой пост, разведчики «срисовали». Менять их часто не получится из-за отсутствия дальней связи, а вариант смены кодов по графику, похоже, никому здесь не пришел еще в голову. План сложился естественно, вроде как сам собой.

* * *

Транспорт и лихтеровоз вошли в порт перед рассветом. Флаги прятать здесь считается нечестным. Потому и приходится пользоваться темнотой. Подлость человеческая эволюционирует на этой планете своими причудливыми путями — рейдерам позволено все. Зато моряки с них в плен никогда не попадают. Эдакий местный фертифлякс.

Сигналы опознавания охрана приняла без проблем. А вот во внутренней акватории с момента возвращения разведчиков ситуация изменилась. Торговые суда оказались все на своих местах, зато появилось несколько военных кораблей. Видимо, готовились к проводке конвоя. Всюду разводят пары, отчего над водой стелется едкий, пахнувший серой дым. Еще чуть-чуть, и не застали бы!

«Ссадив» миноносцы, лихтеровоз, не «всплывая», хладнокровно выпустил четыре торпеды. Их просто скатили за борт и запустили отработанным способом. Вручную. Потом тихохонько развернулся и поковылял на выход. Транспорт занял положение, с которого позиции береговой батареи оказались как на ладони, поскольку бруствер был обращен в сторону моря. Его пушки заговорили, как только взрывы торпед сообщили о завершении «тихой» фазы операции. Миноносцы тоже отстрелялись по заранее назначенным целям. Гошка с секундомером в руках поглядывая в бумажку с заранее составленным графиком, довольно хмыкнул. На риканских военных кораблях надрывались колокола громкого боя, призывая артиллерийскую прислугу занять места согласно боевому расписанию, транспорт, уничтожив батарею, крошил вооруженные сейнеры, как-то неожиданно появившиеся перед его орудиями, а стомиллиметровки миноносцев с минимальных дистанций на предельной скорострельности гвоздили военные корабли.

К счастью, небронированные. Гавань тесная, все под рукой.

Устаревшие прототипы современных эскортос не спешили тонуть. Запаса живучести у них хватало. А вот паника, охватившая экипажи, не делала чести их выучке, но льстила самолюбию имперских комендоров. Наконец, где-то рванул котел, потом еще на одном поднялось пламя над носовой башней. И миноносцы на полном ходу двинулись на выход. Еще один взгляд на секундомер. Точно по графику. Одна незадача, обстрел береговых сооружений провести не удалось. Пришлось палить по боевым кораблям, чтобы самим не быть потопленными.

На лихтеровозе долго не ладилось что-то с ракетами. То ли фермы перекосило, то ли направление, которое они приняли вместе с корпусом всего корабля, не устраивало ракетчиков. Наконец, уже из горла фиорда донеслось шипение, переходящее в рев, и хвостатые снаряды по крутой траектории унеслись в неизвестность, перелетев горку и скрывшись за ее плавно очерченной вершиной. Кучно и бесполезно.

Кормовое орудие транспорта послало снарядов, сколько успело, в направлении отдаленно расположенных построек промышленного вида, обнаруженных еще разведчиками, да с миноносцев палили из ретирадных, целя в места, показавшиеся привлекательными, но нормальной канонады, как в Канопусе, учинить не удалось.

Когда уходили, сигнальщики докладывали о дыме и пламени на берегу, складывалось впечатление, что подожгли лес в горах. Нехорошо.

Полсотни километров придерживались пути, где обычно ходят риканские суда. Тут вдоль берега между островов и мелей накатанная дорога шириной от двух до пяти километров. Бакены стоят, где надо, а то берего-

вые ориентиры очень далеко. С кормы лихтеровоза через каждые полкилометра плюхалась мина.

Все. Боезапас исчерпан. Осталось три торпеды на весь дивизион, мины израсходованы, снаряды? Для боя хватит, но серьезных сражений лучше избегать. Миноносцы на лихтеровоз. Поворот к югу. В условленном месте встретили трофейный риканский миноносец, охраняемый канонеркой и «Дырявым», и компактной группой потопали домой.

* * *

— Итак, господин Куксин, вы снова нарушили некоторое количество положений Боевого устава флота Империи. — Го в том же кабинете городской управы Цалта, и в тоне его не слышно угрозы. — Оставить это безнаказанным нельзя. Отправляйтесь в отпуск и хорошенько обдумайте свои поступки. Не рассчитывайте на скорое возвращение. Рикане запросили мира, так что полтора-два года не смейте показываться мне на глаза.

Кстати, обстановка такова, что мы можем чего-то потребовать за согласие прекратить военные действия. Но не очень большое. А то они накопят сил и полезут это отнимать обратно.

— Архипелаг. — Гошка ткнул пальцем в точку на карте полушарий, где место недавних событий не было отмечено даже пятнышком. Не тот масштаб. — Он не имеет названия.

— Уже имеет. Ваш флагманский штурман нарек его Мясорубкой, а каждый остров проименовал по ее частям. — Го развернул пахнущий типографской краской лист карты с такими знакомыми контурами. — Шнек, Воронка, Решетка, Винт и так далее. Иначе отчет о событиях было трудно составлять.

Приобретение этих островов — палка о двух концах.

И оба конца неважно выглядят. Во-первых — повод для объявления войны. Во-вторых, там нет пресной воды и содержать гарнизон будет накладно.

— В качестве повода для войны они не сработают. Риканские корабли будут обходить это место за пределами видимости — шибко напуганы потерями, причин которых не знают. Полсотни вымпелов за неделю с небольшим как корова языком слизнула. В прессу никакую информацию об этом не пропустят, и впредь упоминаний об этом месте не будет. Только шепотом. Ну, может, в военных академиях еще будут разбирать свои ошибки и просчеты.

А пресной воды — собирай хоть в озера. — Гошка черкнул на карте карандашом. — Достаточно невысоких земляных валов в нижней части этих склонов, и дождевая вода накопится в озерах. На полив огородов тоже хватит. Полтораста человек вознесут хвалебные молитвы за жизнь в тропиках. Да там курорт будет, на котором станут тусоваться самые богатые богатеи со всей Посейдонии.

— А где разместим военную базу? — Го чего-то не понял.

— А оно нам надо? — Гошка тоже не понял. — Держать войска или корабли в месте, про которое все знают!

Го ничего не сказал. Помолчали.

— Так это, — первым паузу не выдержал Гошка, — пошел я. В отставку.

— Не-а. Не в отставку, — с гадостным видом отмолвил Го.

— Тогда в запас, — продолжил свою мысль Гошка.

— Ты совсем тупой, — прищурился Го. — В отпуск. И не забудь получить денежное довольствие. Полагается. Дела в дивизионе сдавай. Кому, кстати?

Опять он от него ждет чего-то судьбоносного. Получай.

— Начальнику оперативного отдела штаба дивизиона.

— Это почему? — Во взгляде Го не протест. Скорее — любопытство.

— Кураж, однако. И искушен весьма, — Гошка захотел озадачить «чиновника» и полюбоваться эффектом. Однако реакция неожиданная. Как-то посерьезнел его влиятельный собеседник. Глянул... ну, как на взрослого.

— Понял. Сделаю. А ты в отпуске-то, не помышляй о великом. Купи поместье, живи барином. Гуляй. Природой любуйся. О возвышенном думай.

— Так поместье, наверно, денег стоит. Я же не олигарх.

— Тупой ты, Кукса. Чем слова всякие говорить — получи довольствие и кати в провинцию. Не медли.

— А поспрашивать можно?

— Давай.

— Я ведь несколько месяцев в море проболтался, и что произошло — не понял. Отчего рикане расхотели воевать?

— Это очень грустная история. Длинная цепь неувязок и просчетов, допущенных при моем грубом попустительстве. Впрочем, — Го сделал какой-то знак в угол комнаты, — слушай.

Лейтенант Геринг — отпрыск очень древнего и уважаемого рода. Рода морских офицеров. Последний зеленый побег на некогда раскидистом и цветущем древе, давшем любезному отечеству нашему целую плеяду славных защитников. Таких людей надо беречь. Хотя бы до тех пор, пока детишками не обзаведется. Маменька его и берегла, и лелеяла единственное чадо, пока не поступило оно в Морской корпус.

А потом его уже оберегали командиры, и направление он получил не куда-нибудь, а на неплохо бронированный кораблик, которому строго-настрого наказано при встрече с неприятелем решительнейшим образом

убежать и спрятаться. И все шло прекрасно до тех пор, пока не появился ты со своим «Рябым». И не произошла встреча этого самого Мули с рейдером. А потом его участие в твоём походе для поиска неприятельских крейсеров и кабанья атака.

Короче, матушку отпаивали валерьянкой около недели, после чего, повысив парня в звании до капитан-лейтенанта, сослали командовать тихоходным угольщиком, находящимся в безнадежном ремонте.

Этот парень, а в обаянии ему мало равных, как-то умудрился убедить директора завода поставить на его лоханку стовосьмидесятку с напрочь расстрелянным стволом, из которой производили испытательные выстрелы, проверяя оружейные платформы на отремонтированных кораблях. Нарезы там уже почти не угадывались, поскольку вместо снаряда закладывали туда все, что под руку подвернется. От обрезка бревна, обработанного на токарном станке, до чугуновой отливки подходящего диаметра. А потом он увидел в литейке выточенные из березы макеты оперенных снарядов, тех, о которых мы тут с тобой толковали.

В силе убеждения ему не откажешь, что дано, то дано. Литьем в землю по его просьбе этих ерундовин отлили несколько тонн, собрав весь грязный алюминий, какой нашелся под рукой. Ну не было в это время других сплавов. Или пожалел директор, не в том суть. Калибранили, конечно, на токарном станке. А пока на заводе этим занимались, он наспех залатал машины и доложил капитану порта о готовности к выходу в море. Пороховые шайбы-картузы забрал из заводской лаборатории, не поинтересовавшись тем, что они бракованной партии, недофлегматизированные. Сгорают чуть не вдвое быстрее, чем допустимо для боевых орудий.

Капитан порта — чистая душа — загрузил этого морехода самым лучшим углем и направил в Карск, на ба-

зовую стоянку группы обеспечения. Верил человек, что если кого назначили командовать судном, то можно быть спокойным.

Девушка принесла кофе. Гошка и Го сделали по нескольку глотков. Вкусно, и аромат прекрасный.

— Ну так вот, оставшись без няnek, с безбожно врущими компасом и лагом, совершая арифметические ошибки при каждом действии, этот горе-капитан промахнулся на пятнадцать градусов и тысячу с небольшим километров расстояния. Хорошо, что не забывал обходить по дороге острова. Наши аналитики до сих пор спорят, что он за что при этом принимал и почему не нанес на карту архипелаг Косинор, как вновь открытый.

— А штурман куда смотрел? — недоумевает Гошка.

— На поплавок. Рыбку он удил в лесной речке. Наш «герой» его из отпуска не дождался. Считал, что сам справится, и вместо Карска вышел к Ингтону.

— Это же главные торговые ворота рикан!

— Именно. Увидев, что попал не туда, этот недоумок пошел в порт. Вроде как дорогу спросить хотел. Разобрался, что крутом неприятель, и начал палить. Порт — цель немаленькая, а как себя ведет алюминиевая болванка, вылетающая из ствола на шести Махах, ты себе представляешь?

— Гретсяя очень. А что, порт никто не охранял?

— Береговые батареи на тридцать пять километров не добивают, боевые корабли убежали ловить непонятную группу наших миноносцев, что у Канопуса шороху наделали, а вооруженные пароходики из порта, как увидели, с какой дистанции лупят по постройкам, вместо того чтобы атаковать, ретировались.

В общем, палил наш капитан-лейтенант, пока порох не кончился. А потом повернул на юг и двинулся во-свояси. Добрел, однако. Механик у него опытный, а остальные матросы из учебки из-за невеликих дарований,

ну не то чтобы отчислены, но для службы на боевых кораблях непригодными оказались. Сплошные новички, и не самые-самые. Пароходик-то, думали, простоит у стенки с полгода.

Не заметить пересечение экватора для выпускника Морского корпуса — задача не простая, ума не приложу, как он с ней справился.

— Непонятно, — удивляется Гошка. — Он что, не смог компас по солнышку сверить?

— Смог бы, наверное, если бы задумался. Репутация этого старинного рода со склонностью к глубокомысленности никак не связана. Решительные ребята, деятельные, смелые, этого у них не отнимешь. А остального ждать не приходится. Ну да ладно. То, что отчудил Муля, это только половина истории. Те новейшие дредноуты, что готовились перехватывать наш конвой с рудным концентратом у Рейсфедера, получили приказ следовать к Мясорубке. И пошли. Пошли, пошли, пошли.

А навстречу новый приказ — все-таки атаковать наш конвой. Угольщики, что были заранее приведены риканами к Рейсфедеру, оставили на месте, чтобы не гонять по морю туда-сюда, а навстречу эскадре от материка отправили топливо другими судами. Но эскадра развернулась, и догнать ее этим тихоходам не удалось. Тех, что стояли у Рейсфедера, обнаружила наша разведка и наши же эскадренные броненосцы навалились на корабли охраны всей своей мощью.

В общем, когда риканские ударные силы вернулись, дела их оказались не просто плохи, а, я бы сказал, безнадежны. Не могут пока корабли плавать без топлива. В них даже стрелять не пришлось. Спустили флаги и попросили разрешения оставить офицерам именное оружие.

Как ты понимаешь, после потерь у Канопуса и Мясорубки, сдачи шести новейших дредноутов и четырех отличных броненосцев, а главное, безнаказанного демон-

стративного обстрела Ингтона, вызвавшего немногочисленные пожары, но зловещим звуком, издаваемым снарядами в полете, напугавшего население до того, что начался массовый исход жителей, желание продолжать военные действия у неприятеля резко пропало. Тем более ты еще у южного побережья снова свои безобразия устроил, панику организовал в Сайклинге, спалил главные склады взрывчатых материалов, мин набросал на фарватерах.

— Не палил я склады, — недоумевает Гошка.

— Понимаю, что не сам, ракетчики твоего, не к ночи будь помянутого, дивизиона. Склады эти, правда, горели не слишком выразительно, но долго. А потом бабахнули и погасли. В общем, воевать нашим недругам стало скучно.

Сопровождать боевыми кораблями суда с зерном и хлопком, скотовозы и рудовозы — это очень накладно. На одном угле можно разориться. А без конвоя плавать неуютно, когда то там, то здесь что-то тонет и взрывается. И на охрану портов потратиться нужно неслабо. Боны поставить от миноносцев, минировать подходы, чтобы канонерские корабли не подпустить. Патрулировать, тралить, сопровождать. Рикания — очень богатая страна. Но выдержать длительную войну не способна ни одна экономика, если нет добычи. А наши командиры крейсерских дивизионов, прочитав отчет о твоих предыдущих художествах, знали, как поступать с рейдерскими базами.

— Да уж. — Гошка осознает размеры последствий неблагоприятного стечения обстоятельств для рикан. — А вот из другой области вопрос. Почему кумулятивные снаряды здесь не применяют?

— Целый клубок проблем. Впрочем, мы ведь никуда не торопимся. — Го подливает в обе чашки из кофейника. — Слово такое кто-то из пришельцев поминал, но

толком объяснить, что это такое, «кумулятивный снаряд», не смог. Рассказывал про выемку в передней части, про струю газов. В артуправлении попробовали, подобрали форму, и получилось замечательно. Прожигает эта штука броню. Дырка, правда, мала, и внутри корабля повреждения более чем скромные, но дальше все оказалось намного хуже.

Когда сделали воронку в начинке тонкостенного снаряда и пульнули в борт, получилось, как у тебя с осколочно-фугасными. Бабах, вмятина, насечки, и никакой дырки. Всяко изгалялись — ерунда выходит. Не попадает фокус струи куда нужно. Инерционные взрыватели недостаточно быстры. Подрывают уже расплюснутый по препятствию заряд. Так, фугас и фугас. Ослабленный, поскольку взрывчатки меньше. Наверное, у вас на Земле их с какой-то хитростью подрывали, про которую мы не ведаем.

Пробовали наши сделать сверхскоростные взрыватели, но остановились на полдороге. Опасные получались боеприпасы для самих артиллеристов. Слишком чувствительные. Что такое зарядание при качке, ты знаешь.

— Знаю. Кстати, торпеды вместо сжатого воздуха порохом пробовали начинать?

— Пробовали. Сразу получилось. Быстрее миноносца бегут. Причем на расстояние километров восемь. Их теперь нет смысла при выстреле за борт вываливать, можно вперед из трубы выталкивать сжатым воздухом хоть бы и из-под воды на полном ходу. Нет риска таранить. В общем, нам опять куча хлопот с этими новинками, а до нападения джаппов времени осталось всего два года.

— У вас тут войны по графику?

— Почти. Из десяти лет не более двух мирных. Джаппы только что заставили капитулировать тальянов и присоединили к себе архипелаг Буртмана. А нужен он

им затем, чтобы потом оттуда навалиться на наши Гаритлинские острова. Тогда им откроется выход в Китовое Поле. Начнут наших китобоев притеснять, перебьют все китовое поголовье — останемся мы без ворвани, а это глицерин и стеарин. Мы их сейчас туда не пускаем, поскольку вдоль островов наши территориальные воды преграждают путь китобоям.

Вот и получается, что войну они нам объявят, как только накопят силы и оборудуют базы в архипелаге. Как раз продадим им риканские дредноуты и броненосцы. И своих прибавим, что уже модернизации плохо поддаются, а то разоримся на их содержании. А джаппы сейчас набирают кредиты и вооружаются.

И до тех пор, пока они на нас не напали, следует держать в секрете те сюрпризы, что имеем, и те, которые готовим. Так что кати-ка ты подальше от мест, к которым присматриваются шпионы.

— Так я, выходит, стал государственной тайной?

— Что поделаешь, раз так сложилось?

* * *

Вышел в город. Вообще-то Цалт немонолитен. Скопление поселочков, построенных по типу давно ему известных «казарм», отнесенных от портового района на полкилометра-километр за лесопарковую зону, по кромке которой проложены рельсы. Здесь — двухколейка, по которой курсируют вагончики на конной тяге. Но дуга главной улицы обходит бухту, повторяя изгибы береговой линии. Вдоль нее выстроились магазинчики и столовые, кафе и учреждения, склады и торговые дворы. Скверики, игровые площадки, детский садик, школа.

Весна вступает в свои права. Ласковое солнышко не припекает, а чуть-чуть пригревает. Хорошо. Отпуск. Гошка устроился за столиком на открытой веранде. Даже

тент еще не натянут на раму навеса. Заказал апельсин. Что ему велел чиновник Го? Думать. Отлично.

После окончания Морского корпуса Мулю Геринга направили в дивизион, где самая безопасная служба. И Гошку направили туда же после учебки. Следовательно — берегут.

Лехе Таврухину после карантина предложили несколько направлений по специальности. А ему ничего. Не нужна здесь его специальность. Нет в этом мире электронно-вычислительных машин. А информация о техническом и общественно-политическом состоянии дел на Земле в Гошкином изложении ничего нового не содержала и особенно ценной не была. Тогда для чего же его берегут?

Ничем не награждали, никак не поощряли, хотя ту-журки его подчиненных провисают от орденов, полученных под его командованием в том числе. Зато в звании повышали стремительно и неудержимо. От рядового матроса до первого адмиральского звания менее чем за год. Нет, будь он великим князем или графом каким, на худой конец, это на что-то походило бы. А так, явился и возвысился, как кочка на ровном месте. В принципе для выполнения боевых задач, которыми он занимался, хватило бы ему и лейтенанта. Мичман, конечно, маловато. Но не командор же!

Будучи, по существу, в подадмиральском звании, он не был ни разу представлен никому из командования. На советы его не звали, даже не уведомляли о таковых. Непосредственного своего начальника по службе он не знает. Все вопросы обеспечения решались составлением заявки и отправкой ее через посыльного. Тут в основном хлопотали начальник оперативного отдела и заместитель — снабженец. Отлично справились, кстати. Так что положение о том, что Гошка имеет статус важной государственной тайны, подтверждается.

Вольный художник под страшным секретом. Ферхом бракейца турлюм! В Империи, где каждый сверчок четко знает место своей дислокации. Чудно! Это он что же, гениальный флотоводец? Пришел, увидел, удивил! Фигня, конечно, но примем за рабочую версию в связи с отсутствием иных.

Во-первых. Никакими особыми талантами он не обладает. Не идиот, но не более. Импотент к тому же, что неизбежно должно повлечь за собой образование чувства собственной неполноценности. Хотя Наполеон, говорят, вообще состоял из сплошного комплекса, из-за малого роста и падучей болезни. И драл всех как сидорову козу из чувства зависти к нормальным людям.

Нет, пожалуй. Не чувствует Гошка себя уродом. На девчат смотрит с удовольствием. Пусть это чисто эстетически, но тоже приятно. И, в конце концов, скорее всего рано или поздно это пройдет, как осложнение после болезни. Наверно.

Так, отвлекся, он ведь о другом сейчас должен думать. Почему его берегут. Ведь при назначении на миноносец о его «гениальности» никто не догадывался. Остается только версия об особом отношении к пришельцам с Земли вообще. Объективно сами флотоводческие способности у него отсутствуют. Подготовлен он слабовато, шесть месяцев учебки — это не четыре года Морского Корпуса. Не трусил и не терял головы, это да. Держался уверенно, товарищей подбадривал, слушал, что опытные люди говорят, а не задира л нос. Ведь попал он в среду профессиональных военных моряков, шпак сухопутный.

Везло, действовал непредсказуемо. Все. Хотя, стоп! Подчиненные в его присутствии не боятся высказывать самые безумные идеи. Они могут подтрунивать над своим командиром, но он-то над ними — нет. Ведь каких только сумасшествий не обсуждалось в салоне лихтер-

воза. А сколько потом было приведено в исполнение! Одна буксировка торпеды аквалангистами чего стоит. В шторм. Хех!

В общем, разум подчиненных он эксплуатировал беспардонно. Их идеи и знания. Неосознанно. С каменным лицом, как говорится.

Разобрался в вопросе. И нечего здесь расслаивать. Апельсин давно кончился, а у него задание по проведению длительного отпуска. Он на службе, в конце концов, или где?

Хотя, куда спешить?

Гошка повернулся в сторону официантки, сгущавшей за стойкой ради единственного посетителя. Показал ей кожанку на тарелке, подмигнул и хлопнул в ладоши. Надо же, поняла. Взяла из вазы еще один апельсин и запустила ему прямо в переносицу по низкой скоростной траектории. Очень удобно, легко поймалось. Кивнул благодарно и снова вернулся к своим мыслям.

Да, у подданных императора Рыссии на почти подсознательном уровне развито стремление к взаимодействию. То, что они только что проделали с официанткой, на Земле просто не пришло бы ему в голову. И здесь не пришло, кажется. Он ведь действовал по внезапному толчку. Озарению. Ассимилируется, что ли?

А про дредноуты, которые собираются продавать государству, от которого ждут нападения, он подумает, когда вернется из отпуска. А то никакой головы не хватит.

ГЛАВА 18

Пока добирался пакетботом до острова Хаммасу, самого аграрного из сравнительно недалеко расположенных, хорошо посидел над историко-географическими справочниками и новым взглядом посмотрел на карту

этого мира. Материков во владении Рысской империи не было совсем. Пояс островов размерами и формой напоминавших Мадагаскар, Борнео, Кубу, Британию, общим числом тридцать четыре, тянулся почти параллельно экватору в полосе от пятидесятой до семидесятой широты, перекрывая семь восьмых окружности планеты. Пространство между ними заполняли острова, сходные по величине с островами Малой Антильской Гряды, и было их двести восемнадцать. Еще меньших размеров островочки, примерно как Тобаго или Тенерифе, числом более восьми тысяч почти равномерно заполняли пространство между ними. И еще восемнадцать с лишним тысяч прочих участочков суши дополняли картину. По площади территориальных вод тягаться с Империей не мог никто.

И все это пространство населяло тридцать семь миллионов человек.

Остров Хаммасу, куда Гошка направился, был из крупных. Вытянутый с востока на запад, он располагался относительно близко к экватору. Его северная кромка находилась под сорок седьмым градусом южной широты. Рельеф — холмистая равнина. По южному берегу — старые горы, отсекающие холодные полярные ветры. Хорошие условия для земледелия. Вдоль всего острова проложена железная дорога, как раз посередине. От нее есть ответвления к городкам северного и южного побережий. Сам остров в составе Империи недавно. Лет семьдесят тому назад, когда чайна подошла к его берегам флот и высадила армию, местные князьки и корольки быстро сообразили что делать, и дружно подали прошения о входе в Рысскую империю.

Реакция императора была немедленной и положительной. С еще несовершенными тогда броненосцами императорского флота парусно-паровые джонки чайцев даже и не подумали тягаться. Ушли. Армия была вы-

везена позднее, когда дипломаты утрясли формальности. Причем четверть личного состава осталась, поскольку в дворянских усадьбах требовались рабочие руки, а условия жизни оказались лучше, чем на родине, где было заметно теплее, но и теснее. На острове Чайна проживало около двухсот миллионов, а площадью он не превышал Британию. Причем не все земли там одинаково плодородны.

/ Вхождение огромной территории острова Хаммасы в сложившийся уклад налаженной жизни большой страны не для всех прошло безболезненно. Молодежь в течение нескольких лет разъехалась по Империи, поскольку в давно освоенных землях жилось вольготнее. Землевладельцы принялись отписывать свои, постепенно приходящие в запустение угодья казне и определяться на службу. Как ни крути, неучей среди них не было, а человек образованный всегда найдет хорошее место. От старых дворянских гнезд остались просторные дома родовых усадеб, где вырастали поколения будущих аристократов.

Запустение — это нехорошо. Но система сдачи земель крестьянам в аренду рассыпалась из-за оттока рабочих рук. И император распорядился продавать землю желающим ее обрабатывать за совершенно символическую плату. Собственность способна удерживать земледельца — рассудил он здраво. И процесс пошел. За последние десять лет четыре пятых пахотных площадей обрели своих хозяев, продукты питания производились, жизнь налаживалась. Вокруг железной дороги сложилась инфраструктура, сформировались околотки, волости, уезды, губернии. Модернизировались порты: китобойные на юге, рыболовецкие по всем побережьям, и торговые на востоке и западе.

Наверняка были и военные гавани, но о них в справочниках не упоминалось. Да Гошке оно и не надо. Его

дело — стать барином. Купить надел, нанять работников, и... Даже интересно, что получится. Страха он, как прежде, не испытывал. В библиотеке пакетбота нашлись и материалы по земледелию. Своих знаний у него — как клубнику собирать у бабушки на даче. Навоз, компост, торф он, конечно, тоже таскал и разбрасывал, но там все было в режиме исполнения прямых команд.

Начал с масличных культур. Да на них и увяз. Про подсолнечник знают все. Про горчицу и кукурузу многие догадываются. Кое-кто слыхивал про коноплю и рапс. Но остальные пятьдесят наименований оказались откровением. Вообще-то нетрудно догадаться, что выдавить масло можно из всего, что растет. Это вопрос приложенного усилия. И здесь, где оно шло в светильники, разнообразие того, что относилось к масличным, поражало. Многие названия вообще встретились впервые.

Гошка принялся их сравнивать по выходу полезного продукта, и поразился тому, что одно растение бьет все мыслимые рекорды. Некий «хвощ стрельчатый» отдавал в масло до десяти процентов массы. Ужасно интересно. Невероятно, можно сказать. Если так, то легко залить жидким топливом всю Империю. Нет, что-то тут не так!

В изданиях, посвященных флоре планеты, ничего толкового выяснить не удалось. Только упоминалось, что культура эта местная, не с Земли. В диком виде встречается в тенистых старых ельниках, размножается спорами, культивируется как комнатное растение.

Полез в материалы по декоративным комнатным культурам. Пусто.

Принялся перерывать все подряд и наткнулся на тему выращивания приправ в цветочных горшках. Этот хвощ здесь нахваливали как замечательный компонент салата. Оригинальный вкус, пикантный аромат, отсутствие витаминов или иных, как полезных, так и вредных веществ. Отмечается низкая калорийность. О масляни-

стости не упоминается. А вот в указаниях по возделыванию говорится, что к почвам не требователен, не боится ни света, ни тени, ни жары и ни холода, но выращивание в открытом грунте не рекомендуется, поскольку конкуренции с другими растениями он не выдерживает абсолютно. Даже землю в горшках рекомендуют пастеризовать после каждой вегетации.

Еще интересней оказалось, что скорость роста этого чуда очень велика. Его мясистые стрелки за две недели вытягиваются на полметра и останавливаются. Именно в это время они рекомендуются к употреблению в пищу. Потом в течение недели содержание масла в них резко возрастает, и они приобретают неприятные вкус и запах. В конце этого периода растение разбрасывает споры, вянет и как-то быстро рассыпается. Или растекается кашицей, если сыро. Собственно труха или каша тоже являются семенным материалом.

Память сразу включилась, обрабатывая старые непонятки в свете новых знаний. Видел он ящички со стрелками, похожими на лук на подоконниках столовых, да и в домах тоже. Удивлялся, что торчат заборчиком, а не пучками. И фраза припомнилась из разговора официанток: «Хвощ перерос уже. Выжми в лампу, пока он не задымил». Картинка сложилась печальная. Отличная масляная культура, но кроме как в горшках не вырастишь. Не решается этим хвощом проблема с жидким топливом в общем виде. Так, в пределах отдельной семьи иногда на ложечку масла для освещения.

Да, аграрную революцию он, конечно, не произведет. Ему бы устроиться так, чтобы не утонуть в хлопотах. Судя по хамматсувским газетам недельной давности, что лежат здесь в шкафу судового салона, в любом околотке на половину его денег можно купить полсотни гектаров нормальной земли. И что с ними делать? Постройки, инвентарь, семена, вспашка, сев. Весна — самое время.

Обращаться с лошадьми он не умеет, с плугом — тоже. Ничего не знает и ни на что не способен. Пока идет посевная, сам он может пожить и в шалаше, но где поселить наемного работника? И как его найти?

Вот если бы сразу на все готовенькое! Ну-ка, что тут еще продают? Ага, есть предложения о продаже фермы. Перечень построек, площади посевов. Срок предложения истекает уже скоро. И цена. Странно. Очень недорого. Да он со своими деньгами и целую ферму осилит. Земли везде по пятьдесят гектаров. Это у них здесь вроде стандартного надела, что ли? Надо посмотреть.

* * *

Мрачный рослый мужчина лет тридцати пяти показал Гошке свое хозяйство. Все прекрасно. Семь километров до околотка, где есть магазины, фельдшерский пункт, остановочная платформа железной дороги, даже с тупичком и рампой. Не станция, конечно, но привезти-увезти можно что угодно.

Рядом с подворьем речушка, через которую переброшен мостик, вполне пригодный для проезда груженых подвод. Левый берег низменный, с полоской песочка вдоль воды. Станет тепло, и можно купаться. Поля еще не засеяны, даже не вспаханы. Но выглядят опрятно.

Полосы пашни перемежаются ровненькими перелесками. Где-то старый лес сохранен, но в основном — молодые посадки. И не только осинки и клены, липы и каштаны. Множество плодовых деревьев десятков видов: яблони, сливы, абрикосы. И ореховые посадки... да все что угодно на любой вкус.

Дороги вдоль полей четко стыкуются с проездами соседних наделов, и система канав четко согласована, представляя собой единую сеть. В нескольких местах не то что межа не просматривается по рельефу земли, а на-

оборот, четко видно, как пахари вели борозду за бороздой, обрабатывая за один проход оба участка. Значит, с соседями здесь ладят. Межевые столбики стоят по краям, ну и ладно.

На подворье тоже порядок. Дом, сарай, хлев и конюшня. С десятков ладных построек. Даже маленький гостевой коттедж, похожий на увеличенный до полного человеческого размера кукольный домик. Двор частично вымощен плитняком, камни тщательно подогнаны друг к другу за счет подбора их по форме. Здесь работал не каменотес, а мозаичник. И до конца дело не доведено — куча песка, груда камней.

В постройках мычат, блеют, хрюкают и кудахчут. Жена, дети — два мальчика, девочка, и старик. Выглядят подавленно. Конечно, продавать такое прекрасно налаженное хозяйство можно только с огромного горя. Поинтересовался. Оказывается, из-за невозможности погасить банковский кредит.

Если деньги не вернуть, то все хозяйство за долги переходит в собственность залогодателя. А если продать хозяйство и внести остаток, то банк претензий иметь не будет. Цена как раз и равна сумме долга. Опять непонятка. А какой смысл? В обоих случаях хозяева остаются без имущества.

— Во-первых, так банку меньше достанется, — вымученно улыбнулся хозяин. — Во-вторых, есть шанс, что труды наши прахом не пойдут, если все это попадет в хорошие руки. А нам по-любому здесь не усидеть. Переедем в фабричный поселок. Руки есть, жилье дадут — проживем.

Гошка долго изучал текст договора о предоставлении кредита. Вот жуки! Так хитро описана процедура начисления процентов, что кажется одно, а выходит совсем другое. Попросил документы, все записи о расхо-

дах и доходах и провел ночь за изучением бумаг и вычислениями.

Замечательно. Так искусно и расчетливо велось и развивалось это хозяйство, что и на жизнь хватало, и на развитие, и на платежи по кредиту. По мере того, как ферма приносила больше дохода, суммы выплат возрастали, а задолженность уменьшалась. Разумно выглядит такой подход, если речь идет о вложении дел в развитие сельского хозяйства, ничего не скажешь. И все шло четко по процедуре. Но на последний десятый год сумма процентов повышалась быстрее и чуть-чуть превышала годовой объем продаж продукции. Должник оказывался в ловушке у формулы, прописанной в тексте с изощренной математической точностью. Сколько ни упирайся — задолженность не погашается. Если бы заранее под этот момент были сделаны накопления! Но темп роста выплат предыдущих лет не настораживал. Не станет крестьянин считать по трехэтажной формуле, если не чувствует подвоха. Он-то уверен, что находится в льготных условиях, направленных на поддержку и укрепление его успехов.

Стабильные цены и отсутствие инфляции позволяли банку спрогнозировать такое развитие событий с очень высокой степенью вероятности, если банкир, задумавший этот ход, желал разорить земледельца. Конечно, и в сельском хозяйстве надо разбираться, чтобы правильно оценить надои и укусы. Другой вопрос, зачем банку это нужно? Свое он вернул, нажился нормально. Гадить-то зачем?

Сам текст договора безапелляционно требовал отторжения залога в пользу заимодателя, без выплаты чего бы то ни было. Чистое надувательство, тщательно замаскированное слегка многословными формулировками. С какой целью? Возиться с продажей недвижимости, со скотиной, которую надо кормить, огородами, требую-

щими полива, посевами, за которыми некому ухаживать! Оно банкирам надо? Ага, вот неподписанный проект договора о новом займе для погашения остатка предыдущего. Процент зверский. Если согласиться, то на жизнь фермерской семье останутся сущие крохи. Хотя, останутся ли? Изощренное коварство комбинации: просчитанный с филигранным мастерством дебют с привлечением и охмурением заемщика, методично проведенный миттельшпиль, окупивший затраты и принесший прибыль, разительно диссонируют с эндшпилем. Словно фигуры с доски сносят взмахом руки.

Гошка долго гонял цифры, и красота комбинации его просто потрясла. Этот Луен со своей Миррой попали в тщательно расставленную ловушку. Денег перехватить негде, все соседи в таком же положении. Позади десять лет вдохновенного труда по созданию своего уютного мирка, дома, где вырастут дети и пройдет старость. А впереди — рабский труд на банкира. В сельском хозяйстве не бывает выходных, а в работе на подворье — свободного времени. Награда за него — достаток, и осознание независимости от всего, кроме погоды. И все это рушится.

Утром Гошка предложил Луену денег взаймы на три года без процентов. Тот помрачнел еще больше и долго молчал.

«Гордость в себе ломает», — решил Гошка.

— Хорошее предложение, Игорь Николаевич, но неудобно. Вы мне не друг, не родственник. Через два года деньги я вам, конечно отдам. Только неправильно это, — что-то путается Луен. Сама мысль о возможности разрешения проблемы, так мучившей его последние недели, и чувство возникающей обязанности перед незнакомцем создают непередаваемый душевный диссонанс. Пугает мужика нежданная щедрость.

«Просто заколодило парня», — понял Гошка и отошел в тенек.

Девчонка что-то рубит в корыте сечкой, отгоняя назойливых кур. Свинтус в загородке дрыхнет, котик на солнышке греется. Хозяйка вышла, поднесла молока дочке и гостю. Вкусно. Здесь на Посейдонии молоко ему всегда нравится, не то, что на Земле.

— Странно как-то, Игорь Николаевич. Если вам ферма нужна, то почему вы хотите помочь нам ее сохранить для себя? — Мирра налила молока и котику, присев на лавочку рядом с Гошкой.

Здесь, в рысских землях, обращение на «вы» — это не вежливость, а как бы отчуждение. «Я вас не знаю» или «Вынужден вас огорчить», — вот как воспринимается такое обращение. Кому доверяют, тому только тыкают. Вчера, когда устраивали его на ночлег, покормив ужином, и намек не было на официоз. Насторожил он хозяев своим предложением. Придется объясниться.

— Да ведь я и сам в затруднении. Передо мной поставлена задача, которую я не знаю, как решить. Начальник в приказном порядке выгнал меня в отпуск, велел обзавестись землевладением и жить баринком. В сельском хозяйстве я — ни петь, ни читать. А тут предлагается полноценное хозяйство, налаженный быт, цена приемлемая. Но без ваших рук и голов все умрет. Пожить нахлебником — это у меня получится. Ха, а в аренду вы у меня свое хозяйство возьмете? Точно, бессрочная аренда с правом выкупа за стоимость продажи.

Мирра молча разглядывала его пытливым взглядом исследователя, обнаружившего странное неизвестное науке существо.

— Башмаки у вас флотские, — выдавила она неодобрительно. — К Миронычу сын в таких на побывку приехал для поправки здоровья после ранения. Из мясоруб-

ки вернулся живым. Пойду молочка отнесу, а то у их Пеструхи жидкое.

— Ну, или домик гостевой продайте мне за эти деньги. Через два года обратно выкупите, у меня отпуск как раз закончится, — это пришлось говорить в спину уходящей женщине.

— Живите пока, и к обеду не опаздывайте, — ответила она на ходу, через плечо.

Про башмаки он не сообразил. Нарочно ведь перед отъездом переоделся в «форму» обывателя. Джинсы здесь интереса не вызывали, однотонные рубашки немарких тонов носили все. Зашел тогда в магазин и купил пару курточек. Легкую, в тон брюк выбрал из-за немалого количества карманов, и теплую ватную, стеганную модным сейчас молодежным орнаментом. Позаботился, чтобы не выделяться. А про обувь не подумал, не ждал от людей такой наблюдательности.

ГЛАВА 19

Околоточный долго проверял Гошкины расчеты. Скреб затылок и разными способами вычислял. Позвал с улицы паренька, тот подключился и получил аналогичный Гошкиному результат.

— Геометрическая прогрессия, дядя Кузьма. Про ее свойства и разные надувательства, с этим связанные, в книжках много историй описано. Но здесь пример изящней. Видите, разница в знаменатель скрытана. Если ее устремить к нулю — результат улетает в бесконечность. А вычитаемое здесь — порядковый номер года с момента получения кредита.

Гошка помалкивал. Он это уже пытался втолковывать и не мог сейчас позволить себе злорадного: «Я же вам говорил!». Да и нет в этом никакого смысла. Как раз за-

канчивал письмо для Го, пока школьник убеждал пожилого околоточного.

Потом паренек убежал, и настало время чтения договора о предоставлении займа. Вот тут уже Гошка утерся. При внимательном изучении искушенный крюкотвор околоточный обнаружил, что на одиннадцати страницах построена такая система условий и обязательств, что иного выхода, как внести платеж не позднее указанного срока, просто нет. Отдай деньги, или проваливай.

Хорошо. Вот он убедил местную власть, что произошло натуральное мошенничество. Юридически безупречно оформленное, заверенное государственными нотариусами и терпеливо доведенное до развязки. Как же отреагирует на это низовое звено государственного аппарата?

Документы оформлялись не здесь, даже не в волости, а в уездной управе. Формально эта головная боль дяди Кузьмы не особо касается, во всяком случае, его вины здесь нет. Он зарегистрировал только куплю земли и проследил за установкой межевых знаков.

— Наверно, пошлет в вышестоящую инстанцию, — предположил Гошка.

— Ты хоть представляешь, сколько народу на этом разорится? — откликнулся на его невысказанную мысль околоточный. У Луена просто срок по кредиту раньше всех подошел. Ну, еще у Кондрата, у Лунька, Петрика и Мироныча. То-то они все разом объявления о продаже дали в газеты. Я, старый пень, удивляюсь, почему исправные хозяйства люди решили покинуть, думаю, места на Ракитинских карьерах их привлекли, а оно вот! Разорение грозит. Слушай, Игорь Николаевич, как тебя зовут покороче?

— Куксой последнее время называли.

— А меня Кузей зови. Так, это надо срочно разруливать. Я шибко озадачен. Огорчен, скорее. Десять лет упор-

ных трудов, семейства все крепкие, работающие. А ребяташки какие! Им учителя не нарадуются. Озорничают, конечно, — спохватился вдруг Кузьма, — но без вредительства... большого. Что ни говори, спасать надо семьи, чтобы оставались на земле. Без них здесь сразу настанет запустение.

Отчаяние рисовалось на морщинистом лице немолодого мужика. Вдруг он совсем побледнел.

— Так ведь еще и лавочники здешние тоже в том же банке кредит брали на обзаведение. Если все кредиты по десять лет, да с такими же условиями, то через полтора года околоток вымрет.

— Я вот тут кое-куда отписал. Не в столицу, но недалеко. Есть у меня там знакомый с некоторым весом. — Гошка надписывает адрес и готовится заклеивать конверт. — Кроме как к нему обратиться, мне больше не к кому. Но это неделя туда, да неделя обратно, и если еще помочь сумеет. А вот у тебя начальство близко.

— Верно. Не запечатывай, я спишу. — Кузьма выскочил за дверь и спустя несколько минут вернулся в сопровождении трех женщин. Рассадил за столы, раздал листы Гошкиного письма и велел скопировать. Тем временем он снова пропал за дверью и отсутствовал дольше. На этот раз с ним пришли двое мужчин, одетые для верховой езды. Первого со своим письмом околоточный отправил в волость. Второму вручил наконец-то заклеенное послание к Го и строго предписал скакать во весь опор в Рапановск, передать записку капитану порта, и срочно на миноносце лично доставить депешу по указанному адресу. Гошка его списал с карточки, что сохранил еще с первой встречи с чиновником, который, по-видимому, курировал пришельцев. Или флот. Его, в общем, курировал.

Потом, когда они снова остались вдвоем, Кузьма достал из шкафчика пузырек и накапал себе в рюмку, долил

воды из графина и выпил. Выразительно запахло вальерьянкой. Через окно в комнату степенно вошел кот и принялся трудиться над опустевшей посудой, доставая до дна своим розовым языком. Рюмка даже не покачнулась, хотя от столь энергичного воздействия должна была неминуемо упасть.

Разбираться с очередной непоняткой Гошка желания не имел. Отметил и отложил на потом. Его заботил вопрос о глобальности последствий начинающихся событий. Пока шло переписывание текста и околоточный хлопотал с отправкой сообщений, он пролистал журналы регистрации за последние годы, заглянул в подшивку циркуляров и пересмотрел официальные справочники, рассылаемые в территориальные органы государства на местах. Картинка сложилась быстро, поскольку он знал, что искал.

— Кузя, тут, понимаешь, какое дело. Банк-то не рысский. Кредиты выдавало Хаммасское представительство Акционерных Ссудных Касс Кари Мэ. Это банковская структура Джаппы.

— Ну да. У них еще с доимперских времен сохранились конторы на острове.

— И теперь они за сущие гроши, хотя, что я несу, с приплатой, завладеют тремя четвертями возделываемых земель Хаммасы. По площади это всего шесть процентов в пределах Империи, но зато около семнадцати процентов мяса, сыра, льна и двадцать четыре процента пшеницы государства. По остальным позициям я не просчитал, но даже это не безделица. И все это ударит по нам через полтора-два года.

— Как раз, когда джаппы достроят флотские базы в архипелаге Буртмана, — продолжил мысль околоточный. Это война. Она еще не объявлена, никому не видна, но первые ее жертвы намечены.

Посмотрели друг на друга. Говорить о том, что дей-

ствовать необходимо быстро и точно, необходимости не было. Любыми средствами следовало воспрепятствовать переходу земель в руки иностранной финансовой структуры, сначала для пяти хозяйств. А потом и дальше.

И работать надо было аккуратно. Хотя и не политики, но понимают, что до начала настоящей войны законность нужно соблюдать.

Гошка уселся за расчеты. На то, чтобы решить проблемы пяти фермеров, его денег не хватало. Ну, на два почти наскребалось, так ведь еще как заставить самих хозяев эти деньги у него взять? Он сегодня утром всякого наслушался и от Луена, и от Мирры. Недоверчивый они народ, посетовал Кузьме. Тот ухмыльнулся. Верно, крестьянина нелегко свернуть с взятого курса. Их такими жизнь делает. Осторожными, упертыми. Без этого дело на земле не наладишь, не своим умом не проживешь. Однако надо ехать, говорить с ними, убеждать. Заставлять, наконец. Хорошо, хоть первые пять пострадавших живут одним кустом. Они между собой с детства дружны. Вместе заем делали, участки приобрели соседние и помогали друг другу всегда. Потом уже, по их примеру, многие другие стали здесь устраиваться.

Служебной коляской Кузьма правил сам. Гошка вообще из конской сбруи знал только хомут. По дороге спросил, что в упряжи называется уздечкой, чем рассмешил околоточного минут на пятнадцать. Почти на весь путь. Перед речкой, вдоль которой вытянулись крестьянские подворья, вышла заминка. Молодец во флотских башмаках и три подростка меняли плаху настила. Старший, парень лет двадцати, подошел поздороваться.

— Здравствуй, дядя Кузьма! Здравствуй, командор! — Лицо знакомое. Точно, сигнальщик с лихтеровоза.

— Здравствуй, Микула! — вспомнил имя Гошка. — Чего ради новую плаху меняете?

— Луен ситовую в прошлом году вырубил из буре-

ломной сосны. А папаня недоглядел. Подломиться может в любой момент. Они с виду вроде ничего, а потом раз — и одна гниль. Мужики ждут тебя. И за дядей Кузьмой послали. Разминулись вы, видать, по дороге.

Точно, в горнице у Луена сидели пятеро. Все, кому ближайшее время грозило разорение. Едва прибывшие перекусили, разговор пошел о деле. На этот раз неясностей или недоговорок не было. Оказалось, Микула, узнав от Мирры имя покупателя, дал ему свои положительные рекомендации. Похоже, очень положительные. С недоверием было покончено. На столе лежали деньги. Бабы в углу тоже что-то подсчитывали. Звенело серебро, сверкали камушки в перстеньках и сережках. Маленькое сообщество проводило мобилизацию финансовых ресурсов. Объяснять глобальность нависающей проблемы и ее значимость для государства было не нужно. Сбравшихся волновала собственная судьба.

На возврат кредита по одному хозяйству у них почти набиралось. Были неясности с тем, что удастся выручить от продажи бабских цацок и кое-какой утвари, на которую можно было быстро найти покупателей. Кузьма молча выложил изрядную пачку купюр.

— Околоточная казна, — пояснил. — И маленько своих, да лавочники трянули мощной. Обещали еще подкинуть, но много там уже не будет.

Много было у Гошки. Он и выложил свое жалованье за полтора года. Пересчитали. Четыре хозяйства спасти удавалось. На пятое не хватало изрядно.

— По другим соседям надо срочно устроить сбор денег, волостной старшина завтра привезет еще и из уездов подкинут. Должно набраться к исходу недели. — Обнадеживающе выразился Кузьма. Ваше гнездовье откупим.

— Так ведь еще через неделю только в нашем околотке три платежа, — отозвался кряжистый коротышка

с хулиганским выражением лица из-за шрама, удерживающего губу в сардонической улыбке. Веселый взгляд черных глаз дополнял разбойничий вид. — Кирпичниковы вещи пакуют, Фрол в Серпенге по друзьям деньги изыскивает, а Муса вообще не знает, что делать, вчера приходил горевать да на жизнь жаловаться.

— Почти две недели — срок изрядный. К тому времени, глядишь, губернатор успеет денегат подсобрать, — отозвался околоточный. — Прощения нам не будет, если дадим джапам наших пахарей с земли согнать, тем более в период посевной. И вы чего, мужики, молчали? Меня император сюда назначил за порядком смотреть да ваши интересы соблюдать. А вместо того, чтобы прийти и дело изложить, вы хозяйства продаете!!!

Опять решили все сами осилить и превозмочь? Так люди для того в государство сбиваются, чтобы вершить дела для одиночек, или малых групп неподъемные, защищаться и нечисть всякую сообща изводить. А если гордости в тебе столько, что помощи просить не хочешь, так...

Кузьма замолчал. Не нашлось, видно у него подходящего продолжения. Только выдохнул длинно и рукой махнул. Гошка доел фрикасе и поковылял в гостевой домик. Что-то он сегодня утомился. И язык от разговоров опух.

* * *

К завтраку его разбудил младший из хозяйских детей. Пока управлялись с непонятной, но очень вкусной мешаниной, где угадывались колбаса, лапша и яйца, Луен поведал, что волостной уже прибыл и им на пятерых денег теперь хватает. Через три дня едут расплачиваться в банк. Государственного нотариуса из уезда к ним прикомандируют, и сам голова проследит, чтобы с банков-

скими делами проблем не возникло. Губернатор еще не откликнулся, но по времени для этого рано.

— А ты, командор, живи, сколько хочешь, — закончил он повествование, — когда есть садиться будем, позовем, а посевную завершим, так и развлечем, наверное. В общем, барствуй.

«Занозистый народ все-таки эти крестьяне», — подумал Гошка и благодарно кивнул. Вышел на солнышко. Хозяин со старшенькой плуг повезли на телеге, Мирра с сыновьями загружает на хитрого вида двухколесную повозку мешочки с семенами. Куры с недовольным видом бродят вокруг корыта, свинтус из-за загородки недоуменно верещит. Светло, но солнце еще за горизонтом. По-весеннему зябко.

Картинка ясная. Страда. Весенние каникулы в здешних школах длятся столько, сколько продолжается сев. И это время скотина немного постится. Хотя, нет. Младший, шести лет парнишка, не уехал. Катит на тележке бачок для свина. Гошка помог пересыпать в кормушку вареных корнеплодов. Подержал дверь хлева, пока мальчик выводил коров, помог дотащить до куриного корыта охапку ошпаренных кипятком сушеных стеблей, и даже был удостоен доверия порубать их сечкой.

Потом они мыли посуду, варили в огромном котле пшеничную кашу и носили ее в поле пахарям. Это недалеко. И здесь было на что посмотреть. Пара крепких лошадок тянула тот самый непонятный экипаж, на котором толпилось шестеро, и каждый орудовал двумя рычагами. Это сооружение, пройдя два с половиной километра, разворачивали и таким же образом гнали назад. Тут перепрягали отдохнувших лошадей, засыпали зерно в бункеры, снова разворачивали, и начинался новый заезд. Экипаж повозки тоже сменялся.

Гошка сумел разглядеть рядок треугольных ножей углом вперед, погружаемых в почву и протаскиваемых

горизонтально в нескольких сантиметрах под поверхностью. Остальная часть конструкции — сеялка, равномерно отсчитывающая зернышки в зазор между поднятыми вертикальными кронштейнами креплений ножей краями дерновины, которые тут же опадают, смыкаясь. Вспашка и сев в один проход. При этом поверхностный слой почвы не нарушается. Боронование не требуется. Что-то не встречал он на Земле упоминаний о таких приемах. Но каждым ножом управляет отдельный рычаг, регулируя наклон. И за дозаторами присмотр идет непрерывно.

Захватывает этот агрегат в ширину один метр, значит, чтобы засеять гектар пашни, нужно проехать десять километров. Тогда на двести пятьдесят гектаров со всех пяти наделов — две с половиной тысячи километров. Это же не находишься!

— Обычный плуг в разы меньше захватывает, — ответила на его вопрос Мирра. — А потом еще сеять надо, да боронить. И мы не всю площадь пшеничкой засеваем. Гектаров тридцать. Правда, трудов на другие культуры не меньше, но не все в один срок. Кукуруза и подсолнух позднее, горох уже всходы дает, картошку посадили рановато. — Она замолчала, спохватившись. — Ты не серчай на Луена, это у него от облегчения, что разрешилось с кредитом. Нынче нарабатается, приветливый станет. — Неожиданно совсем о другом продолжила она. Примолкла и уж совсем невпопад, — Микула сказал, чтобы не дремали, раз Кукса в окрестностях нарисовался. Он, говорит, гадость любую изведет под корень, а свои будут все без задних ног от усталости. Но передвигаться смогут самостоятельно.

Гошка покраснел и смолчал. Посмотрел в сторону Луенова деда, восседающего на телеге и распоряжающегося действиями остальных. Колхоз в чистом виде.

— А где большие мужики? — поинтересовался он, видя в основном женщин и подростков.

— На соседнем поле. С новой сажалкой можно втроем управиться. Там и лошадки сильнее, и захватывает она в полтора раза шире. На рычаги людей не нужно — сама угол выбирает. Она легче идет, и они быстрее насеют. Если бы не эти заморочки с кредитами, из-за которых мы кучу времени потеряли, то эту старушку даже не выводили бы в поле. — Кивок в сторону агрегата, в который впрягают пару отдохнувших лошадей. — Как раз после посевной Петрик ее собирался тоже переделывать. Задержался, на случай, если с новой непорядок какой, или поломка серьезная.

— Так это не покупная машина? Самоделка?

— Не совсем. Детали в железнодорожных мастерских заказали, а Петрик с мужчинами собрали. На пять хозяйств недорого вышло.

— И откуда взялись чертежи?

— Из журнала. «Самодел» называется. Там куча самых безумных идей. А как от рычагов избавиться — это уже Микюла придумал. Он с детства часы чинил, запоры всякие придумывал, самострелы и мельницы сооружал. Ну, пока. Мой черед за дозатором следить.

* * *

До вечера Гошка управлялся по хозяйству под руководством младшего сына Мирры и Луена. Каждое дело само по себе вполне посильно, тем более взрослому человеку. Но непрерывность, с которой они сменяют друг друга, — это для настоящего энтузиаста физического труда. Были и открытия. Навоз закладывался в узкий бетонированный колодец, расположенный рядом с вертикальной, тоже бетонной цистерной, накрытой металли-

ческой крышкой. Из нее выходил шланг, второй конец которого вел в шатер без дверей.

— Резервуар для навозного газа, — пояснил мальчуган. — Летом много навоза остается на пастбище, и газа образуется как раз для готовки, или воды для мытья согреть. А зимой коровы всегда в хлеву, и газа образуется больше, чтобы дом отапливать. Или топить. Как правильно, дядя Командор?

— Если «топить», то — печь, а дом — «отапливать», — машинально отозвался Гошка, удивляясь собственной уверенности. Здесь, на Посейдонии, язык кажется близким современному русскому из-за того, что вбирает в себя молодежные жаргонизмы, заносимые пришельцами. Но некоторые обороты и идиомы он и сам понимает не сразу. Так что, может статься, запутал малыша.

Хотя дошкольник не значит малыш. Серьезный такой мужичок с ноготок. Неловкий, слабый. Но ответственный и старательный. Ну, как же, старшим остался по хозяйству. Про таких здесь говорят: «Годяй неопытный». И еще, наверняка в соседях сейчас такие же годяи заняты трудами взрослых. Не все они, когда вырастут, останутся на земле, кто-то уедет искать приключений, иные потянутся к знаниям или комфорту фабричных поселков. А некоторые найдут свой удел в круговерти городского многолюдья. Но и эти благоустроенные фермы не останутся бесхозными. Во всяком случае, он к этому руку приложит.

* * *

Наконец мужики засобирались в уезд. Гошку взяли с собой. На станции зашли в околоток, но Кузьма с ними не поехал. У него с утра множество людей, у которых сроки выплаты по кредиту наступают в ближайшее время. Как раз все, кто уже получил из банка уведомления с

указаниями сумм последнего взноса и приходил в себя от астрономических цифр, обозначенных к выплате. Кузьма вызвал их повестками для беседы. Такая картина сейчас по всей губернии. Составляются списки, вычисляются объемы, разрабатываются графики, изыскиваются деньги.

Конный вагончик прикатил их в уездный центр через полтора часа. На вокзале группу встречал нотариус, а рядом слонялись несколько флотских нижних чинов в незастегнутых кителях. Кортиков при них нет, значит, вроде как не на службе. Хотя их вообще надевают только в город, чисто для форсу. А что за поясами или в подмышечных кобурах? По дороге от перрона до невзрачной двери банковской конторы встречались городовые. Да так часто, что казалось, будто представителей других профессий в городке просто не живет. Процедура возврата остатка кредита прошла гладко, все необходимые документы были оформлены под бдительным оком нотариуса. Потом мужики засобирались домой, а Гошку пригласили в управу.

В кабинете былолюдно. На карте уезда, занимавшей всю стену, делались пометки, сверялись и дополнялись списки. Вся канцелярская братия выбралась из своих комнат и разместилась за столом для совещаний, и еще несколько конторок явно недавно внесли. Гул тихих разговоров прерывается иногда чуть более громкими сообщениями для всех.

— Из порта Крякина доставлена портовая касса, и со всех судов, что сейчас там стоят. Лавочники тоже сложились. Реестр расписок прилагается. С этой суммой мы покрываем выплаты второй недели для Прайцевского, Любимовского и Пальцевского околотков. Еще на два уезда не хватает.

— Лавсановая фабрика прислала мало. Они зарплату

выдали, и теперь просят людей вернуть деньги. Надо подождать пару дней.

— Госбанк принял рубли из представительства Акционерных Ссудных Касс Кари Мэ. Несут уже. Но это только на пять хозяйств хватит.

— Ага, сообразили пустить деньги по кругу, — подумал Гошка. Так ведь вообще можно было бы проблему решить, если бы не нарастание. Как ни крути, деньги надо собирать стремительно. При здешней лошадино-корабельной почте скорость связи просто смешная. Из столицы, конечно, помогут, но время утекает, и ждать некогда. Так ведь и не ждут. Изо всех кубышек тянут.

А до него никому нет дела. Зачем звали? Ага, вот девушка к нему пробирается. Как она похожа на Ри! И на Саиду, и на Виолу.

— Прапорщик Гущина. Безопасность.

«Фамилия нередкая, у Саиды такая же, — рассудил Гошка. — А может, сестры».

Сам же ответил в тон:

— Командор Куксин. Флот.

Уточнять, что он в отпуске, не стал. Не к месту как-то.

Вышли в приемную. Через нее снуют все время, но гвалта нет. Диван, кресла. Впрочем, на диване спит фельдъегерь. Но если негромко, можно поговорить.

— Спасибо, командор, что засекли диверсию. Если бы началось по плану Ссудных Касс, не знаю, что бы мы делали. Но и сейчас несладко. Средств не хватает, и те, что изыскиваются, уходят врагу. Ума не приложу, что предпринять. Даже если мы закольцуем наличные через наш Госбанк, просто вырастет сумма государственного долга Империи перед Джаппой. Сохраняя крестьянство, мы обогащаем своего будущего противника.

— Я бы кофе выпил и перекусил. Составите компанию?

— Да как сейчас можно кофе пить? Когда такие дела творятся!

— Неторопливо. Набираясь сил и собираясь с мыслями. — Гошка мило улыбнулся.

Оно и верно. На солнышке в укрытом от ветра месте подавали нормальный кофе и сэндвичи, приготовленные с любовью и знанием размеров человеческого рта. Вывихивать челюсть, чтобы натянуть себя на эти сооружения из булки, ветчины и тонко напластанных соленых огурчиков, не требовалось. Спутница ела не менее вдохновенно.

«От нервов, наверное», — подумал Гошка. И продолжил вслух:

— Как позволит к себе обращаться прапорщик безопасности?

— Дуня. Евдокия, если недоволен.

— Как же можно быть недовольным, поглощая деликатесы и вдыхая аромат божественного напитка, нежась в лучах весеннего солнца в обществе очаровательной юной спутницы. — Строя эту стандартную, навязшую в зубах тираду ловеласа, он собирал мысли в кучку. — Служивцы зовут меня Куксой, а те, кто полагает интересным общение со мной и во внеслужебной обстановке — Игорем.

Дальше он продолжал в том же духе про изгиб бровей и взмах ресниц, про нежные ушки и румяные щечки, разрез глаз и совершенство носа. Дуня хмурилась и улыбалась, вскидывала на него взгляд или опускала очи, вроде — смущалась. Наконец, когда речь пошла о лебединой шее и гибком стане, расфыркалась от сдерживаемого смеха.

— Игорь, кончай. Подкат безупречен, но так долго тебе подыгрывать я просто не готова. — Смеялись оба. — И ты вообще-то поосторожней. Я еще не замужем. В поиске, так сказать. Ведь сердце девичье так ранимо!

Похихикали, и легче стало. Умница эта Дуняша. Кстати, как-то не встречалось ему тут дур. Не может быть, чтобы совсем не водились! Или высшая сила его оберегает, или с тех пор, как лишился своей мужской силы, смотрит на них иным взглядом? Как на равных, что ли? Нет, скорее даже с завистью. Они-то на дистанции, с которой он сошел.

— А скажи мне, Дуняша, каким образом, физически, оформляется государственный долг, который ты поминала?

— Документами. Наш Госбанк, приняв наличные от Ссудных Касс, выдает расписки на каждое поступление.

— Они ведь где-то хранятся. И могут, например, сгореть. Тогда что станет с деньгами?

— В нашем Госбанке хранятся копии этих документов.

— Так ведь они могут и не найтись, — закончил Гошка свою мысль.

Дуня сразу сделалась серьезной.

— Это низко. Воровство никогда не доводило до добра. — В голосе девушки слышна неприкрытая неприязнь.

— В сказках, — продолжает Гошка начатую фразу. А мы живем в мире, где нет волшебников, зато есть враги, уже начавшие войну. Сегодня мы...

— Захлопнись, — поморщилась Дуня. — Знаю я, но ты разрушил свой светлый образ. Я, дура, почти влюбилась, а ты оказался не поэтом, а обычным рыцарем.

— На Земле рыцарям приписывают благородство, — удивляется Гошка.

— Во благе родились, и ради его сохранения своего блага готовы применить силу, как только в этом возникнет необходимость. — Дуня уже слегка закипает. — Ты хоть понимаешь природу понятия об офицерской чести, культивируемого в вооруженных силах всех стран?

— Не-а. — Гошке интересно, чего еще наговорит ему

эта внезапно взбесившаяся, только что бывшая кроткой, милая девушка. Он даже невольно скопировал манеру Го подзудить собеседника ехидным неприятием.

— Офицера не призывают, он служит по своей воле. И поступая в вооруженные силы, он клянется, что убьет, ограбит или изнасилует, если ему прикажут. Бесчестней доли выбрать невозможно. А потом приходится это словесное дерьмо прикрывать чудовищной ложью, которую повторяют до тех пор, пока сами в нее не поверят. Анестезия такая душевная. Про нас с тобою сказанное верно.

Ладно, забудь этот разговор. — Дуняша отдала официантке деньги и отрицательно pokrutila головой на движение Гошкиной руки к карману. — Прощаемся. Забудь. Твой вариант лучше моего.

Встала, кивнула и пропала из виду. Словно растаяла в воздухе. Гошка помнит, что девушка сделала шаг к углу веранды, и все.

Домой он топал по шпалам. Вернее, по дощатому настилу, уложенному между рельсами для лошадей. В кошельке оказались только российские рубли в дальнем кармашке. Рысские деньги он все отдал на откуп крестьянских подворий. Даже на билет не было. А как бы он выглядел на веранде кафе, если бы настоял на том, что именно он должен расплатиться!

ГЛАВА 20

Решение пойти пешком было продиктовано прежде всего желанием спокойно поразмыслить. Сегодняшние события окончательно поставили этот мир в Гошкиных глазах в совершенно немыслимую позу. Чиновники явно прохлопали крупную диверсию, направленную на подрыв не только экономической, но и просто продовольственной базы Империи. И, глубоко начхав на соб-

ственные шкурные интересы или сохранение лица; как ошпаренные тараканы бросились выворачивать карманы. Собственные и всех, до кого могли дотянуться.

Напоминает аврал на корабле. Даже не так — устранение течи во время шторма, когда пробойна затыкается собственными телами. Кажется, здесь очень строго с просчетами по службе. Тут, похоже, чиновники расплачиваются за ошибки не чинами или состоянием, а чем-то более важным для жизни. И появление девушки, похожей на Ри, — косвенное тому подтверждение. С этими созданиями Гошка всегда встречался в достаточно серьезных ситуациях, когда для его жизни создавалась нешуточная угроза. Правда, тогда шла война. Сейчас, похоже, тоже, просто немного иная.

* * *

Сначала все шло нормально. Остановочные платформы попадались через каждые пять-семь километров. Магазины, околоток, переезд: обычный в этих местах набор строений, вокруг которого сконцентрировано несколько десятков ферм. Поля с полотна не видны, они скрыты лесом, но признаки человеческой деятельности заметны. Стожок прошлогоднего сена в прогалине между деревьями, вязанки хвороста или небольшие штабеля бревен виднеются. Изредка его обгоняли или попадались навстречу вагончики, запряженные лошадкой. Он нарочно отходил подальше в сторону, чтобы не вздумали останавливаться его подбирать, даже делал знак вознице, не надо, мол, не тормози.

Потом как-то долго ничего не встречалось, и только километров через десять он вышел к постройкам. Вечерело уже. Указатель «Ракитинский карьер». Пять домов, два из них не достроены. Безлюдно. Официантка в столовой выслушала его сетования на безденежье и отпра-

вила мыть руки. Когда он вернулся в пустой зал, на столе дымилась миска борща и горкой лежал нарезанный хлеб. Принялся за дело.

Пока управился, пришел дядька, назвался директором карьера и принялся уговаривать остаться у них. Зарплата так себе, после офицерского оклада так вообще смешная, зато питание, спецодежда, жилье. Гошка на счет своих физических кондиций сильно не заблуждался, труд землекопа, грузчика или откатчика его не вдохновляет. Дворником он бы пошел.

Дворники тоже нужны. Вернее, нужен, а то ведь нет совсем. Условия те же. Но околоточного к ним пока не направили, так что командовать им некому.

Ну, это не проблема. Сообразит, не маленький. Главное — легкий труд на свежем воздухе. Получил квартиру: на первом этаже — чуланчик, прихожая и санузел. При нужде можно и для кухонных надобностей уголок оборудовать. Весь второй этаж — комнатка двенадцать метров. На одного вообще хоромы. Спецовка, два комплекта постельного белья, матрас с подушкой и одеяло. Все новенькое. Отписал письма Луену, Го и губернатору о том, где его теперь искать, если понадобится.

Выспался, позавтракал, и за дело. Народ еще только на работу потянулся, а он уже ковыряется. Критику в свой адрес слушает, с людьми знакомится. Тут вообще-то не вполне ясно, что дворнику делать. Никакого твердого покрытия, чтобы мести, никаких газонов, чтобы стричь или косить. Кучи строительного мусора, тропы, пучки весенней травы.

Начал с изучения структуры мусорных куч. Очень много щепы, опилышей, обрубков. Все сырое, погружается в грунт, подгнивает. На Земле бы разровняли бульдозером, засыпали черноземом, да травку посеяли. С лопатой, вилами, граблями и одной парой рук эта схема

неосуществима. Принялся все деревянное носить под окно столовой, и раскладывать нетолсто, на просушку. Тут приличная площадка, которую непременно замостят впоследствии, а пока она ему послужит для подготовки хлама к сжиганию.

Из нижнего слоя мусорных куч начали выковыриваться камни, так он их тоже не оставлял без внимания, подтаскивал к той же столовой и выкладывал дорожку к домам, точно накрывая тропинку. Поскольку щебень и песок откопались все в тех же кучах, причем в идеально смешанном виде, подсыпать и выравнить было нетрудно. Метра полтора мощеной дорожки к вечеру образовалось. После ужина вдруг увидел, что один из рабочих пытается реализовать аналогичную затею у своего крыльца. Помог, он-то уже наловчился. И еще один парень стал подносить камушки, совсем хорошо дело пошло.

Так день за днем, то с помощниками, то один, сам не заметил, как все нужные дорожки вымостились. Плитняк, с умом положенный, образовал неплохую поверхность. Не паркет, но колесо тачки катится. Мест двадцать переложил не по разу, но устойчивости камней добился, даже кромочку соорудил из кусков пиленого камня, оставшегося после строителей. На верхосыточку замостил перрон у железной дороги. Узенько, но опрятно. Людей здесь негусто. В карьере добывается марганцевая руда. Ее много, она хорошего качества. Работает один паровой экскаватор и на вскрыше, и на погрузке. Но ручного труда тоже немало. Каждый день паровозик откатывает два полных вагона и один почтово-багажно-пассажирский. Потом этот состав возвращается.

Деревянный мусор из неопрятных куч на тележке тоже стал убираться веселей. За неделю управился. Гошка так разохотился, что даже устроил площадку, где

складировал остатки камня. Песок и щебень ушли в ямки, даже не хватило. Привез вагонетку из карьера, и ту всю истратил. Не спешил, не мешкал, работал в охотку. Когда строители завершили оба недостроенных дома, вокруг них уже был порядок.

Без огорчений не обошлось. Загорелся деревянный хлам у столовой. Да так весело, что когда Гошка примчался, пылала уже четверть складированного. Ветер сильно способствовал распространению пламени дальше. Оценив ситуацию, не стал метать икру и таскать ведрами воду, а, вооружившись вилами, придал процессу упорядоченность. Все равно ведь собирался все это спалить, в конце концов. Завершилось мероприятие ровным прямоугольником золы примерно пятнадцать на сорок метров.

С косьюбой у него не ладилось. Мучился, отбивал косу, точил, регулировал. Получалось удовлетворительно, если медленно. А чуть быстрее — и сразу неважно. Пропуски, сбитые макушки. Срамота! Так что попершая после дождейков по летнему теплу трава занимала основную часть времени, отбирала кучу сил. Радовало его только пятно выжженной земли перед кухней. Своей первозданной чернотой, плавно переходящей в серость.

Оказалось ненадолго. Вдруг он обнаружил, что по всей поверхности сквозь прибитый дождем слой почерневшего от влаги пепла проклюнулись ростки. Частой такой ровненькой щеточкой. Глядя на это безобразие, он услышал из окна кухни голос поварики тети Шуры.

— Нам это на ручном прессе не передавить. И флягу из-под светильного масла на базу погодим возвращать.

Ого, так это у него сразу шесть соток хвоща стрелчатого в открытом грунте! Перемножив метры на килограммы, Гошка сообразил, что одной флягой дело не обойдется. Голова сразу заработала, и он помчался к себе чертить и считать. Становилось очень интересно.

* * *

До дома Луена от карьера всего двенадцать километров. Это если напрямки, по карте. Железной дорогой до околотка Кузьмы — сорок без малого. Сначала до развилки, на которой он, возвращаясь из уездного городка, неверно повернул, а потом почти назад. Но есть тропа, по которой можно дойти за три часа. Лесной обходчик показал Гошке короткую дорогу.

Отправился. Начало лета. Душа радуется. Тропа вообще оказалась просекой со слабо выраженными, скорее слегка намеченными колеями. Ну конечно, телеги-то здесь на резиновых дутых шинах и с подшипниками в ступицах. С кокетливыми такими буксами, куда возчики изредка подливают масла. А в лесу интересно. Слева густой подлесок и бурелом, справа подлесок только начинает вырастать, поэтому видно далеко. Никаких валежин. Полянки, травка. Зверушкам, впрочем, и птичкам это без разницы. Живут и благоденствуют по обе стороны просеки. На глаза не лезут, но косую издалека видел. И по ветвям что-то пробегало.

У Луена встретили его приветливо. Мирра сразу, как пришел гость, отправила малого по соседям, и вышло что-то вроде собрания правления колхоза. Своим открытием, как вырастить в открытом грунте хвощ стрельчатый, он делился всего полчаса, потом провел расчеты, умножил результат на цену масла, и оказался в кругу единомышленников. Прикидки по конструкции железного ящика с поддувом для выжигания корневищ и семян растений из почвы обсуждали недолго. Старшая дочка хозяина как раз зашла, быстро сообразила, что к чему и встряла в разговор старших.

— Конденсат навозного газа заправить в примус вместо скипидара да пламенем вниз, и сам газ по шлангам

можно подавать в горелку. Его летом, пока дома не топим, в избытке, а если коров в стойла поставить, то вообще хоть завались.

— Если поляну выжженной земли полить той жижей, что из цистерны сливается, хвощ в разы мощнее попрет, — добавил Кондрат, обычно молчавший.

— Пахать эту землю не надо, а полив нужен. — У Лунька тоже идея. Можно полоски земли камнем разгородить, чтоб семян со стороны несло поменьше, и влага не разбегалась.

— Опять же в грунт песочку добавим и гравия мелкого. — Мироныч тоже не утерпел. — Если в горшки его рекомендуют, то и нам на пользу пойдет.

Гошка под шумок начавшегося мозгового штурма выбрался в кухню, получил от Мирры стопку шанег, бидончик сметаны и зашагал домой. Семя брошено. Эти пятеро, и их семьи — великие зачинщики. Если он не ошибается, у императорского флота будет жидкое топливо. Это дело уже совсем недалекого будущего. Трудоемкость-то этой культуры невелика, валежника из леса привезти да спалить широким кострищем, на всю поляну. А через две с половиной недели коси да дави масло. Заодно крестьяне окрестные леса обиходят. На тележке с резиновым ходом за одну езду на пастеризацию сотки земли можно хвороста привезти.

И механизацию, и агротехнику эти ребяташки налаживают. Видел он их «пахалко-сеялки». И про пленки прозрачные где-то недавно толковали, со временем и теплицы будут, и парники. А соседи подсмотрят, переимут. Денежки они еще ни одному крестьянину не повредили. И расползется затея с хвощом, как свеча на солнце. Медленно, неуклонно, так что потом не отскребешь.

* * *

Поселок Ракитинского карьера был крошечным, и людей здесь жило немного. Работали все в одну смену. Ручным буром крутили отверстия в непрочном, похожем по твердости на мел, рудном теле. Заряды закладывали и отпаливали по одному, каждый раз корректируя глубину, место и силу очередного взрыва так, чтобы не прихватить пустую породу. Или наоборот — не зацепить линзу залежи, если проводили вскрышные работы. При погрузке частенько руками удаляли ненужные глыбы, или подкидывали нужные прямо в ковш экскаватора, замиравшего в эти периоды. Неторопливо так, ритмично, тонн по пятьдесят каждые сутки. Причем, выполнив норму, могли и по домам разойтись. Или на следующие дни задел готовили. Директор карьера не придирался и народ не строил, а другого начальства здесь невооруженным глазом и не просматривалось.

Наведывался изредка околоточный из соседнего Пестуновского околотка. Пробовал еду в столовой, спрашивал про здоровье. Подкидывал стряпухам сметанки, молочка, яичек да маслица. Но бывал он нечасто, кажется, по четвергам.

Семейных здесь жило мало — всего четыре пары, так что молодежь, вся насквозь мужеска пола, по вечерам разбредалась по ближним фермам, к девчатам, стало быть. Гошку эта тематика волновала несильно, поэтому он то книжки читал, то болтал с кем-нибудь. Иногда и в картишки компания собиралась. Резались на яблоки. Проигравший ел. Или на воду.

Случалось, парни приносили самогонку. Но нечасто и помалу. Накушаться до ощутимого опьянения не получалось. Тем более — стряпухи по такому случаю на закуску не скупилась. В общем — мирно здесь жили. В лес хаживали за грибами или ягодами, рыбу ловили в озе-

ре. Охотников среди ребят в карьере не было, но лесной обходчик дважды притаскивал хорошие куски крупного копытного. Дворник — он, почитай, все видит. Такая у него работа.

Вот, скажем, мамки детский садик организовали на пять мест. Сразу на всех поселковых малышей. Кто кровати сколачивал да стеллажи для горшков? Правильно, дворник. И продукты с поезда в столовую перетаскать, и разобраться, почему насос воду в трубы вяло гонит. Вроде — труд не напряженный, но и скучать некогда.

Волостной раз заехал и начал было с Гошкой душевный разговор о том, что плохо поселку без околоточного. Пришлось огорчить человека, объяснить, что он тут в отпуске. И когда тот отпуск закончится, не ведает.

Кстати, околоточный на самом деле — надзиратель. Волостной — управляющий. А уж уездный, так вообще — голова. Просто имя существительное в обиходной речи опускают, а по документам оно всегда значится. И все они, как и дворник — должностные лица. Государственные служащие, чиновники, иными словами. Все прописаны в табели о рангах на самых ее нижних ступенях наряду с матросами и солдатами, а также городскими, почтальонами и... да длинный там перечень. Гошка полистал. Местечко командора в этом реестре расположено высоко. В описательном разделе говорится, что является оно дворянским и непотомственным. В деталях разобраться не удалось, библиотека в поселке новая, не всем, что надо, еще укомплектована.

ГЛАВА 21

Фельдъегерь окликнул его утром, когда, позавтракав, он шел за метелкой, чтобы приступить к служебным обязанностям. В короткой записке Го просил его при-

быть в сопровождении посыльного туда, куда тот его проводит. Сборы и прощания заняли минут десять, а потом дрезина-качалка бодро покатила его под ритмичный стук колес на рельсовых стыках. Гошка, когда устранился, потянулся было к рычагу, но его укутали в тулуп, усадили спиной к ветру и сунули в руки пухлую тетрадь.

— Прочитай и запомни, — сказала женским голосом такая же завернутая в овчину фигура с соседнего места. — Это называется легенда. История твоей жизни.

— Легенда, это про шпионов, — буркнул Гошка. — Переквалифицируюсь, что ли? Когда засылка?

— Внедрение. Через семь часов. Не смотри в мою сторону, тебе лучше меня не знать в лицо. Чтобы не выдать нас обоих случайным знаком узнавания. Я прикрываю эту операцию.

* * *

До ночи было еще недалеко, а Гошка уже пьянствовал в портовой таверне с осоловелым взглядом и требовал очередную бутылку.

— Я никогда не пьянею и могу выпить столько, сколько захочу, — убеждал он официантку заплетающимся языком. Вот тут-то на него и обратили внимание моряки, бражничавшие неподалеку. Присели, представились, угостили выпивкой, и Гошка ушел в отключку.

На самом деле, сознания он не терял. Вино ему подавали бутафорское, кроме последней бутылки. Из которой он и принял ту единственную рюмку с подсыпанным приветливыми парнями снадобьем. Антидот, принятый заранее, ослабил действие снотворного, и, убедившись, что его еле волочащее ноги тело завели куда надо, он с удовольствием заснул по-настоящему.

Утром ему сообщили, что вчера он подписал кон-

тракт на работу в качестве рулевого на пароходе «Цветок Персика», и показали бумагу, испещренную иероглифами, с подписью «Михаил Басалгин», выведенную якобы его рукой. Подделка была наглая, но среди незнакомых значков джаппских иероглифов стояла вполне приличная цифра, указывающая размер оклада. Поморщившись, пострадав лицом, он «смирился», уточнив некоторые детали.

По-русски в экипаже говорили двое. Джаппского, родного для офицеров команды, Гошка не знал. Но порикански хоть и плохо, говорили все — при такой, традиционной для моряков торгового судна национальной пестроте среди членов команды, это обычная практика. И это позволяло объясниться при нужде. Уж английский в пределах примитивных понятий будущие компьютерщики знали. А слова команд выучить недолго.

«Цветок Персика» оказался угольщиком, и на Хамматсу заходил как раз грузиться. Сюда от островов Буртмана ближе, чем от других мест, где недорог уголь хорошего качества.

Рулевым Гошка был нормальным, вахтенным начальникам от него больше ничего не требовалось, команда, постоянно занятая корабельными работами, претензий к нему не имела, да и трудно выразить таковые при скудном словарном запасе. Стоял вахты, отсыпался в кубрике, потихоньку набираясь джаппских слов, и частенько рисовал пейзажи. Помещений с иллюминаторами, дававшими прекрасный обзор, было немало, а иногда погода позволяла заниматься этим на палубе.

Альбом и карандаши нашлись у третьего штурмана, и, хотя рисовальщик он — так себе, силуэты кораблей, попадающих «в кадр», были всегда хорошо узнаваемы. Дату и географические координаты проставлял под каждым рисунком. Угольщик всегда в движении, его груз нужен и рыболовецким сейнерам, и грозным броненос-

цам. А поскольку «Цветок Персика» доставлял уголь в места, которые флот джаппов интенсивно посещал, коллекция любительских зарисовок содержала немало силуэтов кораблей будущего противника.

Много небольших особенностей, частных деталей и легких штрихов складывались в картину, нанесенную не на бумагу, а отложившуюся в Гошкиной памяти. Особенно ценны были разговоры офицеров в рубке. Интересное свойство человеческой натуры! Многим кажется, что, поговорив о чем-то великом и могучем, сам становишься к нему причастен. Так что о военно-морском флоте родной страны, стремительно наращивавшем свою силу, рассуждали практически не умолкая, перечисляя размеры и скорости, типы и дальнобойность пушек. Да вообще обо всем, вплоть до стратегии и тактики. Поскольку не знавшего поначалу ни слова по-джаппски рулевого вообще не стеснялись, сравнивая характеристики своих кораблей с рысскими, то возникало ощущение, что его обучают на высших курсах командного состава, специально так хитро организованных, чтобы внимание «курсанта» было наилучшим способом сконцентрировано на теме занятия. Слов-то он, оказывается, хватался достаточно, чтобы понять смысл разговора. Офицеры часто и весело смеялись, рассуждая о последствиях встречи разных кораблей в открытом море. А Гошка таких данных не смог бы почерпнуть даже из доклада Штаба флота Империи Джаппа своему вседержателю.

Частые заходы в порты с небольшими стоянками для погрузки и разгрузки, когда удавалось выйти в город, дали Гошке некоторое представление об этом мире. Оказалось, что от Земли он отличается намного меньше, чем показалось по впечатлениям, полученным в Империи.

* * *

Одеваются во все что угодно — от фраков и пиджачных пар до полных лохмотьев. Уйма разных видов национальной одежды в любых вариациях. Многолюдная сутолока базаров с пестрым разнообразием всевозможных товаров. Изобилие. Голосистые торговцы, игралы и зазывалы, гомон, споры, скандалы. В магазинах — яркие этикетки, удобные упаковки и настойчиво любезные продавцы. Праздник жизни, все как дома, на Земле. Даже чипсы в ярких пакетах и шоколадные батончики. И жвачка. Полиграфия упаковок скромнее, зато — от всей души, привлекала кричащим сочетанием красок.

Строения — все стили и эпохи. Чинные деловые кварталы, степенные районы зажиточных граждан, пояса рабочих окраин и лачуги по самой периферии. Как в книжках эпохи Конан Дойла, Бальзака или Дюма. И деньги. Без них никуда. В Империи тоже существует денежное обращение, но не так выпукло. В общем — ощущение, что из монастыря попал на ярмарку. Попрошайки и воришки, голодные глаза маленьких оборванцев. Гошка раз купил для одного пирожок с мясной начинкой. Пока то да се, кошелек пропал. Больше благотворительностью не занимался.

Глазел в основном по сторонам. На пирсы и молы, на доки и корабли. Глаз уже профессионально отмечал многие детали, важные для грядущей войны. И скучал по Империи с ее монотонным уютным однообразием, унификацией одежды и жилья, и совершенно не озабоченными бытовыми проблемами жителями. Не чувствовалось там борьбы за место под Солнцем, которая здесь побуждала людей к активности и изобретательности, заставляя настойчиво и не всегда честно пробиваться наверх.

Да, не боец он и, по большому счету, не работник.

Пушинка тополиная, которую несет ветром. И рысские ветры ласковей. И мысли сменить корабль, хотя и приходили к нему в голову, но никогда там не задерживались. А предложений хватало. В портовых тавернах всегда находились вербовщики. И у причалов стояли изящные клиперы, основательные барки и шустрые шхуны. Мечта детства.

Парусное вооружение сохранилось и на многих пароходах, да и сами парусники частенько использовали свои паровые машины в прибрежных водах, на рейдах и в портах.

Не раз «Цветок Персика» отдавал уголь на те самые дредноуты, что Империя продала джаппам, отбив у рикан. Впечатление грозной силы — вот какое производили они на неискушенного наблюдателя. Да и на искушенного тоже. Гошка уже не ощущал себя новичком, и недоумевал, как эти плавучие острова, ошестиненные гроздьями чудовищных пушек, можно было передать в руки тех, кто собирается на тебя нападать.

Однажды, увидев, как погрузка угля на один из этих кораблей одновременно ведется с обоих бортов с двух совсем немаленьких пароходов, а неподалеку как раз ждет своей очереди их угольщик, он вдруг словно прозрел. Тысячи матросов в тяжелых мешках волокут и волокут топливо через корабельные проходы в безразмерные бункера, чтобы потом неутомимые кочегары перекидали это все в топки буквально за несколько дней.

Но обычно война длится довольно долго. Тем более что от джаппской базы на островах Буртмана до Гаритлинских островов, которые они собираются захватывать, дредноут с одной заправки дойдет, а вот обратно — вряд ли. И стала понятна наконец комбинация, которую императорский флот затеял с риканскими дредноутами. Если просто перехватывать корабли снабжения, то плавучие острова таковыми и сделаются. Грозными и

неподвижными. Очень удобными целями для боевых пловцов.

Скорее всего, сейчас идет подготовка к войне на коммуникациях. Быстро топить линкоры имперцы не станут. Сначала проредят крейсера, эсминцы, сторожевики джаппов, при атаках на конвои, с упорством отчаяния везущих уголь, уголь, уголь... Сейчас семисотых миноносцев наверняка уже не один дивизион, и лихтеровозы для них должны поспешно достраивать. Ведь, имея хотя бы слабобронированный крейсер прикрытия — традиционный бронепалубник с усиленными бортами, каких нынче немало во всех флотах, и разведывательно-дозорный эсминец — можно такого натворить посреди открытого моря!

Хотя Тавруха наверняка что-то новенькое затеял. Кстати, ведь почти откровенно обсуждая флот Империи как будущего противника, джаппские моряки ни разу не упомянули его дивизион. Неужели удалось сохранить тайну семисотых миноносцев?

Гошка не раз косил взгляд на карту. В предполагаемом месте военных действий ничего пригодного для базирования его бывшего дивизиона не встретилось. Хотя у Империи наверняка имеются и более традиционные для боев в открытом море корабли.

* * *

Очень умилило поведение «прикрытия». Единственная женщина на судне буфетчица кают-компания Нина, тальянка по национальности, была сильно похожа на Ри, на Саиду, на Виолу и Евдокию. Голос вообще не оставлял сомнений, что это она его инструктировала на дрезине, кутая лицо в воротнике тулупчика. Спектакль совсем не к месту. На судне они встречались редко и со-

вершенно случайно — матросу нечего делать в офицерском салоне.

Разговаривать тоже было не о чем. В общем — тень на плетень вся конспирация. Никому здесь ни до кого не было дела. Вот молчит рулевой, пока к нему не обратятся на риканском, и ладно.

* * *

Момент уносить ноги настал внезапно, без каких-либо видимых причин. Нина увязалась за ним в город в порту небольшой бриттской колонии, прихватив, как оказалось, папку с его рисунками. Как она это продела, интересоваться не стал. На «Цветок Персика» они не вернулись, а сели на рыбацкую лодку и через пару часов взошли на борт настоящего чайного клипера, идущего в столичный город-порт Рысской империи с грузом дусского чая.

Ехали пассажирами, пользуясь вниманием стюардов и столуясь с офицерами. Какой уж тут сговор кого и с кем сработал, Гошка тоже не спрашивал, но отношение команды было дружелюбным. Наверное — союзные отношения или давняя межнациональная приязнь. Такое случается между народами, если интересы их правителей никогда не пересекались.

ГЛАВА 22

Сразу после сдачи отчетов, альбомов и пленок из фотоаппарата Нины Гошку отправили домой. Имеется в виду его квартира на главной базе флота в Цалте. Здесь все было в порядке. Форменные тужурки чистые и выглаженные, брюки, сорочки... Нята — вестовой — скользкий юноша с жиденькими волосиками и водянистыми

глазами ещё в походе против рейдеров начал приглядывать за его гардеробом и обеспечивать различные удобства, поскольку все старшины дружно старались от него избавиться.

Терялся парень в напряженной обстановке. Не трусил, а начинал ошибаться. Фельдшеры ничего особенного в его организме не нашли, а за возможность служить во флоте, причем в боевом составе, он держался изо всех сил, умоляя не списывать его в базовые службы. Состояние в Гошкиных прислужниках он почитал выполнением самой боевой из всех мыслимых задач. И относился соответственно. Не плошал.

— Прикажете чаю? — Вестовой отвлекся от перелистывания Астрономического ежегодника в связи с появлением своего командора в дверях скромной комнатки офицерского пансионата.

— А сделай-ка ты мне «медведя», — неожиданно для себя попросил Гошка. — И себе. Да садись. Расскажи, что приметил, пока я по всяким местам околачивался.

Развалились в креслах. Ром чурсайский, из последней поездки прихваченный, на столике кофейник на спиртовке под рукой. Отпили.

— Ну, самое главное, дредноуты риканские в базу пригоняли. Взяли в обмен на мирный договор. Или в бою, баяли, но народ не верит, что такое на abordaж берут. Хотя... боевые крейсера мы с тобой... — засмущался парень. Забыл, что не с девушкой разговаривает. Расслабился тут, понимаешь.

— Ты, Нята, не замолкай, звучи, — ободрил Гошка парня.

— Народ на них, на дредноуты, сгоняли отовсюду, чистили, красили, починяли до последнего винтика. Потом быстренько джаппам продали вместе с боеприпасами и всем, что там было. Ну, как друзьям и союзникам. Народ наш от этих кораблей впечатлился, туда ведь всех

пускали, так что, кто хотел — рассмотрели все в лучшем виде. Грозные машины.

И еще четыре броненосца, что точно взяли в бою. Команды на них наши набрали и обучили. Каждый месяц выходили в море, когда по одному, а когда и всем дивизионом. В точности не скажу, как у них успехи, но вроде последнее время поломки случаться перестали. С другой стороны, стволы на главном калибре только один раз сменили, давно уже. Значит, стреляют мало. Таких больших кораблей у нас немного было.

— Интересно будет взглянуть. — Гошке действительно не терпится увидеть то, чего он так и не дождался год тому назад.

— А нет их в гавани. Пару месяцев назад услали их куда-то. Зато наши старые броненосцы, шесть штук, что покрепче, все через док прошли, а потом у заводской стенки постояли. Вроде как бегать стали шустрее. И у пушек стволы длиннее. Но против дредноутов смотрятся неважно. Мелковаты. И разнотипные. Куда остальные девались — не ведаю. И от других не слыхал.

Дивизион наш куда-то угнали, и штаб съехал. У тех пирсов теперь семьсот десятой серии миноносцы стоят. Только стоят — не то слово. Постоянно в разгоне. Крейсера типа «Доу» заходят и уходят. Судя по номерам, их всего четыре штуки, но наверняка не скажу. Каждый раз они иначе выглядят. Вроде как их все время переделывают. То дверка в корме появится, то трубы выше. Или форма надстройки меняется.

На тяжелых крейсерах все время тихо было. Изредка, какой куда сбегает, и к причалу. Средние и эскорты вообще не здесь базируются. Заходят иногда ненадолго. В общем, кроме как про дредноуты и рассказать не про что. Хотя эсминцев новых пару штук видел. Красавцы, и, говорят, бегают быстро.

В коридоре застучали башмаки посыльного — быстро что-то его нынче берут в оборот.

— Здравствуй, командор. Тебя в штаб зовут. Через полчаса просили быть.

— Здравствуй. Иду, — жаль, так и не хлебнул как следует кофе с ромом. Отведал только. — Сдается мне, в ночь покинем мы эти Палестины. Собирайся спокойно. — Это вестовому. — С родными попрощайся. Часа три верных у тебя есть. — Гошка влезает в спецовку с погонами, гордо именуемую кителем.

* * *

Совещание было немногочисленным. Реально плавающих командиров вообще нет. Командующий флотом, верхний эшелон штаба, Го сидит за секретарской приставочкой к большому столу. Гошка представился, обменялся жестом узнавания с чиновником, сел, куда велели. Стенографистки как раз занимали места на стульях вдоль стены. Первый раз ведь пригласили к разговору больших мужиков. Интересно. Подошли еще два адмирала. Начали.

— Война с Джаппой практически началась, — начал выступление начальник штаба. — Ультиматум нам уже везут, через пару дней ознакомимся. Ядро неприятельского флота покинуло места базирования и скрылось из поля зрения. Все дредноуты и броненосцы в сопровождении крейсеров и угольщиков сейчас идут в неизвестном направлении. В составе эскадры замечено и несколько крупных пассажирских пароходов.

Миноносцы противник сосредоточил в южной части архипелага Буртмана. Наши Гаритлинские острова — в их радиусе действия. Здесь же отмечено много слабовооруженных судов, предположительно, десантного назначения.

Подготовка к обороне этих островов нами завершена. Береговые батареи оборудованы и укомплектованы, старые тихоходные броненосцы контролируют проливы. На них отличная артиллерия средних калибров с противоминными снарядами, что мы по условиям мирного договора с риканами получили в достаточном количестве. Система постов наблюдения и связи налажена. При появлении противника в наших территориальных водах боевые действия начнутся без команды штаба. Больше того, что нами достигнуто к настоящему моменту, мы сделать не могли, — быстрый взгляд в сторону Го. Кажется, этот чиновник действительно немалая шишка. — Теперь на ситуацию оказывает воздействие воля неприятеля, и он может разрушить любые наши планы, тем более что сохранить в секрете такой объем работ нам наверняка не удалось.

Рейдеры выходят на позиции. Начнут работать, как только узнают об объявлении войны.

Какие будут соображения?

Последующие выступления в основном повторяли первое, просто другими словами. И раза три помянули Урм. А Гошка смотрел на карту и ломал голову. Что затеял неприятель? Джаппы — мудрый народ. Свой основной ресурс — многочисленное, трудолюбивое и дисциплинированное население они используют великолепно. Их императоры не первое поколение укрепляют государство, точными действиями расширяя свои владения. Мелкие соседние страны уже присоединены, но война с Рысской империей для них — дело неверное.

И им нужен выход в Китовое Поле. В северных водах сейчас китобой встречаются чаще, чем пристойная цель для гарпунной пушки. А южное направление перекрыто территориальными водами Империи и островами Урм, принадлежащими урмским ярлам. Это, по-нашему, кня-

зья. Урмане — рыбаки и китобои — кормятся морем. И, конечно, не допускают никого в воды, богатые тем, что составляет основу их жизни. Отношения с Рысской империей давно урегулированы, границы промысловых зон установлены. Ихтиологи и морские зоологи десятки лет ведут совместные исследования.

Между собой ярлы, конечно, грызутся, случаются и кровопролития. Но для Джаппы все их силы — на один укус. Так что через два дня, когда придет пакетбот с дипломатической почтой из Джаппы, никакого ультиматума он не привезет. Будет, наверное, какое-то послание, так, о форме ушей второго советника Полномочного и Чрезвычайного Представителя... Да найдут, что отписать.

А тем временем Урмские острова оккупируют или блокируют. И принудят к капитуляции на условиях аннексии. Джаппам достаточно одного княжества из шести... или семи, не помнит Гошка, чтобы открыть дверку в кладовые с огромными богатствами. Ну, да, лишних шесть тысяч километров — две недели пути. Или биться с Империей, которая только что уделала богатую Риканию?

Вот к этой мысли и подвел разговор седой, похожий на льва адмирал. И по реакции остальных Гошка понял, отчего ему так нравится жить в Империи. Просчеты признавались сразу. Никто не упрямылся, не доказывал его неправоту.

— Кажется, мы проиграли эту войну еще до первого выстрела, — высказал общую мысль лысый как коленка вице-адмирал, сидящий справа от Гошки.

— Останется только самим объявить войну, отбить Урмские острова и присоединить. Местное население будет на нашей стороне, но мировая общественность подвергнет Империю жесткой обструкции. Испы и франы давно ждут благородного повода к войне.

— Джаппы тоже серьезный противник. Одновременно против трех государств нам придется несладко.

— Главная наша проблема — расстояние. Урм от нас на другой стороне шарика. Пока мы туда доберемся, все уже завершится. В тех краях сейчас только пара патрульных корабликов да позапрошлого поколения три разнотипных корабля на испытательном полигоне «Пятерка». Да мелочи чуть-чуть — дивизион семисоток, пара тральщиков, что уже на ладан дышат. И все вроде.

— Пока острова Урм сопротивляются, наше вмешательство оправдано договором о дружбе и взаимовыручке. Важно успеть до того, как хоть одно княжество капитулирует.

— «Бегун» за пять суток дойдет, если срежет Китовым Полем, да на айсберг в потемках не налетит или в шторм не угадает.

Дискуссия потеряла было связность, но снова встрял лысый адмирал.

— В пространстве от островов Буртмана и до Гаритлинских островов активность кораблей джаппов сохранится, чтобы мы оттуда ничего не отвели. То есть война между нами и ими, скорее всего, не начнется, пока... нет, непонятно. Если все то время, пока основная группировка находилась вне поля нашего зрения, она полным ходом шла к Урму, мы гарантированно не успеваем вмешаться.

— Кукса, давай на «Бегун». Гони на Урм. Начинай заваруху, главное, попытайся сбить этих джаппов с толку. У тебя хорошо получается ломать чужие планы. Отвлеки внимание, запутай как-нибудь, — подает голос Го.

— Лады. — Это Гошка, в свою очередь, вставляет словечко. — Командующего только надо мной поставьте, чтобы было кому на месте распоряжаться, я с флотской кухней в общем виде не управлюсь. Снабжение, обеспечение, разведка, взаимодействие — захлебнусь. — Ну,

нет у него ни одной причины что-то из себя корчить. И ни одной идеи. Ясно же — все прояснится на месте, и, скорее всего, будет тошнехонько.

— Сообщение пошлем через цепь островных постов семафором. Тоже не быстро, но всяко, дублирование. Все корабли, что окажутся на пути сообщения, пойдут в Кук-сино распоряжение, остальные направления придется оголять. — Разговор идет по кругу, похоже — процедура отработана. Внешняя бессвязность никого не смущает. Слушать умеют все.

— Колен будет командиром. — Лысый кивнул. — Кук-са — подвижная группа, интендантом Зубата. Я его через пять минут пришлю. Бегом на корабль. — Это командующий подводит черту.

На этом совещание для Гошки завершилось. Помчался вслед за сверкающим черепом своего нового командира вниз по лестницам штаба, по набережной.

«Немолодой мужик, а бежит шустро, и сзади кто-то топает. Некогда оглядываться», — только успел сообразить Гошка, как два матроса, что-то делавшие у причальной тумбы, сбросили рукавицы, и, подхватив запыхавшегося вице-адмирала под руки, повлекли его вперед так, что ноги того касались земли через шаг.

Впереди стал заметен поток горячего воздуха, вырывающийся вверх из-за какой-то постройки. Такой бывает на срезе дымовой трубы. Обогнув невысокое сооружение, взлетели на палубу малюсенького кораблика, размерами и обводами похожего на миноносец. Следом по сходням простучали каблуки Гошкиного вестового и адмиральского адъютанта. Вбежали еще два моряка, тоже с вещами, четыре матроса внесли сидящего на неудобных мусорных носилках незнакомого командора с костылем. Завершил процессию капитан-лейтенант с незапечатанным приказом командиру «Бегуна».

Убрали сходни, отдали концы и направились к выходу из порта.

«А ведь с момента отдачи распоряжения как раз минут пять и прошло», — с изумлением подумал Гошка.

* * *

Свое имя «Бегун» оправдывал. Но больше он решительно ни для чего не годился. Два котельных отделения, паровая турбина, винт. Узкий, как нож, корпус, единственная надстройка как на подводной лодке, в которой размещена ходовая рубка. Через нее проходят дымовые трубы, коробка воздухозаборников и перископ. Внутри теснота, как на миноносцах семисотой серии, койки экипажа и пассажиров, тусклое освещение, сквозняки, создаваемые системой вентиляции.

Кочегар на откидной скамеечке орудует вентилями. Ясно, жидким топливом пользуются. Вот откуда устойчивый запах хвощового масла на пирсе. Поднялся в рубку. Хорошо идут. Шестьдесят километров в час, даже с лихвочкой. На такой скорости с палубы просто сдует, потому все переходы организованы внутри. Вода мимо бортов бежит, как обочина за стеклом автомобиля.

— Вышли на крылья, — прозвучал доклад рулевого, — контроль скорости по приемнику воздушного давления.

Точно, отметил про себя Гошка, вот и хлопки волн об днище слышны. И скорость около восьмидесяти. Даже чуть больше.

Уже собирался покинуть это тесное помещение, как из переговорной трубы прозвучало:

— Право шестьдесят ноль третий. Дистанция двенадцать километров.

Повернул голову, глянул. Какие двенадцать километров! С такой высоты и на шесть взгляд не добывает. А, это

с перископа доклад. Вот зачем его сюда поставили. Чтобы точку наблюдения поднять. Ну да, ход ровный, качки нет. Иногда работает и эта идея.

Заглянул в штурманскую, посмотрел линию курса, проложенную через южные приполярные воды. Не близко. Все, хватит бродить да людей смущать. Он пассажир, и болтаться под ногами команды — не дело.

* * *

Колен оказался Петром Федоровичем Маклаковым. Кликуху он получил за обычай брить голову. Сначала коленкой звали, потом последний слог затерялся. В Империи, и особенно на флоте, кличка ценилась. Почетную несли с гордостью, обидную — со смирением. Вообще военная структура без строевой подготовки, без отдания чести, без величания или титулования поначалу вызывала дикое непонимание, просто отторгалась. Потом привык. По зубам не били, матом не обкладывали, не подставляли, не унижали. Обязанности объясняли, за промашки спрашивали. Чего еще желать?

Вспомнил, сколько раз, еще в учебке, сослуживцы могли его подколоть, пользуясь плохим знанием местных реалий. Нет. Наоборот. Удерживали от глупостей или подсказывали вовремя. Как с дитем. Ну ладно, хватит о сентиментальном.

— Колен, а почему Империя Рыссской зовется?

— Предание есть, что в древности рысь защитила наших предков, а они стали ее почитать. Племя это и дало название государству, что вокруг него образовалось. У вас-то одна только буква другая. Русь. А что правильно — не знаю.

— И вот еще, какая странность! Во всех флотах честь отдают, почтение старшим по званию оказывают, обра-

щаются длинно и с уважением. А у нас вроде как пацаны в игры играют. Клички, тыканье, ответы типа «угу».

— Ну, это целая философия. Еще прапра-не-помню-сколько-дед нынешнего императора посчитал, что один год из пяти бывает мирным. Выходит, Империя наша, чтобы сохраниться, должна постоянно отбиваться от внешних врагов и, стало быть, не иметь врагов внутренних. Богатеев и дворян, которые свои интересы вопреки государственным ставят, можно пересчитать и укоротить. Но с народом так не выходит. Бунты подавлять — это полбеда. Как справиться с человеческой апатией?

Представь, дети голодные, дом нетоплен, да и тот худой, одежда изнасилась. А рядом в шелках и перьях сытая ряха зайца борзыми гоняет. Руки опустятся.

Непорядок. Ряху сытую надо на палубу боевого корабля под неприятельские ядра, а того, кто ее служение обеспечивает — одеть, накормить и обогреть, чтобы работал, а не горевал. Это если кратко. А высоким штилем: «В тылу действующей армии мне не нужны голодные бунтари».

Не скажу, что быстро так получилось, до сих пор куча нерешенных вопросов. И сам такой подход создал немало новых трудностей. Предприимчивость в народе пропала, а это тормоз. Тем более, самая активная часть молодежи оказывается во флоте. Это, как ты заметил, не созидаящая сила, а бездонная прорва, поглощающая плоды трудов многих миллионов работников.

Купечество и крестьянство — вот активная часть населения. Над остальными не капает... Стоп, о чем это? Извини, разговорился. Так вот про величание. Ты под обстрелом бывал? Знаю, случалось. Ну, так и не задавая мне больше таких вопросов. — Колен как-то вдруг расстроился, что потянуло его на разговоры. Замолчал.

— А еще вопросик можно?

— Ладно, только не трудный.

— Из последней риканской войны эпизод с броненосной эскадрой как-то странно выглядит. Такой тупости от профессиональных военных, мне кажется, никто не ожидал.

— Конечно не ожидал. Для обеспечения этой, как ты сказал, глупости трудиться надо со страшной силой. Ладно, человек тот уже эвакуирован, так что расскажу. Ты ведь представляешь себе, насколько сложная штука — организация работы любого штаба?

— Не очень. У меня начальник оперативного отдела дирижировал так, что ко мне все поступало готовеньким и в лучшем виде.

— Где-то так. Хороший штабник — великое дело. А вообще в его хозяйстве немало квалифицированных работников. И неквалифицированных, но исполнительных. В общем один из курьеров Ставки флота ихней Риканской федерации, самый лучший, конечно, немножко когда-то учился у нас в Академии Генерального Штаба. Он-то и просек фишку в нужный момент. И пакет с приказом о возвращении броненосной эскадры к Рейсфедеру принес не на флагманский корабль эскорта тихоходных угольщиков, а на легкий крейсер, быстрый как ветер. Впрочем, группа снабжения тоже получила распоряжение своевременно и порт покинула вовремя.

Как ты понимаешь, за счет разницы в скоростях перемещения крейсера и обычного парохода образовалась разница во времени выполнения двух действий — погрузки угля и возвращения броненосцев и дредноутов к нашим островам. Потом еще несколько мелочей сложилось удачно, но процесс уже был запущен.

Курьер, ясное дело, доложил начальству, что все исполнил в лучшем виде и отпросился на четыре дня навестить тетю. Про такие мелочи, как фальсификации расписки в получении пакета, упоминать не будем. В общем, ушел наш человек штатно, без приключений. Про-

вал, конечно, если по-честному. Так что в разведуправлении ему в наказание за самовольство послушание назначили. Он теперь риканское направление в Генштабе курирует.

Гошка отметил про себя, что эту байку Колен рассказал в стиле Го. Есть в манерах этих двоих что-то сходное. И по возрасту они близки, может, учились вместе?

— Так, выходит, легкая путаница с одним-единственным пакетом изменила историю.

— Никакую историю она, конечно, не меняла, однако планы нам спутала. По всему выходило, что Рейсфедер придется отдавать. Мы потому руду и возили с такой поспешностью — создавали запас на многие годы. Гонять огромные конвои через воды, в которых оперирует неприятельский флот — удовольствие не дешевое. И, по всем расчетам, нашим броненосцам из последнего боя предстояло выйти с повреждениями на полгода ремонта. Ну, с учетом твоих художеств у Мясорубки, месяца на три мирный договор можно было бы оттянуть, поскольку, пока бы они тебя из земли вымолачивали, успели бы мы еще разок-другой транспорты провести.

Так что, да. Манипуляция с приказом вовремя произошла. Ну и Муля с чудо-пушкой своей подсуетился.

— Никогда не думал, что он настолько плохо разбирается в навигации. — Гошка действительно изумлен.

— Никогда и не думай. Он дорогу в океане без карты и компаса с закрытыми глазами найдет. Только Го не говори, а то осерчает совсем. Мы и так от его гнева парня на другую сторону шарика запрятали. Думаю, когда он после ремонта и погрузки угля в открытом море из этой пушки выпалил да увидел куда и, главное, что улетело, тут и... ну, в общем, ты понял.

— Догадываюсь. А что такое из этой пушки улетело?

— Важнее, что прилетело. Больше всего это напоминало падение раскаленного метеорита. Муля ведь пальбу

открыл в густых сумерках, так что зрелище было феерическое.

Хм. Такой вариант образу расчетливого, никогда не теряющего головы жесткого Мули Геринга соответствовал значительно лучше. И адмиралитет его явно выражает. Что же это за могущественный чиновник Го, от гнева которого хорошего парня у черта на куличках прячут? Как-то он всегда вовремя поспевает в такие места, где решается что-то важное.хлопотная, однако, у него работенка. И начальник, наверное, строгий.

— Го, он кто?

— Если сам он тебе не говорил, то и ты не спрашивай. Не мой это, стало быть, секрет. Ты поспи, Кукса. Чует мое сердце, как добежим, о сне будем только мечтать. — Колен перевернулся на другой бок и его три дня не бритый затылок тускло отблеснул в неярком свете лампочки поста кочегара. Кочегар взглянул на манометр и увеличил подачу воды через инжектор. Гошка потянулся, подтянул под горло одеяло. Прав адмирал, надо высыпаться впрок.

ГЛАВА 23

Сообщение о вероятных планах джаппов по семафорной эстафете дошло до места быстрее, чем добежал кораблик с «командированными». Так что комендант водного района, пограничного с островами Урм, не дремал. Пара сторожевиков, находящихся в его распоряжении, уже все разнюхала. Доложил, что эскадра джаппов на подходе, их небольшие корабли эскортного класса только что заходили в Хельмхольц, якобы для бункеровки, а на самом деле для рекогносцировки.

Естественно, урмские ярлы обо всем предупреждены, но проситься в состав Рысской Империи не намере-

ны. Ну, подходит флот. Сильный, большой. Так ведь не напал. И ничего не потребовал. Хотя свои военные корабли местные князья к бою готовят.

До подхода джаппской эскадры время еще есть. Немного. Как раз, чтобы ознакомиться с тем самым испытательным учреждением, про которое поминали на совещании в штабе.

* * *

На полигоне, в укромной отлично защищенной гавани, оказалось три неновых корабля. Сторожевик с двумя стомиллиметровками и двумя однотрубными поворотными торпедными аппаратами по бортам. Очень легкий крейсер, скорее напоминавший эсминец, с парой тридцатимиллиметровок и двумя двухтрубными торпедными аппаратами, и опять же легкий крейсер, значительно более крупный, с двумя стовосьмидесятимиллиметровыми орудиями. Аппараты на нем стояли трехтрубные. Этакая представительная выборка из основного состава небронированных кораблей рысского флота.

Пушки — в полубашнях для противоосколочной защиты расчетов, значительным углом возвышения и гладкими стволами. Снаряды для них Гошку порадовали. Черные, как уголь, с оперением, которое он когда-то рисовал в кабинете чиновника, только на внимательный глаз показалось, что оно слегка кривовато. Выяснилось — действительно. Для придания вращения снаряду в полете профиль хвостового оперения сделан хитро. Типа самолетного крыла. Самих стабилизирующих лопастей не четыре, а всего три.

На ощупь тела этих массивных коротких «стрел» показались скользкими. Лак, что ли?

— А из чего они сделаны? Из графита?

— Приблизительно. Одна из форм углерода, очень

термостойкая. Снаряд легкий, летит быстро, поэтому траектория получается пологая. Удобно наводить, нормальная кучность на больших дальностях. Небронированные объекты разносит прекрасно, — объясняет начальник полигона. — А вот против линейных кораблей — бесполезны. Только если близкими всплесками попутать.

— А торпеды вы здесь тоже испытываете?

— И их, родимых. Только снаружи они от обычных ничем не отличаются, — капитан третьего ранга на пришельца не похож. И Гошку не знает. Как не знает и задач, которые перед ним стоят.

— Мне тут поручено организовать встречу джаппской эскадры. Слушок ходил, что в нее входят отличные дредноуты. А, почитай, кроме как у вас здесь для этого мероприятия мне и вооружиться-то негде. Поэтому, пожалуйста, введите меня в курс дела настолько, чтобы применить эти новинки я смог наилучшим образом. У нас как раз тот случай, про который говорят — отступать некуда.

— Да я и не думаю ничего скрывать. Просто для вас здесь настолько много нового, что я просто теряюсь, как бы это поточнее изложить. Давайте все-таки вернемся к артиллерийским боеприпасам.

— Как вам удобней.

Снова прошли к столу со снарядами. Капитан открыл шкаф.

— Вот снаряд из грязного алюминия. Их у нас немного, поскольку самого этого, в недавнем прошлом бросового материала, в стране ограниченное количество. Это просто болванка, которая раскаляется в полете от трения о воздух и оказывает на неприятеля чисто психологическое действие. Рекомендуются на максимальных дальностях в темное время суток. Попасть ни во что, меньшее по площади, чем один квадратный ки-

лометр, невозможно — оперение разрушается очень быстро, полет делается нестабильным, но летит далеко. Не со всякого марса видно цель, если поднять ствол на нужный угол.

Графитовые снаряды, уже испытанные, четырех типов, различаются по массе. Таблицы для стрельбы готовы. Самый легкий — осколочно-фугасный. Взрыватель инерционный мгновенного действия. Осколочное действие слабое из-за малой массы и размера осколков. В стальной обшивке до двенадцати миллиметров прodelывает пробойны размером с ладонь, людей, находящихся внутри, поражает осколками обшивки и контузит в радиусе полтора метра. Этих снарядов у нас много.

Бронебойный с толстостенным корпусом и стальным носиком побивает до сорока миллиметров брони и взрывается с замедлением. Поражающие факторы и размер ущерба — те же. Стальной конус потом еще внутри корпуса дробит оборудование. Таких снарядов по несколько десятков каждого из трех калибров.

Бронебойный со сплошным корпусом и стальным носиком пробивает тоже до сорока миллиметров брони, и конус, проникнув за преграду, может нанести некоторые повреждения. Если повезет.

И, наконец, просто болванка из углерода. Пробивает двенадцать миллиметров и способна слегка припудрить черным то, что окажется за пробитым препятствием. Вот этого добра на складах без ограничения. Сами понимаете, исследовательские работы только ведутся, замыслов много, но то, что в настоящий момент представляет практический интерес, я вам показал. Общее свойство всех боеприпасов — огромная прицельная дальность. И хороший темп стрельбы удастся выдерживать длительное время, замки на наших орудиях — последней конструкции.

— А из традиционных металлов снаряды для этих гладкостволлов делать пытались?

— Были образцы, и получены обнадёживающие результаты. Сами образцы, естественно, на получение этих результатов и были израсходованы. Но с ростом массы снаряда падает скорость его вылета из ствола, зато потери от трения о воздух становятся менее значимыми...

— Простите, — Гошка смущен, что перебивает, — баллистические аспекты вопроса мне известны, просто давайте вернемся к торпедам.

— Пожалуй. Не стану объяснять, почему, но бегут они со скоростью семьдесят пять километров в час и примерно за шесть с половиной минут проходят восемь километров. После остановки двигателя — самоликвидация. Очень хорошо держатся на курсе. Заглубление можно менять от полутора метров до восьми. Испытания завершены, запасы торпед изрядные. Как вы понимаете, производство и все склады по обеим темам расположены здесь. Подальше от чужих глаз. Кстати, пригодны для использования во всех типах наших торпедных аппаратов.

Опаньки! Таких случайностей не бывает. Чтобы залежи новейшего оружия, их носители и мощности для производства были сконцентрированы там, где в них неожиданно возникла нужда! Совершенно неожиданно. Не так прост император. Или кто это заранее подстроил? Наверное, всеведущий чиновник по имени Го.

— С артиллерией и торпедным вооружением все понятно. А, может, еще что-нибудь новенькое в ваших местах изобрели? — Гошка заинтригован не по-детски. Тут целый научно-производственный комплекс, а когда много толстознаев собирается в одном месте, и они общаются между собой... А с кем им еще общаться? У черта на куличках. Посреди бескрайней глади моря.

— Есть у нас одна рогопега, сырая самоделка, конеч-

но. Парни загорелись, я сделал вид, что не вижу, на что они время и материалы расходуют. Вдруг, думаю, получится. Они сначала сделали огромный стетоскоп, похожий то ли на бубен, то ли на барабан, опустили его в воду и наслаждались фырканием китов, потом начали пары заключать, какого типа корабль винтами молотит. Через воду многое слышно. Потом вспомнили про стереоэффект, затем резонансы, биения, зеркальце на волоске, зайчик на матовое стекло. Одних камертонов для них пришлось целый набор у лучшего мастера выписывать. Товар штучный, дорогой. Что-то они с частотами мудрили, длины труб подбирали.

И выглядит их установка, как витрина магазина по продаже барабанов. Зато направление на пакетбот, когда туман бывает, дают верное. Без тумана-то и так видно.

Замаялся начальник базы. Вроде — хотел как лучше. А оно и получилось лучше. Гидроакустика на Земле у военных в почете. Там, конечно, всю используют электронные датчики и усилители, но хоть что-то в этом мире возможно! Пусть не так хорошо, однако у неприятеля и этого нет.

— А что, туманы в ваших местах часто случаются?

— Нередко. Как ветер стихнет, так обязательно. С севера теплое течение, а с юга полярные воздушные массы встречаются аккурат в этих местах. Так что после полуночи и до момента, когда солнышко начинает припекать, видимость метров полтора-два, почитай, через два дня на третий. Ветры здесь неустойчивые — зона пассатов заканчивается ближе к тропикам градуса на три.

— Спасибо тебе за рассказ, за показ. Как бы мне с твоими акустикой потолковать. Проводишь?

— С кем, говоришь, потолковать?

— Ну, придумщики эти, с бубнами и барабанами.

В голове у Гошки уже начали созревать некие смутные планы. Когда неприятель здесь действительно появ-

вится, да если еще и встретить его удастся на входе в пролив... А в какой пролив — сомнений нет. Из всех Урмских княжеств залежами угля может похвастаться только одно.

* * *

Прибежал посыльный, передал пакет. Ага. Флотилия джаппов направляется к проливу Хель. Пока Гошка посещал испытательный полигон, комендант водного района сдал Колену командование и попросился к нему начальником штаба. Хромой интендант тоже уже вникал в дела.

Итак, джаппы наваливаются на самое маленькое княжество, Хельмхольц. Как и предполагалось. Их уже считали. Пять новейших дредноутов, пять броненосцев постарше, разных серий. Крейсеров тоже по пять каждого класса: легких небронированных, средних бронепалубных с усиленными, как и во всем этом мире, бортами и тяжелых броненосных. Все разнотипные, купленные в разных странах на протяжении полутора десятков лет. Семнадцать кораблей эскортного класса, разновозрастных и не слишком скоростных. Четыре океанских бывших пассажирских лайнера, уже сошедших с регулярных линий, но вместительных. И двадцать семь сухогрузов. Ни миноносцев, ни тральщиков. Скорее всего, из-за проблем с их обеспечением при длительном переезде без посещения портов.

А что у нас? Его бывший дивизион. На всех миноносцах вместо машин тройного расширения — паровые турбины. И на канонерочке. Новые торпеды с высокой скоростью и запасом хода. Надстройка лихтеровоза внешне похудела и приобрела противоположную броню. Транспорт вместо стотридцаток вооружен двумя восьмидесятками. Дальнобойность — как у главного ка-

либра броненосцев или дредноутов, но бронейности нет. Для использования в качестве рейдера он, конечно, недостаточно быстр, но отбиваться может даже от небронированного крейсера.

Понятненько. Посамовольничали местные отцы-командиры. Вступили, так сказать, в сговор с целью нерегламентированного высшим соизволением повышения боеспособности вверенного их попечению подразделения. Гладкостволы поставили. Даже не надо спрашивать, где раздобыли. Тут это рядом, на полигоне.

Средний крейсер. О том, что он здесь, в главном штабе не знают. Зашел сюда устранять повреждения после поломки машины, но к выходу в море уже готов. Ход — сорок километров в час. Бронированы башни, рубка и артиллерийские погреба. Но не толсто, тридцать миллиметров. Остальное изготовлено из легированной двенадцатимиллиметровой листовой стали, от пуль и осколков защищен надежно. Ровесник семисотых миноносцев. Те же стовосьмидесятки, но не две, а шесть попарно в трех противоосколочных полубашнях. Нарезные. Боеприпас традиционный. Бортом можно пальнуть из всех разом. А по носу и корме — только из двух. Эскорты джаппские такому на один укус. А с крейсерами лучше не связываться. В равном бою на чью-то сторонушку встанет удача?

Крейсер, эсминец и сторожевик с испытательного полигона с гладкоствольными дальнобойными безопасными для броненосных кораблей орудиями, но замечательными торпедами. Собственно, этих торпед у них достаточно на всех, и запасец имеется.

Два патрульных кораблика. Красавцы. Не слишком быстрые, зато мореходные, на каждом грозная пятидесятимиллиметровка, чтобы пугать контрабандистов. Эта поистине несокрушимая мощь отлично послужит на посылках. В бой — ни в коем случае.

А это что за зверь? Семьсот тринадцатый миноносец. Очень резвый. До пятидесяти километров в час. Тоже, значит, с турбинами. Пушки — две двадцатимиллиметровки, считай — нет пушек. И шесть торпед в поворотных торпедных аппаратах по три на носу и на корме. Это как? А вот так, сплошные торпеды в неприкрытом виде. Такое годится только для стрельбы издалека, залпами. Если сразу шесть штук выпустить по одной цели, вероятность попадания с расстояния в восемь километров уже не выглядит настолько бесконечно малой величиной, как для одиночного выстрела. Пилотная, так сказать, модель. Проверка боем.

В кабинет подтягиваются командиры кораблей, становитсялюдно и шумно. Начальник штаба вводит всех в курс дела. Представляет Колена и Гошку. Колен кивает в его сторону, мол, говори. Труба дело! И сказать нечего, и что делать, еще не придумал. Да и что тут сделаешь против такой силищи с их случайно собравшейся для решения совершенно иных задач группой. Надо постараться быть оптимистичным, внести оживление в унылый настрой, с которым сидят командиры.

— Господа офицеры! Нам выпала великолепная возможность встретить практически весь флот Джаппы в открытом бою. Тот факт, что наши силы не вполне соответствуют сложившимся представлениям о методах противодействия крупным броненосным соединениям, делает эту встречу необыкновенно интересной, и в наших силах наполнить ее полезным содержанием, — запас пустого трепа иссяк. Пора о деле. — Никакой заранее составленный нами план противник не одобрит самими решительными действиями, поэтому каждому придется соотносить свои намерения реалиям и осуществлять их сообразно обстановке. Следите за моими сигналами, но прежде всего за неприятелем.

Излагаю замысел. Противопоставить что-либо серъ-

езное дредноутам, броненосцам или броненосным крейсерам мы не в силах. Избегаем контакта с ними и не пытаемся их атаковать. Промежуточная, неизбежно решаемая на первом этапе задача — выбить легкие крейсера и эскорты. Главная цель — транспорты, при наличии выбора — суда с живой силой. А теперь диспозиция на начало боя.

Кругом лица давно знакомых командиров кораблей его дивизиона и флагманских специалистов, ротный тот же. Капитаны других кораблей — новички в этой компании. Сначала, когда ротный вставил замечание в Гошкину речь — народ напрягся. Потом, когда раздача указаний переросла в дискуссию, Колен начал так кипятиться, что, казалось, выпрыгнет из штанов.

Когда разговор разбился на несколько междусобойчиков, капитан экспериментального крейсера демонстративно закатил глаза. Сыпались и критиковались совершенно безумные планы, согласовывались графики захода на цель для разных сценариев. Командир дивизиона семисотых — бывший начальник оперативного отдела — быстро выжимал воду из избыточного, или заставлял пересказывать недоизложенное.

Гошка рисовал блок-схему алгоритма взаимодействия кораблей, групп и подразделений, и реакции на неожиданные варианты развития событий.

ГЛАВА 24

Противника встретили уже в территориальных водах княжества, имея на мачтах флаги Хельмхольца. Договор с Урмом предусматривает такой вариант взаимопомощи, а комендант водного района оказался человеком предусмотрительным и деятельным, с соседями обо всем договорился заранее. Гошка вышел на самом лег-

ком из крейсеров, который больше похож на эсминец. Его задача — вывести в атаку семьсот тринадцатый. Сторожевик для этого слишком мал, не прикрывает миноносец как следует, а больший из крейсеров — недостаточно поворотлив. Так что флагманским оказался второй в кильватерной колонне корабль. Собственно, при развороте во фронт он попадал в центр шеренги, что важнее.

«Приблудный» крейсер, с традиционными пушками, действовал самостоятельно. Его командир — капитан третьего ранга Геринг — по плану боя выполнял несколько разнородных задач, меняя свою позицию по весьма сложному графику. И за него было немного тревожно.

Вот сейчас он сблизился с дозорной группой джаппской эскадры, положил снаряд перед носом головного крейсера, отметил ответный выстрел носовой башни, легший с недолетом. Флаги отлично видны. Ритуальное действие свершилось. Война между Джаппской империей и княжеством Хельмхольц юридически началась. И сам «зачинщик», спешно развернувшись, бросился наутек. Его место рядом с лихтеровозом и транспортом обеспечения, до которых он доберется, описав широкую дугу.

В головном дозоре неприятельской эскадры строем клина всей пятеркой шли легкие крейсера. И расстояние для их нарезных стопятидесятимиллиметровых пушек было велико. А гладкоствольные пушки «эксперименталов» с такой дистанции не промахивались. Укладывали из кормовых орудий снаряд за снарядом неподалеку от бортов. Фугасные боеприпасы с мгновенным взрывателем давали выразительные всплески. Джаппские пушки немного не добивали, а имперцы стреляли редко. Жалко жечь лишние боеприпасы на промахи, да и штатную скорострельность показывать рано: Натуральная погоня, кто кого.

Передовая пятерка легких крейсеров медленно, но неуклонно нагоняла три разноразмерных имперских корабля, из которых только один похож на достойного противника. Строй клина преследователей постепенно выпрямлялся, приближаясь формой к шеренге. Но этот маневр был еще далек от завершения. А преследуемые удирали, тоже держа равнение, строй тыла, если можно так сказать.

Пора. Дистанция достаточно сократилась. Поворот все вдруг вправо и всем бортом огонь на поражение джаппского флагмана, расположенного в центре. Скорострельность максимальная, каждый третий снаряд ложится в цель. Носовое орудие преследователя подавлено. Графитовые болванки все-таки летят очень быстро, так что кинетической энергии достаточно для нанесения существенных повреждений местам, не прикрытым броней. Она ведь, эта энергия, пропорциональна квадрату скорости, которая у пернатых снарядов весьма велика.

Гошка хорошо погонял в голове цифры и смекнул, что данные на полигоне получены для пробивания применяемой последнее время имперцами вязкой легированной стали, гасящей часть энергии снаряда пластичной деформацией. При стрельбе по традиционной упругой каленой броне легкие, но скоростные болванки дают лучший результат, если энергии хватает на преодоление точки разрушения. А ее явно хватает. По небронированным целям — точно. И вообще, защищенных мест на джаппских крейсерах снарядам найти не удается.

Джаппы поворачивают вправо, чтобы ввести в действие бортовую артиллерию. А пушек у них много. Но ведущий корабль воспользоваться ими не может. Борт — большая цель. И попасть в область машинных отделений совсем нетрудно. Потерян ход, проблемы с управ-

ляемостью, и огонь имперцев переносится на крейсер, расположенный впереди. Два замыкающих джаппа немного вне игры, поскольку слегка отстали, и страдающий от повреждений флагман у них на пути. Потеря времени ничтожна, но очень кстати.

Расправа с новой целью происходит настолько стремительно, что до Гошки вдруг доходит — канониры этой тройки корабликов выпустили из этих орудий десятки или сотни этих снарядов. Их полет они чувствуют, как собственный палец, тянущийся к ноздре. И на дистанциях уверенного поражения имперских орудий, расстрельных по существу, джаппские стопятидесятки дают только накрытие цели. Когда стреляют, а не сейчас.

Потеря хода, управляемости и смолкание артиллерии достигаются с такой скоростью, что ощущение жестокой расправы с беззащитным мореплавателем корябает Гошкино сердце. Нет, не боец он. Унижение противника не наполняет его душу ликованием.

Бывший крайний правый ведомый, оказавшийся головным, уже повернулся к нему носом и стремительно сокращает расстояние. Противник упорен. Понял, что, не сблизившись, ничего не добьешься. И огребает по полной. Сносятся орудия и надстройки. Снаряды уже крушат трубы, палуба захламлена обломками, а несколько пробоин в районе ватерлинии в носовой части добавляют ситуации прелести, но крейсер уверенно прет со всего своего немаленького хода. Такой таранит не задумываясь. Его машины, рули и кормовой пост управления с такого ракурса графитовыми снарядами не достать.

Семьсот тринадцатый, не встречая никакого сопротивления, как на учениях выходит в атаку встречным курсом. Торпеда из центрального носового аппарата с минимальной дистанции попадает, взрывается, и... имперцы убегают. Два джаппских крейсера прикрывают

своих пострадавших товарищей, на которых ведется борьба за живучесть. Ни один из них Гошка не намерен топить. Если бы неприятельский командующий знал его замысел, он сам бы, сняв команды, бросил эти корабли.

Сигнальщики докладывают о приближении броненосных крейсеров, окруженных эскортами. Это уже не дозор, а головная застава. С такими силами вступать в огневой контакт надо иначе.

* * *

Все верно. Огромные трехсотмиллиметровки начинают работать с предельных дальностей. Информация, полученная дозорной группой, уже учтена джаппами. Фронт из трех грозных бронированных и довольно скоростных кораблей. За ними стайка эскортов и бронепалубников. Их построение и маневры просматриваются плохо.

— С запада набегают семисотые, — доклад сигнальщика. Хорошо. Значит, план выполняется. Короткий плотный фронт из пяти миноносцев, неторопливо идущих по ветру с тянущимися за ними густыми дымными шлейфами, которые сливаются в сплошное облако — это угроза, не считаться с которой неприятель не может. Эскорты быстренько бегут встречать новую напасть. Отогнать, заслонить, расстрелять торпеды. И поворачиваются к миноносцам бортом. Так и пушек в деле больше, и, случись что, можно принять на себя торпеду, предназначенную охраняемому кораблю. Очень удачно совпало все по времени.

Гошкина троица и семьсот тринадцатый как раз идут на сближение, а броненосные крейсера, развернувшись носом к атакующим миноносцам, подставили ему борт. Да, до них километров семь, но цель крупная, групповая и для новых торпед вполне достижимая. Сторожевик,

эсминец и крейсер тщательно наводят на неприятеля торпедные аппараты, сначала одного борта, потом другого. Двенадцать штук, идущих к одной цели, — какой-никакой шанс на поражение есть. Еще пять торпед добавил семьсот тринадцатый, подбежав на полтора километра ближе. Он отстрелялся уже, когда ожила противоминная артиллерия на крейсерах, и, кажется, получил одно или два попадания. Однако смылся шустренько.

Сторожевик, эсминец и крейсер тоже развернулись все вдруг и попытались уйти в отрыв. Вот тут-то и проявили себя бронепалубные крейсера. Пройдя за кормой короткой кильватерной колонны ядра отряда, они бросились в погоню за Гошкиной тройкой. Тем временем миноносцы семисотой серии тоже отстрелялись. Подводные пуски на большой дистанции прошли незамеченными, но пенный след выдал новую опасность. Сразу четыре эскаорта получили попадания.

По теории вероятностей это многовато, а учитывая, что торпеды видели издалека и могли оценить скорость и направление, а следовательно, уклониться — вообще невероятно. Единственное объяснение — капитаны перехватывали торпеды, закрывая броненосные крейсера корпусами своих менее ценных кораблей. Ведь пять торпед джаппам удалось уничтожить артиллерией, а одна выразительно самоликвидировалась в паре километров к востоку от основной группы.

Тот броненосный крейсер, в который все целили, остался невредим, зато следующий за ним содрогнулся от взрыва под носовой частью. Миноносцы развернулись и нырнули в дым, даже не открывая огня. Три эскаорта погнались за ними, отметив уникальную тихоходность этих неуклюжих утюжков. Дым, он ведь не на все море распространился. Кончится. И вот тогда... произошла встреча с мощными «недобронекрейсером», который Гошка про себя называл «Приблудным». Или «Мулиным».

Шесть полностью изготовленных к бою стовосьмидесятимиллиметровых стволов с расстрельной дистанции два километра — а именно на таком расстоянии от зоны задымления держался капитан Геринг — это для эскорта очень больно. Получив залп в нос, каждый огребал второй уже в корму, скрываясь в медленно тающем дымном облаке.

Итак, итог. Три поврежденных легких крейсера и один бронированный, шесть эскротов в плачевном состоянии, один из торпедированных быстро затонул, но на трех других продолжается борьба экипажей за плавучесть. Джаппские военные моряки ничем не уступают имперцам. И пара бронепалубников на хвосте. Обмен выстрелами идет нечасто. Гошкины комендоры просто изредка кладут снаряды неподалеку от неприятельских кораблей, ответные выстрелы ложатся неточно. Расстояние до преследователей велико, скорости близки, но это заслуга машинных команд, выжимающих из старых котлов и изношенных цилиндров несколько лишних оборотов каждую минуту.

Пролив, через который они идут, широк, глубины тревоги не вызывают, но вдоль берегов немало островов, за которыми могут затаиться миноносцы. Имперские корабли держатся правой стороны, но, как только штурманы докладывают о прохождении нужного пункта, доворачивают влево, возвращаясь к центральной части фарватера. Конечно, бронепалубники стараются сократить дистанцию, срезая угол, что, впрочем, на расстоянии сказывается слабо. Зато взрыв мины под носовой частью переднего преследователя — полная неожиданность. Ведь через это место буквально на днях проходили забункеровавшиеся в Хельмхольце эскорты. Причем не просто так, а неторопливо, с тралами.

Ясно. Погоня не удалась. Хорошо, что повреждения невелики, не затронули ни винтов, ни рулей. Джаппам

неведомо, что малая толика настоящих морских мин, что имелись на транспорте обеспечения, и скромный запас легких, диверсионных, припасенных там же, это и было все, чем располагал Его Величества Императорский флот в данном месте и в данное время. Вместо нормального заграждения была поставлена скромных размеров минная банка.

Все. Дебют разыгран. Не потерявшая ни одного километра против намеченного графика движения основная колонна джаппов, отбросив, с некоторыми потерями для себя, пытавшиеся помешать незначительные неприятельские силы, скоро будет уведомлена о наличии минной постановки по курсу следования. Им придется немного задержаться, пока тралится пролив. И очень интересно — где они будут дожидаться?

Или они выберут другой путь? Ближний проходит через территориальные воды Империи. Джаппы, конечно, поняли, что имели дело не с урмскими кораблями, знают они их все наперечет. Поняли, что рыссы вступились за соседей, выполняя условия договора. Однако война между империями, Джапской и Рысской, не объявлена. И не будет считаться начавшейся, пока все события имеют место в территориальных водах Хельмхольца. А вот войди эскадра в пространство, расположенное рядом с Урмом неслабого соседа, тогда все — объявлена. Решатся ли? Их ведь не для этого в такой дальний обход посылали.

Есть еще один пролив, но это воды уже не Хельмхольца, а Гунбара. Воевать с ним джаппы не устроятся. Однако — лишняя бункеровка дредноутов. Путь-то неблизкий.

А пока — движение огромного скопления крупных кораблей прервалось. Адмирал думает. Здесь в высоких широтах летом ночи коротки, рассветные и закатные сумерки длятся часы. Стихает ветер. Растянувшиеся на

многие километры колонны судов и кораблей подтягиваются к месту, в котором можно стать на якорь. Подальше от берега, сюрпризы им не нужны. Четыре не крупных сторожевика направляются к узости пролива, где обнаружены мины. Два бронепалубных крейсера их конвоируют. Понятно. Решили тралить проход. Точно.

Транспорты и огромные пассажирские суда, наполненные пехотинцами и саперами, угольщики, многие из которых уже не слишком глубоко сидят в воде, дредноуты, броненосцы и броненосные крейсера замирают.

Шесть, сохранивших боеспособность, эскортов и два легких крейсера начинают водить вокруг них ходов на малом ходу. Видимо, это отголосок опыта, полученного риканами при Мясорубке. Забавные вилы. Если гонять по кругу всех, греха не оберешься. Огромная опасность столкновения. Ходить походной колонной туда-сюда, тоже не здорово. При каждом повороте — рискованные ситуации, возможность пропустить атаку. Кораблей, пригодных для охраны линкоров и транспортов, осталось очень мало. Слишком многие получили серьезные повреждения. Как-то очень уж злобно обошлись с ними имперцы.

Неуютно джаппам. И еще их нервирует скопление неприятельских кораблей в зоне видимости. Далеко — из пушек палить бесполезно — стоят два транспорта, рядом с ними семь штук мелочи, типа миноносцев, сторожевичок, эсминчик, пара крейсерочков — побольше и поменьше. Надо бы атаковать, да уж больно наглядно они представились по поводу своего присутствия.

Гошка сидит в салоне лихтеровоза и смотрит, как командиры уписывают кулеш. Знакомая обстановка. И командиры знакомые. Новые лица легко вписались в общий настрой. А план-то не работает. Не хочет противник атаковать его подставившуюся как на ладони группу.

По всем канонам сейчас грозные линейные корабли общим числом четырнадцать должны переть на него, паля примерно из сотни стволов чудовищного калибра. Сотни километров сетей, мобилизованных у окрестных рыбаков, приготовлены к сбросу в море. Маневр «метание в страхе» и «паническое бегство» уже третий раз проигран капитанами на столешнице. И снятие команд со срочно затапливаемых лихтеровоза и транспорта отретпировано на твердую четверку. Да только не ведутся джаппы на легкую поживу.

На этот случай, для инициации активности неприятеля, приготовлен план психической торпедной атаки со стрельбой с максимальной дистанции, которую пробегают торпеды. Конечно, накрытие из главного калибра на таком расстоянии дает заметную вероятность поражения атакующих кораблей, потому торопиться с этим не хочется, ибо кораблей русских в здешних местах негусто.

Наконец входит начальник полигона.

— Девяносто процентов, что будет туман. Ветер и так был, тише некуда, а сейчас вообще стихает.

Все молчат. Хорошо это или плохо? Кто знает? Но планы, кажется, пора менять. Хотя...

— Вы ведь в этих краях не первый год, все приметы знаете. Когда туман начинает сгущаться, то насколько быстро это происходит?

— Обычно, если Бета Мышонка пропала, а Альфа еще видна, то пора домой. А уж, как и Альфу не разглядеть — бросай весла и дрейфуй до утра. Это так местные рыбаки да промысловики считают.

Затишье. Час, второй. Пропадают из виду некоторые звездочки на недавно еще чистом небосводе. Давным-давно завершена зарядка торпед. Кое-кто уже подремывает. Даже жалко будить ребят. Пора, однако. Орудия

транспорта и меньшего из крейсеров с запредельной дистанции начинают обстрел скопления кораблей ярко светящимися снарядами. Наглая демонстрация переполняет чашу терпения джаппского адмирала. Или его уже не слушают? Так или иначе, происходит то, чего Гошка и добивается.

Могучие броненосные крейсера, легкие крейсера, бронепалубники и эскорты направляются в сторону неприятеля в сгущающемся тумане и... миноносцы направляются им навстречу, теряясь в молочной завесе. Сети им сегодня не понадобятся, все складывается иначе. Громаду большого корабля видно намного дальше, да и машины громче работают. А туман все плотнее, и неразбериха. Кто стреляет? В кого стреляют? Это же натуральная подстава! Юркие малыши не слишком страдают от малокалиберных пушек. Но торпеды выпускают с таких дистанций, что уклониться немислимо. Незнакомые быстрые торпеды.

Русские крейсера, эсминцы и сторожевик, проследив за отходом транспорта и лихтеровоза, обошли по счислению участок, где сейчас миноносцы путались под ногами атакующих джаппов. Сблизились с местом стоянки основного ядра эскадры и разрядили торпедные аппараты просто по азимуту. Причем на дистанции, позволяющей надеяться на то, что самоликвидаторы сработают где-то неподалеку от кого-нибудь, стоящего на якоре посреди открытого моря.

Где-то затерялся семьсот тринадцатый миноносец, а канонерочка «Топленный» бухает своими пушками, кажется, в самой гуще скопления транспортов. Да плотную кучу судов атаковать удобней, чем охотиться за ними по всему морю. В общем, лейтенанты сегодня резвятся, всяк на свой манер. Не забыли бы вернуться к точке сбора.

ГЛАВА 25

Что уж там вытворял командующий джаппской эскадрой, но когда молочная завеса рассеялась, ни одного неприятельского корабля на всем обозримом пространстве не было. Один туман знает, каких усилий стоил немолодому адмиралу этот маневр, но он совершил невозможное.

Поступил доклад, что корабли неприятельской эскадры, или флота, втягиваются в безымянную бухту необитаемого острова Кназ. По карте видно, что для стоянки место идеальное. Нависающие мысы, большие глубины, но на якорь встать можно. Вроде как одного дредноута не видно. Ушел, потонул или просто не заметили, сказать трудно. Вообще, нормально ничего пересчитать не удалось, так что оба крейсера и эсминец вместе с патрульными кораблями побежали прочесывать море в направлении возможного ухода части эскадры или посылного корабля.

По Гошкиным прикидкам выходит, что повреждения, полученные вражескими кораблями сопровождения, и направление шести боевых единиц на разминирование фарватера, в совокупности, заставили неприятеля искать места для длительной хорошо защищенной стоянки. Им нужен ремонт, требуется проведение разведки — поскольку первоначальный план стремительного нападения не сработал, джаппы ищут новый вариант.

Эскорты и бронепалубники джаппов, ушедшие для разминирования пролива, возвратились несолоно хлебавши. Всю ночь и начало утра очищали винты от намотавшихся на них сетей. Причем два корабля потеряли по одному винту, видимо, тросы прихватили поставленные здесь мины. Хорошо, хоть повреждения корпуса невелики. Паровые катера морпехов, перевозимые обычно транспортом обеспечения дивизиона семисотых, пора-

ботали в этом месте на славу. Времени на все про все у них было только три с небольшим часа. Как челноки мотались поперек пролива, расставляя, нитка за ниткой и специальные диверсионные сети с зарядами для повреждения намотавших их винтов, и обычные, рыбацьи.

* * *

Надо попытаться закупорить горлышко бухты, в которую вошел неприятельский флот. Хотя бы бочек накидать, привязанных обычными веревками к камням подходящего размера. Пусть изображают из себя мины, которых у имперцев больше нет. Командор в салоне лихтеровоза, доедая котелок горохового пюре с говядиной, радовался, что про запас выпался в стальной утробе «Бегуна».

* * *

Гошка ясно представлял себе, что происходит в месте сосредоточения джаппского флота. Войска выгружаются с судов, во все стороны разосланы патрули и разведывательные подразделения. Устанавливаются палатки армейского лагеря, саперы оборудуют причалы. Артиллерийские орудия затаскиваются на высоты, готовятся позиции для пехоты. И не позднее чем к вечеру все подходы со стороны моря будут простреливаться и освещаться прожекторами. Остров Кназ невелик и безумно рельефен. Джаппам явно придется и скалолазанием позаниматься, и лестниц наделать. Многие возвышенности выглядят неприступными, обрываясь в море многометровыми стенами.

Здесьние прожектора не чета земным. Яркое пламя горения специально подобранных химиками смесей, это не электрический свет. Даже отброшенный зеркаль-

ми отражателями, он на расстоянии более двух километров уже не то что глаз не режет, даже освещенность создает сумеречную. А уж с трех километров разглядеть что-либо вообще проблематично. Правда, ночную чувствительность человеческого глаза такой свет сильно понижает.

Стоvosьмидесятки очень хорошо попадают с шести километров, хотя добросить снаряд могут и на десять. Но это уже стрельба по площадям. Насколько Гошка помнил, на Земле орудия таких калибров посылали снаряды километров на двадцать, но, кажется, там были углы возвышения градусов сорок пять. Физику он учил с интересом, но создается ощущение, что на Посейдонии она немного иная.

Скажем, то, что поначалу часто поскользывался, пока не привык — легко отнести на счет меньшей силы трения. Ее природа ведь связана с электрическими силами. А огромный выигрыш в кучности для снарядов, закрученных вокруг своей оси, — похоже, тут и в кориолисовых силах есть несовпадения. Но местные нарезные пушки все же стреляют на меньшие дистанции. Или не придуман еще достаточно мощный порох?

Может быть, порох медленней горит? Или выделяет меньше энергии? Или поведение воздуха иное при взаимодействии с быстролетающими телами, завихрения там, срывающиеся потоки? Хотя свист пуль и визжание осколков кажутся такими, как он слышал на Земле в кино. Или стволы орудий не выдерживают высоких давлений? Да; маловато у него данных для сравнения реалий двух миров.

Так что хватит о высоких материях. У него сейчас огромный неприятельский флот, запертый... Запертый? Нет, не запертый. Просто укрывшийся и зализывающий царапины, полученные в мелкой стычке. И с миноносцев сообщают о готовности к разведывательному поис-

ку. Точно, эти барахольщики морпехи словно наскипидаренные таскали туда свои немыслимые причиндалы. Это вроде намек командору, что сведения о неприятеле необходимо собирать неустанно. К нему здесь на редкость благосклонно относятся. Как к талисману, что ли. Главный прикол — все ведь сами делают — изобретают, придумывают, реализуют — а потом ему, при этом присутствовавшему, новые погоны. Хотя, давненько что-то такого не наблюдалось. Наверное, достигнутое звание для него считается потолком.

— Со всех кораблей пришли доклады, — сообщил штабной. — Потерь нет, повреждения незначительные. Заряжающему с эскорта замком орудия прищемило мягкие ткани мизинца правой руки. Фельдшер срезал с его ноги лоскут кожи и пришил на отсеченное место. Говорит, есть шанс обойтись без ампутации, вроде рана чистая.

Кивком поблагодарил помощника. Итак — джаппский флот. Колен, получив его доклад, наверняка отправил «Бегуна» с депешей в штаб. Если там не мешкают, дней через десять — двенадцать сюда подойдут неслабые силы Империи. Джаппы подлатают свои корабли, выйдут встречать. Что тут будет! Бронебойные снаряды главного калибра у обеих сторон сходные, дистанции поражения близкие. Кровищи!

Надо бы как-то иначе.

— Паровой катер — на воду. С белым флагом, — распорядился Гошка. И вестовому: — Мне бы одеться как-то понаряднее.

* * *

Катер лег в дрейф в километре от входа в бухту, куда джаппы завели свои корабли. Пустынный вид берега может обмануть, но в том, что наблюдение противником

ведется и за скалами дежурит боевой корабль — сомнений нет. На возвышенности у оконечности мыса появился человек. Засемафорил кепкой и тряпицей.

— Велят лечь в дрейф, — прогудел деда. Рассыльным паровым катером роты морских пехотинцев, прикомандированной к дивизиону семисотых миноносцев, командовал тот же старичок, что и во время риканской кампании. — Ну, так, а мы интересно, что делаем?

— Выполняем, — отозвался Гошка. Он тоже разобрал сигнал международного морского кода.

Бурун за кормой давно опал. Кочегар перестал подкидывать и захлопнул поддувало. На манометр, однако, поглядывал — держал давление. Деда разматывал лески. Гошка рыбалкой не увлекался, но смотреть было интересно.

Третий член экипажа разводил костер в железном ящике, расстилал скатерку, резал овощи. Клевало. Но деда отпускал пойманных рыб, пока не выбрал одну, чем-то ему понравившуюся. Дрова прогорели, поверх углей на стенки ящика положили решетку, а на нее — разделанный улов.

Торопиться нет смысла. На попытку проникновения в бухту неприятель может отреагировать жестко, а торопиться вступать в переговоры — это могут принять за проявление слабости. У них, у джаппов, с церемониями дела обстоят строго. Могут вообще не прийти.

Успели плотно пообедать и даже немного подремать до момента, когда из-за мыса показался катер джаппов. В бинокль было видно, что на его бортах есть отметины от осколков. В кокпите стояла группа военных в строгих черных мундирах. Даже новейшая Гошкина тужурка, пошитая из характерной для всей имперской одежды прагматичной «спецовочной» ткани, смотрелась убого. Пробрюки лучше вообще молчать, но из кокпита они не видны.

Катера сошлись бортами, матросы прихватили их друг к другу баграми, и лица джаппских командиров оказались в паре метров от Гошкиного.

— Игорь Куксин. Руковожу силами, которые вам противостоят. Прибыл для предложения о сдаче ваших подчиненных в плен. — Его риканский наверняка не безуоризнен, но понятен, это уж точно.

— Тока Кито. Командующий эскадры. Ваши условия?

— Десять лет работы за еду и приют без связи с внешним миром. Кто не умрет от старости, вернется домой здоровым. — Склонность джаппов к лаконичности иногда сменяется фонтанами цветистых иносказаний, но этот стиль Гошке точно не по силам.

— А в случае отказа?

— Так поубиваем же всех! — Кажется, удивление он сыграл отменно.

— Сколько времени нам дается на обдумывание ответа?

— Нисколько. Разойдемся — и сразу начинаем воевать. Когда решите сдаться, я пришлю суда для транспортировки личного состава. — Пределов своей наглости Гошка уже не ощущал. Все его усилия были сосредоточены на том, чтобы говорить емко.

— Как я понимаю, корабли и военную технику вы желаете получить неповрежденными. — Он что, всерьез купился? Ну, держись!

— Как вам удобнее. До мест переплавки отсюда не близко. Безразлично, в каком состоянии все это будет ржаветь.

— Боюсь, не смогу быть вам полезным. Рад знакомству. — Тока Кито с непроницаемым лицом кивает матросу. Багры отцепляются от бортов, джаппский катер начинает движение к входу в бухту.

Деда смотрит на Гошку как на ненормального. Вместо простыни на мачту поднимается двухцветный флаг

Хельмхольца, начинает klokотать вода за кормой. Они возвращаются.

«Интересно, откуда деда понимает по-рикански», — размышляет Гошка и откровенно любит суровыми скалами, изредка украшенными клочками зелени и пятнами птичьих гнезд. Солнышко пробивается через легкую дымку, иногда пуская по воде бледные зайчики. Не жарко. Чуть слышно посвистывает пар, дымок над трубой почти незаметен. Шатуны передают на корпус свою ритмичную вибрацию.

И тут со стороны берега доносятся ослабленные расстоянием короткие звуки взрывов. Чуть погода с прибрежной возвышенности начинается передача сообщения на катер с вражеским командующим, возвращающийся к входу в бухту. На этот раз не международным кодом, а по-джаппски. Гошка успевает разобрать что-то про винты и про дредноуты. Они уже прилично отошли, видно неважно. Но с катера Тока Кито берегу отвечают. Тут уж совсем не разобрать — сигнальщик стоит в профиле.

Снова отдаленный звук подрыва, еще. Тишина.

* * *

Семьсот пятый, канонерка и оба четных вернулись из разведки через полчаса после них. Что-то торжественное ощущалось в строе пеленга со старательно выдерживаемыми интервалами, которым следовала эта группа. Когда они только нарисовались в поле зрения, командиры потянулись в салон лихтеровоза. Остальные нечетные миноносцы давно стояли у борта транспорта. Высаживать группы морских пехотинцев на берег они не стали. Патрули и посты наблюдения неприятеля уже повсюду, не днем же подходить к берегу!

— Джаппы вывесили белые полотнища, — с порога

сообщил ротный. Командиры миноносцев доложили о прибытии из разведки и повторили только что сказанное. Торжественный тон и многозначительный вид, с которым были исполнены подряд пять идентичных выступлений, сильно насторожили. Гошка потребовал подробностей.

— Мы в этой бухте проводили тренировки пловцов. Урмане не возражали, а местечко там, я тебе скажу, прекрасное. И много особенностей рельефа, которые мы хорошо знаем. Так что миноносцы подошли, укрываясь под обрывистым берегом, а оттуда ложиной, да за камнями мы на собственных ножках пробрались прямо к заливику, что выходит во внутреннюю акваторию.

Пристроили заряды к винтам неповрежденных кораблей и вернулись. Уже почти до миноносцев добрались, когда пошли подрывы. А потом потихонечку отползли и домой потопали. На обратном пути сигнальщики рассмотрели несколько белых флагов. Один на мысу, второй на горшке.

— И это вы среди бела дня, при тихой воде, пуская пузыри из своих аквалангов? — недоумевает Гошка.

— Какие пузыри? Мы же в респираторах!

Гошка помнит, что изолирующий противогаз еще иногда называли аналогом респиратора, но детали ему неизвестны. Однако там баллончик маленький. Ну ладно, раз ротный сказал — без пузырей, значит, без пузырей. Это сколько же он народа задействовал, чтобы столько зарядов доставить? Хотя, три миноносца, да «Топленный», да море спокойное — человек по двадцать на каждый борт можно взять без проблем. И ведь не предупредил ротный своего командора. Не иначе — сомневался в успехе, не хотел обнадеживать. А начнись бабахалово в момент, когда Гошка под белым флагом... неудобно бы получилось.

В общем, с привитием подчиненным культуры моз-

гового штурма он явно добился успеха. Кадровые военные начинают самовольничать. Хотя, если не отдаются распоряжения, это не означает, что надо ожидать таких, предаваясь неге ничегонеделания. Его, Гошкина, нераспорядительность — вот причина нестыковки в действиях. Колен на ротного сейчас бы накричал, потому что наверняка сам бы ставил задачу на разведывательные действия. И ротный, скорее всего, при этом затронул бы тему возможности проведения диверсии. Короче — сюрприза бы не было. Только для джаппов.

— Командировать к пленным всех фельдшеров с медикаментами и инструментарием, в помощь им из морпеха по пять человек на душу... Отставить из морпеха, чай перекупались сегодня ребята. По паре матросов хватит. Да сверх того пошлите взводного, чтобы за порядком следил. Катерами парней отвезите. Боевые корабли перед ними лишний раз не надо бы светить. И миноносец на базу. Пусть оборудуют транспорты для пленных, да подгоняют по мере готовности. Но торопиться не надо, — распоряжается Гошка, а сам думает: «И куда мы такую прорву народа денем? Хорошо все-таки, что Колен здесь. Разберется».

ГЛАВА 26

Лихтеровоз и транспорт, ошвартованные друг к другу лагом, замерли посреди пролива. Берега в отдалении. Солнечно. На причаленных маленьких миноносцах и стоящих неподалеку крупных кораблях ведутся какие-то работы, но без суеты. По трапу Гошка перешел на транспорт. Тут у носовой стовосьмидесятки начальник полигона и два старшины с «Рябого». Федотыч — начальник минно-артиллерийской части, и стармех насаждают на офицера.

— Нет, я понимаю, что под этот уголь, — Федотыч тычет пальцем в черное тело сплошного снаряда, — можно любые стальные или чугунные штучки запихнуть, и тогда он что хочешь проломит. Не об этом речь. Вы под оперение ставите пыж, чтобы, как обычный конический, его выталкивало пороховыми газами. То есть усилие прикладывается позади от центра тяжести, и когда эта штучковина покидает канал ствола, пороховые газы могут ее качнуть.

— Могут, кто спорит. Но летит-то она куда нужно, и стабилизаторы ее полет выпрямляют, поскольку тормозящее усилие тоже «позади от центра тяжести» тела, летящего по инерции. Ну и закрутка происходит, чтобы отклонения из-за погрешностей изготовления равномерно распределились по всей окружности.

— Да не о том речь. Понятно здесь все. Я о том, что усилие от толчка нужно не к донцу прикладывать, а к носику. Вроде как за веревочку снаряд из ствола вытягиваешь. Тогда пинок под зад, что происходит на срезе ствола, никаких существенных смещений не создаст.

Начальник полигона возмущенно разводит руками, а Федотыч не унимается.

— Да знаю я, что газы выталкивают, а не вытягивают. Но если на поршень, именуемый пыжом, приладить шток, да так, чтобы его передний конец толкал эту стрелу впереди центра ее тяжести...

В глазах офицера появляется намек на понимание, но главмех хихикает.

— Это он предлагает пыжевать каждый выстрел трехногой табуреткой. Представляешь, ножками вперед. Обложишь такими снарядами неприятеля, а заодно позиции ему меблируешь. Причем с применением самых термостойких материалов. Не слушай ты его, он вечно что-нибудь придумает. Да и, в конце-то концов, не бинокль же из рук сигнальщика с дистанции в пять километров

выбивать с применением артиллерийского орудия. Нет, Федотыч, погоди, — останавливает он артиллериста, — ты свою заморочку объяснил, теперь мой черед. Вот скажи мне, капитан, можно ли из этого черного материала лопапки турбин изготовить?

На свет появляется нечто похожее на крыльчатку вентилятора.

— Графит этот менее прочен, чем сталь, так что лопасти должны быть толще. А чего ради такой вопрос?

— А потому что ресурс у ротора всего тысяча часов. Или сто, если на полном ходу. Потом или меняй на новый, или жди беды. Тут ведь, чем горячее пар, тем экономней ход. А нагрузки идут на лопапки и от воздействия струи, и центробежной силы, причем все при высоких температурах. Плюс вибрации, куда от них денешься?

Раньше, понимаешь, пока на поршневых ходили, пусть потише, и уголька шло побольше, но надежно. А сейчас — все время жду поломки. И регламентные работы по смене ротора замучили. Нет, это вообще ни в какие ворота. Похоже, рикан надул кто-то по-крупному. У нас ведь трофейные турбины. Помню, когда снимали, удивлялся, зачем столько запасных частей с собою возят эти недоумки? А сейчас сам, меньше чем с парой сменных комплектов, из порта не выхожу, и в бою трясусь как осиновый лист, как бы лопапка на полном ходу не полетела.

В общем, кто-то соседей наших почтенных рикан крепко завел за угол с этими турбинами. А мы купились.

— Хм... — Капитан в задумчивости смотрит на образец. Это самая жаропрочная сталь, из всех известных мне. Керамика — вещь хрупкая, хотя, в этой области, наверное, просто никто не работал. Вольфрам пошел бы, так его в лабораториях получают по крупницам, а как обрабатывать — никто не знает. Еще платина, наверное, подойдет. Но тут без проверки наверняка не скажешь.

А насчет графита — попробуем. Изготовим комплект-другой. Побегаете, посмотрите. Есть у нас тут толковые мужики, помаракуют. Хотя, чего вам бегать-то. Море, оно шутников не жалует. Найдем сараюшку, поставим турбину на козлы и погоняем как следует.

Гошка давно сидит тихонько. Впитывает информацию и вспоминает, что Тавруха говорил ему и про относительную мягкость здешних материалов, и про точки фазовых переходов... Если лопатки разрушаются под воздействием пара, то ни газовых турбин, ни турбовинтовых двигателей он на Посейдонии не увидит вообще никогда. Там ведь, считай, открытым пламенем производится воздействие на подвижные детали. В поршневых системах температурные нагрузки идут периодически. Хотя разница в режимах невелика, а поди ж ты! Или просто привычные проблемы внимания не привлекают.

А еще интересно то, что на таком огромном удалении от центральных областей государства, куда нормальная почта доходит за месяц с лишним, принимаются важные решения, затрачиваются серьезные средства. В бюрократизированной единой системе громоздкого государственного аппарата, похоже, действует не только механизм наказаний, но и механизм прощений. Ведь, по теории вероятностей, любое самовольство в половине случаев должно заканчиваться плачевно. А тут — секретные гладкостволы на транспорт обеспечения — пожалуйста! Турбинные лопатки из снарядного суперграфита — извольте!

— Кукса, Колен зовет! — Надо же, задумался и не заметил, как подвалил посыльный кораблик. А вестовой Нята уже спускается по штормтрапу на его палубу с мешком на лямке и чемоданчиком в руке. У этого парня нюх на перемену места дислокации развит необыкновенно. Раз прихватил барахлюндию — значит, следует прибыть «с вещами».

* * *

— На этот раз, Кукса, ты уставов не нарушал. За что тебе от меня спасибо. Но про десять лет плена — это ты джаппам лишку пообещал. — Го выглядит как сытый кот. — По нашим обычаям после трех лет жизни на территории Империи любой человек получает права гражданина, и вместе с ними — свободу перемещения.

— То есть через этот период вся мировая общественность узнает о том, что наши пушки стреляют, а торпеды плывут дальше всех. И что в тихих гаванях у противных нам кораблей как-то вдруг сами отстреливаются винты?

— За три года произойдет столько сражений, что хоть кто-нибудь, да заметит.

— А что, после такого урока, что получили джаппы, кто-то осмелится на нас наезжать?

— Какого урока? Даже их император знает только то, что флот ушел и не вернулся. Конунгу Хельмхольца мы за молчание подарили три сторожевика. Не слишком новых, но еще крепеньких, в полной комплектности и на ходу. Он теперь круче всех на Урме. Принял верховный титул, нос задрал. Если кто его спросит про джаппский флот — такого туману наведет, что про него подумают, будто это он гостей дорогих приветил от своих щедрот. Душевный парень, мы с ним давно ладим. Слухи поползут, конечно. Но будут они разными. Поди, разберись, где правда?

Трофейные корабли нам пригодятся. При такой площади территориальных вод и протяженности охраняемого пространства... Так что ни с кем мы не воевали. Кстати, их дредноуты риканской постройки... не корабли — песня.

Их ведь по нашим чертежам строили. Представляешь, какая незадача! Прислали эти самые рикане к нам

самого лучшего своего шпиона, он чуть не от кульманов ватманы пооткреплял, свернул их тонкой трубочкой, ну и помчался в свою Риканию с самыми лучшими мыслями наших конструкторов. Жалко до слез. Правда. Кажется, испы хотели завести у себя такие. Продадим, наверное. Не слишком дорого возьмем.

Го просто лучится от удовольствия. Голос — как бархат, улыбка источает мед, а в жестах — сдерживаемое торжество. Типа, йес!!! Да и тон беседы игривый. Мужика просто прет от сдерживаемого торжества.

— Жаль, нельзя их себе оставить. Очень уж дорого содержание обходится. Нет у Империи таких средств. Ну, вернемся к тайнам. У нас их есть, и ты одна из них. Поговаривают о счастливом командире, с которым все из боя возвращаются, а противник огорчается надолго. Мы-то знаем, что все это — случайное стечение обстоятельств, и единственная твоя заслуга в том, что оказался в нужное время в нужном месте. Или не твоя, а того, кто тебя туда направил. Суть не в этом. Смерти твоей мы не желаем, а вот враги наши, услышав народную молву, пожелают обязательно.

Поскольку по закону после трех лет пребывания в пределах Империи ты получил гражданские права, назначаю тебе послушание: На месте не сидеть. А уж как ты будешь перемещаться — решим через... — Го заглянул в календарь и обвел карандашом дату, — ...четыре дня. Приезжай по адресу, куда мне отписывал. Жена просит тебя на день рождения, дочки хотят быть тебе представлены. Явиться до полудня.

Кстати, за хвощ спасибо. Сейчас из него масла по паре тонн в месяц дают только в том хозяйстве, которое ты намеревался купить. И соседние земледельцы заинтересовались. Мы уже подумываем перевести серийные миноносцы на жидкое топливо.

Ну, про послание твое ко мне и кашу, что ты с креди-

тами Ссудных Касс заварил, поговорим в другой раз. Кстати, а ведь банковские расписки нашего Госбанка джаппы не сохранили. Пожар у них случился в главной конторе. Люди не пострадали, а бумаги сгорели все. И копии этих важнейших документов в нашем банке какой-то растяпа потерял. Наверное, сунул не на свое место. Ужас что творится! Придется кого-то наказывать, а то развели, понимаешь, бардак. — В глазах чиновника читается такое непередаваемое огорчение... Наверное, от мысли о необходимости наказания виновных.

— Квартину в поселке у главной базы не сдавай, денщик присмотрит! На службе больше не появляйся, искать тебя не будут.

Вестовой дожидался его в коридоре у двери кабинета. Гошка сменил командорскую тужурку на форменную куртку мирного жителя, повесил на плечо рюкзачок. Положил в карман бумажник с жалованьем и распрощался. Жаль, за четыре дня до Хаммасу не обернуться. Но, говорят, здесь восточней по побережью хорошие пляжи, и комнаты сдаются. Разгар лета. Надо на солнышко к воде.

ГЛАВА 27

Четыре дня пролетели — он и не заметил. Отлично купался в теплом море, со вкусом побродил по тихим улочкам прибрежных поселочков. Тут не встречалось привычной типовой застройки. Хутора, пастбища, рыбацкие деревушки по три домика с лодочными сараями и кольями для просушки сетей. И эти сети Гошке ужасно нравились.

Веселая и беспечная детвора, приветливые взрослые. Подростки практически не встречаются. Вообще — места выглядят так, как будто все здесь незыблемо испокон веку, благоустроено и отлажено. Умилили дорожные

указатели у развилок троп, ковшики и скамейки рядом с заботливо расчищенными родниками, и обычай всех здороваться со всеми. Решил, что после посещения дня рождения супруги Го обязательно вернется в эти места и будет каждые денек-другой переходить от деревни к деревне, удаляясь все дальше к востоку, пока не надоест.

* * *

До городка, где проживал Го, добрался ночным поездом. Тут, прямо на станции, вышла небольшая заминка. Пошел дождь, и пришлось укрыться в станционном буфете. Народу не было, завтрак уже закончился, а обеденное время еще не настало. Пил кофе с пирожками и болтал с официанткой. Она протирала и расставляла по полкам чашки и блюдечки, насыпала сахар в сахарницы и соль в солонки, раскладывала салфетки и поддерживала незатейливый треп о глобальных проблемах мироздания с точки зрения ее пятилетнего внука.

Нескучный мальчуган, предприимчивый такой. Когда настал час расплаты, из кошелька выкатилась монетка с Земли. Обычный рублик. Женщина попросила посмотреть. Поговорили о нумизматике. Потом о городке. Тут, оказывается, большой госпиталь, и живут здесь почти одни медики. Еще есть ювелирный заводик, и все. А та улица, куда Гошке надо попасть, далеко, и как идти туда, объяснить получается путано. Лучше на извозчике доехать.

Ну не так уж это оказалось далеко — невелик городок, но насчет запутанности маршрута — это да. Раньше на территории Империи изгороди Гошке не попадались. Огород тыном обнести — это понятно — от потравы. Или набережную огородить, чтобы народ в воду не сыпался. Собственно, так и велось всюду, где он раньше бывал. А вот в районе, куда привезла его пролетка, ка-

менные стены и узорчатые решетки, веселый штакетник и мрачная кирпичная кладка. И так вдоль всей улицы. Любые вариации на тему заборостроения — словно на выставке по теме «не пущать».

Возница объяснил, что дома здесь все старинные, стоят со времен, когда еще все было иначе, и живут в них люди солидные. Чем занимаются? Да служат в основном. Есть и купеческого сословия, и заводчики. Прислугу держат, у многих свои коляски есть. Народ все степенный, уважаемый. Гошка вдруг про себя отметил, что о состоятельности владельцев этих городских усадеб упомянуто не было. Это по контрасту с впечатлениями от недавнего «турне» по загранице. Там, если про кого-то уважаемого упоминают, так обязательно дают оценку его капиталу или полученному наследству. Иной раз даже указывают источники дохода — заводы, прииски, плантации... А тут и приехали.

Забор из гнutoго искусным кузнецом катаного железа. Без особых кружев, но стиль чувствуется. И места сварки выглядят убедительно. Ворота о трех каменных столбах с калиткой, веревочка в глубь участка уходит, теряясь за деревьями. На конце — ручка, прямо рядом с ажурной дверцей. Подергал. Вышел слуга не в спецовке, а как-то так одет, что профессия его сразу видна. Нет, не в ливрею, но навесило. Спросил имя, повел в дом по плотным дорожкам, выющим среди кустов и клумб. Хозяйка — красивая и очень даже еще не старая — назвалась Варварой. Улыбнулась приветливо, сказала, что рада видеть. А в глубине глаз тревожный огонек. У Гошки сразу исчезло расслабленное благодушие последних дней. Виду вроде не подал, но насторожился.

Одета эта женщина была, конечно, не в обычную невыразительную местную одежду, а в красивое летнее платье из светлого шелка с цветами, отделанное, он не по-

нял чем. Просто ослепительно. Гошка так и заявил, и заслужил ласковый взгляд.

От предложения перекусить отказался и был приглашен в сад. А вот тут у него в глазах стало двоиться. Нет, троиться. Пятериться! Пять девушек в одинаковых прелестных платицах, похожие друг на друга, как две капли воды.

— Знакомьтесь, Игорь, мои дочери: Виола, Нина, Саида, Мириам, Евдокия.

«Вот что означает таинственное «Ри», это Мириам, — понял Гошка, — пять близняшек, это очень редко». А вслух:

— Привет, давно не виделись!

— Так вы знакомы? — улыбается мама. — Ага, эти проказницы попросили папеньку использовать служебное положение, чтобы познакомиться с человеком, о котором ползут невероятные слухи. В таком случае, надеюсь, на некоторое время они тебя займут.

Переход с «вы» на «ты» Гошка уже расшифровывает мгновенно. Тут вообще в пределах одной фразы выражение отношения к собеседнику изменено. Знак?

Варвара вернулась в дом. Гошка обвел взглядом озорные лица.

Однотайцевые близнецы — так это по науке. Идеально похожие от рождения. Но сейчас он их уверенно различает. Разный характер загара не полностью замаскирован тональными... кремом? Пудрой? Откуда ему знать! И мышцы развиты у них с индивидуальными особенностями. Забавно, а ведь, несмотря на одинаковые платья, прически, макияж, он уверенно назовет каждую по имени.

— Ри, что на Посейдонии дарят женщинам?

— Везде по-разному. В этом доме — улыбки, комплименты и невероятные истории, рассказанные с юмором. Улыбки от тебя не дождешься, комплимент матушка уже

получила, а невероятных историй о тебе я наслушалась от своих сестричек. Пошли с нами пельмешки лепить. Гости соберутся через два часа, как раз управимся.

Лепили девушки виртуозно. Гошка не разгибаясь, полтора часа, порция за порцией месил тесто, но оно не залеживалось. К ним присоединились еще Клара и Леночка, такие же нарядные, веселые и совершенно непохожие на сестер.

«Гости собираются», — подумал про них Гошка, но угадал только наполовину. Леночка приехала с каким-то незнакомым Гошке господином Григорьевым, которого сейчас занимает мама, а Клара — дочка горничной из соседнего дома. Росла вместе с дочерьми хозяев и даже никогда их не путает. Приехала на недельку и зашла поболтать. Именно это получилось по полной программе.

Из ответов на ее вопросы выяснилось, что Саида закончила морской корпус и получила назначение в службу патрулирования территориальных вод. Георгиевский крест позволил ей избежать штабной работы, для которой обычно используют женщин военнослужащих, и она теперь — второй помощник командира сторожевого корабля. Это как раз систершип посудин, что были на посылках в проливе Хель, когда шла разборка с джаппами. По боевому расписанию управляет артиллерийским огнем, но пока они стреляли только на учениях. Обычно фланируют вдоль гряды Сушеных Черепов. Бункеруются на Куксиной Мясорубке. Интересный раскладец.

Мясорубка оказалась Куксиной, и выяснилось, что у самого риканского побережья имеется местечко, где имперский корабль может разжиться угольком. Видимо, не убедил Гошка тогда Го поселить в тех местах огородников и рыбаков.

И Виола окончила свое пехотное училище, прапорщик. Командует взводом. Тоже патрульная служба. Обходят малонаселенные острова архипелагов Косухи и Па-

рижского. Это тропики. Чудесные атоллы, живописные гористые острова, хрустальные ручьи и тучи летучих тварей, от укусов которых, кажется, кожа слезает. А иной раз, словно удар кинжала. Если бы не награда (выразительный взгляд в сторону Гошки), сидела бы в канцелярии полка со стопками аттестатов.

Нина недавно защитила диплом факультета международного права в юридической академии. Где будет работать, еще не решила. Есть несколько очень интересных предложений. Жалко только, что далеко от дома. Не каждый год сможет приезжать. Про причастность к делам внешней разведки — ни гугу.

Дуняша отучилась уже два года назад, и после лица администрирования работает ревизором, проверяя работу системы государственного управления. Эта обтекаемая формулировка явно направлена на сокрытие ее работы в службах безопасности. Из сестричек она раньше всех получила воинское звание, это Гошка помнит точно.

Мириам занимается социологией. Это такая наука о здоровье государства и общества. На всей планете ее никто не изучает, а она решила попытаться создать. Разработать, так сказать, основы. Много ездит, перебивается случайными заработками.

«Забавно, — сообразил Гошка. — Если предыдущие два секрета были не от него, то здесь — полная неясность. Именно о Ри он совершенно ничего не знает».

Клара выучилась на врача, получила место в Синиченске. Это неблизко, каждый год к родителям наведываться не сможет.

Леночка щебетала о женихах и перспективах замужества, оборках и шляпках, чем резко диссонировала с остальными. Но пельмешки лепила шустро. По улыбкам остальных выходило, что она в этом кругу баловня и любимица.

Кухарка, что оттаскивала дощечки с наклепленным, похвалила Клару за старание в учебе, за то, что такую науку осилила в возрасте, когда другие только школу заканчивают. И вот тут Гошку очень заинтересовал ответ.

— Так, тетя Тася, если вместе с принцессами учишься, попробуй не осилить. Гувернеры если не розгами, так многократным повторением заставят захотеть понять.

— И кто же тут у нас принцессы? — Первая возникшая в голове мысль слетела с губ в момент образования. Хотя, если много соучениц одной ученицы, то вот их пять, смотрят испуганно. Делаем вид, что ничего не понял. Наверно, сюрприз для него готовят, типа над ухом гавкнуть из-за спины. Но совсем не среагировать нельзя. Девчата непростые, сообразят, что притворяется тупым. — Впервые слышу, что в Рысской империи применяются телесные наказания.

— Только к особам привилегированным, по высочайшему повелению, — не меняет веселого тона Клара. И спотыкается, наткнувшись на страшные взгляды принцесс. — Ой, я что-то не то сказала?

— Да сюрприз наш испортила, только и всего. — Саида делает кислую мину, которая тут же повторяется еще в четырех исполнениях. Девушки совершенно неотличимы в выражении чувств, любого одурачат своим сходством, тем более одеты одинаково до мельчайших деталей. Были бы в обычных спецовках, да при неярком освещении... Но Гошка почему-то уверен, что и тогда их не перепутает.

— Так вы хотели перед ним неожиданно расшифроваться и насладиться его удивлением? — догадывается Леночка.

— Вообще-то это получилось. — Ри уже выглядит довольной. — Просто в незапланированный момент. Но работа мысли, озарение и оценка сделанного открытия

отразились на лице дорогого гостя, чем принесли нам пару веселых секунд. Кстати, Игорек, ты весь в муке вывалился. Пойдем, провожу тебя переодеться.

Через сад прошли в одноэтажное, похожее на барак здание с несколькими крылечками. Им надо было на второе справа. В прихожей нашелся Гошкин рюкзачок, отобранный слугой еще при входе. Комната с широкой кроватью, при взгляде на которую в голове всплыло слово «сексодром». Пара шкафов для одежды, трельяж и письменный стол. Вода в туалетной комнате оказалась и холодная и горячая. Никакого дровяного титана, обычно повсюду, здесь не наблюдалось, зато ванна нестандартно просторная, практически на двоих. Без вопросов стало ясно, что эти апартаменты отведены для него. Гостевой домик со всеми удобствами.

Ри достала из шкафа мужской костюм. Ткань не спелочная, добротный, с благородным отливом комплект из темных брюк и светлого пиджака. Кажется, это называется смокинг. Белая сорочка. Туфли. Все есть. Когда, устав ждать его на крылечке, Ри вернулась, он так и не справился с галстуком. Обычный-то завязывал с десятой попытки, а тут бабочка. Она помогла и заторопила. Гости съехались, начинаются торжества.

Застолье — традиционный русский способ отметить любое событие — здесь тоже был в обычае. Около полусотни гостей ели, пили и говорили речи. Тостами эти выступления назвать не получалось, слово «выпьем» не произносилось. Compliments хозяину, хозяйке, дочерям. Без славословий или пожеланий. Даже поздравлений не прозвучало. Добрые слова о добрых людях, коротенькие истории на любые темы, забавные философские рассуждения — напоминает треп старых друзей, случайно собравшихся в удачном месте, где можно расслабиться от повседневных забот. Вина, водки, наливки, коньяки и другие не менее серьезные напитки наблюда-

лись в изобилии и употреблялись без понуканий. Закусок и сытных блюд подавалось много, и на любой вкус. Пельмешки тоже.

Работа прислуги была похожа на деятельность ресторанных официантов при обслуживании банкета. Опустошенные блюда и чаши заменялись полными, взамен иссякших бутылок выставлялись новые, также тарелки гостей время от времени подвергались ротации. Посуда и приборы были обычными, столовыми. Нержавейка и добротный фарфор. А вот рюмки, стопочки и фужеры — хороши. Не то чтобы нечто особенное, но праздничного вида граненый хрусталь.

Гошка распробовал один коньячок с резковатым вкусом и изредка притрагивался к нему губами, хмельного он опасался. Зато поел от души. Ри, устроившаяся рядом с ним, этого коньяка выпила несколько рюмок. Было интересно смотреть, как она сначала набиралась духу, потом с заметным напряжением выцеживала крошечную посудинку, страдала лицом, безуспешно сдерживая гримасу отвращения, и поспешно заедала. После каждого сеанса этого мазохизма она выглядела все более и более решительной.

Маменька тоже наблюдала за дочкой и тревожно поглядывала на Гошку. Но все это ничем не закончилось. Пересчитав выпитые рюмки и помножив полученное число на их объем, соотнеся результат с массой тела своей соседки и прикинув количество и качество съеденного, получил в результате совсем легкое опьянение. Ну, может, с непривычки слегка голова покружится, с полчаса, не больше.

Танцевали обычные земные танцы в обнимочку. Дуняша попыталась притвориться Ри, когда та отошла глотнуть морса, но Гошка сразу назвал ее по имени. Кстати, двигалась она лучше своей сестры. Менее скованно.

Из всех гостей знакомым оказался только Колен. По-

здоровались. И вообще представили Гошку немногим. В женских нарядах не было привычной уже его взгляду сдержанности, но блеск золота или сверкание бриллиантов не слепили взора. Все платья оказались воплощением безупречного вкуса, а о костюмах мужчин даже и сказать-то нечего. Хорошо одетые люди, и все тут.

К моменту, когда народ начал расходиться, на Ри было больно смотреть. На ее лице сквозь маску спокойствия проступал ужас. Проводила Гошку до двери его комнаты, и ушла в ночь, вся съезжившись. Когда, приняв роскошную ванну, Гошка нырнул под одеяло, то понял, что не один.

— Наконец-то ты наплескался. — Надо же, даже по голосу он не путает близняшек. Мириам опять с ним.

— Понимаешь, Ри, после появления на Посейдонии у меня не все в организме работает. В общем, с девушками я очень даже могу поговорить, обнять, чмокнуть в щечку. А вот функция размножения не действует.

— Ну, хотя бы обними. — Она прижалась к нему. И что-то в нем дрогнуло. Сработали рефлексy, задвигались руки, и все получилось быстро и безыскусно. Нет, некоторый опыт общения такого рода у Гошки имелся еще с Земли, так что он не оплошал. Во всяком случае, ногти девушки впились ему в спину именно тогда, когда... И еще она назвала его совсем другим именем.

Ри не двигалась, ткнувшись носом ему в плечо. Гошка лежал на спине и размышлял.

— Ну вот, не прошло и трех лет, а я уже в одной постели с принцессой. И кажется, по моей руке стекают ее слезы.

Подсунул руку ей под шею, положил ее голову себе на плечо. Она прижалась, затихла. Теперь мокрой стала ключица.

— Я тебе очень больно сделал?

— Ну, так. Наверно, не сильнее, чем необходимо. —

Точно, плачет. По голосу слышно. — Ты спи, говорят, мужчины после этого всегда спят.

— Хорошо, сейчас усну. А ты не уйдешь, воспользовавшись моим беспомощным состоянием?

— Куда же я уйду из своей собственной комнаты? И вообще, всегда зови меня, когда тебе понадобится ну... это самое.

— Хорошо. А этот Рики, которого ты вспомнила, это, наверное, твоя первая любовь?

— Да. И еще это ты. Понимаешь, там, в столовой, на Ендрике, когда ты только что оказался на Посейдонии, у меня возникла в голове забавная аналогия. Как будто Рикки-Тикки-Тави только что выбрался на берег из бурного ручья. Все ждала от тебя вопроса о том, где тут дынные грядки.

— Я выглядел таким же наглым, как этот несносный мангуст?

— Скорее, боевитым. Кажется, никто из пришельцев не пытался убедить первого встреченного им в неведомом мире человека в том, что без электричества жить вообще невозможно.

Ри повернулась к нему спиной и уютно утнездилась в «корзинке» из его рук. Стало тепло и спокойно. Пришло ощущение, что он ее теперь никуда не отпустит.

ГЛАВА 28

Завтракали на веранде. Го, Варвара, их дочери и Гошка. Кофе, плюшки, никакой прислуги. Ри выглядела слегка подавленной по сравнению со своими бойкими сестричками, а во взгляде маменьки больше не было тревоги. Папенька сосредоточенно уписывал ватрушки с творогом и больше ни на что не реагировал. Потом девочки убежали к Кларе, маменька захлопотала с уборкой

посуды, а отец семейства отправился в сад с лопатой и граблями. Все дружно делали вид, что Гошка просто захал в гости, и больше ничего. Пора прогуляться. Надо немножко собрать мысли в кучку.

Народ вел себя так, как будто о возможности отъезда «дорогого гостя» речи вообще не идет, что он тут свой, вроде как живет он здесь. Ни одного намека не то что на вопрос, даже взглядов недоуменных не отмечалось. Ни малейшей напряженности. С виду.

Пока размышлял, ноги спокойно несли его одним им ведомым путем. А язык спрашивал у редких встречных дорогу как раз к тому месту, куда несли ноги. Ювелирную фабрику он нашел без труда. Клерк, ужасно колоритный седой старикан, осмотрев Куksины джинсы и флотские башмаки, с интересом уставился на него.

— Два колечка из самого износостойкого золотого сплава, — ответил Гошка на невысказанный вопрос. — Одно на этот палец и одно внутренним диаметром шестнадцать с половиной миллиметров. — Утром он тайком измерил перстенок, оставленный на тумбочке, пока Ри умывалась.

— Чистый светло-желтый цвет, ширина четыре миллиметра, — продолжил клерк, доставая плоский ящичек и не глядя на реакцию клиента, — искомое нашлось мгновенно.

При виде денег ювелир покачал головой.

— Платы с вас я не возьму, и не спрашивайте почему. Не отвечу.

— Тогда ответьте мне на другой вопрос. Хорошо?

— Сначала спросите.

— Как у вас в городе заключаются браки?

— Как и во всей Империи, с обоюдного согласия сторон.

— Я имею в виду процедуру, — зашел с другой стороны Гошка.

— Она неизменна с незапамятных времен, но объяснить вам ее содержание я не стану. Это, скорее, удел физиологов.

Вот уел, старый сморчок. И ведь смотрит такими ясными детскими глазами! Словами решил поиграть. А вот так?

— А документальное удостоверение образующегося союза? Где это происходит и каким образом?

Старичок задумался.

— Понял. Ты нездешний. Так вот. Если двое хотят быть вместе, то они вместе. А если хотя бы один этого не хочет, то так и получается. Никакие документы не помогут.

Вот оно как. А ведь подумалось, сдуру, что клерк от скуки с ним развлекается.

— В других странах обычай иной, но там это связано с имущественными правами. Наследование, совместное владение, раздел, когда расстаются. Помню, в молодости я и у нас такое встречал, а потом как-то оно поотмирало. — Снова пауза. — Хотя, если ты по дипломатической части, то оно конечно. Но тогда бы и не спрашивал.

* * *

Возвращаясь, Гошка крутил в голове разговор. Ощущение, что его разыграли, было очень сильным. Обручальных колечек на пальцах правой руки он не помнит, ни у мужчин, ни у женщин. Так ведь внимания на это не обращал. Перстни носят. Женщины в основном. Мужики, похоже, этим не балуются, хотя у Кахи Дацимова, точно, было колечко. Знак, стало быть, что занят человек. А, вот что! Леночка вчера про женихов что-то щебетала. Где жених, там и невеста. И потом свадьба. Ритуал наверняка сохранился. Не все же так просто тут отменилось. И брачная ночь? Так ведь она уже была!

Безо всякого интереса проводил глазами двух девушек. Одна особенно хороша. И вдруг понял, что то, что было с ним этой ночью — просто случайность. Никуда его проблема со здоровьем не девалась. Так, эпизод. Флуктуация. Прошла мимо писаная красавица, посмотрел с удовольствием, но никаких шаловливых мыслей.

Варвару он застал в саду. Она перебирала незнакомые ягоды. Отведал. Точно, незнакомые.

— Больше одной не ешь, их варить надо, а то они не полностью усваиваются. Это не с Земли, чисто местное растение. — Варя вытряхивает из корзинки на стол горку непёребранных плодов. — Я тебя хочу насчет Мириам предупредить. Она очень умная и скрытная, порой понять не могу, есть в ней душа, или на ее месте конторские счета. Даже, скорее, логарифмическая линейка. Ни разу не видела ее растроганной, а последний раз на моей памяти она плакала лет в восемь. Упала с вишни в шиповник.

Отец ей больше внимания уделяет, чем остальным. Думаю, она у него первый дублер, а вот трогательности в отношениях с ней не жди. Я вообще не ожидала, что она найдет себе мужа. Тем более раньше сестер.

«Опаньки. Так он уже официальный зять. Заехал на день рождения!» — И дальше вслух:

— Помню, что в официальных источниках имя императрицы упоминалось другое.

— Имена дочерей там тоже указаны иные. И про то, что родились они в один день, знают во всей стране от силы тысячи полторы человек. Кроме как здесь, их вместе никто не видел. Даже прически разные носят. Это они специально вчера оделись, чтобы тебя заинтриговать. Ты ведь их по одной встречал, а про то, что они близнецы, даже мысли не было. Верно?

— Верно. А вообще, зачем эти тайны Мадридского двора. Нельзя разве открыто страной править?

— Это, Игорек, как говорит деда, вопрос качества информации. — Появившаяся из-за Гошкиной спины Ри протягивает правую руку ладонью вниз и слегка разводит пальцы. — Ты просто не представляешь себе, какие трансформации испытывает любая новость на пути от места возникновения до высочайших ушей. — Гошкина рука сама достала из кармана колечко и надела на безымянный пальчик девушки. — Покажу при случае, тебе понравится. — Второе кольцо уже перекочевало в руку «новобрачной» и ее трудами занимает место на его руке.

Пока он соображает, как это получилось, его чмокают в щечку.

— Побегу в госпиталь. Сменю Нинку. Буду поздно, ложись без меня.

Варя фыркнула, наблюдая ошеломленный Гошкин вид.

— Ну, ты попал, — и тут же изменила тон. — Не огорчай ее, пожалуйста.

* * *

За обедом ни Нины, ни Ри не было. Остальные сестрички, одетые каждая в свою форму, весело щебетали, обсуждая общих знакомых, новости, расспрашивали отца и мать о вещах, Гошке неизвестных. А он размышлял о Ри. Вот чертовка! Что знает обычаи Земли, которые здесь не у всех в ходу, это ладно. Но его просчитала как! Он и сам не знал еще, а она уже колечки заказала и предупредила ювелира, кто за ними придет.

Собирался за обедом испросить у родителей руки их дочери, и вечером при всех обручиться, а уже все. Окольцован. И покинут. Буднично и безэмоционально. Погулять, что ли, еще по городку? А то мысли разбредаются. Возникает чувство предопределенности, обреченности даже. Надо как-то прийти в себя и что-то о себе понять.

Бродил по улицам. Все они выходили к госпиталю,

огромную ухоженную территорию которого огибала дорога, ведущая к станции. Между деревьев виднелись невысокие лечебные корпуса, с другой стороны брусчатой мостовой — домики горожан. Тут и типовые, и уникальные постройки. Все стили и эпохи. На столичном острове вообще многое сохранилось в том разнообразии, к которому он больше привык. Унификация не слишком затронула эти места. Немноголюдно. Пару раз у него попросили помощи. Снять с дерева котенка и переставить в доме шкаф. Не сразу сообразил — он же надел дворницкую куртку, что у него еще с Хаммасу. Штатскую-то так и не собрался почистить. Ну да, дворника всегда первым вспоминают, если что-то нужно.

А голова не варила. Смотрел, любовался, подмечал любопытные детали или архитектурные удачи. Так, без единой идеи и направился назад. Очень уж все стремительно произошло. А для разработки какой-либо версии данных катастрофически не хватало. Он не видел эту девушку три года и после нескольких часов общения женился. А тогда, в день его прибытия, они вообще обменялись всего несколькими десятками фраз.

Когда вернулся в усадьбу, засек, что хозяин собственноручно завершает работы по продолжению одной из благоустроенных тропинок. Гравий и песок забрасывает в неглубокую траншею, огороженную бордюром из пиленого камня. На дне угадывается уже подготовленная подушка из крупной гальки, а сейчас идет укладка покрытия и его уплотнение. Включился в работу — дело знакомое. Показалось, что император его вмешательством недоволен. Даже пробурчал что-то насчет того, что некоторые дела стоит делать самому, без слуг и помощников.

Ну и, пожалуйста. Сам так сам.

Ри действительно вернулась поздно. Забралась под одеяло, ткнулась носом в плечо и молча лила слезы.

«Наверное, в детстве недоплакала», — решил Гошка. И не стал домогаться. Он что-то, опять... не того.

Утром его молодая жена «все объяснила». Оказываются, люди, принадлежащие высшему кругу, раз в год одну смену отработывают санитарями в этом самом госпитале. Там лежат те, кто уже никогда не выздоровеет. В основном инвалиды войн. Не все, конечно, а нуждающиеся в присмотре медиков. Она первый раз там побывала. Не то чтобы судна и утки, для этого у нее квалификация недостаточна. Помочь больному пройти на процедуры, пыль протереть в палатах, цветы полить, письмо написать или прочитывать. И так ей стало ужасно от вида человеческой немощи, что теперь она... Ну, в общем, надо, чтобы пациентов там не прибывало.

Посмотрела на Гошку, словно впервые увидела.

— Они много говорят о сражениях, вспоминают командиров. Тебя ни один не вспомнил.

— Так знакомцы мои все служат, может, кто и в запас ушел, но вроде никто не калечился.

— Тупица! Ведь именно ты ими командовал! — Ри принялась расстегивать халатик, и стало ясно, что с рефлексами у него все в порядке, а завтрак они пропустят.

* * *

После обеда Ри секретничала с отцом, а Гошке принесли толстые альбомы с фотографиями и рисунками военных кораблей других стран. Тщательно иллюстрированный путеводитель по вооруженным силам государств возможного противника с описаниями и техническими характеристиками. Сведения о флотах, местах базирования, последних походах и боевых действиях. Планы, карты, схемы маневрирования. Тут он и свои художества обнаружил. Ужас, сколько всего. Ни в жизни не

запомнить. И впечатление удручающее. А если это все на них поперет?

И намека на то, что период, выделенный для отдыха и развлечений, закончился, воспринял со смирением. Уже стемнело, когда пришла жена. Вместо сна им выпадала дорога. Ри нужно было уезжать. Позвала с собой. Прекрасно. Его дело — переезжать с места на место, так что вдвоем и отправятся.

— Мы три раза в год все вместе собираемся на три дня. Потом в доме только прислуга, — объяснила Ри, пока они укладывали вещи. — Мама часто здесь бывает, остальные тоже навещают, но случайно и непредсказуемо. Нинка теперь долго не появится. А остальные в начале зимы съедутся на мамин день рождения.

— А это чей был?

— Наш. Совершеннолетие.

Сели в коляску, прижались друг к другу и прикрылись полстью. Летом в этих широтах ночи прохладные. Перед тем как заснуть, Гошка очередной раз подумал, что после своего появления в этом мире он постоянно словно находится под властью рока, несущего его от одного события к другому. Рок не слишком злой, да и события, не сказать чтобы трагические, но крепнет впечатление, что он действует по сценарию, написанному твердой рукой, руководимой буйной головешкой неистового фантазера.

ГЛАВА 29

В порт Сайфет прибыли за час до отхода пакетбота. Возница вручил узелок с маминими пампушками, потрепал Ри по макушке и уехал. Багажа у них — рюкзачок да чемоданчик. Оба в спецовках обывателей. Ехали третьим классом. Гошка было воспротивился, хотел взять

каюту, но был остановлен простым аргументом: «Я на работе».

Так что сидели на лавках среди множества народу. На палубе ветрено, дождик моросит. А тут, в общем салоне, капризничают или носятся дети. Под лавкой скулит собака. Старикан поучает молодуху, как надо ребенка держать при кормлении грудью. Но вентиляция работает исправно, ни вони, ни сквозняков. Группа молодых парней куда-то едет. Ржут время от времени. Попытались вовлечь Ри в свой круг общения, и она перешла на лавку в их стороне. Вернулась не скоро.

Гошка рассеянно поглядывал на окружающее и катал в голове мысли. Вот, ни с того, ни с сего, как это уже не раз происходило с ним на этой... Посейдонии, он вдруг сделался мужем принцессы. Причем, кажется, наследующей трон Империи. Умной, коварной, чертовски соблазнительной, расчетливой и влюбленной в него... определено. Он к ней тоже хорошо относится. И, что интересно, именно так он относится только к ней, испытывая к остальным представительницам прекрасной половины человечества самые искренние исключительно дружеские чувства.

Причем реакция на эту женщину возникает при близком контакте. Ведь с Дуняшей он танцевал в обнимочку, очень даже тесно — и ни один мускул не дрогнул... понятно где. С Ри тоже танцевал, но она была напряжена и держалась чуть отдаленно. Не прижималась сама, и он ее особенно к себе не притискивал. Хех! Что-то тут нечисто! Ладно, со временем, наверное, разберется. Или привыкнет? В любом случае, наблюдений пока мало, но что создание это к нему благоволит — точно. Так что, если она над ним что и учинила, то только с самыми лучшими намерениями.

Уже подумывал заревновать к постепенно переставшим шуметь парням, но супруга вернулась и, прижав-

шись к его боку, объяснила, что ребята едут поступать в учебку и ржут от нервов. Она их порасспрашивала про школу, учителей, чем родители занимаются. Они и успокоились, пришли в нормальное состояние.

— Очистили карму, заточили чакры и ауру на просушку развесили, — ядовито закончил Гошка.

— Конечно, теперь впитывают энергию космоса и дремлют, чтоб времени не тратить даром, — озорно продолжила Ри.

Все-таки именно она хозяйка положения, понял вдруг Гошка, хозяйка его семейного положения. И любого другого, в котором окажется. Она ведет партию, задает тон. На шесть лет его младше, но будто взрослее на целую жизнь. И ночами плачет ему в плечо. Если верить маменьке — после десяти лет перерыва.

На берег сошли уже в потемках. Дальше по железной дороге на противоположное побережье острова, где регулярного морского сообщения нет. Поезд из трех вагончиков имел два купе первого класса. Почти выспались. Очень уж рано им надо было сходить. И получилась заминка, катер до острова Крутого чинился, и не мог отойти в срок. Ри помчалась что-то узнавать в здешнюю женскую консультацию, а Гошка полез под палубу, помогать механикам.

Не прогнали, позволили закрутить несколько гаек, поддержать, подать и сбегать за бутербродами. Пока кочегар поднимал пары, пообедали вместе с Ри в столовой на пристани. Отчалили. Пассажиры на лавках в носовой части катера сгрудились в тесную кучу, и матрос раздал тулупы. Погода со вчерашнего дня не улучшилась, так что это было не лишним.

До места добрались в сумерках. Околоточный, встречавший катер, с интересом посмотрел на Гошку, и вопросительно на его спутницу. Ри подошла и что-то объяснила. Взгляд местного «смотрящего» потеплел. В квар-

тирке, куда они поселились, оказалось нежарко. Но практически следом за ними дворник принес дров и сложил их рядом с печкой. Гошка, пока растапливал, соображал, что вот он тут со своей принцессой, а все свободно входят без стука. Запоров-то на дверях не наблюдается... и замков он не припоминает... во всей Империи. И сторожей не встречал. Забавно. Через три года начал вдруг словно прозревать.

Ага, разгорелось. Мокрые башмаки — свои и супруги — пристроить на просушку. Надо же, камушек в протектор попал. Крошечная галька, а как крепко застряла! Это он, наверное, когда рядом с августейшим землекопом помощника изображал, тогда и загнал. Любопытный, однако, камушек. Металлическим тусклым отсветом похож на большую каплю припомя, только твердость у этой капли каменная. Надо будет расспросить знающего человека об этом минерале. В карман его.

Поистине — край света в двух днях пути от места обитания императорской фамилии. Засыпая, слушал ровное дыхание супруги и радовался. Чему тут, интересно, можно радоваться? А вот, поди ж ты!

* * *

Поселок отличался от Казарм Формовщиков только мелкими деталями. Утром народ на работу уходил пешком по дорожке между скал. Ри и Гошка тоже туда отправлялись. Цеха, уставленные металлорежущими станками, справа — явно литейка, но без признаков жизни. В просторном мрачном зале на стендах несколько двигателей.

— Дизельная лаборатория, — понял Гошка и заскучал. Он в этом ничего не понимает. Знает только, что на Земле эти двигатели долго не получались. Ну и тут не получаются. Тоже очень долго.

Их водили вокруг этих причудливых сооружений, изобилующих всякими ерундовинками и другими непонятными конструктивными особенностями. Ри внимательно слушала серьезных дядек, а Гошка тосковал. Он отбилсЯ от группы и заглянул туда, откуда слышалсЯ звук доминошных костяшек. Козла рабочие забивали вдохновенно. Приятно было посмотреть. Вроде как и не обратили на него никакого внимания, но вопросик нашелсЯ. И с подковыркой.

— Это наша въедливая малявка теперь с нянькой сюда будет ездить? — не сразу понял, что малявкой назвали принцессу, а его ее нянькой. Чуть не вспыхнул. ОдумалсЯ.

— Да, росту в ней немного. А что, так сильно надоела?

— Да не больше, чем наши умники. Но к ее приезду тут сперва раскардаш, а потом уныние. Хотя результат стабильный — пшик. Не может такая машина работать.

— Наверно, — согласилсЯ Гошка. — А в чем проблема?

— Да никто не знает. Точность обработки — выше некуда. Подгонка идеальная, металл наилучший. А она то работает, то вразнос идет. Или не запускаетсЯ. Предполагают, что проблема в том, в какой момент топливо в цилиндре полыхнет. А как с этим угадать — никто не догадалсЯ.

— Там понимаешь, какая беда, оно подрывается, когда поднимаетсЯ давление, то есть когда поршень его в цилиндре сжимает. И выходит от того поршню торможение. Ну, вообще-то там хитрей, но смысл ты уловил, — вступил в разговор еще один доминошник, постарше.

— Уловил. Но как с этим совладать, не знаю. Помню только про впрыск, а чего ради делать впрыск, если при обратном ходе поршня он в цилиндр засасывает и топливо, и воздух, — вслух вспомнил Гошка то, что отложилось в памяти из статьи в детской энциклопедии.

— Впрыск? Хорошее слово. Это я старухе своей скажу, как дойдет у нас с ней до дела честного.

Народ хохотал, повторяя понравившееся словечко, обсуждая его на все лады и применяя к месту и не к месту. Про Гошку забыли, и он тихонько ушел. В стендовом зале начал раскручиваться маховик, зазвучали выхлопы. Некоторое время двигатель работал устойчиво на малых оборотах. Потом попытались увеличить подачу топлива, и ухо уловило, что в ритм вкрались посторонние нотки. Стрелка тахометра тронулась было вверх, дрогнула, задержалась и рухнула в ноль. Все замерло.

— Мы пытались заставить скорость вращения вала, уменьшая подачу топлива по мере разогрева цилиндров. Но тогда все рушится при попытке отбора мощности с вала, — объяснил человек в самом отглаженном халате. — Проблема заключается в том, что очень трудно добиться поджога смеси топлива и воздуха в нужное время. У нас нет способа заставить это событие произойти точно в момент прохождения поршнем точки наибольшего сжатия. А лучше даже, чуть позднее.

— Да, вы жаловались на это, еще когда я совсем маленькой девочкой приезжала сюда с дядей Казимиром, — вздохнула Ри. — Стало быть, результаты могут порадовать нас только стабильностью.

Вечером Ри жаловалась на то, что таких неудачных попыток реализовать идеи, занесенные пришельцами с Земли, в Империи предпринимается немало. Выделяются огромные средства, отвлекаются самые квалифицированные инженеры, а в результате одни затраты.

— Понимаешь, малявка, — начал формулировать ответ Гошка, но смолк, испепеляемый гневным взглядом. — Тебе не нравится такое обращение?

— Я прихожу в ярость, когда слышу это слово. Впро-

чем, сестрицы мои тоже. В детстве нам приходилось драться с теми, кто так к нам обращался.

— Извини, не буду. Хочу быть живым, здоровым и чтобы ты была доброй и ласковой.

— Ладно. Проехали. — Ри расслабляется и тычется носом в его плечо. — Так что я должна понимать?

— Так вот! Бывают добросовестные работники, а бывают придумщики, изобретатели, творческие личности. Оба этих компонента есть в любом человеке, но пропорции варьируются в широчайших пределах. Мне показалось, что группой дизелистов здесь руководит очень исполнительный человек. Он мыслит совершенно конкретными категориями, планирует и организывает выполнение большого количества самых важных с его точки зрения работ. И убедительно топчется на месте, получая стабильные отрицательные результаты. — Гошка перевел дух, и продолжил.

— Подыщите ему не менее почетную работу в месте, где требуется точное выполнение поставленных задач, технологом на производстве боеприпасов, например, и все снаряды будут идеальной копией друг друга. Кучность артиллерийского огня повысится, а человек обретет душевный комфорт.

— И кого назначить на его место? — Ри смотрит на Гошку с ехидной улыбкой.

— Для разнообразия выбери того, кого начальство больше ругает. Творческие люди часто доставляют окружающим беспокойство, за что подвергаются критике. Только не ворчуна, ворчливость — не творчество, а следствие плохого здоровья. Ты ведь эту группу не первый год знаешь.

Потом сквозь сон слышал, что его супруга долго не спала. Не ворочалась, не вздыхала, но ровного дыхания спящего человека он от нее так и не дождался. Из-за этого, наверное, и сам выпался плохо.

* * *

Рано утром за ними пришел миноносец. Номерной, семьсот сорок первый. Новейший. Командиром оказался знакомый лейтенант, который совсем недавно, при урме, еще в мичманском звании был штурманом на семьсот четвертом. Ни торпед, ни торпедных аппаратов видно не было. Капитанская каюта, которую хозяин уступил гостям, была, кажется, еще теснее, чем на семьсот втором. Собственно, Гошка немного времени в ней проводил, осматривал корабль.

Хорош. Две паровые турбины и два котла на жидком топливе замечательно сэкономили во внутреннем пространстве кучу места, тут же занятого трубами торпедных аппаратов. Четыре в носу, два в корме. Выстрел сжатым воздухом вперед или назад, как в подводной лодке. Заряжаются эти аппараты только снаружи, и запасных торпед на борту нет. Следовательно, расчет сделан на взаимодействие с кораблем обеспечения типа лихтеровоза. Кораблик даже короче, чем семисотки, и в его компоновке четко просматривается идея минимизации помещений для экипажа, максимального использования внутреннего пространства для машин и механизмов.

Палуба — как продольный срез цилиндра, хотя к носу и корме, где идет сужение и дуга настила становится короче, уровень понижается, сходя на нет у заострения. Ходить здесь практически невозможно. Артиллерия просто отсутствует. Только узкая длинная надстройка, сквозь которую проходят трубы: и дымовая, и воздухозаборника. Причем обе они телескопически втягиваются в эту низкую, по пояс, бронированную рубку, при хо-рошем волнении, несомненно, заливаемую водой выше крыши.

В самой рубке, куда надо проникать через люк в потолке, места хватает только для рулевого и еще одного

некрупного человека у него за спиной. Люк в полу этого помещения образует единственный «путь», через который экипажу и полагается забираться в корабль в штатной ситуации. Аварийные люки в герметичных отсеках, конечно, есть, но пользоваться ими в походе не будешь — палуба низкая, может и водички заплеснуть. Собственно, находясь за штурвалом, практически наполовину оказываешься под палубой. Обзор — только вперед. Заднее направление перекрыто шахтами коммуникаций.

Форма корпуса — вертикальные борта и штевни — явно продиктована полным использованием длинного металлического листа прямоугольной формы, прямо с прокатного стана. Корма совсем ненамного тупее носа. Все сварено из трехсантиметровых листов стали продольными швами. То есть по одному листу на каждый борт и плоское днище. Установленный на семисотой серии успокоитель качки отсутствует вместе с механизмами привода, и для чего нужен второй штурвал в рубке — непонятно.

В общем — рафинированный миноносец. Явно — детище «безумного» конструктора Лехи Таврухина. Головной образец, находящийся в опытной эксплуатации. Командира сюда подобрали не случайно — любой капитан к своему первому кораблю отнесется как к величайшей ценности и не позволит огульно охать его, если найдет сильные стороны. И способ их использования в особенности. То есть — настрой начальства позитивный.

И то, что это «чудо» прислали к секретной пристани секретного завода, не случайность. Явно ведь для того, чтобы и Гошка покумекал, что здесь нужно сделать для улучшения свойств данного плода конструкторской мысли. Ценят, похоже. Приятно. И загружают головушку спутника жизни императорской дочки. Это, наверное, проверяют его на предмет соответствия должности инспек-

тора, или ревизора. А почему бы и нет? Ведь в роли «кризисного менеджера» он уже неплохо себя зарекомендовал. Просто сейчас нет для него подходящего кризиса. Или учили мнение супруги?

А если эту штуковину и засекут чужие глаза методами внешнего наблюдения, так миноносец в ней вряд ли опознают. Аппараты упрятаны. Скорее всего, примут за подводную лодку, ведь пришельцы не только в Империи имеются. Непременно характерный силуэт хоть кто-нибудь да нарисовал. И тут нарисуют. И сравнят. Вот и будет «деза».

Однако прежде чем составлять, а тем более выражать свое мнение, надо бы кое с кем потолковать. Народ-то уже поплавал на этом чуде. Для начала — здешний стармех.

* * *

— Али, ты с турбинами раньше ходил?

— Нет, не доводилось. Только в училище было несколько теоретических занятий и лабораторных работ. А потом — кругом поршни и шатуны.

— И как они тебе показались? Турбины, имею в виду.

— На ходу, лучшего и желать невозможно. А вот регламент напрягает. Замена ротора через сорок суток нормального хода или после любого случая, когда развивали полные обороты.хлопотно. А если беречь ресурс — команда теряет навыки. Эти риканские измышления — что-то сокрыто в них коварное. Ведь в военное время удастся соблюдать не все правила. А если ротор выйдет из строя на ходу, то турбину нужно менять полностью. Мы, конечно, по характеру вибрации засекаем опасное состояние, но это уже больше искусство, чем дело.

— А что за причина. Почему так? — Гошка, конечно, в курсе, но сейчас ему нужны впечатления собеседника.

— Материал лопаток «течет» со временем. Начинаются деформации. Сначала падает тяговое усилие и приходится поддавать оборотов, а от этого еще сильнее ускоряется износ. — Стармех совсем ненамного старше Гошки, но чувствуется в нем искушенность. — Правда, конструкция у турбины удачная. Пусть и переутяжелена, зато разбирать удобно.

Так, никакого чуда с этим вопросом не образовалось. И вся эта Таврухина затея с паровым торпедным бронекатером без турбин вообще пустой хлопок. Материал для лопаток-роторов-крыльчаток на Посейдонии — проблема. Нужно срочно выяснять про опыты с графитом, что ведутся на полигоне, как его там? «Пятерка», кажется. Ведь вольфрам здесь недоступен, а платина — она всюду платина. Ее просто не напасешься. И про керамику не забыть узнать. Где вот только?

Нормально, однако, три года прожил в стране, а знает о ней только то, что у всех на глазах. Классическое поведение обывателя. Ладно, можно у Ри поинтересоваться. Не ответит — так хоть пошлет по нужному адресу.

Собственно, и по всем остальным вопросам Гошка, стармех и командир миноносца сошлись во мнениях легко и непринужденно, как-никак — из одной песочницы.

Руль в раме, вынесенный перед форштевнем, действительно дает некоторое преимущество в маневре, ничему не мешает и проблем не создает. Пусть будет, авось на что сгодится. Хотя, конечно... помолчали.

Рубку надо удлинить за шахтами вертикальных каналов и посадить туда сигнальщика, чтобы в бою контролировал заднюю полусферу. И выставить туда через амбразуру ствол автоматической двадцатимиллиметровки, чтобы человек не только доложить мог о том, что увидел, но и пальнуть, хотя бы для острстки.

На крыше рубки нужны съемные поручни, опять же для сигнальщиков. В бою, если подкрадываешься к цели, их, понятно, следует убрать. А рассчитывать исключительно на действия с кораблем прикрытия и наведения, который обеспечит наблюдение окружающего пространства, неразумно. Он-то, этот поводырь, как раз и привлечет внимание неприятеля. А после выхода из атаки как найдешь носитель, если радиус обзора четыре километра?

Про то, что тесно — это понятно. Не круизный лайнер. Лучше быть живым и терпеть неудобства, чем... Тема не развивалась.

* * *

Беседовали мужики в капитанской каюте, сидя рядом на койке. Больше решительно негде, или придется путаться под ногами экипажа. Сидели на самом краешке ложа, поскольку за их спинами, вытянувшись стрункой, возлежала принцесса, почти притиснутая тремя мужскими задками к переборке. Деваться в этой стальной коробке ей было решительно некуда. Не пискнула. Вот что значит благородное воспитание. Не намекнула даже на свою причастность к высочайшей фамилии.

Капитанская койка — самая широкая на корабле. Но даже на полуторку она не тянет.

* * *

Потом пришел старпом — та самая Зульфия, что была практиканткой на сямсоте втором, когда они отбивались от риканского крейсера, пытавшегося настичь караван имперских транспортов. Уже мичман, и даже переросла должность штурмана. Ри называла ее Зу и долго болтала с ней в каюте. Мешать не хотелось.

Про то, что сам Гошка и есть настоящий Кукса, который очень огорчает врагов Рысской Империи на море, знали все, судя по приветливым взглядам и доброжелательности, с которой отвечали на любые его вопросы. Так что, испросив разрешения, он устроился на койке матроса, что сейчас на вахте. Ноги вытянуть, умишком пораскинуть. Блокнот с собой, карандашик имеется. Ну-ка, по второму кругу...

Общее впечатление — корабль годится только для боя. И к месту сражений их следует возить на лихтеровозах, чтобы не исчерпать выносливости команды преждевременно. В атаку эти суденышки хорошо бы выводить чему-нибудь типа эсминца, с которого и обзор нормальный, и помощь можно получить при повреждении. Поговорить бы надо еще разок об этом с капитаном, узнать взгляды на тактику боя с использованием малых быстроходных кораблей, и стратегию войны на море. Тавруха наверняка сдавал ему свое детище из рук в руки и при этом не молчал. Непременно делился замыслами.

Ну и записку стоит составить подробную и обстоятельную, пока выдалась свободная минутка. А то с этой Ри никогда не знаешь, что произойдет через день или час. Вот сейчас, пока они заперты в стальной шкатулке с единственным выходом, можно быть спокойным — никуда не денется. Как-то расставаться с ней ему бы не хотелось. А что принцесса — так и с большими недостатками люди живут.

ГЛАВА 30

Так за разговорами да писаниной и добежали до столичного порта. К сходяням подкатила кибитка, бодро доставившая их в самый настоящий дворец. Лестницы и крылечки, лепнина, цветные флюгеры на крыше. Ливрейные лакеи, усатые гвардейцы в блестящих мундирах,

паркет, мозаика, витражи, барельефы... бегом, они опаздывают.

Стремительно приняв роскошную ванну, Гошка попал в руки парикмахера. Его многодневная щетина, которую Ри настрого велела не трогать, превратилась в отвратительную слащавую реденькую эспаньолку, дополненную идиотскими жиденькими усиками. Волосы стали волнистыми, хотя и остались столь же короткими, как он обычно носил. Густые брови превратились в подобие хвостатых запятых. Батист, парча, кружева, шелковый пояс, башмаки с блестящими пряжками. Тональный крем, что-то на глазах подделывают тонюсенькой кисточкой, и тут влетает расфуфыренная не хуже него Ри.

— Скорее, реквизит установлен, массовка отрепетировала, твое дело сидеть молча с важным видом и кивать на каждое папино «Не так ли?». Остальное — делай, как я. — Подхватив его за руку, она понеслась по роскошным коридорам. Зеркала, драпировки, позолота...

Нет, если цель ее жизни — ошарашить супруга, то он еще не отошел от первого сюрприза. Того, когда лепили пельмени. А потом ведь еще добавки были полноценные.

Тронный зал. На возвышении троны, где расположились Го и Варя — Императорские Величества. По правую руку от Величеств на коврике, прикрывающем узор мозаичного пола, пара удобных кресел, куда усаживаются Ри и Гошка — Императорские Высочества. Вдоль стен — банкетки, где пара десятков нарядно одетых господ поглядывают-то на монаршую чету, то на дверь в стене против трона.

— Император джаппов прибыл, — шепчет Ри. — О чем пойдет речь — никто не ведает. Уровень визита высочайший. Жаль, не увидели выступления почетного караула. Очень уж мы в пути задержались.

Гошка тем временем рассмотрел так называемую

массовку. Главнокомандующего флотом опознал с трудом, очень уж он обильно украшен. Такое количество сверкающего металла и блестящих камней, покрывающих лицевую часть мундира, орденов, носить тяжело. Чисто физически. Остальные, судя по всему, тоже здесь не случайно. Ленты, банты, расшитые золотом одежды самого изысканного покроя. Церемониймейстер носит, как угорелый, поправляя и устраняя, наводя окончательный лоск. Пробегая мимо Гошки, останавливается, буксуя по паркету.

— Где твои ордена? — Во взгляде паника.

— Так не заслужил, — удивляется Гошка.

— Го! Ты совсем офигел!!! — Гневный взгляд в сторону Величества.

— Нельзя было, Кеша. Он всего месяц как гражданин. — Го тоже несколько смущен. — Ты же знаешь, мы уже полтора года ни с кем не воюем.

Кеша досадливо крикает, озадаченно смотрит на незавершенный вид нового в этой постановке персонажа, потом вопит.

— Мирбах, розово-голубую ленту принцу, срочно. — Подумав минуту, он успокаивается и заключает. — Смотреться будет торжественно, а орденов с таким сочетанием цветов ни у кого нет.

Наконец все утрясено. Несколько минут спокойного ожидания. Раскрываются двери и входят бойцы императорской гвардии в мундирах времен войны 1812 года. Кивера, золотое шитье, палаши наголо. Попарно с ними в одежде самураев с катанами за поясами охрана другого императора. Следом от двери до самого трона раскатывается ковровая дорожка и входит самый главный джапп.

Все встают. Го и Варя спускаются с возвышения и встречают его в центре зала. Им тут же подтаскивают кресла, приносятся банкетки для приближенных высо-

кого гостя. Все рассаживаются прямо посреди зала, а охрана становится незаметна, отойдя за спины собравшихся.

Обмен любезностями, представление наследницы престола и ее избранника, министров, советников. Протокольная часть заняла около получаса. Потом джаппы предложили военную помощь против собирающегося союза испов, франов, тальян и нидеров, которые, судя по всему, собираются отобрать у рыссов гряду Буллет. Взамен они просят квоту на Китовом Поле. После опустошения, произведенного китобоями в морях северного полушария, целые отрасли джаппской промышленности приходят в упадок из-за дефицита сырья. После этого посыпались цифры, от которых Гошке сделалось тоскливо.

Сложно сосчитать китов в море, непросто их взвесить, а к каждому китобою не приставишь надзирателя. Словом, на обсуждение технических вопросов решили сделать перерыв и отправились обедать. В процессе встречи помпезность снизила свой уровень незначительно. Создалось впечатление, что торжественная часть перетекла в деловую, и официоз можно слегка ослабить. Совсем чуть-чуть. Буквально на одну дырочку.

Такого банкета Гошка не видал даже в кино. Тончайший фарфор и звонкий хрусталь, сверкающее столовое серебро и белоснежные хрустящие от крахмала скатерти. Прислуга так и порхала, сменяя блюда и наполняя бокалы, предвосхищая не жест, казалось, мысль трапезничающих. Тосты за дружбу и взаимопонимание следовали один за другим. Пара ребят из окружения гостя укушались водовки и сомлели. Их тихонько удалили, и тут же пару приближенных со стороны хозяев постигла сходная участь, что разрядило обстановку. Остальные налегли на закуски и перестали частить со здравницами.

Когда гости уехали на броненосный крейсер, на ко-

тором прибыли, Гошку проводили в просторную комнату с длинным столом. Здесь собрались все, даже двое «сомлевших» выглядели как огурчики. Пошел анализ.

— Практически джаппы приняли наше прошлогоднее предложение. Просто для этого им понадобилось лишиться самой дорогостоящей части своего флота. — Это министр иностранных дел. — Отрадно, что вразумили. Теперь нам надо дать не так много, как предлагали, и взамен попросить больше, чем запрашивали.

— Непонятно, как можно ограничить объемы их промысла. — Этот дядька ведаёт природными ресурсами, Ри назвала его Костиком. Вот уж воистину беспредельная сфера приложения усилий. — Или действительно на каждый их корабль сажать представителя? Так ведь подкупят или споят.

— А если ограничить не объем промысла, а его район. — Это Гошка озвучивает посетившую его мысль. — Как выбьют всю живность в своем квадрате — сразу начинают сосать лапу.

— Так ведь киты кочуют с места на место! — сомневается командующий флотом.

— Пути миграций нам известны. — Этого человека Гошка не знает. — Вот клин между четырьмя островами, четверть миллиона квадратных километров отличного моря, наши китобои сюда не заглядывают, а даже если истреблять любого заплывшего в эту зону кита, то девять десятых поголовья гарантированно останутся нам. Урмане наверняка возражать не будут.

— И потребуем у них взамен беспопыленного топлива. Замечательный уголек, и цена прекрасная. Наша промышленность его на полукоксовых заводиках в топочный мазут преобразует, флот на жидкое топливо переведем. Опять же горючий газ, и твердое топливо очень хорошего качества.

— Точно, свои шахты в щадящий режим, сколько рабочих рук кругом не хватает!

— И вот эти четыре островочка нам в аренду, — командующий флотом помечает на карте — Мы там оборудуем базы, случись что — испам и нидерам морскую торговлю враз ополовиним.

Через час проект договора для завтрашнего обсуждения с гостями был составлен. После его чтения у Гошки сложилось впечатление, что с джаппами решили обойтись, как с родными.

— Может, дредноуты им вернем? — спросил он ехидно.

— Ты прав, содержать такие махины накладно. У нас их пять штук, но на все уже есть покупатели. — Го спокоен. — Их, правда, надо в док затаскивать для предпродажной подготовки, а то винты им кто-то отломал.

Ну вот, как в басне. Уже за попорченную шкуру напавшего хищника корят.

— Понимаешь, Го, чтобы линейные корабли надежно сделать невостребованными, их надо с воздуха закидать бомбами. А над Посейдонией летают только аэростаты, с них бомбить можно лишь то, над чем тебя ветер несет, — не унялся Гошка.

— А торпед, полагаешь, недостаточно?

— Я про то, как на Земле было.

— Ну а как здесь получится, о том никто не знает. Однако, если вбухаем все, что имеем, в огромные корабли, то больше уже ничего у нас не получится. Только и будем делать, что беречь их да припасом обеспечивать. Ты тогда, на входе в пролив Хель, хоть один выстрел из их пушек слышал?

— Нет.

— То-то и оно. На весь джаппский флот имелось всего два боекомплекта, и на каждый снаряд небольшой табун молодых кобыл можно приобрести. Наши-то коне-

заводчики пока только на три четверти покрывают потребность в тягловой силе для железных дорог, а мы еще по сотне километров новых каждый год строим.

Вернемся, однако, к дредноутам. Понимаешь, эти драгоценности надо очень хорошо охранять, занимая другие корабли. Ну, ты видел, какую силу джаппы для их защиты пригнали. Сам ведь задачу ставил — выбивать эскорты. А теперь, представь себе, что пришел к Урму джаппский броненосный крейсер с парой бронепалубников и стайкой посыльных кораблей, а угольщики не тянул с собой в колонне, а заранее расставил в нужных местах, да бункеровался по дороге, следуя со своей собственной скоростью. Против Хельмхольца ему бы хватило одного пассажирского судна с пехотой. И все! Пока бы мы сообразили да добежали — дело сделано. Территория захвачена, и колонны китобойных судов следуют на промысел. А войну Джаппской Империи объявлять нам ну никак не с руки.

Ладно — политику тоже оставим пока в стороне. Чисто по-военному, как тебе такой план компании джаппов против урман?

— Нам бы не понравилось, — вынужден согласиться Гошка.

— И почему джаппы поступили иначе?

— Логичней бить по главной цели всеми силами. Дредноутами — на случай нашего нападения на корабли и войска джаппов, захватившие Хельмхольц.

— Точно. Ну а теперь сделай вывод, — щурится Го.

— Не имей они дредноутов — мы бы остались с носом.

— Правильно. Только слишком конкретно. Важно, что многократное превосходство над неприятелем в грубой силе — это мощнейший провоцирующий фактор. И применить хочется обязательно, и сохранить, и незачем придумывать разные хитрые ходы, когда имеешь явное преимущество.

А мы — слабая сторона. Нас даже не причисляют к серьезным противникам. И переубеждать вероятного агрессора не в наших интересах. Потому, что можно получить очень болезненный сюрприз.

Закончив индивидуальную беседу с зятем, Го обвел взглядом остальных присутствующих. Непохоже, что они скучали, слушая объяснения этой несколько странной политики. И вообще, после обеда с возлияниями разговоры о политических планах идут немного взвинченно. Никак в толк не возьмешь, серьезно они тут или так, из-под мухи.

А разглагольствования не утихают.

— Теперь нужно, чтобы франы с нидерами скорее нападали. Пока секреты наши еще не обнаружены, да противником не скопированы. — Слова министра иностранных дел.

«Собственно, секретов тех — только скоростные торпеды. Остальное имеет ограниченную ценность, — рассуждает Гошка. — Или он что-то не знает? Пожалуй, что так и есть. Лучше слушать и помалкивать».

— В принципе сговор уже состоялся. Осенью эти шакалы на нас наваятся, у них как раз начнется весна. Потому они и закупают так срочно весь бывший джаппский броненосный флот, что полагают взять нас голыми и безоружными. — Министр иностранных дел бросает взгляд в сторону Ри. — Ты любезному своему Коктебельские острова покажи во всей красе. Чай, не успела еще? Конечно, сначала дизели для пакетботов, а военные вопросы — по остаточному принципу.

Ри слегка порозовела.

— Мирную жизнь тоже нельзя забывать, дядя Гриша. И потом — вопрос с дизелями на прежнем уровне. Есть одна задумка, но на быстрый результат надежда невелика. На небыстрый, впрочем, тоже. Но если бы ты видел, какие корыта у нас на внутренних линиях встречаются!

— Да видел. Сам сюда на «Эр-Курдюке» шел. Корпус старше меня, деревянный еще. Да только война нам предстоит, считай, против четверти мира.

Дальнейший разговор Гошка уже воспринимал отрывочно. Понятно, что спешно собранная по случаю приезда высокого гостя верхушка Империи спешила воспользоваться этим поводом и вывалить побольше своих проблем на остальных. В общем, впечатление сумбурности, скомканности и отрывочности. Или лишнюю рюмку он все-таки выпил?

И вообще, сборища столь разных людей — для него тяжкое испытание. Вечером обязательно поинтересуется у Ри, когда ей по следующему делу предстоит отправляться куда-нибудь... подальше. Он лучше чемоданчик любимой женщины понесет, чем будет сидеть здесь с перманентно увядающими ушами.

* * *

Ри прижалась спиной к его груди и уютно затихла. В этой огромной кровати с балдахином они не сразу нашли друг друга. Порадовались встрече и успокоились.

— Такие, как сегодня, сабантуйчики часто здесь бывают? — Слышно, что жена не спит, а спросить хочется.

— Ты имеешь в виду — сумбурные? Редко. Обычно удается собраться без спешки. Крейсер — очень быстроходная штука, даже броненосный. А джаппский император принял решение о визите внезапно, без консультаций с кабинетом. Поэтому мы и узнали обо всем так поздно. А, как ты понял, из числа тех, кто принимает решения, в столице подолгу живут немногие. Мама вообще полсуток в седле провела, чтобы успеть.

— Выходит, не только император и его дочери, но и большинство вершителей судеб живут жизнью рядовых обывателей, а во дворец прибывают только для парад-

ных случаев? — Гошка притискивает свою малышку еще теснее. — Это такой вариант хождения в народ?

— Когда отвечаешь за нечто большое и сложное, за всю страну или за отдельную отрасль, обязательно нужен взгляд сверху, чтобы охватить все в целом, — голосом терпеливого преподавателя вещает Ри. — Однако при этом для наблюдателя исчезают и многие детали. Картина теряет подробности. И за каждой мелкой особенностью уследить тоже невозможно. Для того, чтобы выбрать из них важные и не отвлекаться на второстепенные, вообще никакой головы не хватит. Поэтому и выбрана модель поведения, при которой все обыденные мелочи — бытовые или по работе, — затрагивают руководителей всех рангов в той же степени, что и рядовых исполнителей. Иначе легко проспать важную тенденцию, которую бывает легче учесть на самых ранних этапах ее развития, чем реагировать на последствия уже развившегося процесса.

На последнем слове этой тирады Гошка выключился.

ГЛАВА 31

До Коктебельских островов шли восемь дней на яхте привычной земной конструкции. Две мачты с косыми парусами, по канонам морской науки такое вооружение называется «бермудская шхуна». Такие суденышки на Земле считают прогулочными и в фильмах про красивую и беспечную жизнь состоятельных людей они частенько попадают в кадр. Правда, вместо дизеля или карбюраторного двигателя, предназначенного для маневрирования в тесных местах, здесь использовалась паровая машина, требовавшая существенного времени для поднятия давления в котле. Но сама она была невелика и маломощна, проста в обращении и много места не за-

нимала. На паровых катерах эта же модель. Запасы топлива для нее — более чем скромные. Привычным взглядом оценил — на полсуток хода, не более.

Команда — четыре человека — две немолодые семейные пары. Каждый в состоянии управлять судном самостоятельно, так что на круглосуточные ходовые вахты народа достаточно. Отличные ручные лебедки в принципе вообще позволяют справиться с любым маневром в одиночку, при соответствующем навыке, конечно. И, похоже, таким навыком обладает любой из этой четверки. Крепкие ребята, подвижные, опытные.

Комфортабельные помещения, все в полном порядке. В пятнадцатиметровом корпусе достаточно места, чтобы разместить то, что необходимо для путешествия. Гошка с удовольствием осваивал управление этой «игрушкой» и заучивал специфические термины «выжимателей ветра» — бакштаг, бейдевинд, немного запомнившиеся еще с учебки. Ри была здесь как дома. Много занималась стряпней, но и вахты стояла, чередуясь с членами экипажа.

Маршрут проходил через воды, где часто встречались и каботажники, и рыбаки. Раз видели патрульный кораблик. А на третий день похода разминулись с «систершипом».

— Вот не знал, что в Империи практикуются морские прогулки на яхтах, — Гошка кивнул в сторону проходящей мимо шхуны.

— Это купец. — Ри что-то плетет из веревочки, уверенно работая свайкой. — На небольших островах живут разные люди, которым нужны мыло и свечи, лекарства и перец. Такие вот скромные торговцы кормятся тем, что доставляют им все необходимое. А назад везут то, что производят на таких островах. Посуду и веревки, деликатесы из морских продуктов или пуговицы из раковин. Никакой головы не хватит, чтобы все упомянуть.

— А на какой верфи этих малюток строят? — интересуется Гошка, — очень уж похожи они друг на друга.

— На Порт-о-Крабсе с давних пор это ведется. Там хорошие мастера, и традиции передаются из поколения в поколение. От двенадцати до восемнадцати метров длиной да об одной или двух мачтах-однодеревках с любым вариантом компоновки-планировки.

Купцы, что их покупают, обычно на своих кораблях и живут с женами и детьми. Тоже династии, связи, конкуренция даже. Империя во все вникнуть не может, за каждым работником не уследишь и околоточных на всех не напасешься. Вот и получается, что ребята эти делают великое дело. Потом, если на каком островке семейств пятнадцать заведется, уж тогда деваться некуда — фельдшер, школьный учитель — все приходится обеспечивать. А потребуют жители, так и околоточного посылаем. Но это редко случается. Они, как правило, сами свои проблемы решают. Изредка попросят чего-то, цемента обычно, крепежа или кровельного материала...

Видно, что женушке приятно рассказывать о своей стране, о людях. Много знает и хочет, чтобы ее избранник тоже знал и любил все это, чем, возможно, в недалеком будущем ей предстоит управлять.

— А вот ты упомянула про посуду. Это деревянная или фарфоровая? — Гошка помнит про заморочки с турбинами.

— На разных островах разные глины. У каждого мастера — свои секреты. Один глиняные кружки тысячами отправляет в чурсайские пивные, другой хитрые свистки для чайских детишек лепит, третий специальные тигли по заказам химических производств или лабораторий университетов. Есть и такие, что для вооружений делают кое-какие детали. Скажем — дюзы и элементы камер сгорания.

Оба-на! Социальный психолог Мириам владеет и

терминологией ракетостроителей. Насколько он понимает, буквально на днях ей исполнилось восемнадцать. Конечно, великих познаний в какой-либо специальной области получить она наверняка не могла, но над широтой взглядов и технической эрудицией с ней работали отличные знатоки. Собственно, у Гошки тоже в активе сплошные верхушки от многих дисциплин, но он-то любил полистать технические журналы, да и в сетке масса любопытного. Опять же ВУЗ технический четыре года посещал, это нельзя забывать. Но встретить в девчонке равного в подобных вопросах! Интересно, сколько еще открытий ждет его на семейном поприще?

— Ри, а о проблемах, связанных с турбинами, ты что-нибудь знаешь? Почему их так мало у нас используют?

— Ты про низкую надежность и маленький ресурс, что, собственно, одно и то же? Как же мне не знать, если вы у меня над ухом об этом толковали! Это еще на семьсот сорок первом, когда мы в столицу бежали, встречать джаппского императора. Кстати, над роторами из керамики давно работают, но есть одна проблема, из-за которой военные к ним относятся с недоверием. Понимаешь, когда в корабль попадает снаряд, многое в нем содрогается. И вот тут глиняные лопатки приказывают долго жить. И, поскольку происходит это на ходу, то тело турбины — тоже.

На «Бегуне» турбина керамическая, однако ее амортизация при установке в корпус была весьма непростой задачей. Там очень хитро пришлось все устраивать, чтобы при ударах волн о днище все это не рассыпалось. Ну, и это же не боевой кораблик — посыльный. С графитовыми крыльчатками — вот свежая мысль. Папа уже фельдъегеря на «Пятерку» отправил с мешком денег и настойчивыми приободряющими инструкциями. Это действительно важно.

Гошка долго молчал. Вот ведь куда он попал! Ри, по-

хоже, давно уже тащит лямку государственного управления. Наверное, это не самая толстая лямка, и сила его маленькой супруги не особенно велика. Однако просматриваются и другие «тягловые». Го, дядя Гриша, дядя Казимир, сестрички, готовые включиться в деятельность таких сфер, как безопасность, разведка, армия и флот. Маменька, кажется, связана с медициной. И вообще, вся «массовка» с представления в столичном дворце, конечно, люди не случайные. Это явно мафиозный подход — кругом одни свои. Родственники. Ну, или ближники, как говорили в старину.

И его тоже приняли в эту семью, размеров которой он пока себе не представляет. Там в императорском дворце во время спектакля, разыгранного по случаю прибытия самого главного джаппа, немалое количество членов этой «группировки» присутствовало. Стоп! Кажется, возникает некоторое понимание вопроса, что промелькнул в его голове еще в проливе Хель, что на Урме. Система прощений за совершенные ошибки! Конечно! Родню обычно прощают, если и учинит кто какое непотребство. Пожурят, может, и накажут. Но не до урона здоровью. И простят. Интересно, какая вода на киселе императору начальник тамошнего полигона?

* * *

Конические вершины гор, покрытых травой и редким кустарником, заросших у подножий густым лесом, вставали, казалось, прямо из океана. Подходы с моря — специфические. Подводные скалы в огромном количестве торчат из воды повсюду. Паруса убраны, и паровая машина продвигает яхту со скоростью пешехода. Вообще-то, фарватер хотя и извилист, но пройти здесь можно даже и большому судну, только нужно не спешить, и

чтобы не штормило. В некоторых местах помощь буксира тоже не помешает.

Если этот Коктебель выбран для того, чтобы скрыть на нем некую тайну, то природа здесь явно на стороне хозяев. Нормальный шкипер такие места обогнет. Ну и насчет тайны у Гошки уже готова догадка. На карте у этого острова совсем другое название.

— Эта земля Империи расположена в самых низких широтах. Имеются в виду не мелкие островные системы, а приличный участок суши. — Ри нырнула Гошке под руку и прижалась к боку. — Здесь устойчивый пассат. Планеристам раздолье. — Похоже на чтение его мыслей.

В порту корпус сухогруза риканской постройки. Длина — двести метров, ширина — двадцать пять. Слегка заостренный нос и словно ножом срезанная корма. Классический купчина для дешевых грузов, не требующих скоростной доставки. Слабенькая машина, паруса, которые обычно ставят при попутном ветре. Но сейчас ни мачт, ни надстройки не наблюдается. Со стороны берега ведутся какие-то работы, однако с яхты ничего не разглядишь.

Это, похоже, Империя готовит авианосец. А Гошка, выходит, должен будет попытаться его использовать в надвигающейся войне. Точно. Ему же всякие новинки постоянно подсовывают, чтобы он попытался их применить в обстановке реального сражения. Замысел императора понятен. Непонятно только, как летают здешние самолеты. Из всех ему известных вариантов, когда-либо применявшихся в авиации, на его взгляд, единственным реализуемым в местных условиях является ракетный двигатель. Хех! С керамической дюзой и такой же камерой сгорания.

Молодчинка все-таки эта Ри. Подготовила его потихоньку, чтобы не был шокирован. Однако интересно будет посмотреть на здешние аэропланы.

Хотя насчет военного применения всего этого мгновенно возникает крепкий скепсис. Во-первых, «авианосец» абсолютно не ударный. Эти лоханки даже при самом попутном ветре больше трехсот километров за сутки не проходят, а уж под одними парами — двести максимум. Это — плавучий аэродром, не более. Ни догнать, ни убежать.

Во-вторых, самолетики-то — наверняка этажерки. А еще рикане для пальбы по шарикам стволы своих малокалиберных пушек сумели в два счета к небу задрать. Знают на Посейдонии об авиации. Пусть и понаслышке. И к встрече с ней морально готовы. Даже главным калибром способны выпалить шрапнелью по низколетающей цели. Ясно, что кроме неожиданности, не будет у него никаких преимуществ. Да и при такой скорости корабля-носителя с неожиданностью не все благополучно.

А потом, ракетные двигатели — самые прожорливые. Следовательно, здешние авиаторы будут жестко ограничены по времени. Ни схитрить, ни повторить попытку они не смогут. Будут переть прямо на цель...

Что-то много в нем скепсиса сегодня. Надо бы успокоиться. Одни ведь догадки.

* * *

Точно, в десятке километров от побережья оказалась крупная планерная база. Всевозможные конструкции: коробчатые и этажерчатые, дельтапланы и классика с длинным тонким крылом. Любые типы стартовых устройств, начиная с разгона под горку навстречу ветру, заканчивая взлетом с крыши несущегося по рельсам железнодорожного вагона. Катапульты тоже представлены во всем многообразии — резиновые, паровые или с приводом от падающего груза. И в воздухе одновременно несколько аппаратов. Одни взлетают, другие набира-

ют высоту, поймав восходящий поток отраженного склоном горы ветра, кто-то идет со снижением. Но все это без кутерьмы, спокойно и довольно уверенно. Вот производится изящная посадка, и веселый, похожий на воздушный змей, планер оттаскивают на край летного поля.

— Лет десять назад к нам с Земли занесло одного планериста, мы и занялись этой тематикой в расчете на то, что вскоре удастся сделать приличные дизели. Тогда бы и авиацией обзавелись. У нас около сотни неплохих пилотов, но самолетов все еще толком нет. — Обиженно надула губки Ри.

— Мне показалось, что вы тут наладили сбор пришельцев и их использование в промышленных масштабах, — с интересом откликается Гошка.

— Верно. В других странах это не столь тщательно налажено, но и там пытаются поступать аналогично.

— А своих Кулибиных и Эдисонов здесь нет?

— Одно другому не мешает. Кроме того, выходцы из вашего мира знают конечный результат, а это сильно помогает не прикладывать усилий в тупиковых направлениях. Вот ты изложил принцип работы турбовинтового двигателя, а наши до этого додумались бы или нет?

Эта маленькая язва только что здорово проговорилась. Гошка не мог быть первым, кто описал принцип действия этого типа двигателя — они слишком широко известны, особенно, если учесть то, что здесь в небе творится. Явно чувствуется «след» человека, знакомого с авиацией существенно лучше, чем он. И не мог этот планерист не знать об этих движках. Важнее то обстоятельство, что содержание его отчетов Ри не только прочитала, но даже помнит такую деталь, далеко не самую выразительную в его изложениях, написанных в карантинном блоке Казарм Формовщиков.

Они вошли в ангар, где проводилась сборка моно-

плана. На крыльях крепились две мотогондолы с пропеллерами. Лапы обтекателей неубирающихся шасси выразительно ухватились за дощатый пол. Широкий размах крыльев, оперение без центрального элемента, но с шайбами на концах горизонтальной плоскости.

— Набор собран из тонких дюралевых профилей, обтянут лавсановой тканью, пропитанной лаком, — без вступления приступил к объяснениям кряжистый мужчина лет тридцати. — Хвостовое оперение из нержавеющей стали. Планер облетан с муляжами двигателей, уверенно садится, при снижении достигнута скорость двести семьдесят километров в час. Выход из штопора нормальный. Сейчас отрабатывается запуск двигателей. — Он смущенно улыбнулся. — Не так-то просто вплюнуть пламя на форсунки камеры сгорания, действуя из кабины. Но вроде с клапаном справились.

— Когда полет? — Ри чуть не подпрыгивает от нетерпения.

— Сегодня рулежка, пробежка, подскок. Но в кабину даже не просись. — Мужчина ухмыляется и продолжает: — На одиннадцатом экземпляре, не раньше.

Гошка сует нос во все щели. Совсем неплохо сделано. Каркас из тонкостенных профилей выглядит убедительно. Понятно теперь, куда девался чистый алюминий, от производства которого остался «грязный». Баки в крыльях, тросики системы управления, рычаги, тяги. Хороший обзор в переднюю полусферу, высотомер, указатель скорости. Компас и креномер. Совсем цивилизованно. Второе кресло лицом к хвосту, перед ним непонятные приспособления — баллоны, штуцера, краники. Тут идет колдовство с применением щупов и гаечных ключей. Что-то кричат с крыла, подтягивают гайку. Наконец народ разбежался, проверили крепления шасси, закрепили за кольцо в хвосте канат, обмотанный вторым концом вокруг опорной колонны.

— Пуск правого двигателя из кабины. — Комментирует мужчина. Ри называет его Трос. — Сейчас раскрутят пропеллер сжатым воздухом и попытаются дать воспламенение в камеру сгорания.

Винт начинает вращаться.

— Горючее пошло. — От сопла отскакивает техник.

— Поджиг! — звучит команда.

В кабине механик перекладывает рычаги краников и щелкает заслонкой.

— Есть горение. Отключить раскрутку!

Закручивается вентиль, поток горячего газа из сопла не иссякает, вращение винта убыстряется. Поток воздуха становится плотным, и двигатель останавливают. Пока не выдуло все из ангара.

Снова суeta, Гошка и Ри вдохновенно принимают в ней участие, зараженные энтузиазмом окружающих. Через полтора часа провели процедуру запуска второго движка. Все довольны, но Трос обеспокоен.

— Планеры все посадили?

— Да. Уже последний закатывают на площадку ожидания.

— Отлично, двигаем на старт.

Все наваливаются, и самолет выкатывается на открытое пространство. Его поворачивают, Трос занимает место в кабине, за его спиной устраивается один из техников. Запускают один двигатель, второй, кто-то машет флажком, самолет трогается и катится по взлетной полосе. Остановка, разворот. Теперь машина бежит заметно быстрее, оторвав хвост от грунта.

Плавно замедляется, останавливается. Опять разворот, и снова пробежка вдоль всей полосы с коротким подлетом. Тут же посадка и плавная остановка.

Следующий «заезд» прошел уже с подлетом метров на десять. Наконец самолетик подкатывается к воротам ангара и останавливается. Звук реактивной струи обры-

вается, и винты долго еще крутятся по инерции, замедляясь.

Наконец все остановилось. Народ закатывает машину в ангар хвостом вперед и техники подтаскивают под двигатели металлические леса.

— Тяга упала на последнем проходе, — недовольно бросает Трос.

«В такой команде можно сварить любую кашу», — понимает Гошка и перестает удивляться увиденному. Особенно, поняв, что идет демонтаж обеих силовых установок. Понятно, опять лопатки турбины. Явно хватает только на один полет. Просто проклятье какое-то. Может, лучше паровой котел в фюзеляже разместить да и крутить пропеллеры паром? Тогда на десяток-другой полетов турбины хватит. Хотя наверняка уже и без него все оценили. Ясно же, что готовят сразу боевой самолет, стало быть, нужно везти не только пилота, но и бомбы.

* * *

На следующий день после обеда самолет взлетел, выполнил несколько разворотов, подъемов и снижений. Нормально сел. Второй полет провели с макетом бомбы — бревном, который прицельно сбросили на краю аэродрома с пологого пикирования. И снова закатали машину в ангар.

Еще удалось увидеть «продувку» планера аналогичной модели на крыше несущегося по рельсам вагона. На идеально прямом участке длиной километров пятнадцать этот макет прокатили на скорости километров полтора, причем с пилотом в кабине. Исследовали реакцию на отклонение рулей и элеронов.

— Вообще-то мы их отсюда, с крыши поезда, и запускаем в первые полеты, — объяснил подошедший Трос. — С моторами полная ерунда, так что все, что можно выда-

вить из проверок планера при его буксировке, исследуем от всей души. Ты не слыхал, как там с дизелями дела обстоят? Извелся уже весь. У нас ведь модель готовая имеется под поршневого движок. Аналог У-2.

Гошка поведал печальную историю посещения дизельной лаборатории. Повздыхали, поохали.

— Завтра покажу тебе готовые машины. Не скажу, что я от них в восторге, но немножко лучше, чем совсем ничего. — Трос явно собрался уходить.

— А эти чем нехороши? — интересуется Гошка.

— Моторы кончились. Следующая пара через два месяца будет. — Фразу завершает тяжелый вздох, похожий на стенание. — Это еще на один полет или пару полетиков.

* * *

— Трос, он такой же, как ты, пришелец с Земли. Лет десять как в наших краях, — пояснила Ри. — Папа ему всем помогал, и ты сам видел, что за люди вокруг него собрались. В общем, завтра покажем тебе то, что уже можно использовать для работы по морским целям. Догадался ведь, какую участь тебе готовят?

— Есть версия, что командовать подразделением кораблей, включающим в свой состав авианосец.

— В общем, да. Трос хочет руководить собственно авиацией, если ты не против.

— Не против. Только пока не понял, где же у нас авиация. И слушай, пока не началось, попроси Троса, и из его ребят-двигателистов, кого он сам выберет, зайти сюда потолковать о дизелях. Непокойно как-то мне.

— Пойдем-ка лучше в столовую. Чем народ звать-собирать, легче прийти туда, где и так найдутся все, кто тебя интересуется.

Правда. В столовой былолюдно. Ри спокойно уселась на лавку напротив Троса.

— Кукса потолковать хочет. — Короче не скажешь. Прямо в глаза мужику. Нет, это не жена, а стихийное бедствие. Гошка медленно вдохнул воздух.

— Ты, как работает дизель, знаешь? — Глаза в глаза.

— А кто же этого не знает? — Трос спокоен и даже не удивлен.

— В карантине сидел? — Гошке надо знать точно.

— Сидел.

— Отчет писал?

— Скорее, это были воспоминания.

— Про дизели писал?

— А чего про них писать? Там же все просто.

— А почему они здесь не получаются?

— Откуда мне знать? Может, температура для воспламенения недостаточна, может, еще что не так. Я ведь не специалист. Знаешь, сколько там тонкостей?

— Вот прямо сейчас, и прямо здесь, вот на этом листике мы с тобой все эти тонкости и обсудим. Ты готов?

— погоди, Кукса! Тут как вообще вопрос ставится?

— Я был в дизельной лаборатории. При мне двигатель немного работал. Но звук был вообще незнакомый, пахло совершенно не тем выхлопом, а слово «впрыск» вызвало ненормальную реакцию окружающих. Как на сальный анекдот.

— Тревожные симптомы. И бумажка какая-то маленькая. Ри! Когда вообще ближайший рейс до этой лаборатории?

ГЛАВА 32

Утром следующего дня Гошку провели в другой ангар. Со стороны он выглядел совсем небольшим, да и внутри не был особенно просторным. Огромные толстомясые дуги, опираясь концами о грунт и прилегая друг к другу, составляли его свод. Присмотревшись, лег-

ко было обнаружить, что собраны эти гнутые «колонны» из стеблей тростника, увязанного в очень длинные фашины. Устойчивость конструкции придавал ее размер и плотная сборка.

— Пожара не боитесь? — поинтересовался у одного из техников, что распаховали створки хлипких на вид дощатых ворот.

— Знамо дело, приходится опасаться, — ответил тот, нисколько не смущаясь.

Самолетиков здесь располагалось пять штук, все одинаковые, установленные друг за дружкой с поворотом, что позволяло уместить большое количество машин на весьма ограниченной площади. Ближний к выходу принялись выкатывать на площадку перед сооружением.

Сначала показалось, что это У-2, но по мере «проявления» деталей сходство ослабевало. Двойное крыло биплана со стойкой, соединяющей плоскости, бросилось в глаза раньше всего, но потом глаз начал находить специфические детали. Переднее колесо неубирающихся шасси оказалось относительно большого диаметра и наполовину скрывалось под обтекателем передней части. В результате сам самолетик стоял с опущенным носом, поскольку стойки колес под крыльями оказались выше.

Сам нос выставлялся вперед значительно дальше, чем ожидалось, отчего хвостовая часть выглядела слегка куцей и была увенчана солидным хвостовым оперением. Прямо здесь и оказалась расположена соосно фюзеляжу единственная дюза. Поскольку воздухозаборников обнаружить не удалось, становилось очевидным, что двигатель здесь используется ракетный и Гошкины гипотезы блестяще подтверждаются.

Трос помалкивал, Ри вообще куда-то исчезла, а к хвосту самолета, вытолканного из ворот, подкатили солидный ящик на колесах, вытащили из него конец каната

и затолкали его... прямо в дюзу. Потом Гошка с изумлением наблюдал за тем, как на продольный вал, расположенный в центральной, межкрыльевой части фюзеляжа, слой за слоем наматывается этот толстый шнур... бикфордов шнур! Точно. Ракетное топливо упаковано в длиннющую «колбасу» и подается в камеру сгорания по мере израсходования.

— Полезли пока на вышку, — Трос показал в сторону нависающей возвышенности, на верхушке которой пристроилась решетчатая конструкция, увенчанная площадкой. Путь оказался неблизким, сначала по крутой тропе, потом начались лестницы и, наконец, они с верхней точки наблюдательной башни осматривают окрестности.

Далеко внизу у самолетика копошатся люди, пилот занимает место в кабине, расположенной в самом носовом участке летательного аппарата. Видно, как крошечная фигурка усаживается, располагая ноги по сторонам кожуха, прикрывающего верхнюю часть переднего колеса шасси, как техники прилаживают лобовой обтекатель и прозрачный фонарь.

— Как ты понял, в этой конструкции навалом уязвимых мест. Однако кабина пилота бронирована от пуль и осколков. Только прозрачные компоненты значительно слабее всего остального. Ну и пилотов подбираем по комплекции. Тут только компактные и жилистые не чувствуют тесноты.

Еще пара врожденных слабостей. Во-первых, если двигатель в полете останавливается, пробудить его к жизни нет никакой возможности. Дальше — только посадка за счет планирования, качество планера позволяет. Правда потом, на земле, пилот может снова раскочегарить дюзу и взлететь без посторонней помощи, однако, уже без фонаря и обтекателя. Установить их можно только снаружи. Проигрыш в скорости невелик, но лобовой

брони нет, и обдувает там не по-детски. Конечно, над морем эта возможность не слишком нужна, но с песчаного пляжа, а особенно с обсушки, уйти вполне получится.

Второй момент связан с тем, что тяга не регулируется. Скорость горения топливного шнура определяет мощность однозначно. Только выключить двигатель можно — и все. У нас на этот случай есть три типа двигателей и три диаметра шнура.

Самый тонкий, для старта самолета с катапульты, рассчитан на дальний полет. Скорость по горизонтали получается сто двадцать километров в час, так что за четыре часа можно сгонять на удаление двести километров, отвезти полтора ста килограммов гостинцев и вернуться.

Средний, что сейчас заправляют, — это и своим ходом можно взлететь, только разбег метров пятьсот. Два часа в воздухе, но скорость уже сто пятьдесят. С учетом расхода топлива при старте радиус действия следует полагать в сотню километров.

На толстом шнуре взлет происходит энергично, сам полет длится сорок минут. Скорость увеличивается до двухсот километров в час. В общем, если до цели полста кэмэ, есть хороший шанс отстреляться и возвратиться.

Конечно, виды старта мы варьируем, и количество шнура в заправке тоже меняем в зависимости от предполагаемой задачи. Остаток-то каждой зарядки с новым концом не сопрягается. Только целый участок этой «колбасы» можно использовать. И в этом вопросе имеются трудности. Ограничены мы в топливе. И само оно ограничено в сроке хранения, влагу не любит, повреждения оплетки вообще катастрофа. Словом, самолетиков этих больше, чем имеем, нам просто не прокормить.

Вообще-то их, конечно, не пять, а два десятка. Все облетаны, на все подготовлены пилоты. Тренировочные

полеты ведутся ежедневно, отрабатываются и боевые задачи. Вот, смотри!

Точно. Самолетик внизу уже готов. В бинокль видно, как короткий отрезок обычного огнепроводного шнура тлеет, выглядывая из дюзы. Воспламенение, струя из сопла. Взмах давно занесенного сигнальщиком флажка, рывок каната катапульты и энергичный старт небольшой машины. Неспешный набор высоты, плавный вираж, «площадка» с набором скорости. Четко просматривается тонкое тело длинной авиабомбы, подвешенной под фюзеляжем.

Снова вираж, на этот раз энергичный, и снижение уже с другой стороны вышки. А здесь ровная поверхность с широкой канавой, заполненной водой. Именно в эту полосу воды с пологого пикирования, больше похожего на энергичное снижение, и кладет свою «бомбу» шустрая этажерка, когда ее колеса оказываются буквально в паре метров от воды. Потом быстрый набор высоты и резкий разворот. Приличная потеря скорости, но срывом даже не пахнет.

Бомба не тонет и не взрывается, а несется вперед по канаве, оставляя характерный для торпеды пузырчатый след. Метров через четыреста снаряд касается берега, замедляется, все более зарываясь носом в глинистый склон, и, наконец, замирает на месте, молотя воду винтами и вихляя задом.

— Неважно легла, — комментирует Трос, — большой перерыв в полетах. Ничего, повторение — мать учения.

А самолетик уже заходит на посадку. Энергичное снижение, выравнивание, двигатель выключен, и самолет аккуратно приземляется точно на край размеченной белой полосы. Мягко опускается нос, торможение проходит плавно, но быстро. Пробег — метров восемьдесят.

— А вот посадка классическая. Чувствуется стиль и уровень подготовки. — Трос явно доволен.

На аэродроме техник что-то делает в хвостовой части самолета. На тележке под брюхо закатывают новую «бомбу», а Гошка смотрит в сторону канавы. Первая торпеда уже «отворчала» и затихла. Ее, зацепив петлями, выкатывают на берег шестеро дюжих мужиков. И убегают с нею на руках к конной повозке, которая быстро скрывается за бугром. Наблюдатель, находящийся тут же на площадке, вывешивает белое полотнище со стороны аэродрома, и черное — в направлении «стрельбища». Ага, сигнализация и оповещение.

Вторая попытка того же пилота прошла вообще замечательно. Торпеда ушла по канаве и вылетела на берег в самом ее дальнем конце, когда водная гладь просто закончилась. А выход самолета из атаки прошел по другому сценарию — полупетля с полубочкой.

— Конечно, эти торпеды не так мощны, как те, что выстреливают с миноносцев. Значительно облегченный вариант. Разработали его уже после риканской войны в расчете на переноску руками нескольких человек. В принципе, снаряженную вшестером можно нести несколько километров. Ну и нам они хорошо подошли. Что интересно — вообще без переделки. Бегут на четыре километра, курс выдерживают прекрасно, так что, если стрелять с бреющего, попасть по крупному кораблю вполне получится.

— А вы их, что, перезаряжаете после учебных стрельб? А как же нагар? — впервые открывает рот Гошка. Увиденное впечатлило настолько, что слова сами попросились на язык.

— Нагар растворяем, есть специальная рецептура. Двигатели даже разбирать не приходится. Затратно, конечно, спору нет. Однако неприятеля можно здорово удивить, если машины исправны, торпеды быстры, а пилоты умелы. — Трос явно доволен произведенным впечатлением. — Сам понимаешь, для того, чтобы все это

превратилось в пустой пшик, достаточно всего одного слабого звена.

— Как с турбовинтовыми двухмоторниками. Все работает, а ротор на один полет.

— Верно. Чего только не пробовали использовать для турбинных лопаток — все течет. Усталость материалов здесь просто ни в какое сравнение не идет с земными кондициями. Понимаю, что решение будет найдено, но пока результаты неутешительные.

* * *

С Ри Гошка увиделся только вечером. Как пропала любезная по дороге к ангару реактивных торпедоносцев, так и не появлялась в поле его зрения весь день. И сейчас она выглядела неординарно. Дрожала на кровати под двумя одеялами, причем на столике стояла бутылка со знакомой этикеткой, из которой (бутылки, конечно) немного отпили. Запах, стоявший в комнате, однозначно указывал на то, что крепкий спиртной напиток — это ром дусского производства, который Гошка возил с собой в рюкзаке на случай доброй встречи с хорошим знакомым. Количество выпитого свидетельствовало о том, что крепость содержимого этой емкости потребителя не вдохновила. Но вот состояние этого самого потребителя внушало серьезные опасения.

Выкатив свою принцессу от стенки на самый край кровати, Гошка посмотрел в ее шальные глаза.

— Заболела, тебе неужется? — спросил тихонько.

— Я здорова. Меня всегда колотит полсуток, когда испугаюсь.

— Тогда подожди еще чуток, сейчас я тебя вылечу, — Гошка быстренько укутал свою малышку в одеяло и рванул в столовую.

Вернулся через несколько минут и расставил на столе тарелки.

— Иди сюда. — Он выпутал жену из одеял и усадил на стул. — Начинается лечение последствий испуга небольшим количеством холодца с хреном. Можно и с горчицей. На худой конец и уксус пойдет, — спокойно подавая небольшие кусочки прямо в рот, комментировал он.

— Потом поверх холодца кладется ломтик селедки с репчатым лучком и надкусывается картошечка, — продолжает он инструктаж, контролируя выполнение «упражнения». — Тут не повредит и маленькая рюмочка, но, в принципе, несложно без нее обойтись, тем более что она уже была принята превентивно, — продолжает он, отталкивая в сторонку ром. — Теперь важно не упустить момент для принятия основного противоужасового препарата — рисовой каши с подливой. Собственно, данный компонент можно варьировать в области качества в широких пределах. Важно, чтобы его было много и чтобы поступал он в организм стремительно.

— Больше не могу. — Ри откладывает ложку, глядя на произведенное ею опустошение, — да и нечего, честно говоря. Действительно, помогает. Никогда бы не подумала.

— А теперь, когда стук зубов не прерывает связность речи, Расскажи-ка мне, милая, кто же это умудрился тебя так напугать?

Реакция была неожиданной. Девушка нахмурилась и замолчала. При этом лицо ее приняло упрямое, даже вызывающее выражение. Стало быть, снова тайны Бургундского, на этот раз, двора.

— Ладно. Не хочешь, не отвечай. Я тебя все равно люблю.

Опять бурная реакция. На этот раз Ри почти брызнула на него из глаз слезами... и некоторое время они были заняты.

— Да уж, — размышлял Гошка, слушая ровное дыхание прижавшейся к нему жены, — эмоциональность у женщин значительно выше, чем у нас, мужиков. И тряхнуло ее сегодня неслабо. Просто до печенок пробрало. Лучше всего немного отвлечь ребенка от переживаний.

— Слушай, помнишь камушек ты у меня забрала. Обещала сказать, что это за минерал.

Вот незадача. Только что бывшее расслабленным тело опять напряглось.

— Понимаешь, Игорек, это платина. На Земле ее считают благородным металлом. Пожалуй, самым дорогим из тех, что используется в ювелирных изделиях. На Посейдонии — тоже. Красиво блестит, не окисляется, встречается редко. Наравне с золотом и серебром используется для хождения в виде монет и слитков. Одна беда. Наши геологи разыскали несколько неплохих месторождений, и мы наладили добычу самородной платины в заметных количествах.

Казалось бы — гребни деньги лопатой и покупай на них весь мир, ан нет! Первая же попытка продажи привела к снижению стоимости этого металла. Прикинули, что к чему, и остановились. Через несколько лет цена вернулась к первоначальному уровню, и мы теперь продаем ее килограммов по сто в год. А остальное прячем. В общем, так оказалось значительно прибыльней. Вообще-то это страшная тайна, но раз уж ты со мной связался, то всяких секретов узнаешь еще немало. Почему бы и этот не знать, тем более понял, наверно, из чего насыпается подушка под тропинками в саду нашего дома. Никогда ведь не знаешь, как дело обернется, а самородочек размером с кулак может спасти чью-то жизнь, или всю страну, если окажется вовремя под рукой.

Гошка прикинул продолжительность садовых дорожек на участке, где располагался императорский дом. Неплохо получается. Вот только кто же роторы из нее

изготовит, из этой платины? Для ювелиров с их оборудованием подвижная деталь даже относительно компактной самолетной турбины может оказаться чересчур большой, да и требования к точному выполнению размеров, а главное, балансировке, вызывают тревогу.

В общем, когда он все это выложил Ри, та думала недолго. Через полчаса они вышагивали по пустынной ночной дороге, ведущей к порту. Тут нашлось несколько тропинок, заметно сокративших расстояние, так что на рассвете они сладко посапывали в каюте яхты, бегущей на всех парусах к ближайшему порту столичного острова.

ГЛАВА 33

Заметных усилий стоило удержать увлеченную идеей использования платины для ответственных элементов турбин Ри от затеи немедленно мчаться домой и выкапывать из-под садовых дорожек самородки. Удивительно все-таки сочетаются в ней детская непосредственность и искреннее старание действовать вдумчиво, по-государственному.

Так или иначе, первый визит нанесли металлургам. В закутке плавильной лаборатории, где почти не слышно было пламя гудящих горнов, солидные мужики спокойно и обстоятельно раскатали затею в пух и прах, оперируя соответствующими цифровыми значениями и графиками изменения прочностных характеристик от температуры, и однозначно доказали губительность последствий реализации безумной идеи, пришедшей в голову этим юнцам.

Данные, полученные в этой лаборатории, через которую прошли практически все металлы, кроме железа и его сплавов, указывали на то, что в предполагаемых условиях лопатки роторов поведут себя как лед на теп-

дом весеннем ветерке. Вот если бы температура при сгорании углеводородного топлива в струе набегающего воздуха была меньше, тогда, экстраполируя результаты испытаний одной любопытной бронзы, с которой они совсем недавно начали эксперименты... для паровых турбин это, похоже, подойдет, если прикидки окажутся верны. Но этих работ в плане нет, у них в заказе сплавы инструментального направления и еще оружейники торопят с материалом для колпачков... ну, не знают они, для чего эти колпачки, просто заданы пределы пластичной деформации образцов известной формы.

В общем, полный облом. Ну, раз уж зашли в такое интересное место, почему бы не посмотреть? Где еще увидишь горны и печи, приспособленные для проведения разных хитрых экспериментов. Особенно заворожило одно сооружение, в котором в пламени, бушующем в струе огненного дутья, вальяжно нежился толстопузый тигель. В него длинной ложкой подсыпали фиолетовый порошок и бросили короткую проволочку. Потом лаборант огромными клещами положил на поддон несколько кусков отборного кокса, подвигал их кочергой и прибавил подачу воздуха.

Когда он отвлекся к вентилям, конец кочерги остался в пламени. Цвет огня сделался голубым, гудение изменило тональность, став похожим на рев, умеренной впрочем, громкости. Около минуты работник регулировал потоки воздуха с нескольких направлений, потом, удовлетворившись достигнутым результатом, той же кочергой передвинул пламенеющие куски кокса, а один из них даже расколол коротким ударом загнутого конца своего инструмента.

— Эта кочерга, из чего она сделана? — вдруг поинтересовалась Ри из-за Гошкиного плеча.

— Митрич наши инструменты в порядке содержит,

его спросите. — Лаборанту не до разговоров, он должен следить за процессом.

Пошли искать Митрича. Нашли быстро. Зажав в тисках стальную загогулину, обыкновенного вида ничем не примечательный дядька ковырялся похожим на шило инструментом в ее внутренности. Гошка успел остановить супругу, готовую начать расспросы, безапелляционно усадив ее на лавку.

— Никогда не говори человеку под руку. Имей терпение, подожди, пока закончит. Потом разговор получится конструктивней... — Он еще продолжал инструктаж, когда, закончив «процедуру», мужик обернулся к посетителям.

— Добрый день! — Ри лучезарно улыбнулась. — Вы не скажете, из чего сделана кочерга, которой работают у шестого горна?

— Из прутка. — Мастер улыбнулся не менее приветливо. — Лежали у меня несколько штук. Лаборанты попросили, я и согнул. — Улыбка расправила складки сосредоточенности на лице, и человек стремительно помолодел прямо на глазах.

— А прутки откуда взялись? — продолжила расспросы принцесса.

— А кто ж его знает? Всегда тут лежали. Это мне по наследству вместе с местом досталось от Завида, уже лет шесть как.

— А Завида этого найти можно?

— Он в Казармах Испытателей теперь дворником. На свежий воздух попросился из нашей духоты, как фельдшер ему велел. Только разве ж упомнит он про каждую металличесину, что имеется в этих закромах. — Митрич кивнул на стеллажи, заполненные обрезками листов и профилей, на угол, в котором стояли трубы и швеллеры, на кучу неидентифицируемого хлама, сложенную в другом углу высокой грудой.

— Пойду, пожалуй. — Ри была уже на ногах.

— Ступай. — Гошка кивнул. — А я еще узнаю секрет установки заклепки в клещах. Всегда хотел выяснить, как нужно поступить так, чтобы рукоятки не скрепились неподвижно, а продолжали шевелиться, но в то же время не вихляли.

Ри исчезла мгновенно, сообразила наверно, что он что-то затеял. А потом настала расплата за идиотски сформулированный впопыхах вопрос. Митрич приступил к обучению и инструктажу. Нормально склепать половинки клещей Гошка смог с восьмой попытки, а тут как раз закончилась смена, все пошли по домам, а надпитая супругой бутылка рома в рюкзаке выразительно булькнула.

Митрич в перелеске знал прекрасное местечко, соленые огурчики, картошечка и шматок сала нашлись в столовой...

* * *

— Классно ты вчера насвинячился. — Ри поднесла к Гошкиным губам чашечку капустного рассола. — Нет, дошел на своих, даже мимо карантинного блока в околотке не промахнулся. Но уснул, словно умер. — Жена капризно надула губки.

— Про то, что ты должна здесь остановиться, это Митрич надоумил. Он и дорогу указал. А что, в этом районе тоже появляются пришельцы?

— Не слыхала о таком.

— И зачем тогда здесь карантинный блок?

— Они везде есть. Заболел кто непонятной болезнью, или человек приехал, гостиницы да пансионаты в каждом поселке содержать никакого резону нет, а так проблема легко решается. Конечно, обычно пустуют, но крошечный резерв жилья всегда нужен. И зубы мне не заговари-

вай, я и так чуть из шкуры не выпрыгиваю от нетерпения. Что Митрич-то, сознался?

— Кажется. Только я ему на тебя пожаловался, что ты эту самую бутылку хотела уничтожить и я ее, можно сказать, спас. И потом долго ругал тяжелую жизнь под твоим несокрушимым каблуком. Ну, напел, в общем. Потому ты со мной сегодня не ходи. И где бы нам еще выпивкой разжиться? Мужик с подогревом лучше работает.

— Ладно, будет вам вечером и накрыто, и сервировано. Девчата мне объяснили, на какой поляне вы вчера оттягивались, так что води его сразу после смены на то же место. И не томи.

— Да он этот сплав сделал, когда замучился каждый день по три новых кочерги гнуть. Ругал тупых лаборантов, что ленятся инструмент из пламени доставать, если ненадолго на вентили отвлекаются. Горны у них бывают свободны время от времени, слитков, окатышей, концентратов от разных работ остается. В общем, поэкспериментировал на глазок. Но рецептура у него записана. Кстати, самородная платина там основной компонент, говорит, ящик с остатками неведомо сколько времени стоит в углу за второй подовой. Еще есть хорошая новость. Он ведь, пока кочерги и клещи сооружал, успел и приемы наработать. Как отливать, сгибать, ковать — все знает. Только, говорит, если резать, то инструмент нужен алмазный. Обычный корундовый абразив слишком быстро изнашивается.

* * *

Следующий день прошел под незримым патронажем Ри. Внешне делами управлял Гошка, но все получалось настолько быстро и естественно, что не было ни малейших сомнений в том, что могучие рычаги государственной машины уже поставлены в нужное положение.

Работы отдела облицовочных сплавов шли своим чередом, но подходящий горн оказался свободен, пара дюжих лаборантов — готовы участвовать, а молодой аспирант — записывать. Дуняша в спецовке приборщика помещений с совочком и метелкой тоже никому не мешала. Гошка вообще единственный, кто обратил на нее внимание.

Сплав оказался хитрым, можно сказать, бинарным. Из двух тиглей одновременно, составленные перед этим не самые простые расплавы, залили в раскаленную на этом же огне форму, и, не ослабляя пламени, наблюдали за тем, как, спустя несколько минут, произошла кристаллизация горячей смеси. Получившиеся образцы после остывания подвергли проверкам по полной программе, но в цифровых значениях, которые вносились в столбцы таблиц, Гошка ориентировался слабо. На глаз было видно, это — то, что надо.

А вечером на лесной полянке, на белоснежной скатерке был накрыт обильный ужин, и, невесть откуда появившаяся Евдокия домогалась от Митрича ответа на удивительный вопрос — чего ему в этой жизни нужно? Ри обеспечивала функционирование скатерти в самобраном режиме, а потом производила доставку Гошкиного тела к месту постоянной дислокации. Чем закончился диалог инструментальщика и прапорщика безопасности, осталось тайной.

* * *

— Игорек! А почему Митрич сразу не сознался в том, что сделал этот сплав? — Жена с утра ластится, опять рассолу подала, чаю заварила ароматного.

— А ты поставь себя на его место. Сделал человек кочергу из платины, чтобы себе облегчение по работе обеспечить. Поскольку цвет сплава стал совсем другой, рас-

считывает, что никто ничего не заметит. Кто их считал, те самородки в ящике за второй подовой? Давно полагаются израсходованными на работы, отчеты по которым пылятся в архивах.

Только вот, Ри, чего я в толк не возьму. Ведь тут по закромам драгоценных металлов хранится немало. Почему народ их не растащил и не попытался сбить в целях личного обогащения?

— Чтобы совсем никто ничего и никогда не спер, за это я, Игорек, не поручусь. Люди ведь очень разные. Только чтобы с целью наживы воровать, так, скорее всего, нет. Для души, или фитюльку какую дома сделать — это в порядке вещей. Ну не пойдет плотник за гвоздями в магазин, не позволит ему этого рысская душа. А вот торговать ворованным у нас не принято. Для друга — слямзит не задумываясь, для барыги — ни в жисть. Это я, понятно, не про всех подряд, но про тех, кто именно здесь работает — точно.

А уж если кому совсем невмоготу и пуще всего на свете хочется сделаться богатым, так со сбытом краденного столько проблем... даже представить себе не могу, куда бы рабочий человек смог платиновый самородок пристроить? В банке его, конечно, примут... Вообще-то об этом тебе лучше с Дуняшей потолковать, в их ведомстве по этому поводу масса тонкостей, я тут не эксперт.

И слушай, сегодня давай по окрестностям пройдемся! Пока чертежи да модели из турбинного отдела сюда везут, да алмазный инструмент собирают, не сиднем же нам тут сидеть! Покажу тебе Виолкину школу и одно важное местечко. Поспешай, пока Дуська не прибежала да не залила тут все слезами.

Про причину прогнозирования расстройства сестры расспросить не удалось, вчерашние воспоминания были не вполне ясными, а способность соображать вернулась еще не полностью.

* * *

Это называлось «Школа для энергичных девочек». Во всяком случае, так было написано на дорожном указателе, рядом с которым они отпустили извозчика. Свернули по стрелке и потопали. Через пару километров Ри принюхалась и свернула на узкую тропу. Метров через двести вышли на поляну, где дымились угли прогоревшего костра, над которыми, нанизанные на прутья, жарились рыбки.

Девочка лет десяти, что присматривала за этим процессом, не сразу обратила внимание на то, что не одна.

— Привет! Ждешь кого-то? — Ри смотрит на нее с приветливой улыбкой.

— Привет! Я одна и никого не жду.

— Ты таким способом часто готовишь? — это уже Гошка. Абстинентный синдром ослабил давление на его организм.

— Первый раз.

— А кто научил?

— Никто. Сама придумала. Ну, в книжке упоминалось, что люди ели рыбу, запеченную на углях. Вот я и решила попробовать.

— А саму рыбу где взяла? — это уже Ри интересуется.

— В речке. Острогой, — девочка кивает в сторону прислоненной к дереву палки, к концу которой на манер редкой метелки привязан пучок заостренных прутьев. Шнурок — явно какая-то прочная травинка, сорванная неподалеку.

— К робинзонаде готовишься? — Гошке стало интересно.

— Возможно. — Девчонка переворачивает тушки, предусмотрительно нанизанные на параллельные пары прутьев, — но вообще-то я хочу попасть в антропологическую экспедицию и изучать дикий мир.

Нормально. И как это Гошка об этом не подумал? Сто лет назад на Земле еще можно было найти уголки, где люди жили в первобытных условиях, кормились охотой, рыболовством, собирали плоды и корешки. Наверняка и здесь все еще сохранились дикие племена с кровавыми богами или ужасными табу.

Пока он размышлял, девчата допекли улов. За дегустацией несоленой, плохо пропеченной костлявой рыбы Ри успела выяснить, что новую знакомую зовут Консуэллой, что она уже перешла в четвертый класс и стреляет из лука лучше всех. Еще она обожает уроки рукоделия и ненавидит арифметику.

Потом Ри спросила про какую-то неведомую Гошке Янинку, узнала, что та учится на три года старше, но сейчас, пока каникулы, уехала ковыряться в архивах в Репетун... или Трепетун. А может, Рипятун, со слов непонятно, да и неинтересно ни капельки.

Оставив новую знакомую размышлять над тем, что в технологии приготовления рыбы на костре следует усовершенствовать, отправились дальше. Ри показывала Гошке приметы и ориентиры, они долго лезли вверх по каменистому склону. Километров пятнадцать прошли по местам, где следы человеческой деятельности на глаза не попадались. Тропинки — они ведь могли быть и звериными — редкие и только слегка намеченные. И пней не встретили, зато бурелома — сколько угодно. Вроде как лесника здесь нет, или это специальный полигон, участок дикого леса, оставленный для энергичных девочек?

ГЛАВА 34

Наконец, пришли. Неуютная сырая пещера с осклизлыми валунами вызывала опасение. Тут ногу сломать, провалившись в щель между камнями — запросто. В об-

щем, нормальному человеку лучше держаться отсюда подальше. И по контрасту с жарким деньком, из-за которого они давно сняли куртки и закатали выше локтей рукава рубашек, по телу пробежал легкий озноб.

— Вот под этот выступ подсовываешь руку, хватаешься и тянешь на себя, — инструктирует супруга.

Гошка сделал, что велели, и открылась дверь. Ри зажгла фонарики, и они по короткому подъему вошли в тесный грот. Тесный не потому, что маленький, а просто заставленный стеллажами, на которых чего только не было.

— Вот спиртовка и сухое горючее, спальные мешки, консервы, галеты, — показывала она ему. — Здесь, в ящике — чернила, перья, гербовая бумага, государственные печати. Нет, не самые те, а оттиски с той же матрицы, то есть — не отличишь. Отдельно лежат бланки с подписью императора. В этом ящике хранится оружие, оно в смазке, так что не испачкайся. Деньги бумажные восьми разных стран, ну и наши тоже. Монеты в мешочках. На бирках указано, какие. А вот слитки.

Гошка шел по узкому проходу, слушая пояснения.

— Платины, как ты понимаешь, больше всего, слитки любых форм и размеров, клейменные казначейством или просто с указанием состава и массы. Серебряные брусочки — гривны — обернуты в промасленную бумагу. Тут один формат, по килограмму. Золото монетное, ювелирное и химически чистое.

От близости и количества этих сокровищ даже волосы на руке зашевелились.

— А вот здесь медикаменты, все в упаковках длительного хранения. Тут аккуратно, это отравляющие вещества. В ящиках хранится одежда, немного тканей, нитки, иголки, пуговицы. Инструменты плотницкие, кузнечные, ломик, кирка, лопаты.

Гошка млел. Ему показывали, наверное, одну из са-

мых страшных государственных тайн. В этом тайнике было припрятано то, что сможет крепко выручить знающего о нем человека в случае непредвиденном, непредсказуемом, таком, что и в страшном сне не приснится. Даже семена продовольственных культур в стеклянных пеналах, стальные полосы и медные слитки.

* * *

Когда из подземного мрака выбрались в теплый ласковый летний день, раскладывая прихваченную с собою снедь на салфетке, Ри объяснила.

— Это седьмой схрон. О нем почти все знают, ну, те, кто к государственным делам причастен. Ты приметы хорошо запомнил?

— Плохо. Но, пожалуй, смогу найти. — Гошка озирается по сторонам, запоминая ориентиры. — А что, я уже вошел в списки доверенных лиц?

— Не знаю, может, и есть где-то такие списки. Но папа уверен, что в случае чего на тебя можно положиться. Хотя терпеть тебя не может. В общем, если не хочешь его огорчить, не лезь лишний раз к нему на глаза.

Гошка мысленно стек по бугорку. Это выходит, что их брак — против родительской воли. Демонстративно. В день совершеннолетия. Нет, маменька, кажется, очень даже «за». Однако где тогда воля императора? Хотя...

— Слушай, а когда он мне присваивал офицерское звание, ты где была в это время?

Ри снова приняла неприступный вид, словно демонстрируя готовность хранить эту тайну до конца. Считай, создалась, что причастна. Все-таки она еще молода и не все человеческие хитрости успела взять на вооружение. И, кажется, не любит врать. Или не умеет и знает об этом. Зато молчит очень красноречиво.

Возвращались другим путем, петляющим среди скло-

нов и скал через каменистые осыпи. Вышли на тропу, которая вывела на пустынную дорогу. Через пару километров справа открылась чудесная панорама долины, расстилающейся на многие километры. Гошка невольно залюбовался и повернулся к Ри, чтобы спросить название местности, но осекся. Очень уж грозно поглядывала его супруга на расстилающиеся у их ног необъятные лесные просторы.

Когда миновали открытое место и оказались снова между склонов холмов, Ри вытащила из корзинки недоеденный кусок хлеба и принялась его жадно уписывать. А выражение лица стало упрямым и неприступным. В общем, лучше оставить ее в покое. Все понятно и без слов. Животный страх высоты она перебарывает усилием воли, а следующий за ним отходняк прячет ото всех. Там, на Коктебеле именно эта крошка пилотировала реактивный торпедоносец, дважды подняв в воздух этажерку с керамической дюзой. Отработала атаку, потом вторую, села и, стремительно добежав до дому, завернулась с головой в одеяло, пережидая, пока охвативший тело ужас отпустит свою жертву. Похоже, из всего вывода принцесс ему досталась самая упертая.

* * *

Турбина — это только с виду просто. На самом деле в ее устройстве масса тонкостей. Одна из них — необходимость тщательной балансировки ротора, который для обеспечения большой мощности должен очень быстро вращаться. И если центр его тяжести не попадает на ось вращения, получается не двигатель, а колотушка, разрушающая себя своей собственной работой.

В общем, изготовление новых роторов — дело небystрое. Один из технологов сказал, что постепенно, по мере приобретения опыта, дела пойдут лучше, но пока

¹¹ С. Калашников

Гошка четко понимает — в ближайшую кампанию против франов и нидеров турбовинтовые самолеты остаются на земле. Рассчитывать можно только на ракетные бипланы, при всех известных ограничениях. Даже затем с дизелями потребуют нескольких лет работы, хотя теперь, когда Трос отправил своего человека на остров Крутой, где упрятан завод-лаборатория, оснащенный по последнему слову здешней техники, дела обязательно сдвинутся с мертвой точки.

А пока из карантинного блока околотка казарм испытателей ребята перебрались в свободную квартиру. Гошка крутился по технике дела, суя свой нос во все, что происходило в плавильнях и мастерских, а Ри исписывала стопы бумаги и отправляла пачки писем. И чем дальше, тем яснее становилось, что на быстрый результат рассчитывать не приходится. А уж о том, как идут дела на Коктебеле, что творится с формированием авианосной группы — до этого руки совершенно не доходили, и ощущение надвигающегося провала угнетало со страшной силой. Дни проходили, приближалась осень и вместе с ней — угроза войны то ли против двух государств сразу, то ли против четырех.

Как-то вечером в столовой Ри уселась напротив старикана в чиновничьей тужурке, Гошка молча устроился рядом, и оказался лицом к лицу...

— Здравствуй, деда, — это они с Ри произнесли одновременно.

— Здравствуй, Галочка, и ты, Кукса, тоже здравствуй.

Разбираться в том, почему его супругу называли другим именем, не стоит, предупредила же теща, что этого добра у них не по одному. А вот знакомство супруги со старшиной парового катера — это интересно.

— Игорек, деда нас подменит, — щебечет Ри, — он тут за всем проследит и организует, как следует, правда? — Старшина Гудков кивает. Хотя в этой курточке он

уже не моряк, а кто-то другой. — И ты не думай, что он не справится, у него и влияние и связи такие, что папа ему до сих пор завидует.

Ага, при сильных положительных эмоциях радость его грез неконтролируемо выдает массу удивительной информации. Это нередко свойственно женщинам, но тут вообще захлеб. Простейшие рассуждения наводят на мысль, что этот старичок — отошедший от дел бывший император этой самой страны. А что, после того, чего Гошка здесь уже насмотрелся, такой вариант не представляется удивительным.

На всякий случай согласно кивнул и принялся за похлебку. Она нынче поварихам удалась. Может, и есть у этого супа свое особое название, но его можно спросить и позднее, очень кушать хочется. И еще нужно благодарно посмотреть на официантку, эта справная дама определенно недолгобливает его мелкую супругу и постоянно ловит Гошкин взгляд. Да пожалуйста, пусть получит. Даже улыбки не жалко хорошему человеку.

За клюквенным морсом, который тут подавали с медом и черными сухариками, посыпанными крошкой незнакомой травы, настал пристойный момент для пристойного вопроса.

— Деда, я тут, в Империи, не слишком давно, а ты многое можешь помнить. Может, объяснишь как-нибудь не слишком сложно, отчего Рысское государство совершенно не похоже на все остальные? Если это, конечно, не секрет. — Фразу эту он обдумал задолго до того, как произнес.

— Нет тут никакого секрета. — Морс «старшина» прихлебывал, а сухарики игнорировал, или не нравятся, или зубы уже не те. — Все началось еще за полтора столетия до моего рождения, когда к нам стали попадать люди, видевшие штурм Бастилии, Вандею и якобинцев, Наполеоновские войны. Не прямо к нам сюда, но на По-

сейдонию. А тогда жизнь здесь не слишком сильно отличалась от жизни на Земле. Электричества не было ни там, ни здесь. Паровые машины тоже в обиход еще не входили.

Тогда один из рысских самодержцев и принялся думать о том, как этого безобразия здесь не допустить. Похоже, голова у него варила неплохо. Во всяком случае, бунты или восстания, как про них иногда говорят, перестали случаться, территория страны выросла раз в двадцать, а население чуть не в пятьдесят. И от внешних супостатов отбивались каждый раз без большого урона, так, иной раз теряли несколько островков, или остров из средних. Но потом эти потери обычно возвращались.

Деда делает глоток морса и продолжает.

— Прежде всего, тогдашний государь собрал своих ближников и растолковал им, что получается, если в обществе возникает социальная напряженность. Это, я, конечно, современными терминами оперирую, поскольку точных слов Григория II до нас не дошло. А вот дела тех времён в документах упомянуты.

Принялись эти ребята вызывать в столицу других дворян и детей дворянских, и каждому давалось важное поручение. В основном по воинской части, и изыскания разные в пределах государства, и строительство дорог или мостов, благоустройство гаваней. Многие труды потребны на огромных просторах, много средств на все это нужно, а спрос строг. И с каждого — за свое. Делалось это все не в один раз, так что до организованного сопротивления со стороны благородного сословия дело не дошло, опять же были и люди с понятием, сообразили, что иначе все в разруху пойдет. Большинство действовало из-под палки, однако и сподвижники появились, однопумцы, как тогда говорили.

Крутых мер в массовом количестве не потребовалось. Несколько нобилей голов лишились, несколько — зва-

ний. Иные — состояния. Но в большинстве случаев хватало прекращения выплат содержания нерадивым.

Лет десять государь своих дворян на службу настраивал....

— Погоди, деда, непонятно ничего. Это выходит, Григорий пахал как папа Карло, лично всем давая поручения и проверяя исполнение? Тут же головы никакой не хватит!

— Конечно, не хватит. И ближники ему помогали, и сподвижники нашлись из людей ученых, и вообще — если власть считать источником удовольствия, то ничего такого не учудишь, а вот если относиться к ней как к тяжкому труду и понимать, что без него ничего не выйдет — тогда другое дело. Тогда ведь еще крестьян из крепости отпускали и наделяли землей. Это ведь не росчерком пера делалось.

Государь сначала своих поотпускал с наделами и арендной платой. Хорошей-то пашни на всех не хватило, и пошло переселение на новые земли, а это — пути-дороги строить, фельдшеров да учителей, да пригляд за порядком. Окупились-то все небыстро, когда продовольствие появилось в достатке и цены на него застabilизировались. А ведь многие хозяйства рухнули. Не все крестьяне без барского догляду да принуждения справились с делами. Наделы их местные богатеи к рукам прибрали, сами же они — кто в батраки, кто в города на мануфактуры или на отхожие промыслы. Не всем свобода впрок пошла.

И талдычу я тебе не о том, как одним махом мудрый правитель решил все проблемы, а о том, скольких трудов ему стоило просто-напросто учесть послезнание, что удалось почерпнуть от пришельцев с Земли. А ведь еще и опыт других стран было необходимо осмыслить и к нашим условиям приложить. У тех же рикан крепостных не было — одни вольные земледельцы, зато на

плантациях трудились самые настоящие рабы. Или у франов не было ни личной несвободы, ни клочка недворянской земли. И ведь жили.

Официантка поставила перед дедой новую кружку морса. Гошка поднял взор. Человек тридцать посетителей столовой стояли и сидели без единого звука, слушая повествование старика.

— В общем, Кукса, если начинаешь чем-то руководить, знай, что не будет тебе ни ясного дня, ни темной ночи, ни дна, ни покрывки. Или не берись. Немало есть дел попроще, тоже очень нужных.

Гошка поскреб бородку, которую отпустил-таки по просьбе супруги. Ответить было нечего.

* * *

Возвращение на Коктебель оказалось сопряжено с целым комплексом сильных впечатлений. Пока яхта везла ребят обратно на остров планеристов, Гошка допрашивал Ри.

— Слушай, а это школа для энергичных девочек, это типа закрытого элитного лица, или больше похоже на казарму с муштрой и строгим режимом?

— Ты ведь бывал в здешних казармах, так что — много там муштры? — Ри явно готовится позубоскалить, и приходится выдерживать себя из плена земных стереотипов.

— Извини, ляпнул. Муштры, понятно, нет. И режим, конечно, полезный для здоровья и способствующий наилучшему усвоению материала. Но тогда в чем особенность?

— Тут преподаватели немного сдвинутые на своих предметах, фанаты по-вашему. И режим рассчитан на то, что девчата будут самовольничать и отрываться. Уходить без спросу, пропускать занятия, устраивать дурацкие выходы. В общем, повышенная интенсивность не-

гласного догляда. За Консуэллкой егерь присматривал наверняка, чтобы прийти на помощь, если свалится в воду или заблудится. — Супруга явно ждет от Гошки предсказуемой реакции. И получает.

— На первый раз — поставить в угол, после второго — выпороть. А на третий — в школу с родителями. — Гошка нарочно «подставился».

— Из таких бесенят каждая третья обязательно прославится впоследствии, пусть не умом, так энергичностью. Виолка вон уже чего напыхала с тобой на Мясорубке! А эта, может, открытие великое сделает? В области рыбной кулинарии.

Улыбнулись.

— Каждая третья — это много, — соглашается Гошка.

— Вообще-то остальные тоже кучу добрых дел натворят, просто не самых громких. Помнишь, я про Янинку спрашивала? А саму Янинку помнишь?

— Нет.

— Дочка Луена, ты еще к их ферме приценивался на Хаммасу.

— Помню, была у хозяев дочка. И чего ради она здесь?

— А ты часто встречал в крестьянских дворах гостевые домики?

— Это что, она его построила?

— Да, на спор с соседскими мальчишками. Но главное, придумала, чем этот плетеный домик обмазать, причем из доступных в кустарных условиях компонентов. Мы уже внедряем этот состав в строительстве временных сооружений. И называется он «янин».

— Интересно, кто до этого всего докопался, — недоумевает Гошка.

— Кузьма, тамошний околоточный, отписал по команде, а разбираться меня отправили. Славная девчушка. — Ри замолчала. Вспомнила, наверно. — Предки понять не могли, хорошо это или плохо, что дочка в две-

надцать лет из дома уедет. Ее уже через пару месяцев соседский парень сюда привез, они тут все осмотрели, с девушками потолковали, да и решила она остаться.

А через месяц сбежала домой. Понятное дело, догнал ее здешний наставник да и отвез к родителям. Чтобы полюдски, без лишних приключений. Еще через два месяца она уже сама приехала обратно. Они тут все шибко самостоятельные. Для меня эта Янинка — вроде как крестница по-вашему.

— Слушай, радость моя, а что-то я тут у вас никаких церквей не видел. У вас не гонения ли на религию? — Не то чтобы Гошку это сильно огорчало, но хочется ясности.

— Работают храмы потихоньку. Кому охота — отправляют свои культы... или ритуалы... не знаю как правильно. А что не на виду, так для верующих оно и не надо. Имею в виду трезвон там или вопли всякие.

От разговора их отвлек самолетик, уверенно зашедший на посадку на пределе дальности наблюдения. Ри уперлась в него взглядом, проводив до момента пропадания из виду, а потом вопросительно посмотрела на Гошку.

— А чего, ну сел «кукурузник», — ответил он на невысказанный вопрос, — и задумался. На Посейдонии. «Кукурузник».

ГЛАВА 35

Первое, что встретило их на аэродроме — испепеляющий взгляд Троса.

— Вы! Пара дебильных недоумков! Если у вас вместо мозгов сплошной восторг от... потом поймете. — Трос выразительно помолчал и расплылся в счастливой улыбке. — Нет, если бы не послали мы в вашу дебибельную

лабораторию нормально думающего человека, сосали бы мы сейчас лапу.

Когда метафоры и междометия иссякли, выяснилось, что полтора десятка прекрасных авиационных паровых двигателей, идеально подходящих для самолетов, в аварийном темпе привез с острова Крутого направленный туда двигателист.

Их, увлекшись компоновкой «звезда», которую Трос хорошо описал в тексте технического задания вместе с установочными и присоединительными размерами заказанных планерной базой дизелей, спроектировали в перерывах между перекурами, пока ущербные не работающие толком дизели бестолково гоняли на стендах.

А местный околоточный, пленившись компактностью, заказал их для катеров местного сообщения. От установки на «трамвайчики» их уберегла снова ошибка того же околоточного, не сообразившего, что скорости вращения вала для судовых винтов требуются другие. Пока разбирались с выбором подходящего редуктора, из числа выпускаемых серийно, готовые паровички терпеливо лежали на складе, упакованные по всем правилам.

А намучившийся сначала с ракетными, а потом с турбовинтовыми двигателями посланец с полувзгляда «узнал» то, что нужно, хотя и стояло оно в дальнем углу, подключенное к магистрали сжатого воздуха на динамометрическом стенде. Ведь в проектировании классического биплана под разрабатываемый дизель он участвовал, как и в испытаниях его планера, продувках и полетах с катапульты и на крыше вагона. И мгновенно сообразил, как это прилаживается на любой из давно ждущих моторного вооружения самолетов, практически скопированных Тросом с классических бипланов.

Жидкотопливные котлы под них этот потерявший всякое чувство меры наглец тоже забрал все. И примча-

ли эти железяки на Коктебель как курьерский груз, прибавив к ним солидный запас скипидара. Вообще, выписанным Ри мандатом парень распорядился со всей решительностью, и Гошке вдруг вспомнилось: «Со всей силой пролетарского гнева». Кажется, не напрасно.

В ангаре шел монтаж. Десятки людей одновременно сопели, пыхтели, нутужно кричали. Звенели ключи, поскрипывал рычаг домкрата.

— Так вот же редуктор. — Гошка указал на зубчатое кольцо, отлично видное, поскольку винт и капот сняты, и еще какие-то крышки отсутствуют.

— Повышающий, — отозвался Трос. — Без него вообще вращение на вал не снимешь. Чтобы это поставить на судно, надо обороты понизить. А вообще получилось неважно. Переутяжелили конструкторы машину, опять же, балансировку не соблюли — вибрация великовата. А когда боролись за массу, несколько мест прослабили. В общем, теперь птичка только одного пилота поднимет, кроме торпеды, причем только в задней кабине. Но зато сам движок беспроблемный, согрел котел, сел и полетел.

Сегодня облетали уже третий самолет. Бомбометание и запуск торпеды отработан. Конечно, необходимость тратить не только горючее, но и воду, определяют увеличенную потерю массы в полете, и, как следствие, увеличенный взлетный вес, но при старте с катапульты и вялом маневрировании в начальной стадии полета, радиус действия этих машин определен в триста километров. При том, что у цели они могут развивать скорость до ста восьмидесяти километров в час и выполнять фигуры высшего пилотажа. Не все, конечно, но боевой разворот — определенно.

Нормальный самолет с возможностью изменять тягу двигателя и даже с реверсом винта, что при посадке в

разы сокращает пробег. Завтра Трос лично будет садиться на палубу плавучего аэродрома. На равнинных площадках это уже отработано.

* * *

С появлением паровых двигателей авиагруппа словно зажила полноценной жизнью. Двигателисты, со школьной скамьи знакомые с темой, быстро освоили обслуживание новых моторов, способных прокормиться любым жидким горючим, стоило только правильно подобрать форсунки. В этой области тоже все обстояло хорошо — на все доступные виды текучего топлива технические решения имелись в готовом виде, а возможности аэродромной и портовой мастерской многое позволяли изготавливать.

Ворвань и скипидар, рыбий жир и «сливки» после промывки учебных торпед от нагара — все шло в дело. Немного, правда, химичили, заботясь о текучести. И Трос постоянно хлопотал о подвозе все новых и новых партий, уставляя штабелями бочек участки территории с удобным подъездом. Всего удалось «поставить на крыло» восемь самолетов — столько моторов признали годными. В остальных нашли какие-то неведомые Гошке изъяны.

Авиагруппа много летала и отрабатывала задачи и по разведке, и по доставке сообщений, да и торпедные стрельбы проведены были не один раз. Ри подолгу пропадала на аэродроме, упорно скрывая от мужа, что она — не последний пилот. Кстати, еще две женщины поднимали крылатые машины в воздух, но вообще-то мужики на это поглядывали без особого одобрения. Скорее терпеливо. Вроде как: «А что тут поделаешь, тоже ведь люди». Или: «Спорить с женщиной — ...».

Посадки и взлеты на палубу стоящего у пирса кораб-

ля тоже отрабатывались. Репетировались и перемещения самолетов на ангарную палубу, их заправка и обслуживание. Нарбатывались ритуалы и последовательности действий, создавались и уточнялись регламенты, техники размещали свои инструменты, устанавливали и проверяли приспособления. Жизнь подразделения налаживалась, происходило срабатывание.

А вот Гошкины дела обстояли неважно. Авианосец оказался совершенно непригоден к плаванию. Те компоненты оборудования, что интересовали авиаторов, оказались в наилучшем виде, поскольку под присмотром Троса ими занимались давно. Палуба с паровой катapultой, приспособления финишера, самолетные лифты, техническая, она же — ангарная палуба, танки для топлива и пресной воды, жилые помещения — мобильная группа, экипаж корабля и техники — обо всех позаботились, всех устроили. Даже котлы для обеспечения паром всей этой машинерии в прекрасном состоянии. Кстати, котлы самые современные, причем — все четыре, как и полагается для полного обеспечения корабля не только энергией для внутреннего потребления, но и для движения. А вот дальше — все очень плохо. Точнее — совсем никак. Площадка для надстройки, смещаемой влево так, что свешивается над водой, готова, а вот самой ее нет. Металла для постройки тоже не завезли. Вернее, завезли, конечно, но потратили все на затей авиаторов по улучшению верхней, посадочной палубы.

Командира у этого еще не ожившего корабельного корпуса нет. Экипаж — старший механик и десяток матросов в его подчинении — постоянно живет на корабле и вместе с десятком же работников береговой мастерской занимается достройкой, наладкой, проверкой и обслуживанием того оборудования, которое уже пущено в дело. Зато обе родные паровые машины вместе с валами и винтами демонтированы и еще год тому назад увезе-

ны, поскольку вместо них ожидается поступление новых, более мощных, для которых уже смонтированы и опробованы котлы.

Рулевая машина в полном порядке, навигационное оборудование из разобранной ходовой рубки складировано, и непонятно, что делать дальше. В общем Гошка надел курточку с командорскими погонами и узурпировал власть. Сначала следует осмотреться.

Если в верхних этажах этого блокшива-дебаркадера кипела жизнь, то ниже жилой палубы царило запустение. Гошка полез в трюм. Ни о каком двойном дне на этом судне, порожденном экономностью купеческого прагматизма, даже речи не шло. Шпангоуты, стрингеры, обшивка. Сталь обычная, углеродистая, ржавчины нет, все аккуратно покрашено. Сухо. Огромные трюмы пусты и перекрыты сверху настилами ангарной и жилой палуб. Водонепроницаемые переборки расположены не слишком часто, дабы не рассекали грузовое пространство, но двери в них действуют. Смазаны, снабжены прокладками и надежными запорами. Пайолы трюмного настила частично сняты и складированы тут же. Дух этого корабля свое дело знает туго. Порядок поддерживается во всем.

Днище у этого монстра плоское, короткие дуги скул обеспечивают плавный переход к вертикальным бортам. В носовой части эти борта быстро сходятся, образуя короткое заострение. И вот тут поперек судна из борта в борт вделана толстая, не обхватить, труба, в которую ныряют два относительно тонких трубопровода. Любопытно, эти тянущиеся каждая вдоль своего борта, магистрали он наблюдал во всех отсеках, пока шел сюда от самой кормы. Полагал — сжатый воздух для местных нужд, если потребуется подключить пневмоинструмент. Правда штуцеров или вентилей не встречалось.

Вся эта затея похожа на дополнительный двигатель для подхода к пирсу или отхода от него. А сама труба — это канал для пропуска воды. Интересно, как устроен этот прибабас? Пневмопривод? Гидравлика? Или по трубам подается пар? И что за механизм приводит в действие запятанные в эти каналы крыльчатки? Если следовать логике, такая же труба должна располагаться и в районе кормы. Ну-ка, проверим.

Пройдя по самому днищу через шесть водонепроницаемых переборок, выбрался в машинное отделение. Точно, есть и здесь труба для провода забортной воды сквозь корпус, только совсем не такая и не одна. Пара изогнутых буквой «Г» труб входят через борт, а выходят в транец. На какие только хитрости не идут торгаши, чтобы не платить лишнюю копейку! Явно ведь приспособления сделаны для того, чтобы обходиться без услуг портовых буксиров. Ведь если создать отталкивающую струю с одного борта, корпус отойдет от пирса. С другого борта — прижмется. Если работать «враздрай» — судно станет разворачиваться на месте. А сработаешь с кормы — подвинешься вперед. Только заднего хода не предусмотрено.

Тогда понятно, почему это огромное, с виду неповоротливое судно спокойно стоит посреди гавани, пробираться в которую без помощи буксиров не отважатся и корабли в десять раз меньшего водоизмещения. Это при том, что буксиров в этих местах не наблюдается. Итак — первый шаг ясен. Нужно провести ходовые испытания того, что есть. Подробная карта акватории и лоция имеются. Изучить! Выяснить у стармеха, какими командами всем этим управлять. Но, главное, срочно связываться со штабом флота, требовать ходовые машины, матросов, офицеров... да всего требовать, ничего ведь нет, кроме неплохих самолетов. Кстати, очень неплохих.

* * *

Испытания удались. Неуклюжая массивная туша авианесущего грузовоза великолепно исполняла все затеянные Гошкой маневры. С грацией айсберга и стремительностью домкрата, испытывая терпение участников и зрителей представления, она отошла от пирса, развернулась в тесноте узкого пролива и двинулась на выход, неуклонно убыстряя свой бег. Когда стало ясно, что максимальная скорость достигнута, ее измерили древним, как морская профессия, способом, бросив с носа поплавок и измерив время, за которое он поравняется с кормой. Почти целый километр в час.

— Половина воды для котлов истрачена, — доложил стармех. Это намек такой, мол, пора возвращаться.

Так и сделали. Развернулись на месте, работая маневровыми двигателями «враздрай», и аккуратненько встали на старое место. Получилось превосходно, с точностью до метра. Дело в том, что задний ход у этого плода конструкторской мысли тоже оказался, просто в узости носовой части при скудном освещении переносной лампадки Гошка не все разглядел, а из обнаруженного количества коммуникаций сделал неверные выводы. Отработанный пар не возвращался в холодильник, он тратился безвозвратно в, как выразился «дух», пульверизаторах подруливающих устройств.

Гошка, когда узнал, что тяга создается струей пара, сильно удивился, поскольку работать это не должно было совсем, но двигателисты объяснили, что здесь рулит не столько реактивная струя, сколько эжекторный насос, толкающий воду в зону разрежения, создаваемого струей пара. Придумка неведомого риканского конструктора не содержала подвижных частей, чем безумно радовала машинную команду.

Потом провели разборку итогов состоявшегося пла-

вания со стармехом. Когда тупо просчитали энергозатраты по расходу угля, вышла удивительная вещь — пожирая каждый час целый километр расстояния, авианосец расходовал столько же топлива, сколько уходило в стояночном режиме на поддержание в рабочем состоянии оборудования паровых лифтов и катапульт и давления в магистралях сжатого воздуха. Одним словом, на дармовщинку прокатились. Посчитали и расход воды. Изрядно. С другой стороны, если бы танк изначально был полон, как если бы готовились идти под паровыми машинами, его объема им хватило бы, чтобы уйти за горизонт. В общем, надо активней задействовать опреснители, и тогда минимальную подвижность это чудо риканских корабелов будет иметь. Хотя при штатном варианте движения скорость работы этих опреснителей просто перекрывает расход воды на парообразование многократно. А потом сам стармех сомневается, что они действительно развили максимальную скорость, просто приращение ее стало незаметным. В общем, Гошка стал путаться в мыслях своего подчиненного, кивал, поддакивал, издавал нечленораздельные одобрительные звуки. В качестве заключительного аккорда выразил надежду на то, что соображения у мужика верные и их действительно неплохо бы проверить.

А надстройку придется делать из дерева. Имеются доски и брус. И пропитывающие средства в наличии. Тогда и трубу можно будет закрепить по постоянному варианту, а то нынешняя временка выглядит, словно переносную печку в шалаше пристроили. А если металл придет, так первым делом нужно оборудовать угольные бункеры и соорудить водяные цистерны. Или, если не судьба затариться как следует угольком, необходимо загрузить хоть бы камней, а то слишком высокий надводный борт у этого судна для такой маленькой осадки, с

остойчивостью можно прогадать. Тревожно будет без балласта выходить в открытое море.

Кроме того, что перспективы оснащения корабля двигателем оказались в незавидном состоянии, выяснилось, что на Коктебеле нет ни пушек, ни артиллеристов. Что, кроме авианосца, здесь базируется только один паровой катер, которым пользуются то лоцман, то почтальон, чтобы принять корреспонденцию с пакетбота за восемь километров от берега. Этим же способом на остров вообще все приезжали и уезжали. Еще несколько парусных рыбацких лодок, и это все, чем располагал командор авианосного соединения. Ни личного состава, ни штаба, ни интендантской службы.

Запрос-ответ до главной базы оборачивается за две недели. И из этих ответов следует, что на протяжении ближайших двух-трех месяцев рассчитывать следует только на то, до чего можно дотянуться самому.

А самолеты, все восемь, уверенно садятся и взлетают с просторной палубы, отлично попадают торпедой в условную цель, что таскает за собой все тот же трудяга катер. И ощущение приближения войны веет сквозь строки газет, что поступают с почтой пару раз в неделю.

ГЛАВА 36

Надстройку сделали в виде пирамидальной решетчатой башни. Пилоного леса здесь имелось немного, а поставить на палубу бревенчатый сруб Гошка не решился, тем более что и плотников, знакомых с данным направлением зодчества, не нашлось. В общем, издали получилось похоже на голубятню. Дымовую трубу укрепили аналогично. Неказисто, но крепенько.

Ходовая рубка, опоясанная со всех сторон балконом мостика, вообще вышла просторной, с прекрасным об-

зором. На ее крыше — отличный высокий наблюдательный пункт, хоть для сигнальщиков, хоть для руководства полетами. Флажштоки, тросы для флажковых сигналов — все путем.

А потом стармех у самой кормы в районе котельного отделения опустил с высоченного борта в воду беседку с водолазами и пакетом коротких труб. Справа с работами по их монтажу возились почти неделю, зато слева управились за пару дней. Из увиденного Гошка понял, что идет установка самодельных аналогов маневровых «пульверизаторных» двигателей. Памятуя о ранее собственноручно выданной духу словесной индульгенции, соглашался с любыми его предложениями, не приставал с расспросами, а только поглядывал да бегал к авиаторам выклянчить чего-нибудь потребного для воплощения бредового, на его взгляд, замысла.

Новые эжекторы выглядели, конечно, мощнее, чем маневровые. Ну и ладно. В конце-то концов, скорость в два километра в час значительно лучше, чем немного меньше одного.

Его серьезно беспокоила проблема осадки судна. При полной высоте борта двенадцать метров осадка была чуть больше двух. Корма, где располагались котлы и заполненный угольный бункер, оседала примерно на полметра глубже, что обеспечивало легкую приподнятость носа при водоизмещении около десяти тысяч тонн. Но при полной загрузке судно должно осесть метров на семь, что увеличит массу вытесненной воды еще на тридцать пять тысяч тонн. Именно столько забортной воды необходимо принять в трюмы в случае серьезного шторма. А учитывая, что суммарная производительность всех водооткачивающих механизмов корабля порядка кубометра в секунду, то получается десять часов работы. Придется снова потолковать со стармехом.

* * *

Следующий этап ходовых испытаний начался, как и в прошлый раз, с отваливания от стенки и разворота. А потом после ввода в действие ходовых двигателей начался плавный набор скорости. И вот тут Гошку ожидал сюрприз. Скорость росла слишком быстро. И чем дальше, тем шибче отбегала за корму вода. Даже вон что-то похожее на волну разбегается от носа. Пришлось срочно «гасить» ходовые и переходить на маневровые, иначе в узостях и неудобьях было не проскочить. Тут лишняя скорость — она и есть лишняя.

Только через два часа, обойдя многочисленные скалы и мели и выйдя на чистую воду, он снова дал полный вперед. Когда через час разгона измерили скорость, оказалось пятнадцать километров в час. Еще через час замер повторили — результат сохранился.

Следующая проверка — прием в трюмы забортной воды и ее откачка. И на ходу и в дрейфе. По расчетам стармеха выходило, что достаточно будет и пятнадцати тысяч тонн. И никаких цистерн использовать для этого не предполагалось — лили в трюм, как в ванну. Страшновато было смотреть сверху на огромное водохранилище в месте, по которому недавно расхаживал ногами. И тревожно: а как волнение по этой емкости пойдет да начнет валять судно? А нормальные цистерны делать не из чего. Но вроде ничего страшного не происходит. Только палуба почему-то слегка наклонилась.

Поднялся с жилой палубы, через люк в которой обозревал чрево корабля, на посадочную. Все просто замечательно. Кокетливый такой крен на правый борт. Мостик вообще уже нависает над водной гладью.

— Передайте в машинное, чтобы начинали осушение трюмов, — кажется, принятие жидкого балласта менее

плодотворно откликается на остойчивости, чем он предполагал.

Да уж, недогруженный получился этот авианосец, тупоносый и медлительный. Как ни крути — такой корабль нужно проектировать специально. И риканского конструктора, что придумал ставить эжекторы, тоже неплохо бы было в Империю пригласить, пусть поделится мыслями. Пора браться за ручку и начинать задушевные разговоры с технарями. Клубок проблем и идей уже такой, что впору разрабатывать генеральный план развития нового вида вооружений — морской авиации палубного базирования. А зачем, собственно, палубного, если имеется столько островов? Ведь имперцы обычно отбиваются, так что на твердой почве аэродромы нужно устраивать, на расстоянии километров двести друг от друга.

После усовершенствований, сделанных механикусами, «притопление» получилось буквально за десять минут, а вот осушение трюмов потребовало полутора часов. Это при том, что задействовался целый десяток тех же эжекторных насосов, которые стармех научился делать легко и непринужденно почти из всего, что попадалось ему под руку. Конечно, труды эти даром не пропадут, на случай пробоины — хорошее подспорье для штатных средств осушения корпуса. Сам-то он больше с затоплением трюмов играть не станет, пока не удастся сделать нормальные цистерны.

А потом начались полеты. Взлет и посадка на ходу, заправка машин, уборка их с палубы и установка на стартовую позицию. Спуск и подъем парового катера, «мобилизованного» в порту вместе со старшиной и мотористом-кочегаром. Опять разборка с духом из-за дифферента на корму, которая вносит поправки в действия пилотов при посадке. И новое откровение — оказывается, эти пятнадцать километров в час получаются, когда нос почти весь выставляется из воды, а днище ведет себя

как наклонная доска, создающая дополнительную выталкивающую силу. Еще не глассер, но принцип сходный.

В общем, не корабль, а шабаш, где происходят воровства и камлание, с его, командира, кстати, полного одобрения. И мельтешат летуны со своими сигналами, и Ри, свесив голову над водой с правого крыла мостика, разглядывает что-то, происходящее у самого борта. Ха, такое поведение совсем не вяжется с его предположением, что у супруги устойчивая боязнь высоты.

* * *

Итак, пора подводить итоги. Авианосец получился нормальный. Корабельную команду собрали из рыбаков и огородников, из-за чего Гошка превратился в преподавателя — если палубного матроса нужно обучить многому, то что говорить о сигнальщике-рулевым. Технический состав авиаподразделения сильно ослабил напряженность в массе мест, где возникала надобность в обслуживании технических устройств, связанных с жизнеобеспечением. Хуже всего обстояли дела с кочегарами — работа непривлекательная, а требуется их на четыре топки да на круглосуточные вахты немало.

Учитывая, что в команде кроме Гошки и духа не имеется ни одного морского офицера, то понятно, сколько хлопот на них свалилось. Даже боцмана нет толкового, а это почти катастрофа.

И вот все позади. Корабль в полной боевой готовности, имеет на борту семь самолетов торпедоносцев-бомбардировщиков и поплавковый гидроплан для разведки или связи. В наличии тридцать восемь боевых торпед и девяносто семь стокилограммовых бомб. Но штаб флота это обстоятельство упорно игнорирует, ни инструкций, ни кораблей сопровождения, и никакой реакции на заявки по материальному обеспечению или пополне-

нию личного состава. Просто указания о необходимости ждать распоряжений и продолжать работы за счет имеющихся ресурсов. Позабыт, позаброшен.

Ох, неспроста это. Не иначе, Его Величество заботится о том, чтобы наследница престола держалась подальше от мест будущих боевых действий. Знал бы он, как уходит у Гошки душа в пятки, когда Ри поднимает в воздух крылатую машину.

А пока — гидроплан развез по удачно расположенным островочкам наблюдателей. Устроены замаскированные аэродромы на удалении до двухсот километров с небольшими запасами горючего и дистиллированной воды. В полеты на максимальную дальность каждый день уходит не меньше трех бортов с дополнительными баками. Война еще не начата, но авианосец уже не дремлет, разбросав на сотни километров щупальца системы наблюдения, пусть и несовершенной.

* * *

Две важные новости пришли, почти слившись одна с другой. Фельдъегерь примчался на миноносце и привез пакет с уведомлением о начале войны против франков и нидеров, а также предписанием оставаться на месте до прибытия крейсерской группы и получения новых инструкций.

Пока, изучив содержимое пакета, Гошка придумывал текст ответа, наблюдательный пункт, расположенный на самой высокой точке, отсемафорил о сигнальной ракете с северо-востока по азимуту одного из наблюдательных постов. Разведывательный самолет туда отправили немедленно. Следом стартовали еще два, ушедшие в других направлениях. Наступил период ожидания.

С мостика было прекрасно видно, как груженная сверж всякой меры телега из праечной спешит к погруз-

зочной аппарели, как стремительно затаскивают в подсобки камбуза клетки со свиньями. Жены членов команды неудержимо снуют на корабль и обратно со свертками и узелками, а дым из трубы почернел и стал гуще. Значит, разводят огонь во всех топках.

Еще не объявлена боевая тревога, никакие распоряжения не сорвались с губ командира, все знают, что до возвращения разведывательных самолетов авианосец не тронется с места, но Ри уже тащит из их береговой квартиры рюкзачок и чемоданчик, а заодно и подушечку, которую... да, такими в огромном хозяйстве корабля не разживешься. А кран перекладывает в носовой трюм корявые бревна высохших на берегу топляков и плавника. Уголька у них нормально, но запас не помешает.

Командир посыльного миноносца и фельдъегерь пьют чай в столовой. Понимают, что о результатах начавшейся разведки быстрее них никто ничего в штаб не доложит. Несомненно, они получили инструкции о немедленном возвращении после доставки корреспонденции, вряд ли в штабе с нетерпением ждут Гошкиных увещаний о срочной присылке матросов и офицеров для формирования команды. Но эти люди в головы не только едят. Сейчас вот, в частности, пьют, терпеливо ожидая сведений.

Ага, рассол из опреснителей побежал. Поступил доклад о завершении погрузки свежей провизии и окончании работ в шахте погреба для боеприпасов. Вмешиваться бессмысленно, все делается правильно. Шланги, тянувшиеся от береговой мастерской, отсоединены, свернуты и сложены в огромные бухты в сарае. Филонич закрывает ворота, накидывает крючок... тягучие минуты ожидания... из-за мыса на бреющем выскакивает самолет. На палубе чисто, разрешающий флаг вывешен, посадка.

Фотоаппарат бегом несут в лабораторию, а пилот

докладывает о том, что на удалении шестьдесят километров обнаружена кильватерная колонна из одиннадцати нидерских транспортов в сопровождении трех крейсерских групп. Однотипные быстроходные эсминцы по три впереди и сзади, да еще по одному с каждого фланга. О том, что на транспортах перевозят войска, — первая мысль. И место для высадки десанта очевидно при самом беглом взгляде на карту.

* * *

Никаких сомнений, что это отвлекающий удар, направленный на то, чтобы оттянуть часть сил Империи от основного направления. Девятнадцать вымпелов на тридцать восемь торпед. Магия чисел. Противники, несомненно, обнаружили самолет-разведчик. Что они предпримут? Если пойдут прежним курсом, то через полтора часа... а авианосец как раз дойдет вот сюда... удобное положение для атаки. Причем эсминцы будут вынуждены пробираться в лабиринте островов и мелей, чтобы приблизиться хотя бы на дистанцию артиллерийского огня. А самолетам лететь до цели будет нужно от силы тридцать минут. Так хорошо просто не бывает.

— Трос, взлетаете пятеркой и торпедируете транспорты. Авианосец следует вот к этой точке. Проинструктируйте пилотов, где нас искать после атаки. Цели выбирайте удобные, чтобы не связываться с кораблями охранения. Наверняка, увидев нашего разведчика, они уже готовятся для стрельбы по воздушным объектам. А вообще, если эсминец подвернется — пусть стреляют в него. Короче — бить удобные цели.

Самолеты, вернувшиеся из разведки с других направлений, найдут авианосец, получив данные на аэродроме.

Фельдъегерь и командир посыльного миноносца уносят мокрые снимки вражеских кораблей и Гошкину за-

писку в штаб флота. Теперь они привезут данные об обнаружении неприятельского конвоя.

Трап закрепили, канаты с причальных тумб сняты и исчезают из виду, затягиваемые на борт. Осторожненько отвалили от пирса. Пошли. Уже три самолета в воздухе, четвертый стартует, пятый пойдет через минуту. Эх, почему он не выучился летать! Занимался всем, чем угодно, кроме самого главного. Теперь его удел — ожидание — неизбежная участь всех командиров. Не самое приятное дело, кстати. Все-таки труд руководителя вознаграждается неправильно. Зачем нужны деньги или награды, если в решающий момент оказываешься не там, где определяется успех дела, не можешь повлиять на результат тогда, когда, собственно, все и решается!

Кстати, а сами деньги? На извозчика или в столовой, если отлучился из места постоянного проживания! Больше-то они ему ни разу ни за чем не понадобились. Ах да, билеты покупал. А награды? Есть Ри и уважение в глазах людей. Шибче не наградишь.

* * *

Когда пятерка самолетов вернулась с израсходованными торпедами, стало ясно, что неприятель на обнаружение воздушного разведчика не отреагировал. Пилот глаза им не мозолил, глянул быстренько издали да и вернулся. Удовлетворился тем, что летчик-наблюдатель разглядел флаги в бинокль да щелкнул несколько раз камерой. За что ему огромное спасибо.

И торпедоносцы снизились до бреющего, и выпустили свои торпеды с небольших дистанций по одной штуке в борт каждого из оказавшихся в удобной позиции транспорта. Эсминец, прикрывавший колонну с фланга, пытался стрелять, но находился далеко, неудобно и совсем не мешал.

В отношении нанесенных противнику повреждений надежных данных не было. Сбросив торпеды, пилоты развернулись и ушли со всей возможной скоростью. Об одном или двух услышанных взрывах докладывали все, но картины подрыва или его последствия никто не наблюдал. Смывались. Но все пуски были произведены примерно с полукилометра, все целили на корпус-полкорпуса перед носом, прикидывая, оценочно, на глаз упреждение по скорости цели и ее длине. Пилоты тренированные, шанс на поражение был у всех.

Сейчас, когда из безрезультатной разведки вернулись еще две машины, в налет на конвой пойдут сразу семеро. Пилотов-то у них тройной комплект, так что задержка только на заправку и вооружение. А Гошкино дело — держать авианосец в неудобном для атаки эсминцев месте, компенсируя двигателями его дрейф, и ждать результата. Это недолго, тут недалеко лететь. Все происходит, считай, прямо за линией горизонта. Ну, конечно, с учетом высоты мачт и надстроек участников событий. По воздуху такое расстояние преодолевается быстро.

* * *

Вся семерка вернулась с неизрасходованными торпедами. Сбросили их без запуска двигателей в паре километров от авианосца. Паровой катер соберет их позднее, благо этот вариант давно отработан. А потом самолеты с обстоятельной неспешностью сели, каждый в свой черед. Нидеры спустили флаги и снимают людей с одного из транспортов, который явно пытается затонуть. Правда, возня команды у погружающегося в воду борта продолжается. Корабли сбились в кучу, снуют катера и шлюпки. А всего последствия попаданий торпед отмечены на пяти кораблях.

Гошка не по-детски чешет репу. Нидеры — отличные

моряки. Их торговые и пассажирские суда заслуженно пользуются репутацией надежных и быстрых, обслуживая почти треть линий регулярного сообщения на планете. Своих выручают, прикладывая для этого максимум усилий. А вот в воинственности замечены не были уже давно. Их быстроходные крейсера, эсминцы и крупные мореходные миноносцы явно строились в расчете на погоню за пиратами, на стремительные операции в колониях, которых имеют великое множество, на сопровождение торговых караванов, идущих сквозь воды с сомнительной репутацией.

Но ничего броненосного в их флоте Гошка припомнить не может. И морские сражения с участием этой нации упоминались только из эпохи парусного флота. Интересно, почему они полезли в эту войну? Хотели по легкому хапнуть Гивейные острова, не иначе. А по легкому-то и не выходит. Прилетели пять бабочек, крылышками взмахнули, и заделывая пробоины. А через часок-полтора прилетают еще семь. Воевать становится неуютно. Защищать нечего, а чужое отнимать бесполезно. Быстро соображает нидерский адмирал. С другой стороны, пока не испачкали рук в рысской крови — перспективы радужней. Определенно — ход мыслей противника Гошке нравится.

— Трос, распорядись о том, чтобы меня доставили к эскадре на гидроплане. Надо бы потолковать с командованием противника. Ума не приложу, как обеспечить приемлемые условия такому количеству пленных.

* * *

С крыла самолета, покачивающегося на поплавках, спокойно переступил на корму подошедшей шлюпки. Трап для него спустили парадный, а на палубе встретили торжественно, сложив к ногам прибывшего кортики.

Знать, такой у них обычай. Не переступать же через такое величие. Тут любой растеряется. Знал бы — прихватил бы с собой мешок. Да вообще, кто знает, как тут положено с такими символами обращаться? И он понидерски ни в зуб ногой. Да и риканский его — не в самом изысканном состоянии.

— Здравствуйте, — заговорил он по-русски. — Ваши кортики чудесны, но совершенно не подходят к стилю моего мундира. Пожалуйста, оставьте их себе, не откажите в любезности.

Заговорил переводчик, горка холодного оружия из-под ног была убрана. Потом человек в самом роскошном мундире представился через того же толмача. Гошка назвал свое имя, вызвавшее среди офицеров некоторый обмен короткими фразами, среди которых ухо уловило что-то вроде: «Каксн масоруп».

Потом была чашечка душистого кофе в адмиральском салоне, и точка на карте — рысский порт Николаев, куда следовало добраться эскадре и представиться местному околоточному по поводу сдачи в плен. Потом адмирал уложил Гошку на лопатки неожиданным вопросом.

— Не позволит ли «каспатин» командор уведомить друзей командующего о произошедшем с ним, адмиралом, «сатрутнении», и рекомендовать вышеозначенным друзьям тот же порт для встречи и хорошего разговора. — Переводчик не отличался ни правильным произношением, ни грамотностью в рысском.

— Извольте, господин командующий. Как вам будет удобней. А мне пора откланяться. Супруга бывает недовольна, когда я опаздываю к ужину.

Гидроплан долго натужно разгонялся, пока смог разорвать контакт с водной стихией. Когда поднялись метров на двадцать, стало видно, что несколько эсминцев удаляются. Далеко, силуэты сливаются в сгущающихся

сумерках, определенно не разглядеть — то ли два, то ли три. А Гошке оставалось только сожалеть о собственной бестолковости — сунуться на вражеский флагман без знания языка и собственного переводчика! Это характеризует его как неординарного флотоводца. Бестолкового, безответственного, лишенного не только умения, но и желания думать.

* * *

Где-то шла война. Сходились колонны линкоров, гремели артиллерийские залпы. А Коктебельское сидение первой в истории планеты боеспособной авиагруппы продолжалось. Уже третий месяц ничего примечательного разведка обнаружить не могла. На триста километров в округе торговцы и пакетботы спокойно шли своим курсом и рыбачили рыбаки. Трижды замечали бегущий по своим посыльным делам рысский миноносец.

Меняли наблюдателей на дальних постах, изредка самолеты совершали посадки на удаленных аэродромах. Проверить, все ли в порядке. Депеш из штаба не поступало, крейсерская группа не приходила, а в газетах, доставлявшихся, как и раньше, дважды в неделю, о военных действиях сообщалось скупо. Сухопутные бои на гряде Буллет, соприкосновение броненосных эскадр в Лемюэлевом проливе — множественные повреждения с обеих сторон, потопленных кораблей нет. Оставалось гадать, глядя на карту и вспоминая, что было ему известно о составах флотов. И еще гадать можно было о поведении нидеров, получивших первый опыт воздействия противной авиации на походный ордер колонны транспортов.

Нет сомнений, что выполнять боевую задачу они перестали. Не обнаружила их Гошкина разведка в направлении первоначальной цели похода. Интересно, куда

они девались? В Николаев или домой? Но этот вопрос все-таки скорее теоретический. В той зоне, до которой он смог дотянуться, выполняя приказ о сидении на месте, противник ничего сделать не смог. Даже мимо пробежать.

Зима уже перевалила за середину. С неделю лежал снежок. Случались штормы, однако чаще всего шли дожди. Мелкие, редкие, нудные. Давным-давно вернулся из штаба флота нарочный, отправленный рейсовым пакетботом с отчетом о боевом соприкосновении с неприятелем. Главным содержанием привезенной им инструкции было: «Продолжать боевое дежурство в контролируемом районе». Складывалось впечатление, что Гошку просто не пускают в дело. Как Мулю Геринга. Берегут для употребления в качестве... а Ри пополнила в талии. И давно уже не летает.

ГЛАВА 37

Закончилось все буднично и скучно. В конце зимы приехала мама Варя и увезла домой дочку и ее мужа. Прибывший вместе с ней капитан первого ранга принял у Гошки авианосец. А поскольку прибыл он не один, а с командой матросов, старшин и офицеров, то полупустые до сих пор каюты и кубрики огромного корабля наконец-то обрели своих обитателей. Бывшие огородники и рыбаки, набранные для того, чтобы недостаток в морях не лишил «плавающий аэродром» подвижности, вернулись к своим первоначальным занятиям.

Спокойный переезд в просторной каюте комфортабельного парохода, полтора часа в запряженном лошадю вагончике, неспешно катящемся по рельсам и наполненном самой разной мирной публикой, пешая прогулка от вокзала через территорию госпиталя, а потом

по кривой улочке — и они с Ри снова в комнатке барака, где когда-то провели свою первую ночь. Война-то уже закончилась. И, по сложившейся традиции, командору надлежит покинуть места, где личность его способна привлечь к себе внимание тех, кого эта самая личность может заинтересовать.

Совершенно не удивила сноровка, с которой действующая императрица пользуется общественным транспортом. Народ тут вообще какой-то непритязательный и незлобный. Навык к самоорганизации наработан до того, что набивавшийся порой под завязку вагончик не производил удручающего впечатления на своих не слишком удобно разместившихся в нем пассажиров. Корзины — под лавки, сумки на крюки, дети и толстяки задвинуты к окнам, а остальные, извиваясь как змеи, протискиваются в узком проходе, обсуждая последовательность маневрирования при выпускании Марковича и его Фирузы к проходу на следующей остановке.

Ри уже не просто потолстела в талии. Животик оформляется. Так что — правильный режим и полноценное питание. Вообще-то она дважды в сутки бежит в столовую околотка операционных сестер, очень ей нравится, как там готовят для беременных, и опять же — общение с будущими мамками, среди которых есть и такие, что по третьему разу.

В «большом доме» усадьбы Гошка нашел императорскую библиотеку. Тут оказалась хорошо подобранная периодика, и он тщательно изучил по подшивкам газет информацию о военных действиях только что завершившейся войны. Забавная картинка — он не узнал ничего нового. Масса колоритных подробностей о быте и происшествиях в воинских частях и на кораблях, чудесные репортажи с мест событий, описание подвигов и до мельчайших подробностей разобранные варианты маневрирования колонн транспортов и боевых эскадр —

все это создавало яркую, насыщенную картину большой войны, где наши мужественные воины противостоят сильному и коварному агрессору. Но общая картина не складывалась.

Эпизоды не увязывались в цепи последовательностей, не просматривались мотивировки противодействующих сторон. Военному человеку эти порождения гуманитарной мысли ничего не говорили. Вывод из прочитанного — повоевали и отбились. Ни территориальных приобретений, ни контрибуций ни для одной из воевавших сторон не упоминается. Кстати, никаких повторов в текстах, если в двух разных газетах и упомянут один эпизод, то с совершенно разных точек зрения. В общем, ни малейших признаков цензуры или гонки за новостями, никакого перепечатывания или подхватывания сенсации. Что вижу — то пою. И певцы — не стратеги.

Еще обошел всю территорию императорской усадьбы. Как-то раньше не до того было. Не так уж она и велика оказалась, меньше гектара, пожалуй. Форма — трапеция. Короткая сторона выходит на улицу. Две другие — соседские заборы. В них имеются калитки. Заперты ли они — пробовать не стал. Не встречал он еще в этой стране ни одного замка. Четвертая сторона выходила в лес, но вместо калитки здесь наблюдался просто открытый проход, а наличие изгороди не угадывалось вообще. Тропинок тоже не обнаружилось, слежавшийся по весне снег был усыпан хвоинками, разным древесным мусором, но следы в этом месте нашлись только птичьи и, наверное, заячьи.

От скуки засел за писанину, оформляя возникшие за период командования авианосной группой мысли в вид, пригодный для восприятия. Но особенно долго заниматься этим не пришлось — появился фельдъегерь и привез сразу два пакета. И для Гошки, и для Ри. Это оказались то ли приглашения, то ли повестки, прибыть по

одному и тому же адресу в одно и то же время. Это в другом городе, но недалеко. Собрали свой нехитрый скарб и поехали.

Домик, найденный по означенному адресу, был не-маленький. Скорее гостиница. В холле офицер направил их устраиваться в номер, для них приготовленный, и выдал талоны на питание. Судя по их количеству, провести им здесь предстояло не меньше месяца. Погуляли по городку. На его улицах люди в военных спецовках встречались настолько часто, что сомнений не было — где-то тут гнездится Генштаб. Очень уж знаки различия у народа увесистые. В общем, намечается большое толковище.

А вот других существенных отличий от обычной картины любого населенного пункта Империи не наблюдается. Как и везде в магазинах не продаются сладости, но зато — великолепная выпечка. Сметану отпускают в стеклянные баночки, что приносят с собой покупатели, а молоко наливают в трогательные эмалированные бидончики. И вообще номенклатура продуктов питания унифицирована — три сорта сыра — твердый, плавленый и мазючий, три сорта колбасы — копченая, варено-копченая и вареная. В разное время Гошка все это перепробовал. Сыр как сыр, колбаса как колбаса.

Ветчины, окорока, корейки и буженины — по одному виду, причем без имени собственного. Ри как раз захотелось мясного, купили грамм триста шейки, да тут же и употребили, разглядывая макароны, рожки, вермишель и крупы в стеклянных цилиндрах. Людно в магазине не было, основная масса народу питается в столовых, а сюда заглядывают немногие. Обычно — кто ждет гостей или живет удаленно. Ну и такие, как они, любопытные, или любители зажевать на ходу сладкую слоечку.

У дорожки, по которой сновало немало людей, обнаружили двух торговков, живописно закутанных в пуши-

стые шали и обутых в настоящие валенки с галошами. К услугам прохожих предлагались жареные семечки и вяленая рыбешка. Пожилые женщины активно обсуждали амурные похождения какого-то Макса, обращаясь друг к другу по имени-отчеству. Гошка умилился и отложил в анналы памяти: Апполинария Львовна и Зинаида Кувалдыковна. Длинно, заковыристо, но звучит, как строка из песни. Ему ведь надо будет тоже хорошенько подумать, как назвать сына или дочку. Отчество «Игоревна» или «Игоревич» не со всеми именами сочетается удачно.

Пока то да се, Ри потянула его за рукав, и через несколько минут они оказались в околотке. Околоточного на месте не было, но забежавший порываться в книжном шкафу подросток объяснил про этих бабулек все. Они обе давненько овдовели, а когда состарились, то и работы для них никакой не нашлось. Ни деток у них, ни внучат, совсем одни остались. Вот и поручил им дядька Константин дело, о котором в молодости слышал от своего давнего товарища, попавшего сюда с Земли.

Все довольны, старушки на свежем воздухе непрерывно общаются и знают все про всех. Семечки и рыбу отличного качества им доставляет один мужик из здешнего учреждения. В общем, Ри успокоилась, и они продолжили знакомиться с достопримечательностями.

В скверике, где тусовались мамочки с малышкой, встретили Мулю Геринга. Он тоже прибыл на то же сборище и привез с собой бутылочку отличного вина, которое им откупили в ближайшем кафе. Очень вкусно было под апельсинчики да под интересный разговор. Ри, правда, только лизнула и переключила свое внимание на креветки под томатный сок. Как-то ей вот так захотелось.

Муля оказался шибко увлечен новой затеей с гладкостволами и углеродными снарядами. Оказывается, в мастерских пятого полигона уже умудряются в оболочку из

этого выращенного в пламени черного скользкого материала запихивать целую композицию из пробойника, и еще одного пробойника, и взрывчатки. В общем, если борт двойной — дыра такая, что голову можно просунуть. А если один слой защиты — в отсеке, куда это угодило, живых не остается, даже трубопроводы лопаются. У него таких снарядов всего десяток и был, так он со своими стовосмидесятками проверил их на полновесном броненосце, не заходя в зону поражения главного калибра.

Жаль, что попал всего четыре раза и результат узнать не удалось. Трой этот броненосец торпедами на дно отправил... В общем, вечер прошел спокойно и доставил удовольствие.

* * *

В амфитеатре собралось человек триста. Отличная акустика, почти все друг друга знают, так что гул стоял — будь здоров. Много военных, но немало и чиновного люда. Инженерские спецовки не редкость, брючные пары дипломатов, безопасники, внешняя разведка, да кого тут только нет! Женщин немало, возраста любые, кроме детей, конечно. Гошка многих узнал. Трос, Тавруха, бывший начальник оперативного отдела штаба дивизиона семисоток, Колен. Не то что глаза разбегаются, но было с кем раскланяться.

Распорядитель загнал Ри в предпоследний ряд, а Гошку усадил в третий, у прохода. Трос сидел во втором ряду, но с противоположной стороны прохода. Потом все утомонились, и незнакомый человек занял место за столом рядом с развешенной на манер экрана картой. Постучал ногтем по столешнице.

— Стенографистам приступить. Следствие начато. Тема — ход войны с королевством Испа, королевством

Тальяния, республикой Франия и анклавией Нидер. Первое сообщение делает министр иностранных дел Кандид Аскеров.

Мужчина поднялся из первого ряда и, выйдя к карте, принялся излагать предысторию. О появлении у франов острого желания обладать грядой Буллет, где разведаны огромные запасы пирита в удобной для разработки местности. О поиске ими союзников, завершившемся заключением договора о разделе данных островов между франами, тальянами и испами, о привлечении к сговору нидеров, заинтересованных в Гивейных островах. Сыпались даты, упоминались географические названия, места встреч и состав их участников.

Потом были описаны усилия дипломатов по подрыву единства участников антирысского сговора, и единственный достигнутый успех — фабрикация геологической карты острова, отходившего по договору испам, которую позволили выкрасть одному из сотрудников дипломатической миссии этой страны, накануне эвакуации по причине объявления войны. Расчет оправдался. «Поняв», что франы их обманули в части ценности приобретаемых в случае победы земель, испы вернули свой флот на базы еще до вступления в соприкосновение с рыссами, фактически не начав военных действий.

Затем начальник отдела фортификационных работ доложил о своевременном завершении оборудования позиций береговых батарей, что были начаты еще в ожидании конфликта с джаппами, о проблемах с орудийными стволами, которые пришлось частично снимать с потерявших актуальность оборонительных сооружений в Эспандере. Также на случай захвата портов или просто в удобных для высадки бухтах были оборудованы тщательно замаскированные склады диверсионного снаряжения.

Оба выступления не были непрерывными. Они ком-

ментировались с мест, дополнялись, или участники форума задавали вопросы. «Ведущему» приходилось дирижировать, предоставляя слово то одному, то другому присутствующему и давая указания секретарям и стенографистам. До Гошки дошло, что это действительно расследование всех обстоятельств войны. Причем процедура приближена к судебной. В зале нет ни истцов, ни ответчиков. Свидетели или участники событий. Зачитываются документы и сопоставляются сведения, полученные из разных источников. Время летит, а дело движется небыстро. С перерывом на обед как раз до вечера только и успели пройти два вопроса.

Второй день ушел на отчеты кадровика и вооруженца. И стало ясно, что авианосная группа ничего не получила потому, что все это было задействовано в других местах.

На третий день были проанализированы планы развертывания и прикрытия, сосредоточения резервов и путей отступления. Варианты противодействия рейдерской деятельности и собственные акции на коммуникациях неприятеля. До начала собственно военных действий дело никак не доходило. Гошка уже перекипел и даже внутренне перебесился.

Следующим выступил ротный. Он теперь носил генеральские погоны, однако выглядел по-прежнему неприметно. Но именно его выступление доставило «публике» истинное наслаждение. Рысские диверсанты сыграли на том, что тальяны сконцентрировали весь свой флот в одной базе, крайне удобной для проведения парада перед отправкой на войну. Такой уж у них обычай. А люди-лягушки с комфортом провели сплошное минирование всех боевых единиц флота, собравшихся на торжественное мероприятие. Они вместе с аппаратурой и взрывчаткой заняли исходные позиции под видом рыбаков или портовых работников еще за три месяца до

ожидаемого события. Одним словом, парад принимали рыбы. К сожалению, многие из подводных диверсантов штатно уйти не смогли, их схватили при попытке покинуть город и при облавах на побережье.

Однако, поскольку тальянские дипломаты своевременно уведомили рысскую сторону о начале войны, все закончилось нормально. Под жерлами пушек рысского крейсера, пригрозившего оставшемуся беззащитным побережью единственным безответным выстрелом, задержанных парней на гребных судах тальяны перевезли на борт парохода, доставившего их на родину. Дипломаты все еще утрясают вопросы об этичности и правомерности произведенных акций, но, кажется, дела идут на лад. Кстати, все дыхательные аппараты были заботливо уничтожены с применением заранее подготовленных приспособлений, что позволяет надеяться на то, что год или полтора аналогичное оборудование у противников не появится. А вообще-то о подводном минировании кораблей они, конечно, уже догадались.

Доклад несколько раз прерывался уточняющими вопросами, поскольку большинство присутствовавших относительно наличия боевых пловцов было не в курсе. Прозвучало даже предложение использовать этих специалистов для доставки мин, как стационарных, так и самоходных к местам применения. Так что была затронута масса технических аспектов.

Потом началась разборка собственно военных действий. Выяснилось, что Гошкина авиагруппа встретила неприятеля первой. Непосредственно докладывал Трос, а Гошка был востребован в основном как единственный с рысской стороны участник переговоров с нидерами. Он дословно передал разговор с адмиралом неприятельской эскадры и отметил, что тот, воспользовавшись не вполне адекватным пониманием смысла диалога из-за проблем с переводом, посчитал себя вправе отправить

эсминцы к другим соединениям нидерского флота, несомненно занимавшим исходные позиции для начала высадки на Гивейных островах.

Потом министр внутренних дел сообщил о последовавшем за этой встречей прибытии четырех охраняемых боевыми кораблями колонн транспортов с войсковыми соединениями нидеров в захолустный рыбацкий порт Николаев. И сдачи всей этой мощи ни в чем не повинному околоточному Зебадии Кранку. После чего, неустанными трудами пленных леса западной оконечности острова, превратились в благоустроенные лесопарки, дороги лишились последних рытвин и ухабов, на судоремонтном заводе исчез хронический дефицит рабочих рук, а сам он заработал в четыре шестичасовых смены.

Следующим интересным эпизодом оказалась встреча десяти рысских броненосцев под командованием Колена с четырнадцатью линкорами франов в Лемюзелевом проливе. Огромные корабли сошлись в кильватерных колоннах параллельными курсами и отделали друг друга так, что смотреть на них было страшно. Потом аналогично поступили друг с другом крейсера сопровождения. Обе группы попытались добить поврежденные броненосцы и одновременно не позволить сделать это противнику.

На анализ маневрирования, подсчет выстрелов и попаданий в этом сражении ушел целый день. Рыссы стреляли лучше, хотя повреждений хватило обеим сторонам. Но настоящая неприятность ждала франов через двое суток. Их ковыляющую на слегка залатанных корытах колонну настигла группа, состоящая из транспорта, лихтеровоза и легкого крейсера, вооруженного скомпрометировавшими себя на Урме гладкоствольными восьмидесятимиллиметровками. И началось избиение.

С запредельной дистанции крейсер сносил с настиг-

нутых линкоров остатки противоминной артиллерии, а один или два миноносца семисотой серии высаживали в борта замыкающих строй неуклюжих подранков парутройку торпед. Собственно, когда остальная часть потрепанной эскадры развернулась для оказания отпора, выяснилось, что противодействовать этим угрозам они бессильны. Просто увеличился счет потерь. Пара рысских быстроходных эсминцев, забегая с разных сторон, постоянно расстраивала планы любых перестроений и отвлекала на себя те корабли, которые еще могли развивать проектную скорость. Нарезные стотридцатимиллиметровки эсминцев лишь имитировали стрельбу — не подходили они на расстояние уверенного накрытия, но покою от них не было.

Руководивший этой погоней Колен отметил, что действия крейсера под командованием герцога Геринга и миноносцев великого князя Троекурова демонстрировали не отвагу и жажду победы, а холодный расчет и железную выдержку. На протяжении трех суток, пользуясь светлыми лунными ночами, они «отрезали кусочки с краю». Оставшиеся на плаву восемь выпелов просто сдались.

После этого положение франских частей, высадившихся на планируемых к захвату землях, стало безнадежным. Они сложили оружие буквально в течение нескольких недель. А тут в дело снова вступили дипломаты, и заключение мирного договора стало делом техники.

* * *

День за днем, эпизод за эпизодом почти в течение месяца шла детальная разборка и точное воспроизведение событий войны. Ее итоги — тысячи погибших или израненных граждан Империи — никого не радовали. Самые большие потери понесли франы. Тальянам тоже

досталось. Нидеры лишились своих лучших кораблей и предложили выкуп за пленных. Отделались они сравнительно легко.

Значимость раннего выведения из войны вооруженных сил нидеров оказалась сильно ослаблена «надежностью» действий генштабистов и медлительностью связистов. Пока информация дошла, пока ее перепроверили и приняли правильное решение, передислокация эскадр прикрытия к местам столкновений с франским флотом запоздала. Поэтому к финалу главного сражения успели только Трой, Муля и неполный пока дивизион эсминцев, которых командиры соединений легко отпустили в связи с тем, что эти «измышления» не полагали для себя особенно ценными в силу непривычности. То есть при первом непроверенном еще сообщении о фактическом невступлении нидеров в войну.

Итоги подводил Го. Он поблагодарил всех за терпение и отметил, что работы в направлении совершенствования вооружений следует продолжать.

— В заключение добавлю, — государь ухмыльнулся, и лицо его приняло издевательское выражение, — если раньше неприятельские моряки на ночь пугали друг друга байками о великом и ужасном Куксе, то сейчас появилось еще два устрашающих имени. Трой и Муля. Надеюсь, что всяческое сокрытие истины, связанной с личностями этих людей, каждый воспримет близко к сердцу. Общее пожелание — ни слова правды о них нигде и никому. Любые легенды, сказания, фантазии или ложь. Из услышанного вообще ничего не отрицать и не подтверждать, а, если деваться некуда, пересказывать то, что болтают. Ну, не специально распространять, а если сильно спросят.

На грядущий Буллет желающих много еще найдется, так что грозная слава рысских флотоводцев может еще не раз сыграть нам на руку.

* * *

Гошка, наконец, выучил имя бывшего начальника оперативного отдела бывшего своего штаба, а сейчас командира дивизиона миноносцев. Великий князь Геннадий Викторович Троекуров, для товарищей — Трой. Сын брата нынешнего императора, он приходился двоюродным племянником по линии свойства его жене и в реестре претендентов на престол числился за номером девять. Впрочем, в Империи говорили: «дублером». Не ощущалось здесь борьбы за столь хлопотное место.

Его отца, тогда еще совсем юного, соблазнила хорошенькая горничная, а поскольку понятий «бастард» или «мезальянс» в Империи не существовало, детство его и еще троих его братьев от того же союза прошло в теплой атмосфере уютного дома. Ри и ее сестричек он знал с пеленок, но, поскольку не отличался их буйной энергией, образование получил иное. В вопросах истории ему не было равных. Особенно — новейшей. На Земле его бы могли назвать политологом или военным аналитиком.

Впрочем, это было скорее хобби. После окончания Морского корпуса он командовал сначала портовым буксиром, потом тральщиком и, наконец, сторожевым корабликом береговой обороны. Вот тут-то и свела нелегкая его вооруженную единственной семидесятипятимиллиметровой скорлупку с полновесным средним крейсером рикан. Бронепалубники на всей Посейдонии к тому времени уже добронировали с бортов.

Проигрывая в скорости, огне и броне, лейтенант вступил в бой, используя одну лишь верткость своего сторожевичка и знание местных условий. Назвать этот бой удачным для имперцев не всякий решится, но когда снаряд главного калибра крейсера развалил дерзкую посудину, риканский капитан даже не подозревал, что уже

четверть часа утюжит только что поставленное минное поле.

Его неведение не продлилось и пяти минут — взрыв по правому борту сделал положение дел предельно ясным. А жирную точку в протоколе состоявшейся встречи поставил еще через двадцать минут выползший на пределе своих ходовых возможностей броненосец береговой обороны, добивший подранка и выловивший спасшихся членов экипажа погибшего кораблика.

После этого случая, уступая настойчивым просьбам матушки героя, император держал племянника исключительно на штабных должностях.

— Я бы так же поступил, — рассудил Гошка, слушая его подробный рассказ о перспективах дальнейшего развития обеих линий ударных миноносцев. И чисто торпедных, и торпедно-артиллерийских. — А с другой стороны, вот увлекся мужик Таврухиными миноносцами. Настоящий хорошо образованный моряк. Влиятельный царедворец, сказали бы про него на Земле. Наверняка пожалуется на недостаточный резерв турбин.

— А еще, Кукса, беда у нас с турбинами, — будто услышав его мысли, продолжил повествовать гость, забежавший попрощаться с бывшим сослуживцем и двоюродной сестричкой...

Участники следствия разъезжались.

ГЛАВА 38

Большой совет император собрал в официальной столице. В уютном полукруглом амфитеатре стояли удобные кресла, и собралось около полусотни человек. Гошка с удивлением обнаружил, что знает многих. Трой, Трос, Колен, все четыре сестрички его жены и их матушка, и даже деда.

Министр иностранных дел доложил, что мирные договоры подписаны и, судя по всему, в ближайшие лет десять войн не ожидается.

— Тягаться с нами теперь могут только бритты, но они увязли в проблемах своих колоний, — заключил он.

Министр финансов сообщил о колоссальном избытке средств в связи доходами от продажи трофейных кораблей. Сразу за ним попросила слова Ри и предложила сконцентрировать усилия на налаживании регулярного сообщения между островами Империи, для чего необходимо потратиться на быстроходные некрупные суда, которых, на первом этапе, требуется полторы сотни.

Потом в унисон ей выступил Трой, сообщивший, что миноносцы нидерской постройки имеют корпуса, идеально подходящие для переоборудования их в пакетботы коротких линий. Прекрасная мореходность, отличная скорость в экономичном режиме, вместительность тоже приемлемая. Так что первые пять можно начинать переделывать хоть прямо сейчас, а остальные надо заказывать у нидеров сразу в варианте пакетбота с котлами на жидком топливе, и паровые турбины для них покупать в Рикании с запасом расходных деталей, считай — роторов турбин, на весь срок эксплуатации.

Потом Трос рассказал о проекте почтового самолета и необходимости постройки аэродромов на всех населенных островах. Чтобы обязательно с твердым покрытием, тогда зимой удобно будет расчищать от снега взлетно-посадочные полосы.

Далее речь шла о беконных и бройлерных заводах, где все настолько хорошо, что полная беда с рефрижераторами для вывоза продукции. Пароходами возить получается помногу, но редко, а нужно часто и помалу, а таких транспортных средств с холодильными установками на десятки тонн просто нет.

Вопрос о джаппских пленных затронули. Четверть

из них попросила земельные наделы и кредиты на обустройство хозяйством. К нескольким сотням приехали семьи, а еще столько же очень просят отпустить их за выкуп. Тут все почему-то посмотрели в Гошкину сторону.

— Да амнистировать их, и дело с концом, — произнес он неожиданно сам для себя. — Те секреты, ради сохранения которых их придержали, уже известны всему миру. Опять же императору ихнему комплимент получится, за то, что в этой войне был нам верным союзником. Не его вина, что не поспел его флот к главным событиям. Договорные обязательства он выполнил.

Еще возникали вопросы о задержках с постройкой железных дорог, ремонтом портов, трижды уточнялись вопросы, связанные с внутренними морскими перевозками, с закупкой труб в Галлии, фосфатов в Талии, серы на Урме. Потом о затруднении со сбытом излишков ржаного зерна и нехватке пшеницы. О сокращении закупок кофе, поскольку плантации на островах Формоза начали, наконец, плодоносить.

О гидрогенизации угля, о производстве фторопласта, о новых эпоксидных композициях и работах в области мономеризации, кремнийорганических соединениях, интенсификаторах вегетации, добавках микроэлементов к рациону молочных коров... Гошка понимал далеко не все, но было интересно. И особенно интересно было, чем это все закончится. Никаких решений не принималось. Люди высказывались, проблемы описывались, и все.

За ужином Ри объяснила, что решения на совете никто никогда не принимает. Сколько людей, столько мнений. Со всей этой кучей вопросов разбираться будет император. Его дело получить информацию. Стенографисты не дремлют.

— Кстати, про то, что дизели надо сначала делать маломощные, ты верно угадал. Без них рефрижераторные

вагоны получаются громоздкие, при каждом нужна котельная. Так что задачу конструкторам я изменю. — Ри дотянулась до холодца и положила на Гошкину тарелку изрядный брусок. — Дай, пожалуйста, хрена, вон он, левее.

За длинным столом в императорской трапезной по существу продолжали обсуждаться те же вопросы, что и в зале. Но это был не общий разговор, а десятки диалогов или споров небольших групп.

Почтмейстер пытал Троса о размерах грузового отсека проектируемого самолета, Ри потребовала от Троя эскиз планировки пакетбота на основе нидерского миноносца, а потом втолковывала про маломощные дизели дядьке, жаловавшемуся на нехватку рефрижераторов. В их диалог врезался начальник железных дорог, и рассуждал насчет конной тяги и дрезин. Убеждал, что без дизелей в его хозяйстве совсем труба дело.

За чаем народ разбрелся кучками по диванчикам, расставленным у стен, где возникли новые очаги обсуждений, а Гошка остался один.

— Ну, как тебе семейный совет императорской фамилии? — Го подошел тихонько.

— А это все твоя родня?

— По крови половина, остальные по духу. Не все они мне нравятся, но дело знают и болеют за страну.

— И что, безо всякой мотивации? Без наделов и пожалований из одного патриотического чувства за голую зарплату? — попытался язвить Гошка.

— Сам не пойму, какая им выгода оттого, что радеют за благо отчизны, — ухмыльнулся Го. — Может, потому, что имеют все, чего желают, пока государство крепко?

Гошка обвел взглядом людей в скромных спецовочной ткани форменных костюмах, рубашках немаркого цвета и башмаках «прощай молодость». Задержался взглядом на скромных сережках женщин. Высший свет!

— Непохоже, что они многого желают, — заключил он вслух.

— Это ты тонко подметил, — улыбнулся Го. — Удивительно скромные люди. Трос просто хочет летать, Трой — стоять на мостике боевого корабля и держаться за поручни, чтобы не сдуло набегающим потоком воздуха. Варенька мечтает о стопроцентной выживаемости новорожденных, а вон тот пожилой господин — о зубной щетке с пластмассовой ручкой и синтетической щетиной. Кстати, пока нет войны, чем займешься? Только в пилоты не просись, нам с Варварой за Виолу с Нинкой страхов хватает да за твою благоверную. Ты уж найди себе дело поспокойней и подальше от самолетов.

— Ваши ученые не пытались экспериментировать с электричеством? Я бы присоединился. Во-первых, учился в этом направлении, во-вторых, видел, как оно работает.

— Пробовали, конечно. Ничего не добились. Есть у нас совершенно секретная лаборатория, она, правда, законсервирована лет уж тридцать. А Ри тебя туда отвезет, как мы с разговорами завершим. Завтра боевое планирование, послезавтра депутация от нидеров, потом посольство тугалов, за ними галлы. Саксы еще на подходе с каким-то коварным предложением. Программа на неделю, не меньше.

* * *

Наконец череда совещаний и парадных мероприятий завершена. Два дня Ри провела за писаниной, целую стопу писем накатала и отправила. Она вообще ведет очень оживленную переписку, проводя за конторкой часок-другой каждый день, но иногда случаются и авралы, подобные этому, когда пишет и читает только с переры-

вами на еду и сон. А Гошка познакомился со столицей. Богемностью здесь пахло слабовато.

Один театр, картинная галерея из десятка залов, музеев два. Исторический так себе, а вот краеведческий интересный, хотя и небольшой. Неплохой уютный для зверья зоопарк и просто безразмерный богатейший дендрарий. Маленькие кафе, чопорный центральный почтамт, университет с явным уклоном на подготовку школьных учителей. В городе просторно, мамы с колясками, молочники, зеленщики, ассортимент в магазинах не поражает разнообразием. Рынок похож на все рынки мира. Сало, жареные семечки, матрешки.

Промышленных предприятий нет. Ателье, парикмахерские, сапожные мастерские. Великолепная библиотека и богатейший книжный магазин. В его каталогах удалось найти все книги и справочники по электричеству, когда-либо попадавшие на эту планету с Земли. Продавец разыскивал их почти два часа, а потом выяснилось, что у Гошки недостает денег. Пришлось бежать во дворец и брать у Ри. Хотя книжек оказалось всего четыре, и две из них не по-русски. Толстые папки тщательно выполненных фотографий. Заодно тут же купил большую лупу для чтения.

* * *

Пароходик, выполнявший регулярные рейсы до острова Гочкиса, был стар, но добротен. Его неторопливый ход с обстоятельными визитами во все попутные порты предоставил Гошке и Ри массу времени для любования морскими просторами и живописными видами побережий. Ну и языками потарахтели на разные темы всласть.

— Ри, почему с самолетами за столько полетов не произошло ни одной аварии?

— Ты просто не знаешь, Игорек. Четырнадцать раз

немножко ломали шасси. Пять раз слегка отказывал двигатель. Дело в том, что у этих птичек много избыточной летучести. Пилоты дотягивали и садились.

— Я имею в виду, что никто не погиб и даже не покалечился.

— Тросу спасибо скажи. Тот вагон на планерной базе — это же аэродинамическая лаборатория, испытательный стенд и тренажер. Он все проверял и перепроверял так, что я бы и подумать не могла столько издеваться над собственным детищем. Ну и пилоты подготовлены неплохо — лучшие планеристы. Знаешь, что такое чувство слитности с летательным аппаратом? А вот они знают.

И еще «фактор Куксы». Если ты командуешь, все уверены в благополучном завершении любого происшествия, боя, полета. Очень успокаивает нервы и помогает собраться. Еще вопросы есть?

— Да. Что вообще теперь будет с авиацией дальше?

— Она сама и будет. Паровой движок уже проектируют новый, шестицилиндровый. Если выйдет погасить вибрацию за счет противохода поршней, будет у нас шестиместный бипланчик с крейсерской скоростью в двести километров в час. И куча его модификаций. И почтовые, и военные, и еще Трос говорил, что будет на нем поля опрыскивать. Это такая земная традиция, да? Ну, опрыскивать?

* * *

— Ри, а как ты про все успеваешь узнавать?

— Так меня этому с детства учили. Если бы ты только знал, насколько тяжела участь принцесс! Процесс обучения интенсифицирован настолько, что вечером отрубашься, словно весь день на тебе воду возили. Вот будем в следующий раз в окрестностях официального

дворца, обязательно покажу тебе школу для задумчивых девочек. Бодрит, знаешь ли, пребывание в ее стенах неимоверно.

— А ты разве меланхолик? — удивляется Гошка.

— Воспитали из меня холерика, так что не знаю, кем уродилась.

— Разве возможно изменить человеку темперамент? Это же от рождения заложено.

— А как узнаешь, что было в меня заложено природой? Ты ведь видишь то, что есть сейчас.

— Иногда ты плакала по ночам. Может быть, это признак другого темперамента?

— Не думаю. Это я делала, чтобы не прыгать от радости и не кувыряться от восторга, что тебя залучила. Думаешь, легко ждать три года собственного совершеннолетия и переживать, не попадешься ли ты в чьи-то сети?

— А зачем было ждать? Законы эту область отношений не регулируют, я спрашивал, а найти меня ты, как я догадываюсь, могла в любой момент.

— Это чисто принцессовские заморочки. Как ни шифруйся, сколько ни притворяйся одной из всех, обязательно люди о тебе прознают, слушок поползет... А если из императорского дома кто что-то себе позволил, так оно обязательно разойдется. Если все девочки начнут рано замуж выходить, то, как следует выучиться, как правило, уже не смогут. Потом, ранние беременности нередко ведут к патологиям.

— А почему со всеми другими я чувствую себя импотентом? И только с тобой ко мне приходит мужская сила?

— После перехода с Земли с людьми нередко происходят разные странности. Может быть, дело в том, что ты здесь первую встретил меня? И что-то почувствовал?

— Допустим, про меня как-то можно объяснить странностью переноса, но ты же не с первого взгляда влюбилась?

— Не с первого, но довольно быстро. Когда у тебя обязательная в таких случаях истерика проявилась попыткой начать дискуссию на научную тему.

— Так я не первый пришелец, которого ты встретила.

— Первый и единственный. Пришельцы редко появляются, но официанток в столовых, расположенных на периметрах зон переноса, хорошо готовят. Опыт накапливается и распространяется. Кстати, а ведь Трос женат как раз на той женщине, которая его накормила сразу после появления у нас. Он вообще, наверное, самый счастливый человек — осуществляет свою мечту — делает всякие леталки и сам же поднимается на них в небо. Говорит, что на Земле у него бы это не получилось.

Кстати, дизель начал работать устойчиво. Мужики сделали впрыск, ну, как вы тогда в столовой рисовали, и все пошло. Сейчас уточняют режимы. Обязательно серийный проект для пакетботов будем разрабатывать. Там большая проблема, а нам без регулярного сообщения между островами никак не обойтись.

— Есть другое предложение. Начать с двигателя для маломерных судов: катеров, рыбацких лодок. Расходов меньше, а опыт эксплуатации начнет накапливаться быстрее. Подготовим мотористов, выловим неизбежные из-за недостатка опыта конструкторские ошибки, — Гошка уже приспосабливается мыслить государственным масштабом. — Дизель, он весьма непростая штука. Пока с ним куча народу не намучается, до ума его не довести.

— Слушай, я скоро совсем охрипну от болтовни. — Ри плавно, уточкой, направляется в сторону каюты. — Пойдем в кровать. А то сейчас про рефрижераторы вспомним, про холодильники в столовых.

— Обязательно вспомним, — ухмыляется Гошка, — насколько мне не изменяет мой склероз, эти двигатели

быстро довести до ума не получится. Там потребуется просто нереальная надежность и простота эксплуатации. Это выйдет не раньше, чем на третьем варианте.

* * *

— Ри, такие расследования, как то, на которое мы прямо из усадьбы поехали, они тут часто случаются?

— Не очень. Предыдущее было по итогам риканской войны. Ты же понимаешь, Игорек, сколько народу нужно оторвать на целый месяц от дела, чтобы организовать такое сборище. После джаппской кампании это не требовалось, там по рапортам все сошлось, так что несколько штабных легко сложили полную картинку.

— А почему на риканскую разборку меня не позвали?

— Во-первых, тебя нужно было спрятать, а во-вторых, нашлись и другие свидетели. В том, что произошло с твоим участием, путаницы не было. Мулю тогда сильно мучили, и финальный этап с дредноутами раскладывали долго.

— Интересно, кому это пришла в голову идея меня спрятать? — Гошка с улыбкой смотрит на супругу.

— Правильно, мне. — Ри тычется носом ему в плечо. — Правильная, кстати, идея.

— Получается, что массу народу месяц держали в одном месте, чтобы поставить на полку томик истории одной войны?

— Примерно. Полок, однако, много. И в министерстве иностранных дел, и у военных аналитиков, и еще в куче нужных мест. Его же, этот томик, в хорошо укороченном виде, ну, без подробностей, которые лучше хранить для себя, опубликуют, дополнив сообщениями газетчиков. А вот стенограммы совещания в столице редактировать не будут. Их издадут без купюр или комментариев и разошлют по всем околоткам.

— Это, типа, гласность такая, на местный манер? — Гошка пытается шутить.

— Типа. — Ри совсем не шутит и, кажется, отлично поняла намеки на земную историю. — Понимаешь, все правители должны быть в курсе общих задач, каждого ведь не снабдишь индивидуальными инструкциями. А как они будут соображать, если не знают общего понимания вопроса?

— Ты, наверное, имела в виду «управители»? «Правители», это когда суверенные.

— Любите вы, земляне, поиграть словами. Особенно, российской выпечки. Правители и управители, права и обязанности, полномочия и ответственность — у каждого слова, при единственном смысле, десятки оттенков и бесчисленное множество трактовок. — Ри теснее прижимается к Гошке. — Выражаясь языком ротного, нет ничего худого в том, что каждый боец знает задачу дивизии.

Гошка лежал минутку, размышляя.

— Слушай, мягонькая, а ты сказала — по околоткам. А в волости, уезды, губернии — тоже направят?

— Не знаю. А какая разница? Если и нет, так губернатор что, в своем околотке, что ли, не сможет эту брошюрку прочитать?

Ну, да. Естественно. Если наследница престола бегает в столовую околотка, в котором располагается резиденция императорской семьи, то беспокоиться о губернаторах... ну никак он не сживется с местными реалиями.

— То есть все отчеты о совещаниях с участием государя есть в каждом селении? — Он все-таки дорасспросит.

— В каждом. — Ри уже зевает. — Но не обо всех. Материалы о боевом планировании или дипломатических интригах, или, скажем, о направлениях исследований в области вооружений. Ну, ты понял, да?

ГЛАВА 39

То, что для молодой приезжей пары квартирка отыскалась в течение считанных минут после прибытия в поселок, Гошку привычно не удивило. Он даже ни капельки не изумился тому, что местный околоточный, записав их имена и назвав номер дома и квартиры, выдала и два листика талонов на питание. Изумила личность местного «смотрящего» — девчонка «тянула», от силы, на старшеклассницу. Это при том, что раньше на этой должности он обнаруживал мужчин степенных и немолдых.

В столовой, куда они зашли по дороге в свое новое жилище, официантка накормила Гошку суточными щами, а для Ри принесла в глубокой мисе похлебку, внешне похожую на сборную солянку. Видимо, для подтверждения диагноза «беременность» медицинская справка этой женщине не требовалась. То, что это какое-то специальное блюдо для будущих мам, сомнений не вызывало, слишком аппетитно оно пахло и выглядело.

Квартирка стояла незапертой. Более того, в ней копошился дворник, манипулируя вентилями и проверяя уход воды в канализацию.

— Привет, не открывайте этот кран, кажется, тут бусу коррозия подъела, смену через полчаса. — А вот этот дядька, серьезный и обстоятельный, больше похож на настоящего околоточного.

Поднялись на второй этаж. Гошка открыл окна на обе стороны и устроил сквозняк, очень уж воздух застоялся. Ри распахнула шкаф и уверенно, как будто сама складывала, вытащила мешки с подушками и одеялами. Матрасы оттуда же достал Гошка. Комплект белья оказался ветхий и какой-то волглый. Пока растапливал печку и мыл полы, его принцесса смоталась в магазин и

вернулась с покупками. Тащил их как раз тот самый дворник, что отлучался за запчастью.

Через час все краны и сливы работали, шторы, скатерки, простынки, половички занимали нужные места, в квартире становилось тепло, а на спиртовке позвякивал крышкой чайник. В шкафах нашлись чашки и сковородка, а титан в ванной стал теплым. Вообще масса бытовых предметов сохранилась от предыдущих жильцов, мебель вообще здесь, похоже, никто с собой не возит. Масляные лампы, зеркала и полочки то ли не считают великой ценностью, то ли экономят силы и нервы при переездах. Хотя... Ри ничему не обрадовалась и ничему не удивилась. Притаранила сахар, заварку и плюшки, переделалась в домашний комплект, сунула ноги в тапочки, и сидит, как дома, раскладывая по ящикам письменного стола всякие причиндалы.

Гошка пока развесил в ванной полотенца, протер пыль с подоконников, подмел около топки, коврик резиновый помыл. А тут стук в дверь. Конечно, кому бы еще быть? Конный фельдъегерь с пакетом. Пока Ри писала ответ, напоил мужика чаем и скормил ему все плюшки.

* * *

Лаборатория находилась в поселении, именуемом Казармы Электриков, где жили работники действующего механического завода, выпускавшего часы: от ходиков, до серьезных кабинетных. А также мясорубки, кофемолки, пряжки и другие бытовые мелочи. Карманные «луковицы» как раз ставились на серийное производство, а термин «роторно-конвейерная линия», услышанный в разговоре попутчиков по конному вагончику, навеял воспоминания о чем-то земном. Зато нормальный станочный парк под рукой. Жилье обычное по этим

местам, на Земле это называется таун-хауз. Практически все здесь в таком живут.

Естественно, откровенно издевательское название поселка красноречиво указывало, как на степень секретности тщательно скрываемого вида деятельности спрятанной здесь лаборатории, так и на успехи, достигнутые на упомянутом в наименовании поприще.

Собственно, само помещение для исследователей электрических эффектов располагалось прямо в одном из строений часовой фабрики. На столах, стеллажах и полах пыли не наблюдалось, значит, прибирают регулярно. А вот в шкафах этой вездесущей субстанции оказалось немало, следовательно — никто ничего не трогал с тех пор, как работы по теме были прекращены.

Электроскопы и электрофорные машины, кислоты, щелочи и соли, химическая посуда. Пластинки разных металлов, проволоки медные и даже золотые. Да уж, с электростатикой и гальванизмом здесь поработали все-рез. Гошка повторил все классические опыты и пришел к убеждению, что электрические эффекты никак себя не проявляют. Это даже не потребовало много времени, все оборудование давно изготовлено и в полной исправности. Просто сравниваешь результаты с описанными в книгах с Земли и переходишь к следующему эксперименту.

Презрение к фундаментальным свойствам материи, которое демонстрировали местные реалии, повергло Гошку в уныние. Тем не менее, компасы здесь работали, и даже на дверцах шкафчиков прекрасно функционировали магнитные защелки. Опыты с магнитом и железными опилками давали предсказуемый результат — силовые линии магнитного поля проявлялись прекрасно. А вот наведения тока в катушке за счет магнитной индукции обнаружить не удалось. А как его обнаружишь, если неизвестно, работает ли вообще отклоняющая сис-

тема амперметра? Проверил, конечно, соответствие изготовленного своими предшественниками прибора описаниям из захваченных из столицы книг — все по прописям.

Нелепость полученных результатов шокировала. С одной стороны, магнетизм имеется, а ведь, пусть это и грубо, постоянный магнит можно представить себе как совокупность природных соленоидов — катушечек с током. Током чего? Правильно, носителей электрического заряда. То есть магнетизм доказывает наличие этих самых носителей — электронов. А все проведенные им опыты не обнаруживают разницы потенциалов. То есть зарядов обоего знака везде одинаковое количество, иначе бы они вызывали хоть какую-то реакцию электроскопа.

Тогда возникает вопрос, а почему электроны, а ведь именно они несут заряд, не покидают орбит на атомных оболочках? Так крепко привязаны?

Напряг память. Непохоже. Спектрометрия здесь имеется, характерные линии многих материалов известны, значит, переходы электронов между атомными оболочками осуществляются. Не видно ни одной причины, почему бы тому же самому электрону не стать свободным. Что же это за хитрость такая на атомарном уровне. В дебри атомной физики их не слишком глубоко посвящали. Ширина запрещенной зоны, туннельный переход. Не проник он в тонкости физических процессов, запомнил выводы и успокоился, как только были сданы экзамены.

По всему получается, что в зону проводимости здесь носители заряда не попадают вообще. То есть Посейдония — это мир диэлектриков. А не покопаться ли ему в книжном шкафу? Ну-ка, слева направо, сверху вниз. От предыдущих исследователей немало осталось. Тут и черновые записи, и журналы экспериментов, и папки с фотокопиями книг. А вот куча справочников и учебников

местных изданий. Раз своих мыслей недостает, надо ознакомиться с чужими.

Ознакомился. Тут были и наброски отчетов о проделанной его предшественниками работе, протоколы экспериментов, расчеты и эскизы установок. Нашлись и все четыре книги, что он привез с собой, и много других: по химии, механике, конспект сведений из области атомной физики, составленный по «воспоминаниям» нескольких пришельцев. Гошка все это перечитал и лишь укрепился в своих выводах.

* * *

Мысли о неудаче в голове у него пока не окрепли. Да, эксперименты, подтверждающие возможность использования электрических эффектов, не удались. Но можно ведь поставить и иные опыты, доказывающие всеобщую неэлектропроводность всего существующего здесь обилия материалов. Просто надо хорошенько подумать.

Эти раздумья и вели его сейчас домой по дорожке, связывающей «казармы» и завод, когда со стороны площадки, на которой обычно выходили люди, приехавшие сюда на поезде, послышался нехарактерный вообще для имперских земель гомон. Не шум толпы, а голоса людей, не способных друг друга понять. Пошел на звук, и оказался среди кучи багажа и небольшой группы. Невысокий джентльмен объяснялся по-джаппски, а вопросы на него сыпались и по-рикански, и по-рысски, по-тальянски.... Несколько жителей поселка дружно пытались что-то дядечке втолковать или чего-то от него добиться.

Гошка вспомнил свой рейс на «Цветке Персика». Кое-что из этого языка в памяти осталось.

— Здравствуйте. Я Игорь Куксин.

— Здравствуйте. Меня зовут Кано Тияки. — Окружающие притихли, понимая, что возникла ниточка взаимо-

понимания. А Гошка, наконец-то, разглядел, что прибывший господин тут совсем не один, а с супругой и детьми. Причем супруга на конечном сроке беременности.

— Господин Тияки, пройдем в столовую, там присядем и поговорим. — Малый словарный запас и отсутствие практики заставляют формулировать мысли кратко.

— Да. — Собеседник по неуверенному произношению явно понял Гошкины затруднения и тоже немногословен. — Нужен носильщик.

— Носильщик позднее. Дождя нет. Врагов нет. — Ну не знает он по-джаппски слова «вор».

Устроились за столом и спокойно, повторяя вопросы и ответы на разные лады, сумели друг друга понять. Джапп с семьей ехал в Казан Элек — городок на другом конце острова. Приехал, выгрузил с помощью проводников и подоспевшего дворника семью и багаж, но встречающего не дождался. Он механик по точным приборам и прибыл по приглашению директора весового завода для работы в конструкторском бюро.

Тут же справа из-за Гошкиного локтя зазудел мягкий баритон, рассуждающий на тему о том, что для того, чтобы заняться точной механикой, вовсе не обязательно мчаться в какой-то никому не ведомый Казан Элек, можно и поближе устроиться. А тут фельдшерица со своими вопросами, которые тоже надо переводить. Через час дворник доложил, что все протоплено и прибрано, приезжих накормили и проводили в одну из квартир, куда уже затаскивали багаж, а Гошку попросили утром отвести господина Тияки на завод, а то больше никто его речь не понимает. Про то, что его не следует просвещать насчет отличия Казарм Электриков от Казан Элек — это как бы подразумевалось само собой.

Конечно, вечером об этом было рассказано Ри. Она

всласть повеселилась, а потом отлучилась на полчаса и вернулась успокоенной.

— Бывают у нас с иностранцами такие чудеса. Иногда сбоят кое-что в службе приема мигрантов, но ничего, сейчас пойдут выпуски языковых классов и с кадрами встречающих станет полегче. Этого Тияки просто выпустили из виду на второй пересадке.

— Как ты узнала? — Гошка смущен.

— Его жена владеет франским. Кстати, пока она не родит и ребенок не окрепнет, фельдшерица их отсюда не выпустит. Я ей в этом помогу. А ты утром покажи этому джаппу детский садик, там детишек и оставите, а мы с Ейко через часок туда заглянем. Подрихтуем ситуацию.

— Ри, а что это за служба приема мигрантов?

— К нам каждый год приезжает около пятидесяти тысяч иностранцев. Как у вас выражаются, на ПМЖ. Дипломаты и внешняя разведка оформляют нужных специалистов, снабжают денежками на дорогу, сажают на корабли, а мы здесь расселяем приезжих на обжитых территориях, или помогаем устраиваться на новых. Тут главное — не насторожить страны-доноры. Не переторопить, не устроить массового исхода. Поэтому работа идет без поспешности, но все время.

— А такое, чтобы граждане Империи уезжали насовсем, бывает?

— Конечно. До полутора тысяч каждый год отправляется искать лучшей доли.

— А как они там устраиваются без родни, без связей, без денег?

— Родню или связи мы им, конечно, обеспечить бесильны. А насчет денег, Империю нашу попрошу не обижать. Выходное пособие такое, что в большинстве стран только на банковский процент можно скромно прожить. Нищими отсюда никого не выпускают.

— Погоди, так ведь разориться можно. А представь

себе, что все захотят уехать? Это же все государственное достояние уйдет за границу. — Гошка смущен. Или он шутку не понял?

— Вот уехали все из страны и увезли с собой все ее достояние, — улыбается Ри, — по-моему, совершенно правильный расклад.

— Постой, если на каждого уехавшего приходится тридцать приехавших, то все никогда уехать не смогут, — заключает он под искрящимся взглядом расшалившейся супруги. — Стало быть, не иссякнет и достояние. Постой, но тогда получается, что иностранцы, видя поголовную состоятельность всех, приехавших из Империи, должны стремиться сюда со страшной силой.

— А дипломатам остается выбрать тех, кто нам нужен, прислушавшись к мнению внешней разведки, — прекращает его мучения супруга.

— И можно направлять своих «беженцев» в те места, откуда хочется почерпнуть трудовые ресурсы, — озаряет Гошку. — Они ведь потом все равно вернутся.

— А вот эта мысль свежая, — улыбается Ри, — для меня, по крайней мере. Отпишу-ка я завтра папеньке. А возвращаются, действительно, многие.

* * *

Классические способы создания разности потенциалов абсолютно не работали. Ни гальванический, ни за счет трения. Индукционный тоже. Или работали, а он не мог обнаружить? Хорошо, он не может найти напряжение, а как насчет тока? Как еще, кроме электромагнитных эффектов, проявляет себя ток? Да нагревает он все.

Гошка взял очень чувствительный ртутный термометр и принялся вращать рядом с ним магнетик, зажатый в патроне сверлильного станка. Столбик полез вверх. Ха. Ну-ка поставим эксперимент более тщательно.

* * *

То, что он считал проводниками, и то, что привык полагать изоляторами, нагревалось сходно. Версия о глобальной электропроводности всего в этом мире пришла на смену версии об отсутствии здесь проводников, но легче не стало. Электрических лампочек этот мир не увидит в обоих случаях. Невозможно обнаружить разность потенциалов, если проводит абсолютно все, кроме вакуума, наверно. Хотя, может быть, диэлектрики здесь все-таки есть? Просто надо отыскать?

Несколько недель Гошка упорно проверял на своей «индукционной печи» все, что попадало ему под руку. Любой предмет, попав во вращающееся магнитное поле, нагревался на несколько десятых долей градуса. Вообще это были ужасно надоедливые эксперименты. Каждый раз приходилось тщательно учитывать нагрев самого термометра, который вносил искажения, заметно превышающие эффект, создаваемый довольно слабым естественным магнитом.

Работы с растворами и чистыми жидкостями дали совершенно сходные результаты, пока Гошка не обратил внимание на изменение окраски одной из пробирок при внесении ее в зону эксперимента. Эффект носил обратимый характер.

Будучи изрядно замордованным возней с термометром, Гошка с удовольствием занялся изучением обнаруженного явления, направляя на пробирку свет под любыми углами и через разные светофильтры. Меняя расположение и ориентацию сосуда, его объем и форму. Потом занялся исследованием зависимости силы воздействия от расстояния, ориентации магнитного поля, препятствий, расположенных между магнитом и раствором.

Заполнялись таблички, вычерчивались графики. Нет,

это не было открытием. Кривые выглядели канонически, как в учебнике — экспоненты и фрагменты синусоиды угадывались, и именно это доставляло удовольствие. Обычная физика здесь действовала. Просто частички, рассеивающие свет, ориентировались в магнитном поле определенным образом. А в переменном? Вернее, вращающемся? Вспомнилось слово «магнитострикция», но о чем оно? В Интернет не заглянешь. А в имеющихся в библиотечке лаборатории справочниках не упоминается.

В общем, выводы простые, без диэлектриков ничего электрического не придумать. А заниматься эффектами, связанными с магнетизмом, никакого резона нет, наверняка в этом направлении работы где-то ведутся. Раз есть магнитные защелки, магнитные мины и работают компасы, значит, местные ученые в этой области разбирались.

Взял бумагу, ручку и уселся за составление отчета.

ГЛАВА 40

Поздняя весна нравится Гошке значительно сильнее, чем другие времена года. Все вокруг радуется долгожданному теплу, еще не достал летний зной, и трава не настолько выросла, чтобы ее надо было косить. Он только что расстелил дерюжку, на которой устроилась Ри, а сам смотрит за волейбольной игрой. Команды смешанные, форма отсутствует, но спор идет нешуточный. А среди зрителей уже готовятся занять места проигравших следующие шестеро любителей.

Выходные здесь редкое явление, да и рабочий день, длящийся десять часов, оставляет немного времени для досуга. Учитывая, что неработающие женщины здесь не работают недолго, а другие почему-то не встречаются,

понятно, что стирка-глажка-приборка оставляют людям немного времени на досуг. Особенно в семьях с детьми. Поэтому народ искренне рад объявленному нерабочему дню, ласковому солнышку и свежей зелени.

Сильнее всех радуются воспитательницы из детского сада. Свободный день однозначно воспринимается как праздник. Детвора так замечательно носится и верещит, что даже в глазах мельтешит. Вот на опушке перелеска пацаны выстреливают что-то. Гошка очень удивился, когда понял, что складной нож может здесь получить во временное пользование практически от каждого встречного. Лет с десяти — наверняка. И спички у всех в наличии, хотя курящих он не встречал. Имеется в виду — взрослых тоже.

Получив некие экспериментальные данные, которые истрактовал в пользу гипотезы о всеобщей глобальной электропроводности, Гошка старательно составил отчет и, ничтоже сумняшеся, направил его прямым ходом в Академию Наук. Протоколы приложил. А теперь мается. Выводы, конечно, правильные, нет у него никаких сомнений. Но уж больно много было моментов, которые могли повлиять на результат.

— Игорь Куксин? — Молодой парень, возможно, ровесник. Как определил, к кому обратиться? Так только на одном человеке здесь исследовательская тужурка. Ри вообще всегда чиновничью носит. И никто не спрашивает у нее, почему она на работу не устраивается. Это как бы не обсуждается, зачем чиновница живет тут. Послали по государеву делу, стало быть.

— Да, это я.

— Риттер Кварк. Выпускник Метлахского физико-химического института. Ознакомился с вашим отчетом и хотел бы принять участие в дальнейших изысканиях. — Парень немного смущается, все-таки у Гошки ре-

путация легендарная. А он явно только начинает свою карьеру и не слишком уверен в гостеприимности со стороны того, работу кого должен проверить. Ну, не особенно доверчивы люди науки, так уж у них исстари повелось.

— Если ты полагаешь, что я позволю тебе совать свой нос в мои дела, то милости прошу. Буду тебе признателен, поскольку без критического взгляда со стороны человека искушенного явно торможу, — Гошка пододвигается на подстилке в сторону Ри и хлопает ладонью по освободившемуся краю. — Садись, потолкуем. Ты на постой уже встал?

— Да. Жена побежала покупать простыни, а я решил тебя поискать. — Смущение, возникшее на лошадином лице нового знакомого в начале Гошкиной тирады, уже соскользнуло. — А у вас здесь выходной, что ли?

— Ага. Народ притомился, ну и директор завода с околоточным решили, пока погода нормальная, пускай передохнут люди. — Это Ри вступила. — Кстати, что сейчас в Глобусе идет?

— «Про Федота — стрельца» в этом сезоне поставили. — Оба-на! А Гошка бы сходил. Жалко, что Ри пока поездки не на пользу. До Метлахи-то отсюда только по морю неделя пути.

* * *

Папой он сделался утром следующего дня. Вечером Ри заохала, отправила его за фельдшерницей, он до утра сидел под окнами медпункта, слушая крики жены и команды акушерки, а потом ему позволили через окошко посмотреть на «плод любви». Нормальная девчонка получилась. Через неделю обещали отдать вместе с мамой. Сама мама измученно улыбалась.

* * *

Когда обсуждали результаты экспериментов с крутящимся магнитом и термометром, Риттер сильно смущался, указывая Гошке на факторы, способные повлиять на ход эксперимента, но не учтенные при трактовке его результатов. Повторили опыты несколько раз на разные манеры, но вот беда, чем результат был достоверней, тем сам он проявлялся слабее. Оно и понятно, что экранировать термометр от магнитного поля, можно только выведя его за пределы этого самого поля. В общем, и с формой полюсов, и с геометрией эксперимента возни хватало.

Несколько дней ушло на разнообразные варианты и подварианты, а также вариации на тему вращающегося магнита, вращающего собственное магнитное поле. Потом стали вращать образец — сразу получили надежный результат. Достаточно было заменить магнит равным по массе и форме макетом из нержавеющей стали — и разница оказалась уверенно обнаружена. И все-таки результат оказался неудобным. Количественные оценки не складывались. При таком подходе оценить проводимость испытываемых материалов никак не удавалось.

* * *

Получение из роддома жены и дочка прошло буднично. Детскую коляску к подъезду околоточная подогнала с самого утра, корзинку с детским приданым, которую Ри, оказывается, давно приготовила, Гошка отнес в медпункт еще с вечера. А потом они шли рядышком и катили эту самую коляску со своей лялькой все сто пятьдесят метров, что отделяли местный фельдшерский пункт от их жилища. Как-то компактно здесь все. До работы четыреста метров, до столовой — восемьдесят. Доми-

ношники собираются слева за углом, картежники — в столовой после ужина.

Вся жизнь здесь проходит словно дома. Десятки знакомых лиц. Вот Ейко встретила. Ей тоже скоро рожать, сидит на солнышке с Анькой-околоточной, улыбаются. И Наина — продавщица из промтоварного с ними пристроилась. Собрались бабы, лясы точат, джаппка быстро язык осваивает. И сама она давно уже приспособилась к местным реалиям. К удобствам вообще без проблем привыкают. Ну, разве слыхала она в своей Джаппии о механических прачечных? А тут, говорят, через день туда ходит. Чистюля. Кстати, Ри уверена, что их-то, эти самые прачечные, на дизельную тягу вообще никогда переводить не будут.

Выгружая из коляски драгоценный сверток, Гошка обратил внимание на то, что Ри восприняла эту манипуляцию как-то очень благосклонно. Не выказывая встревоженности. Посчитал это знаком доверия, и проследовал к давно приготовленной кровати. Положил, посмотрел в глазенки. Глядит дочка, не гримасничает, но сказать, что взгляд этот на кого-то направлен — скорее нет. Жена рядом стоит. Вид у нее озадаченный.

Не испытал он при виде дочери благоговения или даже умиления. Что-то другое в нем проснулось. Будто первобытный инстинкт шевельнулся в душе, инстинкт защитника, наверное. Хотя, похоже, не только он. Так что, когда закричала, спокойно развернул, поменял влажную пеленку. Обратно завернул только с четвертой попытки. С руками и ногами справился не сразу, они ведь шевелятся, а надо их спеленать, но и прикасаться боязно — такие маленькие. А еще головку соблюсти в правильном положении — совсем же не держится.

— Чайник поставлю, — взглянул на супругу. Та кивнула.

Только ступил на первую ступеньку, услышал.

— Не уходи! Я ее боюсь.

Вернулся. Сел рядышком, обнял. Дочка, потеряв его из виду, начала издавать непонятные звуки. И уснула. Да. Дела. Не всему, видать, учат принцесс.

* * *

Ритгер увлеченно возился с термометром и образцами, которые последовательно менял в патроне токарного станка. Все пытался учесть скорость остывания нагретой от вращения в поле постоянного магнита штуценции. Похоже, неудачи и трудности его только бодрили. А Гошка со страшно занятым видом бездельничал. Поняв, что с электричеством здесь дела обстоят скорбно, он предавался мечтам об обнаружении диэлектрика и рассуждал о том, что даже для решения такой простейшей задачи не имеет совершенно никаких возможностей.

Опыты с вращением образца в магнитном поле — это конечно только индикатор, но не более того. А удельные сопротивления должны быть разными для разных материалов. Их необходимо измерить. Лишь приписав образцам конкретные цифровые значения, можно надеяться на обнаружение закономерностей, иначе наука превращается в знахарство. Своего рода алхимию, все сведения которой — совокупность экспериментальных данных, почти не поддающихся обобщению.

Начнем с известного. Электродвижущую силу можно получить при пересечении проводником силовых линий магнитного поля. Образующийся ток приводит к нагреву образца. И нагреву термометра, в котором эти же магнитные линии наводят те же самые токи. Токи всегда текут по замкнутому контуру. Вихревые. Токи Фуко. Вспомнил! Ну, надо же было так расслабиться в этом мире победившего пара! Ведь им на общей физике показы-

вали опыт с маятником, качающимся между полюсами магнита. Магнитный демпфер — вот что позволит различить проводимость материалов, использованных в качестве груза.

А на заводе, выпускающем кабинетные часы-маятники, должны водиться в широком ассортименте.

Прошелся по цехам, потолковал с мастерами и инженерами и отыскал то, что было нужно не просто в готовом, но и в наилучшем виде. Двухметровые маятники для эталонных часов обсерваторий в герметичной колонне с откачкой воздуха из объема. Видимо, местные часовщики опытным путем пришли к правильным выводам, поскольку во всей этой непростой и нелегкой конструкции применялись исключительно немагнитные материалы.

В общем, монтаж установки занял всего два дня. Тем более что собственно часовой механизм, пополняющий колебательную систему энергией, прилаживать было не нужно. Вместо нее понадобился запор, отпускающий маятник в свободные колебания.

А потом — первый опыт. Качающиеся образцы, проходящие в нижней точке через зазор кольцевого магнита, останавливались значительно быстрее, чем тогда, когда магнит убирали. Риттер быстро уловил открывающиеся перспективы, составил трехэтажную формулу математической модели, провел целую серию пристрелочных проверок, все выверил и... Гошка подsunул парню пластинку с разрезами. Воздух-то всяко худший проводник, чем металл.

Разница оказалась не столь впечатляющей, как ожидалось, но требования к форме испытываемых образцов повысила резко. Потом были работы по учету массы стержня подвеса, вылившиеся в длительную серию экспериментов с разными грузиками, цепляемыми выше магнитного зазора. Что радовало, так это то, что трени-

ем в шарнире удавалось надежно пренебрегать. То есть в отсутствие магнита маятник качался неделями, только следи за качеством откачки воздуха из объема.

А потом начался набор фактических данных. Это была долгая и муторная работа с многочисленными проверками и перепроверками, занудливыми вычислениями и пересчетом количества проходов образцом магнитного промежутка, за которое размах колебаний утасал с первоначального значения до заранее заданного.

В лаборатории давно командовал Риттер. Его энтузиазм, терпение и занудливая систематичность — вот на чем держались все работы. А Гошка сполз на роль подручного. Ему уже давно стало скучно. Он заранее знал ответ на главный вопрос. На планете не найдется нормальных диэлектриков, позволяющих заставить электрический ток течь туда, куда хочет человек. Что бы они ни нашли, все равно при реализации любого электрического замысла будут вынуждены конструировать устройства, по эффективности сходные с системами водоснабжения с трубами из сетки.

Он тут за подготовительный период научился неплохо справляться с работами на станках — токарном и фрезерном. И сейчас с удовольствием придавал необходимую форму образцам из всего, что попадало под руку. И надо было придумать схему и оснастку для измерения проводимости газов — сначала воздуха, а потом и других.

И еще надо что-то придумать для облегчения расчетов. Он давно прекрасно работает со счетами и логарифмической линейкой, научился пользоваться и арифмометром, что привез с собой его коллега, но тоска по простейшему калькулятору порой просто сводит с ума. Ну, нет тут электричества, так народ приспособился маломощные устройства приводить в движение сжатым воздухом.

С точки зрения элементарных логических устройств — все просто. Соединен выход с магистралью — единица, Соединен с атмосферой — ноль. Ну и третье состояние, когда канал просто перекрыт. Уж пневмореле здесь используются нередко, так что с основным элементом логической схемы — ключом — вообще нет никаких проблем. А что! Булеву алгебру он еще не забыл, архитектура арифметических устройств до сих пор перед глазами как живая. Ну-ка, прикинем, как в пневматическом исполнении изобразить элемент 2-И-НЕ.

* * *

Не так все оказалось просто. Поршни и клапана вместо полупроводниковых переходов, это хотя и наглядно, но громоздко. И начинает сказываться трение, имеется в виду, не потери на его преодоление, а всевозможные перекосы подвижных деталей. А если попробовать с мембранами?

Изящней получается, но сколько слабых мест! И насколько усложняется сборка! Так, вспоминаем про сильфоны, про пережатие эластичной трубки внешним давлением, про ниппели и золотники. Увы, с единством подхода получается неважно. Кажется, элементная база не унифицируется. Или он не с того конца взялся? Здесь на заводе полно пневматического инструмента, надо бы поговорить с мастерами, наверняка ведь наработаны десятки грязных профессиональных приемчиков.

* * *

Гошка недолго искал пневматического гуру. Звали парня Рон, но, как оказалось, к выходцам с земель, где говорят по-рикански, он отношения не имел. Просто в те времена, когда мама придумывала имя сыночку, про-

шла волна моды на эльфийские имена из одной толстой книжки, что приволок с Земли очередной пришелец. И нарекли человека Элроном.

— Лучше бы Элероном, — заметил парень, когда рассказывал эту историю, — а то язык сломаешь, пока выговоришь. Кстати, задачка действительно интересная. У нас сейчас в этой технике стали активно применять разные силиконовые деталюшки, так я меняю потихоньку в старых гайковертах. — Рон махнул рукой в сторону верстака, на котором лежали устройства размером с шариковую ручку. Конечно, на часовом заводе и гайковерты часовые.

— Так помаракуешь, как эту функцию реализовать? — Гошка смотрит на собеседника с надеждой.

— Нет, так не пойдет, — морщит тот лоб, — это мне раз плюнуть, а ты ведь потом с другой ерундовинкой придешь, и опять все сначала. Давай-ка ты сразу весь список составь с описаниями, чего от всех этих штучек нужно добиться, а я уж потом рассужу, как это без лишнего труда сделать.

Пригорюнился Гошка, да делать нечего. Составил таблицы истинности и для логических элементов, и для триггеров, счетчиков и регистров. Дешифраторы тоже не забыл, иначе с результатом вообще не разобраться. Там довольно много разных прибаамбасов требуется, чтобы начать конструировать вычислительные устройства. Несколько дней ушло только на то, чтобы хорошенько вспомнить самые элементарные компоненты, а потом проверить, не накосячил ли он чего, просто проверяя логику работы сообразно собственным соображениям. Заодно описал пневматический тумблер, кнопку и единственный индикатор, в просторечии — аналог лампочки.

Рон читал это повествование, морща лоб, а потом просветлел лицом.

— Забавные игрушки. Мне нравятся. Займусь. Если у тебя даже и не выйдет ничего, мне пригодятся. Я из этого добра пневматические часы соберу. Со свистком.

ГЛАВА 41

— Ри, а как долго мы будем здесь жить? — Они ужинают в столовой у самого окна, за которым в коляске спит дочка. Нельзя сказать, что Ри перестала бояться собственного ребенка, но держать себя в руках приспособилась. Гошка пару раз видел процесс кормления грудью. Вспомнилось невольно: «Ему и больно, и смешно».

В общем — девочки знакомятся. Правда, если нужно отмыть малышке попу, а Гошка на работе, то это всегда сопровождается привлечением кого-нибудь на помощь. Ри одна боится уронить чадоньку, уж больно та вертлява.

— Останемся тут, пока это будет иметь смысл для тебя. Или, если ты кому-нибудь понадобишься в другом месте, тогда придется уехать, — Ри трескает из глубокой фаянсовой миски похлебку для кормящих мам. Выглядит эта еда не слишком аппетитно, но к ее вкусу претензий, похоже, нет.

— А тебе не было бы удобней в вашем родовом поместье. Ну, там, няньки, слуги, — Гошке действительно интересно, почему принцесса не стремится во дворец.

— Здесь привычней. Когда мы с сестрами родились, то жили в такой же квартире на Шубинском Кордоне. Первые два класса учились в обычной школе, ездили каждое утро в Семкин Городок, где она находилась. Дружили, ссорились, безобразничали, — Ри даже глаза прикрыла, вспоминая детство. — Очень хорошее было время. А с восьми лет началась подготовка к великим делам. Гувернеры, интенсивное обучение. Потом школа. Для каждой сестрички своя.

Жена словно извлекла из памяти страшное видение. Нахмурилась, тряхнула головой. — Писать и читать я могу и здесь. А когда Валуха начнет ползать — будем иногда покидать вечно занятого важными исследованиями папочку, чтобы заглянуть в места, где делают разные интересные штучки.

— Снова будешь летать? — Ответа он не ждет, знает и так. Его интересует характер реакции. Все верно, вот оно — то самое непреклонно упрямое выражение лица, которое возникает каждый раз, когда звучит вопрос, отвечать на который его принцесса категорически не намерена.

А сквозь окно столовой отлично видна теща, выбирающаяся из конного вагончика. Зеленая курточка медика, средних размеров чемоданчик. Махнула Гошке, покосилась на коляску, но подходить и сюсюкать с внучкой не стала — ценит, видать, крепкий сон младенцев.

— Привет, ребята! Если я не ошибаюсь, сегодня у вас первое купание.

* * *

Пневматические компоненты у Рона получились важно. По отдельности все как бы и ничего, но сопрягать их оказалось неудобно. Стыки, разветвления, путаница трубок. В общем, помаявшись пару дней и трижды упростив первоначальный замысел, Гошка принялся собирать пневматические часы «со свистком». Казалось бы, проще некуда. А не тут-то было! Ни времязадающий генератор, ни табло для таких устройств никто и никогда не делал. И прежде, чем изготавливать, надо о многом подумать. Ведь печатные платы в пневматике не применишь. Объемный монтаж тоже не пайкой проводится — кругом герметичные соединения, причем при мизерных диаметрах коммуникаций.

Тут надо сочинять нечто сходное с детским конструктором, где все пупочки попадают во все ямочки, скрепляются плотно, и при этом не все подряд соединяется со всем остальным, а только с тем, что нужно. Правда, задачка трехмерная, что дает немного свободы, одновременно загружая бестолковку оперированием в третьей координате.

Постепенно, шаг за шагом, складывались стандартные подходы, шаги размерных сеток, методы герметизации и даже перечень резьб и длин винтов. И некое подобие печатного монтажа начало получаться, правда, выглядело это как мочалка из тонких прозрачных трубок, но, по крайней мере, разобраться во всем получалось. Сложилось понимание принципов соединений по шинам, после чего стало легче разбираться с подключениями сигнальных и управляющих цепей.

Риттер, брошенный увлекшимся пневматикой Гошкой, познакомился со скучающим на каникулах старшеклассником, который интересовался физикой, потом еще несколько подростков и девушек стали принимать участие в его работах. А поскольку ожидание рядом с качающимся маятником — дело скучное, началась болтовня. И почему-то все больше о классической механике. То разбирают приколы осциллятора, то — решение внешне нерешаемых задач с использованием законов сохранения. Законы Кеплера и фокусы, связанные с фазовыми переходами.

Все-таки в Метлахе учат на совесть. И парень этот — человек увлеченный. Команда вокруг него сбилась в два счета. Как-то вспомнился Трос и его бесшабашные летуны.

Что забавно, юные дарования мимо пневматических часов тоже не прошли. Мешали безумно. Ну, кто же обрадуется вопросу, заданному в момент, когда идет коммутация цепи сброса минут. Это в процессе поиска нит-

ки резьбы свободно лежащего в отверстии очень короткого винта с прямым шлицом посредством длинной, просунутой между трубок отвертки, зажатой в левой руке. Однако и цыкать зубом в сторону человека, жаждущего знания, дело недостойное.

Взял себя за шкуру, встряхнулся и прочитал коротенькую лекцию о самых общих принципах выполнения математических вычислений с помощью технических средств. Аудитория потребовала продолжения.

Дал понятие двоичного исчисления и разобрал примеры арифметических операций при таком способе выражения чисел. После чего понял — попал он крепко. Нет, увлеклись только пятеро. Но как увлеклись! Они сделают из него форшмак, если он от них хоть что-то утаит. Каждое утро было выходом на эшафот после бессонной ночи. Ночная заготовка выслушивалась аудиторией благосклонно. А потом Гошку спрашивали. елки, это не дети, а чистые мучители. Иезуиты, хотя он и не был с ними лично знаком, представлялись ему необыкновенно милостивыми созданиями. Добряками.

Мозги прочищает, бодрит. Кто это такие слова говорил? Кажется, Ри про школу для задумчивых девочек. Но он-то — не девочка. И задумчивость как бы не его черта. Снова брал себя в руки и тащился туда, где от него будут домогаться того, что он планировал выучить за последние несколько дней до экзамена, на который так и не явился.

* * *

Запустить пневматические часы удалось только к концу лета. К этому моменту стало окончательно понятно, что тактовая частота должна быть ровно два герца, тогда все устойчиво срабатывает без пропусков или отставаний. Удалось отработать синхронный и асинхрон-

ный счетчики, отладить работу регистров и отмакетировать простейшие арифметические преобразования.

А потом дети вернулись в школу. В лаборатории стало пусто, и Гошка с Риттером заскучали. Ненадолго. После занятий добровольные помощники как ни в чем не бывало снова заняли места за верстакami и столиками.

— Я же тебе говорила, что триггер — это система стопроцентной обратной связью, — говорит одна из девушек коренастому парню. А Гошка точно помнит, что о понятии обратной связи, и тем более ее глубины, он со своими ассистентами не разговаривал. Интересненько.

— Тина, откуда ты знаешь про обратные связи?

— У нас в этом учебном году началась теория управления. Я учебник, как обычно, прочитала, там про это объясняется.

— А можно мне его полистать? Я ведь чужой в этом мире, в ваших школах не бывал, — Гошке не на шутку интересно.

— Вот, — девушка достала из сумки неновую книжку в добротном переплете.

Ну-ка, ну-ка! Схемы, формулы. Математика конечно примитивнейшая, но все по-честному. Сначала — простая феодальная пирамидка. Рядом расчет распределения ресурсов по ступенькам иерархии, анализ устойчивости к внешним воздействиям, способности к развитию. Конечно, много беллетристики, но главное — модель-то идеальная.

Ага, следующая глава посвящена воздействию на этот вариант общества духовенства. Система стала прочней и устойчивей, однако технический прогресс идет более скромными темпами. А вот к модели добавляется купеческое сословие, потом города с ремесленным населением. Стройная система связей усложняется, на схеме появляются петли, хитрые разветвления.

— Ну что, Кукса, часики-то наши — детская игрушка по сравнению с устройством человеческого общества. — На лице Тины нет ехидства, но тот факт, что «научный руководитель» несколько часов погружен в изучение первых страниц школьного учебника, побуждает ее к комментарию. Вообще-то тот факт, что народ в Империи сплошь неплохо образован, Гошку не удивлял. А тут вдруг будто прозрение пришло. Ведь он на Земле учился в школе, потом в институте. Круг общения у него был, в основном, из людей, тянущихся к знаниям. Ну, или, на худой конец, из таких, в кого эти знания заталкивали всеми мыслимыми способами.

Позднее здесь он ни разу не ощутил разницы в степени умственного развития между собой и окружающими. Ни в матросской среде, ни среди крестьян, ни во время, когда дворничал на Ракитинском карьере, не почувствовал себя умником, оказавшимся в окружении «простых» людей. А учебник управления государством в старшем классе общеобразовательной школы — это невообразимо круто. Нет, изложено доходчиво, но объем сведений для среднего уровня подготовки неслабый.

— Тин, а Тин! А ведь если это выучить, то вполне можно и на трон садиться. — Что-то Гошку потянуло съехидничать.

— Анька околоточная тоже так думала. Ну и написала Его Величеству, что хочет стать губернатором. А тот ей возьми да ответь, что если с околотком управится, то через три года даст ей волость под начало. Дядька Силантич, как про это прознал, прямо с последнего урока ее за ручку в свой кабинет и привел. Помогает, конечно, но говорит — справляется. А чего же ей не справляться, когда кругом все свои.

Эк он девушку на разговор разохотил, а такая молчунья была! Кажется.

* * *

Что-то, может быть полученный за время жизни в Империи опыт, подсказало Гошке, что такую же книжку он сможет найти в околотке. Так и вышло. В книжном шкафу нашелся экземпляр, который он и получил в собственное распоряжение. Проглотить за вечер не удалось, чем дальше, тем больше усложнялась картина государственного устройства. Сходились к носу глаза, скулы сводила зевота. Но очень хотелось одолеть.

— Брось ты эту книжку, чтобы в этих хитростях разобраться, надо так сосредоточиться, что на все остальное уже никаких душевных сил не остается, — сжалилась Ри над бедным мужем.

— Ты-то ее, наверно, осилила. — Гошка оторвался от испещренной стрелками странички. — И мне охота.

— Пришлось, конечно. И последующие четыре тома тоже. Даже следующий раздел, посвященный социальной психологии, сейчас пишу. Но мне-то деваться некуда, я без этого просто с работой могу не справиться, а ты-то зачем себя мучаешь.

— Погоди, а о чем другие тома?

— Внешняя политика, демографическая политика, военное строительство... слушай, там столько разделов, что могу сразу и не все помянуть. В общем, то, что во вводном курсе дано описательно, в них анализируется подробно.

— Интересно, зачем детишкам мозги пудрить этим знанием, если всю науку им все равно не осилить? — Гошку сегодня явно тянет на дискуссии.

— А там, в конце, структура Империи приводится, анализируются достоинства и недостатки. Не могут же люди такую информацию усваивать, не имея ни примеров для сравнения, ни представлений о критериях оценки.

— Постой, лапочка, а что же, у нашей Империи и недостатки имеются?

— Куча. И низкая предприимчивость основной массы населения — один из наиглавнейших. Отчего мы так носимся с разными придумщиками, как ты думаешь? Да потому, что кроме собственных фантазий, нет у них никакой мотивации к творчеству. Ничего они не обретают, кроме достижения предмета мечтаний, осуществления замысла. Ты, возможно, заметил, что население живет в тепличных условиях, кроме как за карточным столом, ну или на волейбольном поле, бороться можно только с внешним врагом. Зарабатывать деньги почти бессмысленно, они крайне слабый стимул. Лезть вверх по служебной лестнице? Так если кто желает покомандовать — милости просим. Вот, скажем, околоточная здешняя, Анюта, захотела власти, да на, получи.

— А ей действительно губернию дадут? — Гошке опять хочется подколоть любезную.

— Меньше чем через год. — Ри явно не шутит. — Как достроим мирный лихтеровоз и заселим архипелаг Фитца. Там полиметаллические руды соседствуют с хорошим углем. И ни одного удобного фарватера или хотя бы пристойной гавани. Вот и займется наша Анечка обустройством собственного графства. И ей дело по вкусу, и государству польза.

Посидел минуточку, освоил информацию. Ладно, раз пошел такой разговор, уж попытается еще кое-что прояснить.

— Эти столовые, они всюду на одно лицо, правда, готовят вкусно. Это тоже государственная структура?

— В общем, да. Понимаешь, провизия у нас всегда не в изобилии, а из большого котла получается экономней, если в масштабах страны. Большинство женщин ведь работают, и рабочий день у нас бывает и по десять, и по одиннадцать часов. А бегать в магазин, стоять у плиты и

придумывать, где добыть что-то особое — кому это надо, если тебя всегда вкусно накормят? Просто надо позаботиться о том, чтобы было вкусно и досыта. Потом обеды и очистки сразу в свинарник уходят, крутом экономия. А когда это дело наладили, даже размер пайков перестал иметь значение. Официантки знают, кто сколько съедает, так что обедков немного. Вообще, на продуманности подобных «мелочей» мы колоссально выиграли, превращая страну в военную машину.

— Тогда получается, что если любой из властей придерживающих может зайти в такой пункт питания, то персонал не забалует, — заключает Гошка.

— Даже немного сильнее, имею в виду властей придерживающих. Для того чтобы эти самые властители чувствовали себя в безопасности, вместо того, чтобы окружать их охраной, пришлось удалить из окружающей среды тех, от кого этих самых «ценных кадров» надо оберегать, — поясняет Ри.

— Ну а те, кто не смог в эту государственную военную машину встроиться? Как с ними? — не унимается Гошка.

— Устроились, как могли. Крестьянствуют, рыбу ловят. Есть лесовики, есть городские ремесленники. Кстати, эти тоже все больше в столовых питаются, удобно. Купцы, старатели, артели лесорубов, да всех и не упомянешь.

— А куда подевались преступники? Что-то о них ни слуху, ни духу.

— Серьезно преступничать здесь не очень выгодно. Функция денег сильно ограничена, прожить без них несложно. Так что сбыт краденого или награбленного дает невысокий доход. Ну а тех, кто на этой почве в уме поврежден, типа принципиальные ребята, поселили по специальности. Воришки на Клептоне, грабители — на острове Робин, насильники — на Костосе, а кто руку к

чужому лицу любит приложить или порешил кого, собрани на Мордухине.

Так, о чем они еще поминали? О роли денег, кажется.

— Так мы с тобой сейчас не имеем за душой ни гроша?

— Твое командорское жалованье на твоём счете лежит в Госбанке, мое — наследницы престола, в этой тумбочке. Если надо, так вот. — Ри открыла дверцу. Действительно, есть в доме деньги.

— А почему наследницей считаешься именно ты? Первая родилась?

— Нет, четвертая. Просто папа считает, что я лучше остальных с этим справлюсь. У нас в том, кому сидеть на престоле, мнение предыдущего правителя имеет значение. Если Валька к нужному моменту окажется готова, то я смогу и не садиться на трон. Деда вон дела сдал не старшему сыну своему, а второму. Папе то есть. Так выгодней, если на одно правление срок получается лет двадцать. Примерно в интервале с сорока до шестидесяти. С опытом многое приходит. — Ри чуть изгибается, и к Гошке приходит понимание, что дальнейшее общение с женой пора переводить в иную плоскость.

ГЛАВА 42

Дворник разбудил их среди ночи.

— Вставайте, тревога. По всему выходит, чурсайцы Мэйфлауэрову батарею атакуют.

Всего-то и сказал. А Ри уже на ногах, быстро укладывает что-то в корзинку. Гошка глянул в окно — у всех горит свет, а мужчины стягиваются к околотку. Прыгнул в штаны, сунул ноги в туфли, схватил куртку и рванул.

Здесь шла раздача стволов. Охотничьи ружья — переломки и патроны к ним. Тридцать с пулями, двадцать — картечь. Патронташи, подсумки с гранатами. Пока рас-

кладывал боеприпасы по гнездам, подросла жена, принесла флотские башмаки, командорскую тужурку, кортик, бинокль, портупею с кобурой, где лежит его табельный «Фляк» — пистолетик компактный, надежный и откровенно слабенький, пригодный для стрельбы в упор по незащищенным частям тела. Такой хорош в корабельной тесноте, отбивать abordажную вылазку. Однако хоть что-то привычное.

Пока переобувался, переодевался и прилаживал амуницию, по сторонам не смотрел. А когда обернулся....

— Так Кукса, ты, стало быть, и есть Кукса, — это Силантич то ли спросил, то ли утверждение высказал.

Кивнул ему, чмокнул свою крохотулю, и в строй.

— Не обращай внимания, дядька Силантич. Я тут новичок.

* * *

В конный вагончик набились плотно, и пошел он не с привычной скоростью, а с гиком и присвистом. Когда после стрелки свернули на левое ответвление дороги, вскоре попался встречный экипаж. Остановились. Возницы перепрягли лошадок в противоположную сторону, а пассажиры перешли из вагона в вагон. Явно идет эвакуация — детвора, несколько женщин. Все сосредоточенные, хотя малыши хлюпают носами, кое-кто плачет.

Гошка и раньше отмечал, что из окон этих транспортных средств всегда открываются замечательные виды, а тут после давешнего разговора с супругой в нем словно подмечалка включилась. Да ведь пути-то проложены по водоразделам! Не заносит снегом, не заливают дождями. Да, немного длиннее, строителям иногда приходится делать лишнюю работу, но потери при прокладке тысячу раз окупилась при эксплуатации.

Вот слева панорама бухты. Справа у мыса на воде корпуса кораблей, ведущих огонь по берегу. А пушки-то в деле явно малокалиберные. Батарея, которую, надо понимать, атакуют, молчит, поскольку противник в непростреливаемой зоне. Главному калибру крейсеров мешает та же высотка, что и имперским артиллеристам, поэтому с воды поддерживают десант, атакующий на берегу позиции, подразделения охраны. В средней части залива прямо к причалам движется несколько паровых катеров. А из-за левого мыса показался сторожевичок Имперской береговой охраны. Судя по всему — атакует крейсер. Как раз он со своим слабеньким стволом им на один залп.

— Возница, замедлить движение! Мужики, я приехал. Мне в левую заднюю дверь. — Гошка понял, что со сторожевика могут не видеть готовящуюся высадку в порту, а ведь именно оттуда наверняка есть сухопутная дорога к батарее.

Вагончик чуть замедлился, и соскок прошел безболезненно. Несколько шагов пробежал по инерции и остановился. Уже светает. Для сигнальщиков он как на ладони.

Замахал, встав лицом в сторону сторожевика, кепкой и носовым платком, поднес к глазам бинокль. Есть подтверждение готовности к приему!

«Атакуйте десант в порту. Командор Куксин».

«Принял. Атакую десант в порту. 287», — прочитал он через оптику бинокля. Правильно. Бортовой номер написан крупно. Разборчиво. И видно, как кораблишко ложится в циркуляцию, огибая островок.

Ну вот, теперь можно догонять своих. А что творится в бухте? С кораблей неприятеля взлетают сигнальные ракеты. Утихает стрельба на позициях береговой батареи. Нет, отсюда не слышно, но дымки и цветочки разрывов перестали появляться, и противоминная артилле-

рия прекратила выплевывать снаряды в сторону берега. Десантные лоханки, не достигнув причалов, разворачиваются. Налетчики, кажется, передумали и засобирались домой. Не ждали, видно, что сторожевик так быстро сюда доберется. Наверняка приняли его за авангард ударной крейсерской группы.

А вот и попутный вагончик. Тоже под завязку набит вооруженными мужчинами. Придется хорошенько разбежаться, чтобы впрыгнуть на подножку. Отчего-то Гошка уверен, что возница придержит лошадку, а крепкие руки едущих в бой мужиков, подхватят и не дадут ему сорваться.

Еще даже не доехали, как ахнул артиллерийский залп. Потом еще. От трех до пяти выстрелов в минуту. Это уже не противоминная, по звуку похоже на стовосьми-десятки.

* * *

Своих отыскал без труда. На пристани ему сразу сказали, что электрики за шестым пакгаузом. Там они и оказались, распределенные по водоотводной канаве лицом в сторону причалов, атака на которые так и не состоялась. Только занял место на левом фланге — команда выдвигаться к продолжающей огонь батарее. Шли цепью по обе стороны железнодорожного полотна, а за ними в полукилометре следовали неплотными колоннами сукновальщики и стеклодувы.

Пока дошли — окончательно рассвело, утихла стрельба. От артиллерийских позиций прибежал посыльный, цепь стянулась в сторону дороги и пропустила вагончик с медиками. А потом Гошка увидел поле боя. Убитых относили на площадку перед складом боепитания, раненых после оказания первой помощи увозили куда-то в глубь острова. Пользуясь тем, что на батарее собралось

около четырехсот человек, комбат использовал их на разборке завалов и поврежденных перекрытий.

Нагружая очередные носилки, Гошка ломал голову над вопросом, что чурсайцы забыли на этой батарее. Они ведь разбойники, живут добычей. В их кораблях он легко опознал давно знакомые «Чиганы» и «Тарио», спроектированные будто специально для пиратских действий: налететь, схватить, удрать. Они ведь даже порт атаковали лишь тогда, когда затормозилась атака батареи. И ушли при первой же попытке противодействия с моря.

В общем, кажется, его творческий отпуск слегка завершается. Тут по основной «специальности» намечается задачка. Так что извинился перед мужиками, отложил в сторону лопату и двинулся в сторону штаба батареи.

* * *

С наблюдательного пункта было прекрасно видно стоящий у причала сторожевик. Потом лейтенант показал места, где скрылись под воду три первых из восьми атаковавших батарею кораблей. Оказывается, они вообще не делали попыток подавить ее огнем. Вылетели из-за горизонта на полном ходу, перли, не считаясь с потерями, пока не заскочили в мертвую зону. И сразу приступили к высадке десанта. Явная картинка попытки захвата батареи. И что, интересно, им здесь понадобилось? А места, в которые ушли под воду еще четыре пиратских корабля, накрытых полновесными залпами при попытке отхода, показывать не надо. И так видны скопления плавающего на поверхности мусора. Живых пловцов или шлюпок не наблюдается. Все-таки имперцы сильно не любят морских разбойников. Так сильно, что не пожалеют нескольких снарядов, лишь бы не иметь удовольствия допросить пленных. Жалко. К этим ребятам есть вопросы.

Перешел на другую сторону, осмотрел в бинокль позиции. Стволы опущены, часовые на местах. Все как у людей. Ага, на площадке, правее хода сообщения, стоит маленькая черненькая табуреточка. Кажется, о чем-то подобном толковали старшины с семьями второго в проливе Хель, что на Урме. Перевел взор в сторону моря, прикинул дистанцию обнаружения при атаке из темноты, мысленно продолжил курс налетчиков и скорострельность этих стовосьмидесяток. Ясно, как день, что на этой батарее новейшие гладкостволки с оперенными снарядами в углеродной оболочке. А ведь парни отлично отстрелялись. Но спросил про другое.

— Что, лейтенант, первого добивали после потери им хода?

— Да, Кукса. Если бы быстрее перенесли огонь, еще двоих бы успели пометить. Ждали, что отвернут, ну тут бы мы их... — Лейтенант махнул рукой. Действительно, кто же мог догадаться о планах неприятеля? Если бы крейсера сразу направились к причалам, попали бы под выстрел левее высоты.

Итак, чурсайцы охотились на новые пушки и снаряды. В принципе, эти гладкостволы они вполне могут использовать на своих быстроходных легких крейсерах, и тогда будут в состоянии потягаться хоть бы и с линкором. Только снарядов потом негде купить. Придется самим делать. А, насколько он знает, технология получения той формы углерода, что использована в оболочке этих боеприпасов, не является общедоступной. Так что эта операция больше похожа на заказ великой державы, не желающей компрометировать себя разбойным нападением, но очень нуждающейся в образце новейшего имперского вооружения.

— А тот, что ушел, сильно поврежден? — Гошка уже подумывает, что неплохо бы догнать подранка и хоро-

шенько поспрашивать кого-нибудь из его экипажа о причинах набега.

— Ход сохранил, и вообще он очень удачно маневрировал и грамотно прикрылся дымом. Три попадания отмечены надежно, и еще на два есть подозрения.

— Насколько я понимаю, своими пушками вы в основном довольны.

— Да, а вот позиции придется совершенствовать. Здесь раньше старые осадные орудия стояли с короткими стволами и большими углами возвышения, они на неполном заряде через высотку уверенно простреливали всю акваторию бухты. — Лейтенант немного смущен, но Гошка понимает, что с момента поступления новых пушек не прошло и пары месяцев. Установка, изучение, первые стрельбы. Конечно, теперь, после получения боевого опыта, мертвые зоны исчезнут.

— Кстати, а если установить станки орудий на железнодорожные платформы... — думает Гошка вслух.

Лейтенант не отвечает. Переводит взгляд в сторону берега и принимается разглядывать его, как будто видит впервые.

* * *

В Казармах Электриков все по-прежнему. Гошка на всякий случай написал рапорт обо всем, что произошло в окрестностях Мэйфлауэровой батареи, и отправил Го. И еще его ждало неприятное открытие. Если раньше к нему относились просто как к человеку с кличкой «Кукса», то теперь — как к Куксе Великому и Ужасному. Нет, все понимали, что со своими он отнюдь не суров, и детей им не пугали, но восторженные женские взгляды — это надо научиться переживать.

Впрочем, постепенно все это сошло на нет. Может, привык, а может, у окружающих прошел процесс адапта-

ции. Тем более Ри никаких сцен ревности не устраивала, причем совершенно обоснованно. Рефлекс размножения у Гошки по-прежнему срабатывал только на нее.

* * *

Этот период осени поэты зовут золотым, а дворники — хлопотным. Деревья пожелтели и принялись освобождаться от листвы. Сухие листья шуршат и норовят улететь из-под метлы не туда, куда направляет их рука, а по своим непредсказуемым траекториям. Если же сыро — они прилипают к плиткам тротуаров, не желая покидать место приземления.

Го появился у них в доме внезапно. Пришел вечером, принес зачерствевших в дороге пирожков с черничной начинкой, потребовал чаю. Выглядел он каким-то встрепанным, если не сказать, взъерепенным. Ри с ехидцей поглядывала на то, как он тетешкается с Валькой. Похоже, ждала чего-то интересного.

— Слушай, Кукса, если я сделаю тебя адмиралом, это будет для тебя наградой?

Да уж, вопросик подкинул тестяга. Точно, не в себе мужик. Похоже, гостя успокаивать надо.

— Скорее, нет. Дело в том, что в слове «командор» на целую букву больше. А поскольку смысловое наполнение воинского звания в моей реальной жизни по большей части отсутствует, то смысл имеют только звучание и написание. — Ага, государь озадачился. Значит, Гошка верно выбрал стратегию. Сейчас надо сбить собеседника с некоей довлеющей над ним мысли. — Но если речь идет о реализации неумного желания вознаградить меня, то сочувствию моему нет предела, ибо дело сие весьма непростое.

Ну, сам посуди, царская дочь у меня уже есть. Если попытаться добавить к этому еще полцарства, так это не

награда, а одни хлопоты. Так что в самый раз будет комплимента внучке, улыбки дочке и веселой истории для честной компании.

Не зря балаболит. Как-то успокоился гость, даже лицо его приняло привычное, слегка ехидное выражение.

— Тогда поведаю я вам сказ чурсайский про набел лихой на Мэйфлаэрову батарею...

Го — отличный рассказчик. Правда, стиль народного сказителя выдержать до конца повествования ему не удалось, но Ри смеялась до упаду. Оказывается, на двести восемьдесят седьмом сторожевике в атаку на крейсерскую группу выходила Саида, сестричка Гошкиной жены. Если бы не команда с берега, налетела бы она разом на три или четыре бортовых залпа, после которых ни кораблика, ни ее самой, скорее всего, на поверхности моря не осталось бы.

Но интересней всего то, что чурсайцы «срисовали» Гошкины сигналы и поняли, что здесь появился Кукса. Тот самый, при участии которого затонули полсотни выпелов в риканских водах. О котором джаппские моряки отзываются, как о человеке, способном сотворить с неприятелем нечто совершенно непотребное. И нидерские адмиралы убеждены, что становиться между этим флотоводцем и столом, который для него накрыла жена, крайне неосмотрительно.

Короче, просемафорив свое имя и звание, Гошка, практически, подал чурсайцам команду на немедленную эвакуацию. Береговая батарея отпустила домой только один из крейсеров, а сторожевик расстрелял и перетоптал все малые суда, перевозившие десантников.

* * *

А из поселка уехало несколько семей. Работникам предложили другие места, они собрали чемоданы, домочадцев и укатили, попрощавшись с друзьями и соседями.

Выглядело все буднично, однако никто не удивился, когда в освободившиеся квартиры въехало сразу несколько ученых. Империя провела кадровую манипуляцию, не ущемив ничьих интересов. Еще в столовой упоминали, что оснастку по изготовлению всякой бытовой дребедени перевезли на другие предприятия. Тоже своего рода маневр. В работах Риттера теперь принимали участие дяденьки весьма солидного вида, а в помощники к Гошке поступили ребята из КБ пневмо-гидроавтоматики.

Эти парни быстренько мобилизовали в свою бригаду Кано Тяйки, Рона и двух станочников из цеха карманных часов. Школьники, раньше помогавшие Гошке, вместе с ним перешли в разряд теоретиков. Их больше не спрашивали, как что-то сделать, а интересовались тем, что нужно изготовить. Отверстия диаметром два с половиной миллиметра канули в Лету, уступив место каналам, в которые не пролезала даже спичка, элементы уплотнений штамповались, а не вырубались просечкой из листа. В общем, оставалось сидеть у наборного поля и вдохновенно ваять схемы.

Первый калькулятор получился только к середине зимы. Четыре арифметических действия он уверенно производил, оперируя восьмизначными цифрами. Остаток при делении, конечно, терялся, десятичные дроби оставались недоступными, а если результат действия превышал емкость табло, то трактовать его никто не брался. И вот тут до Гошки дошло, что знания его где-то в этом месте кончаются, и двигаться дальше нужно с использованием своей собственной головы. Не память, а именно соображалка требовалась теперь для дальнейшего движения вычислительной тематики. Все-таки многовато внимания в институтском курсе уделялось программированию и маловато тому, что на жаргоне принято обозначать емким, но неконкретным словечком «хард».

* * *

Гошка сидит дома. Простыл. Чтобы не начихать на жену и дочку, обосновался на первом этаже в комнатке за печкой. Клонит в сон, но время от времени приходится просыпаться, принимать порошки: горький и кислый. Пить теплое молоко с медом, что, надев марлевую повязку, приносит Ри. В поселке эпидемия. Завод, школа, детский садик — все не работает. Народ сидит дома и лечится. Ходят с замотанными лицами.

Болезнь похожа на земной грипп. Сильно ломит все тело, слабость. Температура — главная опасность. Поэтому фельдшерица ведет целый график, поскольку необходимо точно в нужный период ввести больному жаропонижающее. Гошка достает из подмышки градусник. Вот оно, тридцать девять и семь. Пора звать всадницу, как шутливо называют здесь Марковну, которая делает уколы.

Подергал за шнурок. Колокольчик, подвешенный за дверь, отозвался условным звуком. Однако, вместо ожидаемой крупной фигуры помощницы фельдшерицы, в дверь протиснулась благоверная с блестящей коробочкой стерилизатора.

— Убежали наши эскулапочки по окрестным фермам, — пояснила Ри сквозь повязку, — так что во все поселковые попочки теперь мы с Силянтичем иголки втыкаем. Околоточных и принцесс этой процедуре специально обучают.

— Так Анюта же у нас околоточная, — бормочет Гошка.

— Для нее тоже работы хватает. А смотреть на задницу моего мужа ей не стоит. Вдруг еще захочется? Посмотреть. Лучше уж я сама напрягусь и вспомню эту нехитрую науку. Кстати, детей у нас временно двое. У Ейко молоко пропало, они всей семьей свалились. И болезнь

у них протекает тяжело. Они ведь другой расы, и прививок наших им не ставили. Она запретила школьной медсестре детишек колоть. Только новорожденному фельдшерица сделала все, что положено. Но это не от этой болезни, так что, скорее всего, разболеется пацанчик. Вряд ли его уберегли от инфекции.

— Погоди. Если инфицированный мальчишка будет тебя дудолить, ты ведь тоже расхвореешься. — В этот момент шприц втыкается в ягодницу и на пару вдохов приходится прервать высказывание. — А потом и Валька от тебя болезнь подхватит.

— Вообще-то, Игорек, инфицирования в нашем поселке не избежит никто. Сильно привязчивая зараза. Так что карантинные меры в данном случае направлены на то, чтобы вспышка не свалила всех одновременно. Если некому станет выхаживать больных, начнутся потери. Некоторые способны перенести болезнь и без медикаментозного лечения, но скорее всего немногие. И мы заранее не знаем кто. Проблема в том, что грудничку без натурального женского молока пережить эту болезнь трудно.

— Погоди, если вы с Валькой заболите одновременно, у тебя пропадет молоко и ей тогда придется туго. — Хоть голова и чугунная, но эта мысль у Гошки формируется четко.

— Во первых, нет гарантии, что молоко пропадет. Во-вторых, на ферме у Янкеля сейчас оправляется от болезни мамочка с грудничком, и у нее лактация не редуцировалась. Так что свезут Вальку на прокорм к тете Бируте.

Видимо, здешнее жаропонижающее действует не слишком мягко. Гошка словно в вату провалился. Вяло подчинялся слабым воздействиям, помогая снимать с себя рубаху. Потом запахло уксусом.

* * *

Очнулся ночью. Слабость неимоверная. Доковылял до горшка. Затем напился из кружки с остывшим медовым пойлом. Градусник под мышку. Ждем.

Нормальная, однако, температура! Все по прописи. Кризис миновал, он больше не заразен. Переоделся, сменив пропотевшее белье. И потихоньку по стеночке на второй этаж. Свеча горит, в кресле Анька околоточная помахивает в воздухе мокрой тряпочкой. Ага, сменила компресс на лбу у Ри, и у малыша в кроватке. Точно, маленький джапп.

— Привет, Анюта! Ты сама-то как? — Голос, конечно, тихий, но в тишине слышно хорошо.

— Кажись, и я приехала, — хрипловато откликается околоточная. — Переставь, пожалуйста, свечку на подоконник со стороны подъезда.

Гошка выполняет предписанное, и помогает девушке добраться до дивана. Меняет компрессы жене и малышу. Проверяет термометры. Ри смотрит на него молча, вымученно улыбается. Конечно, знает он, как ее сейчас ломает. А ребенок вообще выглядит ужасно. Даже не пищит, только делает какие-то невнятные движения губами. Понятно, знает он эту мимику. Помогает супруге сесть, меняет ребенку пеленку и подносит его к груди своей принцессы. Рефлексы срабатывают, начинаются чмоки.

По лестнице кто-то поднимается. Ага, незнакомый доктор с саквояжем. Вид усталый, или это кажется из-за несвежей марлевой повязки в скудном ночном освещении.

— Вы больны или здоровы? — Голос выдает утомление вошедшего.

— Полчаса назад очнулся после кризиса. Температура нормальная.

— В кресло!

Выполнил. Доктор перехватил младенца и дождался окончания кормления. Потом компрессы, порошки, питье, термометры. Стетоскоп — дышите, не дышите. Снял с околоточной башмаки, принес и пристроил ей под голову подушку. Появилась повариха, накормила всех кашей. Ненавистная с детства овсянка пошла как лакомство.

— Слышь, Кукса, Валентина-то ваша у Янкелей нынче, ты не беспокойся. Бирутка — баба душевная и мамка опытная. Они там уже все отболели, сейчас на ногах, так что не сомневайся, не упустят твою кровиночку.

— Спасибо, тетя Глаша. А вообще, как оно у нас?

— Да пока все живы. И по соседним околоткам тоже худого не слыхать. Основная-то масса едоков как раз на поправку пошла. Ведрами лопают все подряд, только для виду ругаются, что без соли.

* * *

Первую капель поселок встречал уже на ногах. Пятерых еще держали на постельном режиме, опасаясь осложнений, но остальные вернулись к обычным занятиям. На этот раз эпидемия прошла по острову, прихватив с собой жизни полутора десятков стариков. Дохварывали приезжие медики, но у всех уже шел послекризисный период. Молоко у Ри таки пропало, и теперь Гошка по очереди с Кано возили ребятню на саночках «обедать» к тете Бируте. Доставалось им не от пуза, но витамин малыши получали. А у маленькой принцессы Валентины образовалось два молочных братика.

Впрочем, на эту степень родства внимания здесь не обращали, это Гошка так для себя отметил. И еще отметил, что во время эпидемии люди вели себя оптимально. Словно ситуация эта репетировалась раньше. Отраже-

ние биологической атаки подразделением, укомплектованным ветеранами — вот на что походила слаженная работа медиков и населения. Сигналы, смены караулов...

— Ри, а такие эпидемии, они насколько часто случаются? — Естественно, кого же еще спросить, как не свою толстознаюшку.

— Такой, как нынче, на моей памяти не было. Папа рассказывал, что до нашего рождения лет за семь болезнь, похожая на эту, выкосила два поселка на Ендрике. Потом медики смогли организовать и карантин, и медпомощь. Но тысячи полторы человек в Империи умерло.

Думаю, сейчас волна заболеваемости отходит отсюда на запад. Наверняка на Клявере и Бутурлине сейчас самый разгар событий.

— А куда старшекласники подевались? Ни в столовой, ни в лаборатории никого нет.

— В медотрядах все. Каждый день по сотне человек уезжает в места, где ожидается вспышка.

— Погоди, маленькая. Это что же выходит, дети мобилизованы и брошены в заразные места?

— Они не дети, а подростки. Их никто не мобилизовывал, они сами отправились, причем не все, а те, кто точно переболел и приобрел иммунитет. Посылать на помощь заболевшим тех, то неизбежно свалится от заразы — ты такого идиотизма желаешь?

— То есть на войну отправились несовершеннолетние. — Гошка никак не может успокоиться.

— Совершеннолетних там тоже достаточно. Анька-околоточная с нашей фельдшерицей вообще оставили поселок без управления и медицинской помощи, потому что здесь мы без них справимся. Понимаешь, это тоже война. И так уж вышло, что оружие в ней — компресс и чашка кислого питья — вполне посильно руке подростка, имеющего к тому же личный опыт. Тут все друг друга по очереди выхаживали, и по всему острову так.

— Они ведь от класса отстанут.

— Никуда не денутся. Те, кто вернется — доучатся здесь. Без них учителям некому преподавать.

— А что, не все вернутся? — Гошка снова в недоумении.

— Понимаешь, Игорек, они ведь очень молодые почти взрослые люди. Окажутся в неведомых землях среди незнакомых людей. Это в период, когда все чувства обострены общей большой бедой. А если вспыхнет любовь? Образуются новые семьи.

— Но ведь им же нет восемнадцати. Ах да, закон этот вопрос не регулирует. Слушай, а что-то здесь вообще регулируется законом?

— Ты о чем, любимый? Рысская империя — абсолютная монархия. Воля государя — вот единственный закон. Ну, а если на что-то этой воли нет — приходится действовать по собственному разумению.

ГЛАВА 43

Считается, что когда корова оказывается на гладком льду, то ее копыта начинают скользить и ноги разъезжаются. Картинку эту Гошка и представляет себе каждый день по нескольку раз. Нет, в натуре ничего подобного ему видеть не приходилось, кажется, в каком-то мультике была подобная сцена, но она там, в общей массе ужимок и прыжков, не слишком привлекала к себе внимание. А сейчас перед внутренним взором предстает не рисованная, а самая настоящая корова всякий раз, как он пытается для себя сложить картинку общественных отношений внутри Империи.

Вся привычная ему по его прошлой жизни система зависимости людей от других людей, от организаций или учреждений, структура административных иерар-

хий, пути сбора средств в бюджет и статьи их расходования — все в этой Империи устроено не по-человечески. Дочитал учебник, от которого жена в свое время пыталась его отвлечь. Мудрено, конечно, но пока разбираются примеры из опыта других государств, все ложится в привычную логику. Как только начинается анализ имперских реалий, планка соскакивает. Тут, оказывается, функционирует вовсе не один-единственный монарх, а сплошной царизм на всех уровнях. Да что там околоточный, даже дворник считается лицом с неограниченными полномочиями.

Если ему нужна метла — никто не смеет становиться между ним и березой, с которой он собирается нарезать прутьев. Короче — мир неограниченных возможностей.

Нет, перечня полномочий не было приведено ни для кого — государственный служащий или справлялся со своими обязанностями, или эти обязанности поручались другому. И, если столовой требовался нож, повар имел право изготовить его своими руками или конфисковать в магазине, а также осуществить тысячу других сценариев: купить, выменять, выпросить. Конечно, примеры из книги для детей не были явно конфликтными, все понимают, что нож будет куплен. Просто они иллюстрировали сам подход.

Или человек делает свое дело, или его, это дело, делает кто-то другой. А вообще в структурах Империи с интересами руководителя любого ранга считаться было не принято. По зрелом размышлении даже рабы представлялись людьми значительно более независимыми. Ну что за манера писать школьные учебники, на каждой четвертой странице которых дана подробная инструкция, как любого руководителя или должностное лицо скинуть с его должности.

В общем, мысли, одна хуже другой, роились в голове, мешая друг другу. Гошка вышел на дорогу к фермам и

пошел себе потихоньку, поглядывая на не до конца растаявший снег, на травинки, пытающиеся пробиться через слой палого листа. Надо было вернуть разум в равновесное состояние.

* * *

Итак, куда же он попал? Ощущение, что оказался среди ненормальных, тлело в его душе с самого начала, но люди кругом были адекватны и относились к нему дружелюбно. Поэтому внимание на их отличиях от населения всего остального мира не концентрировалось. Более того, ему тут определенно нравилось. И, что греха таить, продолжает нравиться.

Что же ему известно наверняка? То, что изменения в Империи проводились на протяжении около двухсот лет волею правителей. Скорее всего, на этом пути был проделан весь необходимый комплекс ошибок. Точно! Он сам участвовал в устранении последствий одной из них с Ссудными Кассами Кари Мэ на острове Хаммасу.

Нет, не все население тогда выступило единым фронтом, сами жертвы пропущенного удара — крестьяне — оказались как бы на стороне неприятеля. Но чиновничество в тот период абсолютно не занималось ни поиском виноватого, и ничем иным, кроме решения конкретной задачи — спасения положения. То есть, с привычной для Гошки точки зрения — вели себя как моральные уроды, ни капельки не заботясь ни о своей шкуре, ни о собственных интересах.

«Жила бы страна родная, и нету других забот», — вспомнилась ему строка из песни. Итак, срастание управленцев с государством полное. Государство — это и есть они. Но ведь и остальное население, возможно, не все, но те, с кем он встречался — точно, ведут себя аналогично. При атаке на Мэйфлаэрову батарею похватили ору-

жие и помчались драться, словно муравьи при угрозе муравейнику. А во время эпидемии стремительно сформировалось общество хорошо организованных гуманистов, не способных смириться с потерей хотя бы одного своего члена. И ведь нельзя сказать, что интересы страны для них имеют более высокий приоритет, чем собственные. Просто они не видят разницы.

Что-то мысли прыгают. С чего он начал? С правителей. А ведь их здесь много. Тот же околоточный. Ведь никаким законом его произвол не ограничен! Он волен творить все, что пожелает! Получается, вопрос не в полноте власти, а том, чего она, эта власть, желает. При том, что в околотке в незапертых шкафах целый арсенал оружия. Ага, вот и обратная связь. Этот чиновник ничего не стоит без поддержки жителей контролируемой территории. Он может кого-то к чему-то принудить, но если это вызовет неодобрение других, ему более не править. Отравят, дадут по башке или просто отвернутся — неважно.

Но ведь так невозможно. Государство без принуждения — нонсенс. Хотя в Империи насилия со стороны властей не ощущается. Как это, интересно, возможно? Думай, голова! Ведь наверняка он все знает, все видел. Ха! Точно видел! И даже думал об этом только что. Это вообще на его родной Земле характерно для русских — ощущать себя частью великой общности. И, поскольку эта общность такое ощущение постоянно подкрепляет, молчаливый деятельный патриотизм цементирует людей в монолит. Гошка это на своей шкуре почувствовал еще в учебке. Тогда это было им воспринято как командный дух. А о размере команды он просто не подумал.

Любопытно, а ведь при таком раскладе Рысская империя должна просто-напросто надрать задницы всем иным государствам. Так она это и проделывает. Деда ведь рассказывал, что с момента, когда начались изменения, тер-

ритория увеличилась в двадцать раз, а население в пятьдесят. На его глазах были одержаны победы в войнах с неслабым противником. И ведь действительно, аннексии имели место. Небольшие, чтобы не подавиться слишком большим куском. Империи не требуются чужие земли, своих достаточно. Но ослаблять будущего противника необходимо. И нельзя одномоментно влить в образованное, воспитанное в духе единства, население сразу большую массу людей, сформировавшихся при жизни на основе иного типа функционирования. Людей, для которых деньги — главная цель, а власть — безусловная ценность.

Кстати, о деньгах. Точно. Они не правят здесь всем. Немножко — средство обмена. Немножко — инструмент учета. Не станут имперцы поклоняться золотому тельцу, или, тем более, гибнуть за металл. Большинство людей без них прекрасно обходятся. Имеют, но не пользуются, как Ри. И финансисты со своими валютными спекуляциями, фьючерсами, ставками кредитования и прочей заумной дребеденью работают только на внешних рынках. Дураят чужих. Возможно, с пользой для своих.

А точно, с пользой. Ведь, если деньги Империи обеспечены драгметаллом — платиной, наверняка при международных расчетах многие отдадут предпочтение использованию именно рубля. Хех. До чего же коварны его соотечественники. Могут хоть до беспредела печатать денежные знаки и пускать их в оборот, эксплуатируя весь мир. Случись что — просто выполняют обязательства, отдав десятки или даже тысячи тонн металла из своих запасников. Даже репутацией не рискуют.

А отсутствие законов и выполнение всеми воли государя — то, что выбило его из душевного равновесия. Про то, что ничего худого здешний государь никому не велит, это он уже догадался. А если прикажет царь-батюшка какое нелепие исполнить, тогда ему сразу и понадо-

бится и охрана, и хорошо защищенный дворец. Конкретно Го этого не переживет. Привык он ездить в пассажирских салонах пакетботов или конных вагончиках железной дороги. Кстати, у наследницы престола привычки аналогичные. Хм, с волей этих людей население смирится, пожалуй, как со своею собственной. Не видят разницы, вот в чем приколот.

Интересно, а догадался ли кто-нибудь из соседей, что крошка Ри — самая настоящая наследница престола? Похоже, им это даже неинтересно. Кажется, личность властителя ни для кого не представляет интереса. Даже немного обидно. Про Аньку-околоточную — вот эта тема занимает всех. Правда, последнее время все больше в амурном ключе. Точно! Узнав, что среди них живет грозный командор, мужики одобрительно крикнули, бабы постреляли глазками. Все как у людей.

А вот как быть с отсутствием законодательства? Гошка призадумался. Обычно считается, что хорошие законы нужны любому обществу, что их надо вырабатывать, обсуждать, прописывать в них права и обязанности. Вообще-то дело это трудоемкое и неблагодарное. Сами по себе законы не работают, для их выполнения всегда нужно прикладывать усилия. Занимать людей, расходовать ресурсы. А ведь не так уж много законов осмысленно выполняется человеком в процессе жизни. Вот ему так с лету вообще только одно правило и вспоминается — не пакостить. И для его исполнения, если по-честному, ничего, кроме воли исполнителя, не требуется. А если нет у человека такого желания, так попробуй, уследи за каждым!

В общем, имперцы эти наплевали с высокой колокольни на все неисчислимые человеческие пороки и принялись жить так, как им удобно, не расходуя сил душевных и средств материальных на то, чем можно пренебречь просто при наличии желания. И очень не любят морских разбойников. И держат под рукой много

оружия. И нет среди них воров или иных прохиндеев. И на замки дверные или заборы высокие они не тратятся. Действительно, что дешевле, закопать вора в землю, или строить изгороди, врезать замки и содержать штат специальных людей для ловли преступников? Похоже, не ко всем этот мир добр.

Хм. А ведь в период эпидемии наличие на любой двери замка запросто могло стоить жизни тому, кто машинально заперся.

Это рассуждение примирило Гошку с местными реалиями. Да, он живет среди людей, которых в его мире посчитали бы ненормальными. Их, возможно, и считают таковыми во всех остальных странах. Но, какое ему дело до остальных? Да плевал он на всехное забугорное мнение с той же самой высокой колокольни, что облюбовал для этого занятия двести лет тому назад совсем нетрусливый император Григорий Второй.

Интересно, куда это привели его глубокие рассуждения? Дорога, по которой он брел мимо отворотов к окрестным фермам, стала выглядеть совсем малонаезженной. Не пропала, но ослабела, что ли. Ярко выражена только одна колея, хотя и вторая просматривается слегка. Однако тянет дымком. Точно, впереди темнеет строение. Домой он засветло вернуться не успеет, ноги гудят, и кушать хочется.

Мостик, подъем, и он в поселении. Люди, свет в окнах, столовая. Слаев Городок, вот куда он забрел. Километров пятнадцать, оказывается, нужно протопать, чтобы мысли в порядок привести.

* * *

Первой из медицинского отряда вернулась Тинка. Ее сильно задержали в первом же из пострадавших от эпидемии селении выхаживать болезный народ по окрест-

ным фермам. Пока управилась — основная волна заболеваемости отодвинулась дальше, и тамошняя фельдшерница порекомендовала девушке вернуться домой, поскольку в бригадах медиков теперь достаточно взрослого народу.

Похоже, за время своего отсутствия девушка сильно соскучилась по пневмо-гидравлическим триггерам, поскольку сразу закопалась в схемы. А Гошка вертит в руках кусочек пластиковой трубки и не может понять, почему так не хочется с ним расстаться. Толстая миллиметровая стенка, трехмиллиметровый просвет. Муфточка нехитрой конструкции, позволяющая удобно соединить торцы, простым навинчиванием снаружи за счет встречно направленных резьб.

Конечно, вещь жесткая, гнется, только если нагреть, и поэтому для всяких внутрисхемных соединений неудобная. К тому же диаметр избыточный. Он заказал огромную катушку еще на начальном этапе опытов, а теперь не знает, что делать с таким количеством. Хотя, если потребуется связать два устройства, то очень даже может быть, с этой линией все неплохо получится.

Первым делом проверим, как быстро можно передавать по трубке пневматический импульс. А что тут думать? Быстрее скорости звука все равно не будет. Зато в жидких средах колебания распространяются охотней. Вот именно, колебания. Если гнать информацию толчками — импульсами, это же надо всю массу жидкости, содержащуюся в трубе, перемещать. А как будут происходить затухания? И чем усилить сигнал на приемном конце? Ну конечно полевым транзистором с изолированным затвором. Изолированным резиночкой от презерватива. А что будет протекать по каналу, газ или жидкость? Вот так навскидку думается, что жидкость.

* * *

— Понимаешь, Игорек, то, до чего ты додумался, это все правда. Но не вся, а ее небольшая часть. — Ри только что накормила Вальку вечерним кефиром и сейчас устроивается в кровати рядом с мужем. — На самом деле вопрос об устройстве государства очень сложен и многогранен. Я изучала его многие годы, но рассказать коротко не смогу. Чует мое сердце, не отвяжешься ты, пока не разберешься, так что наберись терпения и не торопи. Мне непросто подбирать правильные слова и приводить понятные примеры.

Начать придется с определения. Что такое хорошо, и что такое плохо?

— Для государства частенько хорошо то, что плохо для его граждан, — вырывается у Гошки. — Победоносная война, например, приносит добычу и завоевания, достающиеся немногим, и потерю кормильцев большому количеству семей.

— Верно. Подобных примеров тысячи. Нужен критерий, позволяющий обойти любые противоречия, неизбежные в любом структурированном сообществе, — улыбается принцесса. В Империи решили плясать от интересов популяции. А именно — стабильность ареала обитания, надежность кормовой базы, подавление внутренней конкуренции — то, что необходимо для ее успешного сохранения.

— Ареал обитания сохраняют армия и флот, кормовую базу обеспечивают крестьяне, а вот с внутренней конкуренцией не все понятно, — встревает Гошка. Вообще-то он ждет, что супруга быстренько ответит на вопрос и приластится. Но не тут-то было.

— погоди, я не все перечислила. Сбил меня, торопыга. Начнем, однако, с кормовой базы. Самым важным аспектом здесь является размер популяции, иначе говоря,

о темпе и знаке прироста населения приходится думать в первую очередь. Ведь у планеты есть конечные размеры, а превращать ее в сплошную ферму бессмысленно, предел неизбежен. Поэтому у нас имеются не только противозачаточные средства, но и абортивные, и фельдшеры обслуживают каждые несколько сотен человек. И труд их в значительной степени направлен на то, чтобы рождаемость оказалась в нужных пределах.

Еще недавно это было от трех до четырех детей для одной женщины, сейчас планка понижена до двух или трех, поскольку потери в войнах стали меньше, а приток мигрантов — больше. И эти же фельдшеры, кроме всего прочего, тщательно следят за качеством членов популяции в самом неприятном для истинного гуманиста аспекте. Когда рождаются дети с разными нехорошими отклонениями, способными передаваться по наследству, обычно удается убедить их родителей в необходимости стерилизации, но бывают и конфликтные ситуации.

В общем, работы у медиков хватает. Сейчас, таким образом, держится устойчивый положительный баланс, соотнесенный с планами освоения новых территорий. Две трети наших земель практически не освоены, поэтому мы планируем довести на них плотность населения до надежно воспроизводящейся примерно лет за двести, причем — уменьшающимся темпом, чтобы не перескочить через предел самообеспечения.

— Так, ты меня совсем запутала. — Гошка чувствует, что начинает плыть. — Что такое самовоспроизводящаяся плотность населения?

— Это я ляпнула отсебятину для краткости. Не бери в голову. Речь о том, что в каждом районе или на каждом острове, или на группе мелких островов популяция достигнет таких размеров, что, окажись она в изоляции, сможет не выродиться за счет близкородственных бра-

ков. А предел самообеспечения — понятно, это если смогут жить, сколько угодно, не вымирая от голода, за счет ресурсов своей территории.

— Это типа натурального хозяйства? — не унимается Гошка.

— Не перегибай. В этом хозяйстве несколько тысяч человек, все они работают по специальности с использованием самого совершенного на данный момент оборудования. И только один из десяти — земледелец.

— Постой, ограничением рождаемости демографическая проблема ведь не решается. А как можно уговорить женщину родить ребенка, если она этого не хочет?

— Подавляющее большинство настроено на продолжение рода чисто в силу своей женской сущности. Но, ты прав, есть и такие, что не хотят. Так и живут без детей. Или кто-то не может, тут уж фельдшеры пытаются помочь. Не всегда получается.

— А у нас с тобой сколько будет детей, два или три? — Гошка уже начинает подумывать о смене характера общения.

— Да хоть десять, если постараться. Мне понравилось, вообще-то. Сначала очень боялась, но теперь все страхи позади.

— А фельдшер будет не против?

— Они всегда не против. Придержать темп приема мигрантов нетрудно, если ты боишься за перенаселенность территории. А почему ты не спрашиваешь о материальной стороне материнства? Типа, где брать средства на то, чтобы вырастить? — Ри слегка изогнулась и прижалась к Гошке грудью.

— Так не слепой. При такой обеспеченности даже наличие кормильца в семье не имеет значения. — Гошка уже добрался руками до мест, начиная с которых слова теряют смысл.

* * *

— Как я понял, медики в Империи — самые главные. — Гошка снова намерен получить от Ри порцию информации и нарочно формулирует утверждение так, чтобы на него хотелось возразить.

— Правильно понял. — Супруга, похоже, разгадала его хитрость и лукаво улыбается. — И еще у нас самые главные — педагоги. Они даже главнее, потому что их больше. И на качество популяции они влияют даже сильнее, чем медики. Ну, сам посуди, с неучами и неумехами много ли доброго соорудишь! Так что педагогических и медицинских училищ в Империи много. А еще ведь все учатся прямо на рабочих местах у опытных мастеров. Процесс передачи знаний и умений — постоянная головная боль. Ну, не то чтобы боль, но про обучение пекутся на всех уровнях, причем возраст обучаемого значения не имеет. Видел, наверно, что познавательные журналы выходят двадцати наименований. И еще тридцать по разным специальностям.

Знаешь, иногда до анекдотов доходит. На Лисовой Заимке что в Карской губернии строители отказались полы стелить в готовых уже домах, поскольку вычитали в «Самострое» про новый «Прегнат», такой антисептик для древесины. Короче, пришлось гнать туда бочку на миноносце, а то стояло дело. Начальник строительства, кстати, аж разрывался на части. С одной стороны — сроки сдвигаются, с другой — пропитанные этим химикатом полы не тридцать лет служат, а пятьдесят. Вот и задумаешься, а не стоит ли подождать пару недель ради двадцати лет выигрыша.

Гошка, когда выслушал эту историю, понял очередной раз, что мозги у здешних руководителей исходно заточены иначе, чем у их земных аналогов. Для этих отдаленная перспектива значимей, чем близкий результат.

Ну, все не из-под палки, а вроде как для души. Ну да, ни у кого над головой не капает. Ложись и посвистывай.

— Ри, а почему люди вообще хоть что-то делают? Ведь лентяев среди них немало. Не потому, что так воспитаны, а чисто физиологически.

— А вот тут ты затронул вопрос необыкновенно сложный. Для начала отвечу с физиологической точки зрения. Если это патология, тут в дело вступают медики, и человека лечат.

Во второй строке отмечу, что активность человеку жизненно необходима, так что утверждения про «ленивую скотину» выдуманы теми, кто принуждает людей трудиться в своих интересах. Но эти замечания — они не по сути, а просто чтобы сразу отмести несущественное. Существенно то, что общественные существа нуждаются в поддержке себе подобных. В том числе — и в одобрении. За ласковую улыбку, за теплый взгляд совершаются подвиги во имя любви. За доброе слово, за похвалу сворачиваются горы. Но и это не главное.

Важно еще и то, что все знают о необходимости трудиться. Понимание того, что ничто не появляется само собой — не последнее дело. К тому же, когда в результате твоего труда возникает нечто осязаемое, это сильно улучшает настроение.

Ну и, наконец, если дело хорошо организовано, если все получается, тогда и сам процесс доставляет удовольствие. Как видишь, ни одного условия, делающего труд неизбежным уделом каждого. Но присмотришься к себе. Почему на время отпуска на Хаммасу ты устроился дворником?

— Да как-то скучно было бездельничать. — Гошка действительно не вполне понимает свой поступок.

— А почему сейчас ты третий день не ходишь на работу?

— Да как-то там нынче и без меня дела идут неплохо.

Свои знания я передал, идеи высказал. В голове ничего плодотворного.

— Правильно, дорогой. У тебя нынче творческий кризис, который ты заполняешь обретением новых познаний из области обществоведения. Ты ведь вовсе не бездельничаешь, а ищешь способ учинить некую техническую каверзу, типа пушек, стреляющих через море, или торпед, бегущих за горизонт. В общем, как и все нормальные люди, работать ты любишь и умеешь.

* * *

Прочитав письмо, доставленное фельдъегерем, Ри нахмурилась.

— Уезжать нам пора, однако. Папеньке мы нужны в столице. Послезавтра тронемся? Или тебе потребуется больше времени на то, чтобы утрясти дела в лаборатории?

— За сегодня и завтра управлюсь. — Гошка понимает, что теперь придется в темпе вальса выкладывать коллегам все свои замыслы в недодуманном — сыром и уязвимом виде. Ну да ладно, никуда не денешься. Столица ведь — не край света. Найдутся, чай, и там магнетики для его экспериментов. А пока стоит поспешить. Ужасно интересно, что получится, если прогнать струю воздуха через зазор в кольцевом магните. Ведь если энергия ионизации воздуха очень мала, то электроны должны будут отклониться, отделившись от своих атомов за счет возникшей поперечной силы. Если получится, Риттер может электросварку изобрести с компрессором вместо электрического генератора.

И та трубка, что не давала ему покоя. Можно ведь попытаться заполнить ее жидкостью и через нее передавать сигнал на большие расстояния. Пусть и не скоростью света, но уж всяко быстрее, чем даже самолетом пакеты возить. Тут главное — уловить слабую вибрацию,

дошедшую до противоположного конца, отделить ее от неизбежных шумов, справиться с отражениями и наложениями. А потом — детектирование. Ну, ничего, ребята подобрались толковые. Вон, уже придумали, как запяную на табло калькулятора переносить. Сейчас маракуют над экспоненциальным способом выражения числа.

ГЛАВА 44

Императорский дворец в период, когда не происходит ничего судьбоносного, похож на театр в день, когда нет спектакля. Красиво, но малоллюдно. В парке городские мамочки с колясками. Гошка тоже будет вывозить сюда Вальку после завтрака и перед ужином. Обмениваться с другими гуляющими рассказами о достижениях чад, выслушивать жалобы на вторую половину, вечно занятую неизвестно чем. А поскольку здесь имеется постоянное горячее водоснабжение, то и титан теперь не придется топить, когда захочется вымыться. Хотя как-то он к этому уже приохотился. Наверное, не хватает современному человеку первобытной магии огня. Или своегообразного ритуала подготовки к омовению.

Го принял их с Ри в настоящем императорском кабинете. Очень удобный письменный стол, сработанный истинным художником. Уголок для бесед, оснащенный уютно расположенными изысканными диванами, длинный стол для совещаний с мягкими полукреслами — все в едином стиле. Даже глаз резанул, такой контраст с привычной уже спартанской простотой имперского быта.

Его Величество отобрал у дочери внучку, что ту крайне заинтересовало.

— В общем, обстановка на международной арене сейчас путаная, дипломатическая активность высока, — начал он без предисловий. — Визита любого посла можно

ждать в любой момент, посему нормальную одежду до моего возвращения спрячьте подальше. Реквизитор вас обрядит согласно последним стандартам общемировой моды. Ты, Галадриэль, побудешь пока за главную, мне срочно надо отлучиться.

— Пап! Что стряслось? — Ри выглядит встревоженно, а Гошка впервые услышал второе, официальное имя своей супруги, и в голове у него щелкнуло: «Галадриэль — теща Элрона», отчего внутри стало ненормально весело.

— Ерунду мы учинили с пленными джаппами. Те, что решили остаться, оказались в ряде мест большими группами, да еще и священники ихние среди них оказались. Диаспоры начинают складываться, вот что. Так что теперь надо мчаться на место и разруливать вопрос. Ума не приложу как.

. А вот тут Гошка и призадумался. Каких только наций и цветов кожи не встречал он в Империи. Смесь полная. Но никто никогда ни про кого ничего, обозначающего национальность, не говорил. На его глазах джаппское семейство стремительно въезжало в местную культуру, изучая язык и встраиваясь в орнамент жизни поселка, в котором оказалось по воле случая. Года не прошло с тех пор. У детей уже даже акцента не чувствуется. Ейко из риса классные блюда готовит. Лица выдают, конечно, что монголоидной нации ребята, но лиц здесь всяких много, на любой манер. Вот и все отличия от остальных. Что слова иногда применяют неудачно, так совершенствуются.

Стало быть, стремительная ассимиляция приезжающих — еще одна грань имперского бытия. Во как!

— Го, тебе ведь захочется эту братию расселить? Так ты их денежкой заинтересуй, — приходит к Гошке в голову здравая мысль.

— Точно! — Го даже улыбнулся. — Хорошо, что помнил. Это может сильно помочь. Короче, ребята, бу-

маги на столе — разберетесь, ничего там сложного, а я побежал.

Величество вернуло внучку отцу, схватило пару чемоданов и пулей вылетело за дверь. Ри не выглядела озадаченной. Задумчивой, пожалуй. Валька начала ежиться, так что пришлось добывать из сумки привезенный с собой горшок и усаживать чаду на него. Раз просится, значит, пора. Жена взяла со стола колокольчик и позвонила. Вошел секретарь.

— Антуан, пригласите, пожалуйста, Земфиру Харисовну и Глеба Захаровича.

Молчаливый кивок, закрытая дверь и выражение мрачного веселья на лице благоверной.

— Не дрейфь, прорвемся, мой командор! — В голосе Ри нет радости или уверенности. Тревожная решимость, вот что ощущается. — Самые тонкие вопросы, требующие филигранного мастерства и полной свободы маневра, папа предпочитает решать лично. А для меня эта ситуация штатная.хлопотная, не скрою. Сейчас сдадим дочуру няне, обрядимся в пух и перья, и... собственно, ты-то и по саду можешь погулять.

* * *

Пару дней Гошка откровенно маялся. Валентина попала в руки опытной няньки Земфиры Харисовны и, кажется, была постоянно занята. Супруга с утра до вечера не вылезала из-за письменного стола, читая и диктуя письма, принимая до десятка посетителей по самым скучным вопросам. Ну вот, например: прекращать ли производство ниток тридцатого номера, поскольку в силу сложившейся практики швейные производства потребляют преимущественно десятый и сороковой. И тут следует не просто принять решение, а хорошенько про-

консультироваться с модельерами и владельцами частных ателье.

Кстати, сохранили это производство. Оказалось, что в швах одежды для рыбаков именно эта толщина наиболее применяема, просто фабрики, которые ее употребляют, немного затоварились, сделав запас раньше, поэтому в последнее время заказы сократились. Гошка думал, что кому-то за неполноту информации влетит. Мыслимое ли дело, отвлекать первое лицо Империи на вопрос о нитках.

Оказалось — нет. Не в чем наследной принцессе упрекнуть директорат. Каждый на своем месте выполнил должное. А что связь работает медленно, так с этой данностью все знакомы. Вот сегодня с нитками ерунда сложилась, вчера — подковные гвозди, завтра будет нехватка по аптечным заготовкам багульника. Если по каждому такому чиху писать циркуляр или назначать ответственного следильщика за темой, то быстро покроешь всю страну министерствами добычи строительного камня, распределения фосфатных удобрений или карандашестроения.

Вот, скажем, министр металлургии отчитывался о проблемах с прокатом. Рельсы в километрах, подкладки под них и костыли — тоже в километрах, потому что не так важно то, сколько тонн стали извели, как то, на какие расстояния можно протянуть новые пути. Ну, или старые заменить. Так что есть подозрения, что суммарная длина прокатанных рельсов была докладчиком поделена на два.

Рассказывал он и о новом способе горячего вальцевания, применяемого для переделки старых нарезных артиллерийских стволов в гладкие, для орудий с новомодными снарядами. Прикольно было. Оказалось, что длину монолитного ствола можно увеличивать до шестидесяти калибров при заметном уменьшении толщины

стенки. Но при этом их пришлось заключать в ферменное обрамление, а то сгибаются под собственным весом. И стали пушки похожими на стрелы башенных кранов.

Когда была озвучена начальная скорость этих снарядов, стало ясно, почему Ри упоминала орудия, стреляющие через море. А ведь стволы могут быть и составными, тогда можно и до космических скоростей добраться. Проблемы только с прицеливанием и, конечно, с разбросом.

Вообще-то, немалую часть дня Гошка с дочуркой проводят в мамином кабинете. Валентина, попадаясь, время от времени супруге на глаза, возвращает той душевное равновесие, а папочка следит за безопасностью предметов мебелировки. Ребенок уверенно перемещается на четвереньках и, на время приема посетителей или делегаций, заключается в каре из диванов в совещательном уголке. В распоряжение няни он возвращается при приеме иностранцев: послов или лиц, ими уполномоченных.

Когда секретарь доложил о прибытии посла бриттов, няня быстренько получила наследницу престола и удалилась. А Гошка замешкался, расставляя диваны по местам. Так что в момент вхождения обряженного в расшитый золотом мундир полномочного представителя Соединенного Королевства Бритта, он оказался в кабинете, где обстановка мгновенно стала официальной. Нет, внешний вид нормальный. Ничем Гошкин мундир не хуже, чем у гостя, который, кстати, не один. Военно-морской атташе с ним. Одним словом, раз не успел сбежать, будет молча надувать щеки, делая вид, что он здесь в соответствии с протоколом.

— Ваше Высочество! Я уполномочен от имени короля Эдвина и парламента Соединенного Королевства сделать вам заявление о необходимости в кратчайшие сроки возвратить под юрисдикцию Бриттской короны Гивейные острова, которые должны принадлежать ей по

праву первооткрывателя... — дальше шли исторические примеры и тщательно завуалированные угрозы. Ри выслушивала их с каменным лицом, а Гошка косился на карту.

Как-то нелогично выглядела эта прелюдия к объявлению войны. Нет, сырой каучук — отличная «причина» для драки за него. Но, кажется Гошке, что это маскировка. Так сказать, второй слой после содержания официальной претензии об исторической справедливости. И смысл безупречно вежливых устных угроз наводит на мысль, что неприятельский флот разом навалится и отобьет требуемое, после чего Рымской империи будет предложен выбор между мирным договором и затяжной войной с очень сильной державой.

В общем, цинизм сокрушительный. Догадка просто где-то на самом краешке сознания, что бриттам остро требуется короткая война с Рымсией, поскольку формулировки носят явно выраженный провоцирующий характер. Собственно, в случае соприкосновения флотов исход в пользу агрессора неочевиден. Да, намнут друг другу бока линкоры. Вылетят в дым мегатонны угля. Высадится десант, произойдут бои на суше. Предположим, что это — отвлекающий маневр. От чего?

Вот ведь незадача! Император в отлучке, а его малышке-жене предстоит ввергать страну в пламя войны.

Пока посол и принцесса сверлили друг друга взглядами, атташе втихомолку косился на Гошку. А он ведь за своей мимикой не следил. Вполне мог нахмуриться или сверкнуть глазами по ходу мыслей. Неважно. Важно то, что этот мужик явно его «срисовал». С Коктебеля, Хаммасу или из Казарм Электриков информация о Куксе Великом и Ужасном никуда просочиться не могла. Его способны описать или джаппский адмирал, или нидерский. Ну и народ из их окружения. Разница только в бороде, которой не было в проливе Урм, но имелась в ок-

рестностях Коктебеля. Ха! Коктебель и налетевшие на нидеров самолеты.

Воюя за Гивейные острова, можно мотивированно и массированно десантироваться на главную имперскую авиабазу. Вот, скорее всего, что требуется бриттам. Имперские авиационные секреты. Ведь, несмотря на всю старательность, с которой хранятся тайны группы Троса, немножко сведений о ней просочилось. Скорее бы уж уматывали эти надутые индюки, у него слишком много вопросов к любезной.

* * *

— Ри, бриттам даром не нужны Гивейные острова, — сказал Гошка, едва за «гостями» закрылась дверь. — Уверен, они десантируются на Коктебель, едва обозначат активность в окрестностях наших каучуконосных земель.

— Уверен? — Жена смотрит на него с недоверчивым прищуром.

— Ну, нет, конечно. Скорее догадываюсь. Понимаешь, обходились они пятнадцать лет без сырья для резиновых изделий. У них и заводов приличных для его переработки нет. Ты ведь помнишь, как третьего дня Фридрих Кракен упоминал об объемах продажи резиновых колец, шлангов, листа и уплотнительных профилей. Вот. Покупают их у нас бритты, как и все остальные, и ничуть при этом не разоряются. Не та это проблема, из-за которой они станут сжигать угля на сумму, превышающую стоимость десятилетней потребности в изделиях из сока деревьев, плантации которых намерены отвоевать.

— Но их ужасно интересуют авиационные двигатели, — заключает Ри. — Действительно, в последнее время им просто катастрофически не хватает сил, чтобы удержать в повиновении колонии. Флот силен, но на су-

ше он не воюет. Армия могучая, однако, поспевать в десятки мест — дело непростое. Знаешь, по прогнозам бритты скоро начнут терять доминионы. Тогда нам и придется их прихватывать понемногу, сначала признавать независимость, потом заключать оборонительные союзы, открывать границы, обеспечивать отток в Империю квалифицированного населения.... Ну, метод ползучей экспансии. Потом там на главные посты проникают наши люди, просят о присоединении. Мы соглашаемся и направляем батальон дружелюбных околоточных на помощь братскому народу свободолюбивой страны. Этот сценарий уже раз пятьдесят сработал, половина наших территорий так приобретена.

Знаешь, народ в этих местах не чересчур избалован. Год полноценного трехразового питания превращает людей в верных подданных Рыссии. Первый удар подкрепляется батальоном медработников, потом на плацдарм высаживается полк преподавателей.хлопотно. Жилье, дороги, почта... сумасшедший дом.

И, чтобы всего этого не допустить, решили бритты обзавестись авиацией, дабы извести с ее помощью повстанцев. Да, Игорек, такая картинка действительно похожа на верную. Ты на лошадке скакать умеешь?

— Не знаю, никогда не пробовал, — судя по принятию заезженной шутки, радость его уже пришла в себя, и некоторый план у нее сложился. Шок после «наезда» бриттских дипломатов явно проходит. — Одеваемся в нормальную одежду и мчимся в Генштаб. До ответа на этот ультиматум нужно иметь четкий план кампании.

* * *

Дрезина-качалка и пара дюжих гвардейцев — самый быстрый вариант, чтобы доехать по железной дороге до нужного места. До Генштаба добрались к утру. Пока со-

биралось совещание, успели перекусить и покемарить, свернувшись калачиками на диванах «предбанника», восполняя ночной недосып — каждый раз как догоняли или встречали рельсовый транспорт, приходилось снимать тележку с полотна, для чего «машинисты» седоков будили.

ГЛАВА 45

Крепкие дядьки со стальными глазами, бритыми кум-полами и кружочками на погонах занимали первый ряд, сидя вокруг длинного стола. В торце расположились начальник Генштаба и принцесса. Далее стоя располагался второй ряд, на чьих погонах наблюдались брусочки. За ним, слегка роясь и перемещаясь в поисках места, с которого хоть что-то видно, присутствовал третий, почти незаметный, если не присматриваться, ряд присутствующих, с «кубариками» на плечах. Для примостившегося в уголке Гошки — картинка, словно привет из родного дома. Табель о рангах в его самой наглядной форме.

Ри прочитала ноту Соединенного Королевства и четко, можно сказать, в лицах, с сохранением всех интонаций, передала содержание «устного сообщения» дипломатической миссии. А потом Гошка приступил к выпадению в осадок.

— Мужики, — заявил вдруг начальник Генштаба, — высказываемся. Мичман Теодорих!

Лопоухий юнец откуда-то чуть не из двери объяснил присутствующим, что бритты затеяли нечто отличное от того, что декларировали. Аргументация мало отличалась от Гошкиной, а при формировании выводов ясно прослеживалось полное отсутствие знаний о том, чем занимаются на Коктебеле. Затем парень четко изложил, где и что сейчас делают все линейные корабли Империи. Становилось ясно, что к моменту, когда бритты уз-

нают, что, по истечении срока ультиматума, имперцы ответили на него отказом, к Гивейным островам удастся подтянуть только два броненосца и один броненосный крейсер. Там, правда, находится дивизион броненосцев береговой обороны, который проводит испытательные стрельбы в лагуне Файерболла, и оттянется к островам как раз в нужное время, но для современных бриттских кораблей эти старенькие «плоты» — просто порог, через который надо переступить.

После чего означенный мичман выдал данные внешней разведки, сообщения дозорных служб и информацию с торговых судов в виде четкого указания мест, где в последнее время были замечены крупные корабли и соединения неприятеля. Вывод, что противник предварительно стянул в нужный район существенные силы, стал просто очевиден.

После мичмана высказалось еще некоторое количество мичманов, армейских прапорщиков, лейтенантов... смысл мало менялся. Уточнялись детали диспозиции рысских и бриттских кораблей. Никто ничего не знал про авиагруппу на Коктебеле, а вот затея с нападением Соединенного Королевства на Рысскую империю всем казалась странной. Повторы и пересказы быстро свелись к фразам типа: «Согласен с Тео», и так продолжалось до тех пор, пока не отговорили капитаны первого ранга. Очередь дошла до Гошки.

Обмен взглядами с Ри дал ему понять, что любой вариант его выступления она заранее одобряет. А дальнейшее сокрытие тайны Коктебеля от главного командования армии и флота Империи уже потеряло смысл. Тем более кое-кто был на разборе эпизода с нидерами, просто, пока у темы до того суровая степень секретности, что в присутствии, возможно, непосвященных лиц вопрос старательно «объезжают».

— Игорь Куксин, — представился он, справедливо

рассудив, что до сих пор его скрывали настолько хорошо, что всего пятеро из числа присутствующих с ним знакомы. — Куксой еще называют, если не сердятся.

Заулыбались. Значит, не сердятся.

— На островах Коктебель находится боеспособное подразделение самолетов-торпедоносцев, — продолжил он. — Вероятно, не все присутствующие знают об этом, но начиная с данного момента нам не следует более скрывать эту информацию друг от друга, а, напротив, оперировать этим знанием к неудовольствию неприятеля. Бритты, по моему мнению, намерены стремительно захватить аэродром со всем, что на нем находится, с целью овладения нашими техническими секретами. После чего, обозначив активность в районе Коктебельских островов и проведя показательное сражение в окрестностях территорий, на завоевание которых рассчитывают, предложить Империи мирный договор на условии аннексии Гивейных островов.

До того, как мы приступим к планированию противодействия, принцесса, как мне кажется, должна сообщить нам некую важную информацию относительно содержания самих авиационных секретов, скрываемых в ангарах островов Коктебель.

* * *

Скромного вида закрытая карета быстро везла Гошку сначала по хорошей дороге, а потом, переваливаясь на ухабах, по очень плохой. На лесной просеке его ждал самолет. Кажется, один из тех двухмоторных турбовинтовых, которые почти два года тому назад испытывали и облетывали на Коктебеле, жестоко страдая от ничтожного ресурса турбин.

Меховой комбинезон, унты, утепленный шлемофон и место во второй кабине. Стемнело. Техник закрепил

пассажира ремнями, подключил к головному убору трубочки переговорного устройства.

— Это пилот. Пассажир, как слышишь?

— Слышу хорошо, прием.

— Прием уверенный, связь работает. Будем взлетать.

Темные фигурки вытащили колодки из-под колес. Зашипел сжатый воздух, завращались пропеллеры, на задних срезах мотогондол появилось свечение, быстро оформившееся в короткую струю. Тронулись. Когда выкатились на полосу, два ряда огоньков впереди четко обозначили направление разгона. Звук моторов окреп, энергичный разбег, отрыв. До места — четыре часа лету. По прямой больше тысячи километров. Ничего в темноте толком не разглядишь, а приставать с расспросами к летчику не дело.

Несколько поселков внизу угадываются по светящимся окнам. Ползет конный вагончик с ярким фонарем. А ведь имеет смысл выспаться. Дел ему предстоит столько, что недосып в ближайшие дни обеспечен.

* * *

Ночная посадка — это, конечно, волнительно. Однако пилот действует уверенно, огни на земле видны четко. Трос встречает. Ничего знать он, конечно, не может. Нет на планете средства связи быстрее, чем самолет, не могли новости его опередить.

— Привет, Кукса! А я-то ломаю голову, кого принесло среди тьмы ночной? — рукопожатие у мужика крепкое.

— Здравствуй, Трос. Вот тебе пакет, читай немедленно, а я через минутку вернусь, тогда потолкуем. — Давление на клапан достигло критического значения, и гость несется к будочке, расположенной поодаль.

В бытовке, что стоит на краю поля, плюется кипятком чайник, расходится тепло от чугунной печурки и

пластинки сала свешивают свои края с кусочков черного хлеба. Пока хозяин читает бумаги, пилот и пассажир ночного рейса заправляются. И подтягивается народ — ночная посадка — событие неординарное. Если такая срочность, что нельзя подождать до рассвета, значит, случилось что-то важное.

— А пойдем-ка мы в столовую. — Трос смотрит на набивающийся в тесноту аэродромной будки народ. — Тайны из этой информации здесь делать не имеет смысла. — Он четко выделяет слово «здесь».

* * *

Столы и лавки быстро переместили так, чтобы помещение для приема пищи превратилось в подобие аудитории. Гошка поздоровался с кучей людей, знакомых ему еще по прошлому периоду жизни на Коктебеле. А Трос обрисовал ситуацию для всех присутствующих.

Бритты имитируют войну за Гивейные острова, чтобы мотивировать захват Коктебеля и образцов авиационной техники. Задачи: эвакуировать или уничтожить все, что может представлять для захватчиков реальный интерес. Вывести мирных жителей и имитировать отчаянное сопротивление, в результате которого противник захватит ракетопланы и авиабомбы. По расчету времени и в соответствии со сроками ультиматума ожидать нападения следует послезавтра, скорее всего, сразу после полуночи. Итого — два дня на подготовку спектакля.

Дальше началась говорильня, живейшим образом напомнившая ту, что не раз случалась в салоне лихтерова за сначала на Мясорубке, а потом и в проливе Хель на Урме. В процессе беспорядочного изложения сгенерированных идей выяснился и истинный расклад сил. Во-первых, турбовинтовых двухмоторников имелось всего три. И все они с интервалом в час отправлялись на сто-

личный остров, на хорошо замаскированный и тщательно охраняемый аэродром, с которого несколько часов назад убыл Гошка.

Основных боевых машин — паровых бипланов, так и осталось восемь штук: семь колесных и один поплавок. Но моторы на них удалось сбалансировать. Устранение вибрации позволило развивать достаточную мощность, и эти машины просто стали хорошо летать. Хотя революционного роста технических характеристик это и не принесло, но уже одно улучшение маневренности дорогого стоило.

Незавершенный вариант летающей лодки с таким же двигателем оказался слишком неуклюжим, и, после испытаний, его повторять не стали. Сейчас начали проектирование увеличенной модели с новым шестицилиндровым паровиком, но до постройки образца дело пока не дошло.

Увеличенный до шестиместного, первый экземпляр одномоторного парового биплана уже летает с тем же, более мощным мотором. Причем летает хорошо. Его намерены перегнать на остров Лихо. Вот тут-то и возникли у Гошки вопросы. Знал он про этот остров недоброе.

Дело в том, что крайне неудобные подходы с моря к Коктебелю — это цветочки по сравнению с тем бедламом из скал и рифов, что превращает окрестности упомянутого жалкого кусочка суши в ад для любого мореплавателя.

— Понимаешь, Кукса, — ответил на вопрос Трос, — наши разведчики с воздуха разглядели на его поверхности неплохую площадку. Потом, в качестве тренировки, морпехи высадились туда на резиновых лодках. И вернулись за оборудованием для скалолазания. Со второго раза только смогли вскарабкаться наверх, набив в стены крючьев. А потом подготовили посадочную полосу. В общем, у нас там теперь неплохой аэродром. Сложней все-

го было горючее туда забросить. Сначала только по воздуху возили, перекидывая по триста литров с авианосца, стоящего в десятке километров. Потом отыскивали фарватер, по которому в разгар прилива можно подогнать к берегу паровой катер. Понятное дело, без подъемного крана дело не обошлось, но база получилась — мечта параноика. Залез, втащил веревку — все. Никто до тебя не доберется. И не дострельнет.

— И как далеко от Гивейных островов расположена эта база? — припоминается Гошке, что остров Лихо именно в той стороне.

Достали карту, циркуль, линейку. Отлично. Уверенно в радиусе действия самолетов с этого клочка суши располагается две трети территории, на которую бритты непременно имитируют нападение.

* * *

Едва рассвело, начались погрузочные работы. В старый добрый авианосец затаскивали с берега недоделанные самолеты, грузили чертежи и всякие хитрые приспособления. Авиадвигатели и запчасти к ним. В каюты и кубрики заселялись домочадцы авиаторов, техников, аэродромных работников.

На тех ракетопланах, что показывали Гошке во второй день показа летательной техники около двух лет тому назад, снимали приспособления инициации торпед, оставляя держатели, пригодные для подвески бомб, часть которых оставляли неприятелю. Морские пехотинцы собирали по всему острову рыбаков и огородников, помогая им добраться до места погрузки на корабль.

Этот цыганский табор функционировал до вечера и завершился убитием авианосца и почти всего населения Коктебеля. Семерка паровых торпедоносцев перелетела на Лихо. Оставалась рота морпехов, сторожевик

береговой охраны и установленный на поплавках на крышу испытательного вагона гидроплан. На аэродроме и в мастерских все выглядело так, как будто ракетопланы — единственный тип самолетов, которыми тут занимаются. Они располагались и в ангарах, и в мастерских и на площадках по краю аэродрома. Их запчасти, извлеченные отовсюду, были зажаты в тисках или укреплены в станках, испачканы свежей смазкой, или надломленные валялись в мусоре. Элементы крыльев или фюзеляжей, недоделанные или уже испорченные, обрезки ткани и ведерки с клеем. Все было приведено в вид отложенной до утра работы.

Гошка рассчитывал побродить здесь еще и завтра, спокойно доводя состояние декорации до совершенства и проверяя, не осталось ли чего, способного навести британских инженеров на мысли о применении паровых или турбовинтовых двигателей в имперской авиации. А сейчас пора баиньки. На сторожевике для командора приготовили каюту.

* * *

Недолго длился отдых. Колокол прозвучал сразу после полуночи. Такой трезвон может означать только тревогу.

Собрался нарочно неторопливо, чтобы не путаться под ногами у разбегающейся по боевым постам команды. Поднялся на мостик. Темная безлунная ночь.

— Замечены маломерные суда, следующие со стороны моря через скопления скал к берегу, — доложил командир, средних лет лейтенант. — Сообщение поступило от дозорных морских пехотинцев. Угроза обнаружена с севера, а на юге замечены силуэты боевых кораблей.

Все правильно. Именно в этих двух направлениях есть выходы из неудобной Коктебельской гавани. Про-

тивник захлопнул ловушку на сутки раньше истечения срока ультиматума. Как раз за время, необходимое на приход сюда информации из столицы, даже с запасом. Следовательно, отказ Империи от передачи Соединенному Королевству Гивейных островов не вызывает у врагов сомнения. Не напрасно Трос и его ребята торопились закруглить свои дела здесь.

— Распоряжайся, лейтенант. Мое место сегодня на берегу. Не рискуй людьми больше, чем следует. Отчаянное сопротивление и героическая гибель этого корабля — важный элемент инсценировки. Так что вылетай на мель в Зюбановой Щели и уводи экипаж в лес. — Гошка скатился на пирс и увидел, как предназначенный для борьбы с контрабандистами сторожевичок, попыхивая дымком из трубы, выдвигается на позицию для открытия огня.

С гребня, на который он влетел через десять минут, было прекрасно видно, как взлетели осветительные ракеты и заговорила единственная семидесятипятка. Командоры уверенно накрывали темнеющие на воде лодки, паровые катера и десантные баржи, а из-за полосы, утыканной камнями, с чистой воды раздался залп бриттских крейсеров.

Имперский кораблик испуганно шарахнулся от всплесков, на что-то наскочил, накренился, плюнул еще пару снарядов из своей пушки и задымил. На палубе и надстройках показались языки пламени. Первый акт сыгран. Брезжит рассвет. С берега по лодкам и высадившимся десантникам ведется редкий огонь, стремительно убегают в глубь острова встревоженные рыбаки. Рядом с маломерными судами встают фонтаны разрывов минометных мин, с моря отзываются корабельные орудия, взметывая землю и камни. В поселке паника. Жители в полуодетом состоянии мечутся между строениями,

после чего убегают в овраг. За прибрежным холмом разгорается пожар.

Бриттские десантники, теряя людей, неудержимо несутся в сторону ангаров. Корабли крадутся к берегу по извилистым фарватерам. Взрыв. Кто же знал, что рыссы минировали проходы. На краю взлетно-посадочной полосы полыхает разлившееся горючее, вспыхивает стоящий в этом месте самолет. Позиция захвачена неприятелем, защитники аэродрома бежали.

Гошка карабкается на крышу вагона, где стоит гидроплан. Ниже, на платформе командир подразделения пересчитывает своих десантников. Все. Отмашка, и паровоз трогается. Командор уже в кабине самолета. Раскручивается пропеллер, и с крыши разогнавшегося поезда происходит взлет. Морпехи сойдут на конечной. Там леса и болота на многие километры. Если задумают бритты начать охоту в тех местах, тошнехонько им придется. На своем полигоне имперцы — как дома.

А гидроплан на бреющем полете уходит, огибая Полетную горку, в сторону острова Лихо. Второй и третий акты спектакля завершились удачно. Основная задача войны решена. Инженеры противника получают для копирования образцы аэропланов, настолько опасных для своих пилотов, что Ри после показательного выступления на таком стучала зубами от страха, завернувшись в одеяло. Уже после отработки и доводки каждый двадцатый полет заканчивался серьезным, как тут говорили, пропердыванием. Двигатель самоотстреливался, и пилот оставался жив, только если успевал очень быстро сбросить бобину со шнуром горючего.

Его лапушка, как он от нее все-таки добился, таких происшествий пережила три. И взялась за демонстрацию «достижений» имперского ракетопланостроения именно потому, что удачнее всех выполняла аварийные мероприятия с последующей посадкой «раздербаненно-

го» аппарата. Ну, а чего это ей стоило, он видел. Хорошо, хоть на Вальке не отразилось. Они тогда не знали еще о ней.

Так или иначе, основная цель этой войны, объявление которой произойдет примерно через семнадцать часов, Империей достигнута. А теперь надо добраться до броненосного, имени береговой обороны, дивизиона Мули Геринга. Вот ведь, прячут парня в самые тихие места, а он как-то оказывается на острие событий. Даже похорошему завидно.

ГЛАВА 46

Кругом море. Легкая облачность не мешает обзору, но смотреть решительно не на что. Только в кабине компас, высотомер, указатель скорости и часы. Еще кренометр и авиагоризонт, которые уверенно держатся на нулевых отметках. Полет проходит на высоте шестьсот метров равномерно и прямолинейно. Сто шестьдесят километров в час. Педали, штурвал, рычажки управления двигателем. Когда-то Гошка играл на компьютере «Битву за Британию». «Летал» на спитфайере. В принципе — справится, если чуть потренироваться. Только сейчас этим заниматься не стоит. После того, как схлынуло возбуждение от событий на Коктебеле, почувствовал, что полетное время должен посвятить компенсации недосыпа.

Бриттам надо ввалить, как следует. Он, командор Империи и ее же принц-консорт, шибко осерчал. Такое гнездовище научно-технической мысли раздербанили! Завоеватели... покорители... нет, нельзя себя накручивать. Голову студим, даем время на уход из крови адреналина и спокойно засыпаем. Через три часа заправка на Лихо, потом поиски дивизиона броненосцев береговой обороны.

* * *

Пока разыскивали Мулины лоханки, налетались всласть. Дважды видели дозорные корабли бриттов — легкие крейсера. Оба раза резко снижались, разрывая визуальный контакт, и уходили, зафиксировав направление движения и оценив на глазок скорость. Видели и скопление дымов далеко за горизонтом. Все это Гошка пометил на карте. А потом набрели на имперский отряд старинных броненосцев. Жалкое зрелище. Четыре менее чем семидесятиметровые утюжка шириной метров двадцать пять на чудовищной скорости, километров пятнадцать в час, не меньше, стройной кильватерной колонной следовали к бухте Надувного Мячика. Выглядело это как перемещение мобильных голубятен в соответствии с планом балаганной работы в рамках развлекательно-ярмарочной деятельности.

По расчету они должны были достигнуть цели одновременно с той группой кораблей, чьи дымы наблюдали авиаторы. Или чуть позже, тут погрешность может оказаться огромной. Дозорные же корабли бриттов гарантированно опережали рысские силы, если имели задачу начать высадку десанта в порту или на побережье. Но самое важное — то, что рыссы о войне еще не знали. Муля, конечно, парень не промах, но в информированном варианте эффективней на порядок. В общем, гидроплан сел у борта флагманского корабля и Гошка прямо с крыла перебрался на штормтрап. Мастерство пилота вызывало уважение и раньше, но тут — просто цирковой номер.

У Геринга не забалуешь. Во всяком случае, подъем выпела «Командор на борту» и восползание Гошкиной особи на палубу происходило одновременно. Встреча старых сослуживцев не была особо эмоциональной. Командир эскадрочки, выслушав информацию о начале

войны и об обнаруженных силах неприятеля, а также о предполагаемом графике стягивания в этот район имперских сил, даже в лице не изменился. Склонился над картой, прикинул что-то на расчетной линейке и повелел повернуть на четыре градуса левее.

— Пойдем-ка, Кукса, отобедаем в кают-компании. Господа офицеры не простят мне, если не будут тебе представлены. Уж потерпи. У нас на эскадре приняты старинные церемонии.

Через остекление рубки было прекрасно видно, как на полном ходу броненосцы, начиная с замыкающего, сойдясь лагом с передним, замирали относительно друг друга, выровняв скорость. И в этот период с борта на борт перескакивал человек, удерживаясь за спущенную сверху веревку. Маневр выглядел обыкновенно и заштатно. Ну, перешел человек с корабля на корабль. А вообще-то хорошо, что для сбора командиров нет нужды стопорить машины и спускать на воду гребные суда. И без остановок скорость не радует.

А вот вооружение этих кораблей вызывает изумление. По паре одноорудийных башен стомиллиметровок смещены к бортам на баке и юте. Конечно, это те самые замечательные орудия, что применяются на миноносцах семисотой серии, скорострельные, дальнобойные, однако для броненосца таких габаритов явно слабоваты. Не совсем понятно, почему дымовые трубы тоже расположены у бортов и что за конструкция вытянута от надстройки до кормы, укутанная брезентом и подвешенная к поднятым высоко над палубой поперечным балкам.

Когда флагман эскадры представлял гостю командиров остальных кораблей отряда, прибывших посредством перелета на тарзанке, а также господ офицеров, Гошка мучительно переживал голодные спазмы, возникшие у него при виде накрытого стола. Он сегодня даже не

завтракал. Пока Муля растолковывал подчиненным международную обстановку и задачи дивизиона, гость находился на грани голодного обморока. Наконец! Можно браться за ложку. А хлебушек здесь режут слишком тонко.

* * *

Ну вот. Сигнальщик доложил об обнаружении неприятеля. Броненосцы береговой обороны перехватили в открытом море пятерку бриттских дредноутов. Тех самых, спроектированных в Рыссии, построенных риканами по выкраденным чертежам, и плененных у Рейсфедера, проданных джаппам и захваченных в проливе Хель, снова проданных франам, и опять полученных назад по условиям мирного договора, и в очередной раз проданных будущему противнику.

Перебрав в голове все зигзаги судьбы этих грозных кораблей, Гошка отметил, что император, кажется, слишком увлекся своей затеей перепродажи трофеев. На этот раз его хитрости сработают против имперцев.

— Разрешите открыть огонь, командор? — Это Муля стоит рядом с Гошкой на наблюдательной площадке, расположенной в тридцати метрах над палубой.

— Извольте, герцог. — Нарочитая чопорность обращения друг к другу, принятая здесь, даже слегка умиляет. А почему бы и не поерничать немного за часок до гибели. Кругом открытое море. От врага не убежать и не спрятаться. До темноты еще очень неблизко, а шансов на то, что стомиллиметровый снаряд, пролетев двадцать километров, во что-нибудь попадет, совсем мало. Да и долетит ли?

Команды, сигналы, дивизион дружно поворачивается к неприятелю кормой, выстраивая четкую линию. Какая-то веревка перелетает с борта на борт и, наконец,

натягивается между наблюдательными площадками максимально отстоящих друг от друга кораблей.

— На таких дистанциях дальномерная база должна быть солидной, — комментирует Муля. Гошка ни во что не вмешивается. Сообщаются углы, трещат арифмометры, данные для стрельбы на грифельных досках повернуты в сторону ведомых.... И от палубы отрывается конец ферменной конструкции.

Упершись в него взглядом, Гошка понимает, что гибнуть сегодня он, возможно, не станет. Трехсотмиллиметровая пушка с составным стволом приподнимается канатами, переброшенными через блоки, закрепленные на кормовых арках. Угол горизонтального наведения градусов десять, не более. Само чудовищное орудие в ажурной ферменной обвязке выглядит неестественно длинным.

Залп. Такое впечатление, что корабль получил разновесного пенделя. Проходят секунды, много секунд, и вокруг головного дредноута взмываются фонтанчики. На таком расстоянии разглядеть что-либо толком не удается.

Снова многоголосица перечисления цифровых значений, команды, сигналы, залп. И фонтанчики. Все четыре уродливых броненосца, притворившись береговой батареей, продолжают свою работу с ритмичностью парового молота. А Гошка думает о неприятельских крейсерах сопровождения. Где-то ведь должна быть группа. Ага, сигнальщик докладывает о том, что левее несколько летающих объектов...

Приникнув к окулярам бинокля, командор видит, как семерка крошечных бипланов, стремительно снижаясь, исчезает за линией горизонта. Нет, двойное крыло самолетов с такого расстояния не разглядеть. Важно, что их именно семь. И нет сомнений, что в кабине одного из них сейчас Трос. А тут очередной залп. И по ушам

бьет, и решетчатая башня надстройки взбрыкивает под ногами. Впрочем, продольная качка затихает быстро. Бриттские дредноуты начинают маневр. Их сигнальщики, в лучшем случае, видят сейчас только площадки на вершинах чудовищных по своей безобразности надстроек броненосцев береговой обороны.

Неприятель меняет курс. Стрельба прерывается. Пауза. И снова залп. Это артиллерийский офицер дожидался момента, когда неприятель покажет наибольшее сечение — повернется бортом. А ведь всего один всплеск виден. Это сразу три попадания во второй корабль кильватерной колонны.

Снова залп. На этот раз доклад только об одном попадании. А ведь бритты поворачивают последовательно, что для имперских комендоров и означает последовательную смену цели. Залп. Вообще даже не плеснуло. Нет, так не бывает. С такой дистанции уложить в цель все до одного снаряда невозможно. Залп. Залп. Залп. Дробь.

— Отогнали супостата маленько, — улыбается Муля. — Мы ведь со стрельб возвращаемся, так что в погребках негусто. Надо к Мячику бежать, пополняться.

Гошка кивает. Все дружно делают вид, что он тут главный, хотя его воздействие на ситуацию было нулевым. И гидроплан сбрасывает вымпел на палубу.

* * *

Выяснилось, что Трос уже загнал под воду оба обнаруженных гидропланом легких крейсера. За два года мастерство пилотов было отточено с учетом опыта единственной проведенной ими атаки на транспорты нидерландов. По паре торпед в каждый борт, с подлетающих на бреющем полете четырех торпедоносцев в момент, когда три других пытаются одновременно с трех сторон зайти на бомбометание, это абсолютно не по силам ар-

тиллеристам, привыкшим к отражению нападения кораблей, которые меняют положение в пространстве по другим правилам. Конечно, данный сценарий не единственный отрепетированный парнями, но тут он сработал два раза подряд.

А вот теперь в кабинете капитана порта Надувного Мячика собрался штаб обороны Гивейных островов. Самым неприятным открытием для Гошки оказался тот факт, что он тут — старший по званию. Дивизион обветшавших от древности броненосцев с чудовищными орудиями, три сторожевика береговой обороны, не объединенных единым командованием, и авиационное соединение, вынужденное сесть на пляже, поскольку после утопления второго бриттского крейсера горючего до дому им не хватало. Остатки скипидара слили в баки одного самолета, который с корзинкой выпелов немедленно помчался уведомлять население окрестных островов о начале большой войны. Строится нормальная взлетная полоса, к которой на руках перекачиваются аэропланы.

Через сутки подтянется рота морпехов от гряды Сушенных Черепов. Еще одну роту через пару суток доставят сторожевики, которые при поддержке авиации навешиваются на Коктебель. Наверняка бритты уже вывезли оттуда все, что можно, и потеряли к нему интерес. В баки самолетов заливают оливковое масло, которого, оказывается, в этих местах тоже производят немало, так что остается ждать результатов разведки и подхода подкреплений.

А в голове у Гошки уже включился арифмометр. Прикидывая тонны и километры, соотнося просторы морей и океанов, он вдруг пришел к выводу, что затяжная война для бриттов — сплошное разорение. А для рыссов — просто смена места дислокации нескольких соединений. Не даром, конечно, это обойдется, но цифры несо-

поставимые. И ведь никто не звал, сами вляпались. Ладно, стратегия маленько погодит. У него три изрядных острова, равно доступных со всех направлений. С незавершенной сетью железных дорог, лишенные береговых батарей и гарнизонов. Население, правда, вооружено и настроено решительно, а потому его необходимо немедленно отвести от береговой линии за пределы действия корабельной артиллерии.

О Посейдон, за что ему все это? Почему нет рядом ни опытного Колена, ни всезнайки Ри, да хотя бы деды, который...

— Трос, отсюда до столицы на чем-нибудь можно долететь?

— С пересадкой на Лихо. Если в новый почтовик вместо груза и пассажиров взять топлива, то дотянет.

— Тогда готовь гонца. Сажусь писать донесение. Нам тут много чего потребуется, да и сведений отсюда в штабе ждут.

— погоди, Кукса, я планировал сначала техников с Лихо сюда перевезти.

— Раз планировал, так перевозки, нам здесь сейчас без твоих леталок совсем труба будет.

* * *

Полтора дня происходило формирование обороны на островах. Авиация обшаривала окрестное пространство и направляла броненосцы береговой обороны встречать гостей. Визитеры возвращались восвояси, впечатленные самым активным приемом. Впрочем, один броненосный крейсер, решивший подвергнуть бомбардировке сразу три поселка сборщиков каучука, Муля отправил на дно. Было точно известно, что население оттуда выведено, поэтому неприятеля подпустили поближе. К счастью, пострелять по берегу бритт даже не успел.

Увы, наскоков с разных сторон было слишком много, и деревни Консумаровку, Заяковку и городок Коркин вражеские артиллеристы сровняли с землей.

Людей там, конечно, не было, но трудов человеческих жалко. А потом замкнулась цепь наблюдательных постов — огромных деревянных вышек, торчащих на десятки метров над кронами могучих гивей. Берега-то у островов низменные, естественных наблюдательных пунктов на них нет. Все строили в пожарном темпе. И не было оптики, катастрофически не хватало опытных сигнальщиков. На площадки взгромоздили школьные телескопы, а семафорную и световую азбуки и флажковые сигналы школьники расписали от руки на цветные плакаты и, заглядывая в эти пособия, неопытные наблюдатели могли хоть что-то сообщить на соседний пост.

И, наконец, Колен привел два броненосца, броненосный крейсер и пятерку эсминцев. Гошкино послушание кончилось.

* * *

В адмиральском салоне ярко горят свечи. Колен, Гошка и Муля потягивают ароматное бренди из пузатых бокалов. Гошка только что изложил идею размещения береговых стовосьмидесятимиллиметровок на железнодорожных платформах и ускорении формирования транспортной сети островов. Для реализации полного прикрытия этой земли от угроз с моря необходимы только восемь километровых тупичков и дальномеры на уже сооруженных вышках. И, конечно, сами пушки и пушкири. Почему-то вспомнился лейтенант с Мэйфлауэровой батареи. И взгляд, которым он осматривал берег тогда, когда речь зашла о высотке, перекрывающей часть сектора обстрела. Есть подозрение, что высказанную тогда мысль об установке орудий на подвижные платфор-

мы он, как минимум, опробовал. Или Гошкино озарение о всеобщем царизме, господствующем в Империи, было слишком смелым?

А вообще-то они прощаются. Гошке предписано возвращаться в столицу. Так повелела царствующая особа. Соскучилась маленькая. А бритты уже третий день не обнаруживаются на пределе радиуса полета разведчиков.

ГЛАВА 47

Начало лета на морском берегу к востоку от Цалта — главной базы Императорского флота. На тихих пляжах теплый песок. Море уже ласково, а в рыбачьей деревне есть просторная комната. В мелком море и на мокром песочке Валька то мокнет, то сохнет в компании Турсулки, дочки внучки домохозяев, чьи имена Зиновий и Зинаида. Ближний пригляд за этими карапузицами, только что начавшими ходить, осуществляет Санька с молочной фермы, что за холмом. Ей лет пять. По утрам она приносит бидончик молока, сметану и творог и остается на весь день. Вечером за ней заходит старшая сестра, которую она зовет мамой.

Гошка и Ри валяются под навесом метрах в пятнадцати от места, на котором из песка возводится невнятное сооружение. Принцесса дошивает детям пелеринки от солнца, а ее командор подремывает. Ночью они с внуком хозяев рыбачили в проливе, потом перекладывали улов в ящики и заталкивали в рефрижератор. Но кемарь сегодня не приходит. Вот, после обеда желудок надавит на глаза...

Гошка, при полном молчаливом согласии жены, вытаскивает из портфеля несколько листиков — распечатанные письма, что утром доставил ей фельдъегерь.

— Рядовой Петров при высадке на берег зацепился

фляжкой об уключину. Ремень лопнул, и были утеряны подсумок с обоймами и нож, — прочитал он вслух с произвольного места

— А фляжка? — удивленно среагировала Ри.

— Была неполная и всплыла. Помялась, но виновник обещал выправить.

— Это что, все наши потери? — Супруга еще не читала этот документ, но на конверте помечено, что здесь доклад о высадке десанта на остров Стассин.

— Ну, морпехи не заходили в зону поражения оружия неприятеля, — недоумевает Гошка. — Они обошли его позиции по берегу, а потом воздействовали на них минометным огнем.

— И что, бритты сразу сдались? — Ри ножничками перерезает нитку.

— Нет. Пытались выбить наших, но снайперы покосили атакующих.

— И что?

— Стали разворачивать пушки в сторону берега. И тут по ракете, выпущенной со стороны прибрежных зарослей, с моря подошел сторожевичок береговой обороны Империи. Бритты сложили оружие.

— Знаешь, Игорек, — Ри быстро пробежала глазами весь текст, — каждый раз, читая такие повествования о блестяще проведенных многоходовых комбинациях, я почти плачу оттого, что ты родился не здесь. Командир морпехов был рядовым в Мясорубке, а сторожевиком командовала Бригиттка, которая получила гайкой по локтю, когда ты гвоздил первого своего «Чигана» на подходе к главной базе. И ценой помятой фляжки, ножа и нескольких утеранных обойм они начистили пятаки личному составу береговой батарее, успевшей не только подготовить позиции, но даже окруженному своей собственной окопавшейся пехотой.

Этот опыт уже изучают в армии и на флоте. Ума не

приложу, как называется курс, но слова «стиль Куксы»... — Супруга не договорила, посмотрев за Гошкину спину.

Он тоже оглянулся. Вдали поодаль от обсушки, где песчаный пляж смыкался с кустарником, маячила неуклюжая фигура в бесформенном балахоне.

— Наверняка это моряк, изувеченный в одном из линейных сражений, — в голосе принцессы отчетливо слышны слезы, — старается не попадаться людям на глаза. Наверняка одна нога деревянная, а уж лицо, точно, лучше никому не видеть.

— Думаешь, живет отшельником на свою пенсию?

— Тупой ты, Кукса. Нет в Империи пенсий, ведь который год ты среди нас, а все еще ничего не понял. Постоянно от тебя одни хлопоты.

Гошка замер. Кажется, его маленькая женушка сильно взвинчена. Что-то подобное на его памяти было у него. Кажется, Дуняша примерно так же набросилась ни с того, ни с сего.

Примолк. Задумался. Действительно, не нужны жителям Империи пенсии. Работают сколько хотят. Или сколько могут. Не видят разницы. Вот Го, вернулся из своей отлучки, перечитал гору донесений, а потом выдворил их обоих в отпуск со странными словами, что-то типа того, чтобы не смели ничего делать, пока он «хвосты за ними не зачистит».

Нет, Гошка почти три дня выдержал на этом самом топчане, а потом напросился с рыбаками на ночной лов. А супруга, похоже, начинает перегреваться от незначности.

— Ри, пока мы тут не слишком озабочены, может, изложишь мне вкратце те принципы, на которых в Империи все организовано?

— Какой же ты все-таки тупой. — Теперь в ее голосе даже слышится ласка. — Давай опять начнем сначала. Итак, принципы — это шаблоны, стандарты поведения.

А разум людям дан для того, чтобы наилучшим образом использовать ресурсы любой ситуации. Творчество, анализ, перебор возможностей и поиск наилучших вариантов для решения все той же основной задачи — поддержания популяции. И, поскольку неизбежны ошибки, требуется немедленное их обнаружение и устранение. Но это — не принципы в привычном для тебя понимании. Это, если хочешь, приемы решения задачи. И, как только условия меняются — необходимо менять и эти самые приемы.

Ха! Разговор вошел в конструктивное русло. Ну-ка, подразним любезную, переключим ее внимание.

— Система управления в нашей Империи, конечно, интересна, только вот очень уж уязвима изнутри. Если к власти пролезет товарищ с другой системой ценностей, все у нас накроется медным тазом. — Это для затравки так, порезче.

— Все системы уязвимы, и особенно изнутри. Негодный управитель легко доведет до ручки многовековую империю даже не действиями, простым чувством собственного самодовольствия. И для того, чтобы этого избежать, необходимы мощные обратные связи, — Ри уже переключилась в режим вещания. Успокаивается, знать, ее душенька. — И мощнейшим препятствием на пути этих связей является социальный статус. Как только человек возвышается, он сразу теряет информацию о реальном положении дел. Появляются докладчики, желающие повышения собственного статуса, и доклады начинают служить уже их интересам, люди ведь умны.

— Погоди, радость моя, ты что же, утверждаешь, что вы тут не просто играете в высочайшую простоту, а делаете это всерьез? — В таком ключе Гошка этот вопрос не рассматривал.

— Не только всерьез, но еще и последовательно и методично. Между руководителем и объектом руково-

дства не должно быть препятствий, даже если это просто традиционная формулировка обращения подчиненного к лицу начальствующему. Конечно, дошли до этого не сразу, но лет пятьдесят уже практикуем.

— Постой, Ри, если так, то страна превращается в однородную среду...

— Не продолжай формулировать это заблуждение. — Супруга уже не лежит, и даже не сидит, а расхаживает между топчанов. — Пирамидальную систему сбора информации и раздачи команд никто не отменяет, как и ответственность руководителя за принятое решение. Нет, ну не знаю я, как тебе втолковать! Ты же все видишь своими глазами!

— Так, постой. Ответственный руководитель может лишиться себя заслуженного статуса только одним путем. Собственным волевым усилием. Ведь всегда в его распоряжении больше возможностей, чем у тех, кем он руководит. И вопрос об использовании этих возможностей никогда в истории человечества не решался в пользу интересов популяции.

— Стоп. Я должна записать. — Принцесса быстро достает из портфеля блокнот и карандаш.

— Ты чего?

— Извини, но эту мысль до нас доносили полчаса. Ты же ее сформулировал одним предложением. Небезупречно, конечно, но принцип подметил правильно.

Короткий перерыв в диспуте завершился. Принцесса захлопнула блокнот. Но Гошка еще не закончил. Есть у него вопросик.

— Про качество человеческого материала ты мне уже объясняла. Но ведь есть в человеческой натуре свойства, заставляющие его стремиться к превосходству над другими. Больше иметь — чаще всего. И те, кто желает этого сильнее — более активны. За счет этого они обыч-

но и оказываются в выигрыше. — Удачно он сформулировал, у супруги даже зрачки сузились.

— В человеческой натуре очень много разных свойств. И стремление к сохранению популяции прослеживается во всех культурах, как забота о детях. — Ри явно ложится на боевой курс. — А вот стремление доминировать обычно проявляется при дефиците ресурсов. Кроме обеспечения нормальных условий жизни, про которые, как ты заметил, никто не забывает, на пути данного свойства можно поставить только знание этой особенности психики всеми членами общества. И, пойми, его не следует подавлять. Оно необходимо обществу как воздух. Без него конструкторы и ученые превратятся в ремесленников, а военачальники будут послушно гнать на убой своих солдат, выполняя приказы сверху.

В общем, дружок, кончай меня терзать. Для общего сведения тебе следующее утверждение: то, что ты наблюдаешь в Империи, — плод деятельности человеческого разума, двух сотен лет целенаправленного труда и тысяч сделанных и исправленных ошибок. Сам ты уже участвуешь во всем этом и практически, и как теоретик. Папа нас выпроводил греть животики на солнышке не просто так, а услышав твой тезис о царстве царств. Это, кстати, тоже ранее не формулировавшаяся мысль.

Так Гошка и не понял, успокоил он любимую или, наоборот, довел до состояния боевого испуга. Кажется, это еще называется транс. В любом случае, хватит на сегодня ученых разговоров. А куда это она все время поглядывает? Фигурка неподалеку от кустов, что поглядывает в сторону моря через бинокль. Метров триста до него, или поболее. И Ри как-то тревожно выглядит.

— Отнесу мужику кисточку винограду, — сладкий, прошлогодний, слегка подвялившийся, он аппетитно лежал на тарелке.

— Воды захвати, после сладкого ведь пить захочет, — соглашается Ри.

Вода не здесь. Двинулся к строениям, отлил из кувшина в кувшинчик и тропой вдоль берега подошел к месту, где сидел человек в балахоне..

— Привет. Отведай винограду, — сел рядышком, подал на колени тарелку. Рука обожженная, словно из горна, выскользнула из широкого рукава. Отщипнула ягодку и — под занавеску широкополой шляпы. А ведь видно, что лицо тоже обожжено — смотреть не хочется. И, похоже, глаза нет. Опять же из штанины башмак торчит на деревяшке.

— Я Кукса. Заехал сюда погреться на солнышке, пока навага ловится. — Неудобно молчать. А парень молчит.

— Говорить трудно после ранения? — Гошка присаживается рядышком на песок и тоже отщипывает ягодку.

— Могу, хотя, конечно, не оратор. — В голосе человека сквозь присвистывания слышны и очень молодые нотки. И не ощущается желанья обсуждать свое увечье. — Сладкий виноград, спасибо. — Собеседник неспешно лакомится, а Гошка подносит к глазам захваченный с собой восьмикратник. Паруса удаляющейся шхуны, дымок парохода, труба которого только что появилась из-за горизонта. Оживленно нынче на море.

— Я сигнальщиком служил, — не теряет он надежды обменяться с этим молчуном хотя бы парой слов, — ракурс отсюда непривычный, низко. А вообще-то нездешний, на другой планете родился.

— Пришелец, значит. И как тебе у нас? — Парень не обрывает разговор, но поддерживает его скорее формально, из вежливости, давая возможность говорить собеседнику.

— Интересно, но необычно. — Еще одна ягодка кладется в рот. Но пауза продолжается, и приходится самому ее заполнять. — А ты бывал здесь раньше?

— Давно.

Вот так. Коротко и как-то ни о чем.

— А Санькину мать тебе видеть не приходилось? — Это уже совсем в никуда вопрос, просто, чтобы не молчать.

— И ты видал, она ее по вечерам отсюда забирает. — Собеседник продолжает угощаться виноградом.

— А я думал, что это сестра. Уж очень молоденькая.

— Она и была совсем ребенком, когда родила. Просто рано созрела, и не понять было, что еще не взрослая.

Остатки винограда доели молча. У Гошки возникло крепкое подозрение, что мужик этот девчонке Саньке совсем не чужой. Боится испугать дочку. И к ее матери не подходит по сходной причине. Он ведь действительно выглядит... неважно. И вот как тут быть? Хранить его тайну? Или... ну он же не колокол громкого боя.

* * *

Своей догадкой о личности «отдыхающего» поделился с Ри только после обеда.

— Козел он, этот Веник. Танька его оплакивает уже пять лет, с тех пор как проводила на войну, а он подсматривает из-за кустов. — И стало ясно, что секрет увечного сохранен не будет.

— Так пугать ребенка не хочет, и Татьяна тоже, неизвестно, как еще его примет, — оправдывает парня Гошка.

— А вот как примет, так и примет. В четырнадцать лет дочурку ему выносила и родила, наверно, неплохо к этому идиоту отнеслась тогда. Не знаю, как сейчас отнесется. Я бы — убила.

Что-то сегодня любезная легко заводится. Не иначе, начинается для мужа пост. И вообще, день какой-то необычный. Точно! Он мужика подвел. Нарушил человеку планы, не получится у него теперь пострадать в одино-

честве. Хм. Хорошо это или плохо? Надо же, за столько лет впервые задумался над тем, правильно ли он поступает. Похоже, это признак того, что сжился он с местными реалиями, не наблюдатель со стороны, а один из жителей Посейдонии, подданный самой настоящей Империи, которая очень ему дорога. Или сомнения в правильности своих поступков — веха на пути взросления?

— Ри. А поскольку от дел мы с тобой отлучены, как полагаешь, не стоит ли нам поехать в те места, где сейчас на самолетиках летают? Мне бы пилотированию поучиться стоило, да и ты, кажется, нуждаешься в восстановлении навыков.

Наконец-то на лице супруги мечтательное выражение.

ЭПИЛОГ

Патрулирование — занятие скучное. Море внизу, небо вокруг и приборная панель перед глазами. Монотонный звук устойчиво работающих двигателей убаюкивает. Но нельзя терять бдительности, поэтому, время от времени, приходится перебрасываться словечком со штурманом, угнездившимся за остеклением в самом носу, и с наблюдателем, оглядывающим заднюю полусферу.

Этот самолетик Трос «срисовал» с Пе-2. Правда, турбовинтовые двигатели дают ему небольшой выигрыш перед прототипом в скорости и дальности полета. И обилие примененных стальных деталей немного перетяжелило цельнометаллическую конструкцию. Алюминиевые сплавы только в обшивке. Зато бомбометание с пикирования дает блестящий результат. И четыре противокорабельные сорокакилограммовые бомбы, расположенные внутри фюзеляжа, совершенно не влияют на динамику машины, пока не открыт люк.

— Плановый поворот на курс восемьдесят через минуту. — Голос штурмана в переговорном устройстве.

— Принято, поворот на курс восемьдесят через пятьдесят секунд, — откликается Гошка.

— Ракета черного дыма по азимуту сто двадцать три, — вдруг вмешивается наблюдатель в обмен ритуальными фразами.

— Ворочаем на курс сто пятьдесят, — откликается командор и, выполнив вираж, немного опускает нос и заметно увеличивает обороты двигателей.

Все верно, высотный разведчик, подавший сигнал, они перехватывают. Он идет много выше, тысячах на пяти метров, но это даже удобно, поскольку выпущенная им ракета белого дыма четко видна. А то, что она единственная, означает, что до обнаруженной цели недалеко. Это неудивительно. После подачи первого сигнала прошло немного времени, а разведчик тихоходен.

Бомбардировщик поворачивает по направлению ухода не долетевшей до водной глади ракеты, справа виден штрих еще одного самолета, значит, черное облачко заметили с другого патрульного. По раскладке — восемнадцатый борт лейтенанта Ярика. Тогда работа по сценарию парной атаки. Ага, есть визуальный контакт с целью. Старый знакомый крейсер типа «Тарио» бежит под бриттским флагом тревожить имперские коммуникации в окрестностях Ендрика. Противник начал покупать старье у рикан, добрый знак.

Самолет — это даже не миноносец. Совершенно иной темп. С трех тысяч Гошка сваливает машину в пике. Корабельные артиллеристы пытаются дотянуться до него, но в зону уверенного поражения он входит и не пытается. Отворачивает, выполнив полвитка вялого штопора, и выравнивает полет. Вираз с потерей высоты и новый заход на цель на бреющем полете.

Ого, главный калибр расчехлен и стволы быстро поворачиваются в его сторону. Пора уносить ноги.

А с кормы на крейсер заходит Ярик. В его сторону тоже тянутся трассы пушечных очередей. Бритты позаботились и о зенитной артиллерии, и о выучке расчетов. Так что восемнадцатый тоже отворачивает. Гошкина очередь. Он потратил время на набор высоты и теперь заходит на бомбометание на четырех тысячах метров. Вспухают клубы воздушных разрывов, пора уходить.

Нескольких минут имитации атак оказалось достаточно, чтобы до командира крейсера дошла мысль о том,

что он обнаружен и в покое его не оставят. Тем более на смену Ярику подтянулся одиннадцатый борт. А когда по количеству оставшегося горючего место боя покидал Гошка, «Тарио» уходил обратно на север, отчаянно дымя всеми трубами. Похоже, в топки плеснули масла.

* * *

Разведчика на обратном пути он опередил. Тихоходная этажерка, напоминающая знаменитые бомбовозы Сикорского времен Первой мировой, летала высоко, долго, но медленно. Так что до аэродрома дошел раньше минут на десять. Посадка прошла штатно, а в столовой народу почти не наблюдалось. Техники готовили очередные машины гонять по морю обнаруженный рейдер.

— Эсфирь, а почему на площадке только один торпедоносец? — Штурман начинает расспрашивать официантку. — Они что, решили этого несчастного всерьез атаковать?

— Нет. Перебазируются на юг. В Китовое Поле провался крейсер, вот его точно топить будут. — Девушка расставляет сковородки с яичницей. — Вы уж извините, тут нынче все в дорогу собирались, так что с нормальной едой мы не успели. А пилоту этого борта коронку на зуб ставят в пожарном темпе. Он через три часа вылетит и догонит свой авианосец на выходе из пролива.

Пока обсуждаются аэродромные новости, Гошка в окно наблюдает за посадкой разведчика. Можно снимать учебный фильм. Ри вообще пилотирует классически. И сейчас пробег заканчивается точно у поворота на рулежную дорожку. Вот и Валька из школы пришла, и детский сад прибыл в столовую для приема пищи. Все семейство собирается. Война войной, а режим соблюдать нужно. И Митенька, и Петенька вполне самостоятельные мужчинки, с ложкой управляют уверенно. Ха,

это для взрослых на скорую руку готовили, а у деток пища добротная.

Валька устраивается на лавке рядом с мамой и сразу вцепляется в ее портфель.

— Ты опять брала с собой в полет бумаги? Там что-то интересное есть? — Вот ведь неумный ребенок. Все-то ей любопытно.

— Есть. Отчеты риканского шпиона, который прожил у нас целых двадцать лет. Я тебе закладки сделала. — Ри совершенно не возражает против того, чтобы семилетняя девочка ознакомилась с содержанием документов государственной важности прямо тут, в столовой, где присутствует масса людей.

— Ой, а они по-рикански, — надувает губки дочка.

— Вот именно, — коварная мама ехидно улыбается, — и читать их нужно вслух по-рыски, чтобы я могла указать тебе на ошибки.

Такая задача первокласснице явно не под силу, эта мысль читается на лицах окружающих и наполняет Гошкино сердце острой жалостью к дочурке, которую подстерег такой облом. Однако...

— Дома свои рыссы строят из кирпича, так что снаружи и изнутри стенка плотная, а внутри — из пористого пемзы...

— Пемза женского рода, — поправляет Ри.

— ...пористой пемзы, отчего дров на отопление нужно мало, а внутри так тепло, что ходят дома они в легкой одежде. Стекол в окнах три, и древесину для рам они сушат два года, а потом пропитывают, незнакомое слово, и опять долго сушат. Поэтому она долго служит и не, снова незнакомое слово.

— Не деформируется, — подсказывает мать, — то есть не разбухает и не изгибается. Не теряет формы и размера, вот что означает «не деформируется».

— В домах этих не бывает пожаров, от которых стра-

дают наши города, потому что в них мало вещей и пищи для пламени. Перекрытия сделаны из бетона, кровля из железа, а все деревянное обработано так, чтобы плохо загоралось. Зато в них просторно и легко дышится.

Строят таких домов много, поэтому на всех хватает. А поскольку так повелел государь, значит, дело это — за казенный счет. Значит, государство должно быть бедным, раз столько средств тратит на жилье для рабочих людей, хотя у нас и состоятельный горожанин такое не имеет.

Ребенок остановился перевести дух. В столовой тишина.

— Ты, Валька, давай, чеши дальше. — Это из двери кухни посудомойка.

Ребенок переворачивает листы по следующей закладке.

— Женское белье для ношения зимой состоит из мягких штанов и рубашки с рукавами. Оно уродливое и совсем не радует глаз человека. Но оно теплое, и рыские женщины не простывают. Они носят мало украшений, но сильные и смелые.

— Нет, Валюша, не с этого места. — Ри не собиралась давать малышке читать описание достоинств женщин глазами мужчины.

— Про то, почему они так живут, говорят, что так велел Император. Такие порядки он завел в своем имении, а управляющих, которые воровали или плохо вели дела, прогнал. А потом от других господ приходили к государю люди, и он их принимал и кормил и заставлял много работать. А у кого людей оставалось мало, тех господ от земли прогонял и забирал себе их землю.

Мама, тут очень сложно предложения построены. У меня получается коряво. — Валюшка чуть не плачет оттого, что фразы складываются, будто лепет младенца.

— Нормально выходит, все понятно. — Это штурман

разведчика. — Давай дальше. Интересно ведь, что басурманы про нас думают.

Валентина вздыхает и продолжает:

— Люди благородные и богатые, которые делали, как государь, остались богаты, а остальных или убили смерды, или государь заставил себе служить. А люди, которые остались богаты, тех государь заставил служить.

— Это, выходит, совсем дармоедов извел, — констатирует воспитательница, забывшая увести группу из столовой. Впрочем, детишки, которым все это слушать неинтересно, заняты апельсинами. — А на уроках истории нам про этот период сложнее рассказывали. Там и попыток дворцового переворота штук пять было.

— погоди, Зиночка, наверно, просто до этого Валя еще не дочитала.

— И с той поры запретил государь носить богатым дорогую одежду и есть не то, что едят их работники, — продолжает дочь.

— Не, ну совсем ленивый шпион эту бумагу составлял, — не выносит душа наблюдателя с восемнадцатого борта. — Это же лет двадцать пять прошло между событиями. Он что, не мог взять в околотке учебник для седьмого класса и переписать?

— Не стоит недооценивать этого человека, — вмешивается Ри. — Документ адаптировался для восприятия людьми, выросшими в других условиях. которым нужно, чтобы все совпадало с их привычными оценками. Не сумел этот парень кратко изложить историю двух сотен лет проб и ошибок. Зато оценил упорство, с которым царствующая фамилия и горстка людей; близких им по духу, превращали страну в сбалансированный организм, способный и справиться с собственными недугами, и крепко огрызнуться на попытку отщипнуть от него кусочек.

Правда, для этого пришлось непрерывно расширять

круг единомышленников, превращая все население из заложников упорства монарха в его сподвижников.

Ри обвела взглядом собравшихся.

— Ладно, Валя, на сегодня достаточно. От себя добавлю, что шпион этот черновики всех своих докладов притащил своему околоточному и сдался. Он как раз получил предписание резидента возвратиться домой, но не захотел.

* * *

Чтение закончено. Народ рассасывается по делам. Даже Валька усвистала к дяде Тимохе, который обещал открыть ей тайну жиклера.

— Особенно много потрачено на санитарию и лесоустройство. Правда, все, что за полвека вырублено, пока восстановить не успели, но процесс запущен, — продолжает Ри разговор, начало которого Гошка пропустил, задумавшись о жизненных перипетиях. Они идут домой, отдыхать после вылета, оказавшегося боевым. Но портфель с бумагами супруга в столовой не забыла.

— А жилье строим прежними темпами? — Гошка помнит, что в России этот вопрос оставался большим всю его жизнь, и родители его тоже помнят про свою.

— Нет, темп сейчас ниже. Народ просится в особнячки с землицей, чтобы садик-огородик развести, так что эти бараки мы тиражировать перестали.

«Это она про таун-хаузы», — понял Гошка.

— Книжки детские печатаем с цветными картинками...

— Ри, как мы жили эти годы?

— Регулярно. Ты, наверно, заметил результат? Да очнись, о чем задумался?

— О государственном устройстве, о связях, причинах и следствиях. Ведь если лет через пятнадцать тебе братья за державное кормило, так и мне хоть что-то в этом нужно понимать.

— Ох, и непросто это, Игорек. Пока доминируют вопросы обороны, все ясно. Есть чем оправдать аскетизм общества, легко убедить правящую верхушку не кичиться состоятельностью. Военные расходы маскируют все просчеты, допущенные при планировании. А вот дальше беда. Дело в том, что бритты, похоже, вот-вот отдадут нам все, что потребуем, лишь бы примириться. Рушится их колониальная империя. Кусочек за кусочком откалывается, доходы падают, расходы растут, долг увеличивается. Казна Рыссской империи уже скупила двадцатую часть предприятий Бриттии, обеспечила их заказами и процесс продолжает нарастать. Галлы, тугалы и джаппы вступили с нами в союз о дружбе и взаимовыручке, так что нападать на нас просто некому. Нидеры подсели на поставки каучука с Гивейных островов.

И количество материальных благ на каждую душу нашего не самого маленького населения в ближайшие годы будет быстро нарастать. Мы в панике. Как только потребление начнет увеличиваться — вылезет на свет материальное неравенство, в людях проснется зависть, появятся недовольные.

— А потом возникнут демократические настроения, поднимет голову пресса, — продолжил ее мысль Гошка.

— Вот и соображаем, как наладить теперь процессы так, чтобы не расстроить размеренный уклад. Рабочий день уже сократили до шести часов, перешли на пятидневку, так людям заняться нечем. Началось пивоварение, самогонку делают, вина ягодные ставят. Хлеба вдоволь, а зрелищ не припасено. Необходимо интересное научно-техническое направление, которое позволит привлечь несколько тысяч творческих личностей, в авиацию много людей подается. А для того, чтобы занять всех, таких сфер нужны сотни. Где их взять? Ну и самим людям не все интересно. Они ведь разные.

Правильно ты тогда рассудил. Эта война только делает нас сильнее, ослабляя неприятеля с каждым днем.

* * *

Еще Гошка удивился, что мальчишки очень охотно улеглись и, после сказки про лису и петушка, быстро уснули. Никогда бы не подумал, что будет баюкать сыновей сказками. Дочка уже все делает сама. И отключается, как только голова ее касается подушки. А вот супругу он сегодня намерен... но сначала полагается поговорить.

— Знаешь, Ри, на Земле в своей стране я жил в эпоху перемен. Правда, для меня сама эта эпоха была привычна с момента обретения самосознания. Но, по отзывам старших, знаю точно — если нет уверенности в завтрашнем дне, то так становится тошно.... В общем, даже не представляю себе, что бы такое придумать, чтобы сгладить потрясения. То, что ты перечислила — все верно.

— То, что организатор из тебя никудышный, понятно. Что к систематическому труду ты пригоден, пока увлечен, очевидно. Но ведь на разные придумки толку у тебя хватает. Вот и напрягись. Сообрази, как нам наступающим изобилием не подорвать мобилизационную готовность страны. И учти, любые законы действуют только тогда, когда уже сложились по жизни, так что не рассчитывай на то, что можно просто приказать, и дело в шляпе.

Гошка с любопытством посмотрел на супругу.

— Как-то я не вполне понимаю, что тут такое выдумать. Не въезжаю в тему, как у нас говорили.

— Видишь ли, в любом обществе всегда есть элита — правящая верхушка. Группа людей, облеченных властью. Так уж получается, что за счет выполнения распорядительной деятельности они имеют большие возможности, чем остальные. И употребить эти возможности себе во благо очень легко, даже не считаясь с интересами остальных или вообще вопреки им. Тут не только мздоустройство и казнокрадство. Кумовство, сведение счетов с неудоб-

ными, пренебрежение обязанностями ради удовольствий. Тысячи приемов использования служебного положения в личных целях наработано и описано. — Ри хитренько так посмотрела на Гошку. — И как с этим совладать?

— Вообще-то ты не первый раз мне это толкуешь на разные лады. Только на поставленный вопрос отвечу честно: ума не приложу. Обличения — и те не помогают. Правда, у нас, когда жалуются на чиновников, всегда вспоминают Сталина.

— Террор в отношении элиты, это ты имеешь в виду? — Ри просто светится от удовольствия. — Так вот, члены императорской фамилии и есть главные террористы Рысской империи. Мы не видны, но повсюду. Наши лица немногим известны, наши занятия и место пребывания никому неведомы. То, что происходит в стране, не скроет от нас ни один, даже самый искусный составитель оптимистических докладов.

Родня императора — проклятие каждого недоброжелательного или вороватого чиновника. Среди нас — специалисты во всех сферах. Так что «навесить нам на уши лапшу» затруднительно даже самому искушенному вруну. Слишком уж много пощупали мы своими руками. — Ри снова лучезарно улыбнулась, используя земной жаргонизм, употребленный Гошкой при их первой встрече.

— Потопали своими ногами, простучали своими лбами, просидели своими задами, — продолжил Гошка, приняв ироничный тон супруги. — Да, ребяташки вы серьезные. И, ведь надо же, кажется, это получилось. Но ведь столько хлопот!

— Это ты тонко подметил. Работать вообще очень хлопотно. А труд управленца — один из самых непростых. — Ри уже откровенно ластится. Ладно. Сначала желания женщины, разговоры позднее. Хотя, кажется, он сам сегодня собирался инициировать этот вид общения.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	16
ГЛАВА 4	20
ГЛАВА 5	28
ГЛАВА 6	41
ГЛАВА 7	46
ГЛАВА 8	57
ГЛАВА 9	73
ГЛАВА 10	85
ГЛАВА 11	89
ГЛАВА 12	95
ГЛАВА 13	108
ГЛАВА 14	115
ГЛАВА 15	124
ГЛАВА 16	136
ГЛАВА 17	149
ГЛАВА 18	164
ГЛАВА 19	174
ГЛАВА 20	189
ГЛАВА 21	197
ГЛАВА 22	204
ГЛАВА 23	217
ГЛАВА 24	226
ГЛАВА 25	237
ГЛАВА 26	245

ГЛАВА 27.	251
ГЛАВА 28.	261
ГЛАВА 29.	268
ГЛАВА 30.	280
ГЛАВА 31.	289
ГЛАВА 32.	301
ГЛАВА 33.	310
ГЛАВА 34.	318
ГЛАВА 35.	328
ГЛАВА 36.	337
ГЛАВА 37.	350
ГЛАВА 38.	363
ГЛАВА 39.	374
ГЛАВА 40.	383
ГЛАВА 41.	393
ГЛАВА 42.	402
ГЛАВА 43.	417
ГЛАВА 44.	431
ГЛАВА 45.	439
ГЛАВА 46.	449
ГЛАВА 47.	458
ЭПИЛОГ	467

Литературно-художественное издание

Калашников Сергей

ЧЕТВЕРТАЯ ДОЧЬ ИМПЕРАТОРА

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Литературный редактор *Е. Самойлова*
Художественный редактор *А. Матвеев*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Е. Кумшаева*
Корректор *Н. Понкратова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 02.07.2010.
Формат 84x108 ¹/₃₂. Гарнитура «Гарамонд».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,2.
Доп. тираж 3000 экз. Заказ №4002430

Отпечатано на ОАО «Нижполиграф»,
603006 Нижний Новгород, ул.Варварская, 32.

ISBN 978-5-699-42825-0

9 785699 428250 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**

E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
International@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,**

обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.

Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.

Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.

Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».

Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.

Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.

Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровский, д. 3а.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

НАШ ЧЕЛОВЕК В ПАРАЛЛЕЛЬНОМ МИРЕ

В городском парке студент Георгий Куксин заблудился по вполне банальной причине — с перепоею. Однако на этом банальности закончились. Потому что он очутился в Посейдонии. В параллельном мире. В котором совсем нет электричества, потому что неправильная физика.

Зато там есть неправильная Империя, неправильный император (и такая же монаршая семейка), неправильный порядок, больше похожий на коммунизм, и неправильная война, в которой Куксе, как обзовут Гошку на флоте, предстоит стать неправильным героем...

И кто сказал, что все это ему не понравится?

С самой первой минуты и с самой первой встречи.

И кажется, на всю оставшуюся жизнь...

НОВЫЕ ГЕРОИ

ISBN 978-5-699-42825-0

9 785699 428250 >

ЭКСМО